

Олег Жиганков

РИМСКИЙ ЛАБИРИНТ

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

Откровение Иоанна Богослова, глава 13, стих 18

Часть I

Пролог

1798, 10 февраля, Рим

Кардинал Карло Реззонио, камерленго, или управляющий Римской церкви, тревожно вглядывался в ночную мглу над Римом с верхней палубы актуарии — точной копии римской галеры времён Пунических войн. Корабль построили для речных прогулок папы Браски, Пия VI, и сам он должен был вот-вот пожаловать на борт. Воздух над Тибром стоял холодный и сырой, и кардинал время от времени передёргивал плечами, стараясь согреться.

«И была густая тьма по всей земле Египетской три дня», — пробормотал он себе под нос. И трёх дней было бы недостаточно, чтобы спрятать сокровища Церкви. А ему предстояло сделать это за одну ночь! Конечно же, пришлось выбирать лучшее из лучшего, с болью в сердце оставляя редчайшие сокровища. Но что было делать, когда над Римом разразилась такая гроза?

Актуария, корму которой украшала фигура титана Океануса с трезубцем в руке, достигала двадцати пяти метров в длину, а высокая посадка делала корабль не только вместительным, но и удобным для речных манёвров: гребцам, располагавшимся высоко над водой, не надо было широко расставлять вёсла, как на обычных галерах, поскольку они использовали силу рычага. Несколько часов назад, как только над Римом сгустились сумерки и туман, корабль почти бесшумно проплыл через городские кварталы и опустил якоря на самом изгибе реки у городской окраины.

Кардинал бросил взгляд на сходни, перекинутые с нижней палубы корабля в едва заметное отверстие в высоком, заросшем деревьями и кустарником склоне берега. Если бы не тусклый свет, льющийся из глубины пещеры, её вряд ли можно было заметить. Свет то появлялся, то исчезал, будто сигнализируя кому-то. Кардинал Реззонио знал, что это происходит оттого, что проход то и дело загораживают своими широкими спинами носильщики, перетаскивающие с корабля тяжёлые сундуки. Им приходилось кланяться, чтобы войти в жерло туннеля. Кардиналу были слышны шаги грузчиков — гребцов актуарии, — слышно было даже их тяжёлое после четырёх часов работы дыхание. Но голосов не было — они получили строгие указания работать молча, не переговариваясь. Это было нелегко для тридцати здоровых и весёлых итальянцев, которые привыкли болтать без умолку, даже работая вёслами.

Но они знали, что с корабля, и с берега, и из глубины пещеры за ними пристально следят швейцарские гвардейцы, которые могут хорошенько поддать под бок тяжёлой деревянной ручкой алебарды или стукнуть по спине плоской стороной меча. К тому же папа Браски лично обещал им щедрую награду за труды и молчание. Им было сказано, что в тяжёлых, закрытых

сундуках, которые они тащили по коридору, а затем располагали вдоль стен огромного круглого зала, находятся книги — им даже показали какие-то книги, открыв один из ящиков. Но бряцание, которое раздавалось из большей части сундуков, а также их вес выдавали их истинное содержимое. Впрочем, говорить они об этом, как и ни о чём другом, не могли, а потому только обменивались многозначительными взглядами и хотели поскорее закончить работу и убраться домой, подальше от этих мрачных стен и грозных сводов подземелья.

«Но где же застрял Браски?» — думал кардинал, вглядываясь, вслушиваясь в осязаемую речную тьму.

Он недолюбливал папу, считая его во многом ответственным за те катастрофы, что постигли Церковь в последнее время. Папская власть, под сенью которой некогда раболепно покоились владыки земные, находящиеся в её услужении, более не была ни грозна, ни сильна — даже у себя дома, в Италии, в Риме. Церковь, державшая некогда в своих руках суды над королями и народами, теперь сама должна была предстать на суд. И на чей! На суд этого выскочки, этого корсиканского пирата, который два года назад присвоил себе церковное имущество всей Франции, а затем во главе разбойничьей армии, которую назвал Французской республиканской, вторгся в Италию и разбил папские войска. *Mali fuere Germani, reiores Itali, Hispani vero pessimi* — вспомнились кардиналу слова, ставшие в Риме, пережившем в последние века немало вторжений, поговоркой: германцы были плохи, итальянцы ещё хуже, но самыми ужасными оказались испанцы. А вот теперь им надлежало ещё узнать, каково оказаться в руках французов!

Год назад папа Браски послушал совета кардинала Реззониго и запросил у Бонапарта мира. И всё было бы хорошо, если бы в декабре папа не совершил трагическую ошибку — он поверил слухам о разгроме и гибели Наполеона под Веной и, несмотря на предостережения Реззониго, поспешил расправиться с расквартированным в Риме французским посольством. В ходе этой расправы был убит и сам полномочный посол Франции в Риме — популярный французский бригадный генерал Леонар Дюфо, которого Бонапарт особенно отличал.

Наполеон, оказавшийся живым и здоровым, не замедлил на это отреагировать. Утром надёжный источник сообщил кардиналу, что французская армия движется в сторону Рима, находясь самое большее в двух днях пути от него. Во главе армии находился сам генерал Бертье — единственный гугенот во всём высшем командовании Наполеона. Это был еретик, полагающий, что папа есть сын погибели, человек греха, усевшийся на престоле в доме Божиим. Ясно, почему Наполеон послал генерала-гугенота — он точно снимет с Браски его обрюзгшую голову.

А когда эта голова покатится, думал кардинал, курия будет распущена, и вся формальная власть перейдёт коллегии кардиналов. А он, кардинал Реззониго, являясь камерленго, или казначеем Церкви, займёт Седе Ваканте — пустующее место папы! Если, конечно, его собственная голова уцелеет. Но зачем французам его голова? К тому же он предпринял необходимые меры — во дворе палаццо его дожидалась небольшая армия телохранителей, с которой он отправится на юг Италии. Вряд ли Бертье станет его преследовать. Да и не вечно же французам быть у власти! Когда-нибудь они уберутся... От этих мыслей кардиналу Реззониго стало как будто немного теплее и спокойнее.

«И всё-таки, где же Браски? — спустился он с небес на тёмную палубу корабля. — Наверное, не может оторваться от неё».

Кардинал поймал себя на мысли, что вслед за Браски он сам начал говорить о ней как о человеке, как о женщине. Впрочем, к женщинам Браски так сильно не привязывался. Кардинал ухмыльнулся, вспомнив, как недавно он принёс и прочитал папе новую повесть маркиза де Сада под названием «Джульетта», в которой некая молодая женщина, придя на аудиенцию к папе, которого она называет по имени — Браски, напоминает ему о тех

необузданных сексуальных фантазиях, что осуществляли, пользуясь своим высоким положением, его предшественники. Повесть заканчивалась сценой дикой оргии с Джульеттой, показавшейся Браски весьма забавной, поскольку вмещала в себя всё то, о чём сама Джульетта говорила...

Кардиналу показалось, что он слышит звук вёсел. Он взглянул в сторону, откуда доносились звуки. Швейцарцы на палубе тоже завертели головами. Через минуту из тумана вынырнул тёмный силуэт большой лодки, и гвардейцы кинули вниз верёвки.

«Ну наконец-то!» — с облегчением вздохнул кардинал.

Он поспешил спуститься на нижнюю палубу, чтобы приветствовать святого отца. Вспыхнул свет — двое гвардейцев зажгли факелы, и кардиналу не нужно было идти на ощупь. Он подоспел как раз вовремя: гвардейцы крутили закреплённый у правого борта подъёмник, и папа Пий VI, как призрак, выростал из тёмной речной бездны. В дрожащем свете факелов показалось сначала нездоровое, опухшее лицо, увенчанное меховым беретом, а затем вся его грузная фигура, запахнутая в тёплую серую тунику с меховым воротником. Двумя руками Браски прижимал к груди какой-то свёрток. Сердце кардинала Реззониго на миг замерло и потом забилось часто-часто. Это была она.

Прежде чем кардинал успел приблизиться к папе, капитан швейцарцев Франц фон Алтишофен обхватил грузного папу, приподнял с деревянной платформы подъёмника и мягко опустил на палубу корабля. Капитан был силен и отважен, как лев, и был единственным доверенным папы, что вызывало немало ревности и пересудов. Даже ему, кардиналу Реззониго, Браски не доверял так, как этим швейцарцам.

— Немедленно завершайте работу! — раздражённо закричал Браски, едва его ноги коснулись палубы. Приветствия кардинала он игнорировал.

— Но мы ещё не закончили, — возразил кардинал. — Людей мало, и все они уже устали. Потребуется ещё часа два, чтобы разгрузить корабль, а нам надо сделать по крайней мере ещё один рейд.

— Я сказал — заканчивай работу! — закричал, почти зарычал Папа. Его обычно обвисший подбородок грозно затрясся.

— Однако... — попытался возразить кардинал, но Браски бросил на него такой лютой взгляд, что тот осёкся.

— Бертье на подходе к городу, — с трудом шевеля губами, произнёс он.

Кардинал Карло Реззониго замер от изумления и страха. «Так быстро! Значит, всё это действительно происходит, всё это — неизбежность?» — думал он. До этого момента у него ещё теплилась надежда, что им удастся как-то договориться, откупиться. Но зачем этому еретика, позади которого шла огромная армия, о чём-то договариваться? Что такого он не может взять без переговоров? Хотя... Глаза кардинала невольно скользнули к свёртку, который Браски держал на руках, как ребёнка. Но и этот быстрый взгляд не утаился от выцветших, рыбьих, но оттого не менее ревнивых глаз Браски. Кардинал опустил глаза.

— Что делать с оставшимися сундуками? — тихо спросил он.

— В воду! — скомандовал Браски.

— Но там не только золото, — попытался возразить кардинал. — Остались ещё сундуки с рукописями, и их нельзя в воду.

— В воду! Всё в воду! — снова закричал Браски.

Кардинал помедлил немного, собираясь с духом, и спросил, стараясь не глядеть на свёрток в руках папы:

— А что делать с нею?

Кардинал не осмелился назвать её по имени. Ещё недавно он отдал бы всё, чтобы завладеть ею. Но теперь она могла принести только несчастье. И, несмотря на это, он всё равно желал её. Может быть, оттого, что верил или хотел верить древнему пророчеству о ней: о том, что ей предстоит потеряться в грозное время нашествия с севера, а потом, через какое-то время, найтись. Нашедший её станет величайшим папой из всех, когда-либо занимавших Престол святого Петра! Нашедший её вернёт Церкви прежние блеск и могущество, сокрушит всех врагов и воцарится над миром, подобно великим государям древности! Очевидно, что теперь сей самый час: настало время ей исчезнуть...

Он посмотрел на Браски и понял, что тот читает его мысли. Впрочем, это было легко — и кардинал, и папа помнили и о том, что, согласно пророчеству, папа, потерявший её, будет уведён в плен и умрёт в неволе, созерцая самую большую в истории катастрофу Церкви. Внезапно папа оторвал свёрток от груди и резко, с напряжением протянул его кардиналу.

— Иди и посади её на трон, — сказал он.

Кардинал затрясся мелкой дрожью. Собранный с силами, он взял протянутый ему свёрток. Даже не разворачивая, не глядя внутрь, он сразу почувствовал, что это действительно была она. Он замер, застыл на месте — от страха и гордости.

— Что стоишь? — крикнул на него Браски. — Иди, — махнул он в сторону тускло светящегося входа в подземелье. — Или Бертье дожидается?

Последние слова Браски вывели кардинала из оцепенения, а мысли о скором отъезде из этого страшного города придали ему дополнительные силы, и он шагнул на шаткий мостик, ведущий в пасть пещеры.

— Глупое пророчество... — услышал он позади себя злобный шёпот Браски.

Кардинал оглянулся назад, хотел что-то сказать или спросить, но позади уже выросла огромная фигура капитана швейцарских гвардейцев. Фон Алтишофен тоже держал что-то в руках. «Шкатулку», — пригляделся кардинал. Он набрал в лёгкие побольше воздуха, будто собирался нырять, и пошёл по шатающемуся мостику. Хотя он и старался не смотреть по сторонам, но всё же видел, как гвардейцы поднимают из лодки на палубу корабля и катят в сторону мостика какие-то бочки.

«Что такое они грузят? — беспокойно подумалось кардиналу. — Что может быть ценнее рукописей?»

Он приблизился к пещере и ступил на твёрдую землю. Но страхи его от этого не рассеялись: вместе с извечным, терпким запахом земли в него, казалось, ворвались грозные слова Бога: «Прах ты, и в прах возвратишься!»

Собранный с силами, кардинал вступил на путь, которым сотни и тысячи лет ходили священники, служащие в подземном храме Артемиды. Со времени нашествия варваров храм оставался заброшенным, забытым, и все прочие подходы к нему были давно разрушены, что делало его идеальным потайным местом. Кардинал Карло Реззониго сделал несколько шагов, остановился в нерешительности и посмотрел назад — туда, где чернел выход, где царил свежий ночной воздух. Ему захотелось бросить свёрток наземь и бежать, бежать от этого проклятого места! Но уже через мгновение выход закрыла широкая фигура капитана фон Алтишофена. Кардинал тяжело вздохнул и поплёлся во чрево земли.

Глава 1. Знакомьтесь: Анна

Я слышал число.

Откровение Иоанна Богослова, 9:16

2007, 2 сентября, 00:15, Москва

Анна затаилась, замерла на дне глубокой круглой ванны, и на мгновение ей показалось, вспомнилось, будто она — дитя, явившееся невесть откуда, беспечно дремлющее в тёплой утробе матери. Она действительно хотела бы сейчас погрузиться в отрадную нирвану плода, испытать безболезненность и покой, которые доступны лишь чистому листку ещё не явившейся на свет жизни. Она слушала тишину и желала тишины ещё большей — совершенной Тишины. Ей не хотелось вновь родиться в мир — не сейчас. Если бы она только могла, Анна остановила бы течение своих собственных мыслей, отключила, хотя бы на ночь, услужливый до навязчивости компьютер сознания.

Иногда ей это действительно удавалось. Но в другой раз вместо тишины из разверстой перед ней бездны до Анны доносились отголоски музыки Вселенной, преломлённые в её сознании в игру чисел. Они кружились перед нею в испулённом танце, оказывая ей великую честь заглянуть в замочную скважину иного мира, быть восхищённым свидетелем вселенского совершенства. В такие минуты Анна одновременно страшилась двух вещей — потерять рассудок и спугнуть, прервать этот восхитительный танец разума. Иногда ей удавалось запечатлеть кое-что в блокноте, который обычно был где-то недалеко от неё, и тогда белые листы бумаги покрывались понятными только ей рисунками, именно рисунками из формул и цифр. Анна принадлежала к той загадочной древней касте, которую в разные времена именовали по-разному — магами, астрономами, математиками, а недавно перекрестили в программистов. Она писала поэмы из цифр, а цифры Пифагор называл языком Вселенной.

Но на этот раз Анна не искала никаких озарений. Она хотела хотя бы согреться — сентябрь только начался, но на улицах Москвы было уже холодно. «Надо бы купить обогреватель», — промелькнула привычная мысль. Впрочем, она понимала, что вечная её зябкость происходит не от прохлады снаружи, но от холода внутри. Анна подняла голову над водой, сделала глубокий вдох и опять скрылась под тёплым водным одеялом. Она вдруг вспомнила, как Архимед однажды нашёл вдохновение в ванне, а потом бегал нагишом с криком «эврика» — «я нашёл» — по улицам Сиракуз. «Вот и я сейчас так побегу, — подумала она, — напрямик в кровать, и надо постараться не растерять тепло и поскорее уснуть».

Коллеги Анны в шутку называли её Софьей Ковалевской, намекая тем самым не только на математический гений Анны, но и на странности её личной жизни — как будто они могли и в самом деле что-то знать об этом. Впрочем, Анна им легко прощала такие мелочи. В конце концов, её уважаемые коллеги, элитные мозги которых были собственностью отдела электронной разведки, учёные, имевшие доступ к мощнейшим компьютерам в стране и самому современному программному обеспечению, часть которого они сами же и создали, были, можно сказать, мальчишками и девчонками, вчера ещё игравшими в компьютерные игры. Их блестящие, как драгоценные камни, умы были отточены математическими олимпиадами и годами занятий в спецшколах. В свои двадцать шесть лет Анна была по возрасту и по положению самой старшей в отделе, выдающем себя за статистический отдел одной из уважаемых столичных торговых компаний. Она была здесь единственным «взрослым» человеком — то есть обладала достаточным здравым смыслом, одевалась

более официально и строго и с уважением именовалась по имени и отчеству — Анной Андреевной. Впрочем, её имя-отчество ассоциировалось у Анны более с именем известной поэтессы, чем с отцом, которого она не знала.

Анне было интересно находиться в пёстром окружении нестандартных молодых умов, у неё были все условия для полноценной творческой работы. Однако с некоторых пор в ней начала нарастать глубокая неудовлетворённость собою, подводящая к черте, за которой начиналась депрессия. Впрочем, сама Анна это тщательно скрывала. Её начала тревожить мысль, что, как бы ни называлась её должность, она жила тем, что «совалась» в те места, где ей были совсем не рады. Одно время ей это даже нравилось — нравилось, что для неё не существовало дверей, в которые бы она не могла заглянуть. Но теперь дело заходило слишком далеко.

Если раньше их отдел занимался шпионажем за учреждениями, добывая разного рода информацию, которая, как утверждал её босс, генерал Смирнов, необходима для обеспечения безопасности государства, то теперь перед ними была поставлена более широкая задача — разработка новой системы для регулярного считывания и анализа данных, хранящиеся на компьютерах пользователей. Генерал Смирнов говорил, что это необходимо «для предотвращения актов терроризма и других подозрительных активностей». Анне казалось, что такая категория, как «подозрительная активность», является слишком широкой, и она всё чаще задумывалась о том, куда дальше пойдет полученная информация.

Её коллеги, похоже, не испытывали подобных терзаний, но Анна уже вступала в тот возраст, в котором человек ясно видит, что само выживание индивидуума, неслиянность с массой других людей зачастую зависит от самой простенькой занавески, за которой можно хоть как-то укрыться от посторонних глаз. Новый курс отдела ставил своей задачей эту «занавеску» сорвать. Анне казалось, что это может в конечном счёте привести к тому, что люди превратятся в рабочих животных, вступят в эпоху постиндустриального рабства. Она чувствовала, как это происходит с нею самой: каждое сказанное слово, каждый удар пальцев по клавиатуре компьютера, каждый её шаг где-то фиксировались и в любой момент могли быть воспроизведены, использованы против неё. Иногда, даже в самом строгом деловом костюме, Анна чувствовала себя раздетой.

«Но ведь всё это делается для моей собственной безопасности и для блага страны», — пыталась она усвоить навязанную формулу. Но как она могла знать, служит ли их отдел важным интересам страны или же интересам кого-то ещё? С некоторых пор Анна сомневалась, что интересы государства и тех, кто пытается им править, всегда совпадают. Прежде она была с головой погружена в свою работу, в которой находила и утверждала себя, но теперь всё чаще и чаще её посещало тревожное чувство, что её жизнь зашла в тупик...

Этой ночью ей не хотелось думать о тупике. Она устала, ей было холодно и одиноко, и единственным местом, сулившим хотя бы на время укрытие, была тёплая ванна. Анне хотелось, чтобы время поскорее и безболезненно прошло мимо неё. Нечто похожее наверняка испытывали загнанные в угол злою судьбой римляне, когда, сидя в тёплой воде, вскрывали себе вены и смотрели, как медленно утекает из них жизнь, окрашивая воду в мутно-красный цвет. Ей вдруг вспомнились белые стихи Михаила Кузьмина:

В тёплой, душистой ванне,

Не слыша никаких прощаний,

Открыть себе жилы,

И чтоб в длинное окно у потолка

Пахло левкоями, светила заря

И вдали были слышны флейты...

Ещё до того как поднять голову из воды, вместо флейты Анна услышала ненавистный ей звук. В её жизни было всего два ненавистных звука: стук в дверь, особенно громкий стук, и звонок её рабочего телефона. Она сменила множество сигналов и мелодий, но все они в скором времени делались ненавистны ей. Анна набрала в лёгкие побольше воздуха и вновь ушла под воду. Она попыталась расслабиться, но даже через толстое «одеяло» воды были слышны переливчатые трели телефона. Теперь ей надо было вылезать из тёплой ванны и тащиться в другую комнату, чтобы ответить на назойливый звонок. Семь долгих гудков. Восемь... Неужели они не могли дождаться утра? Девять...

«Ни за что», — сказала Анна самой себе. Однако уже в следующий момент её тело, как бы само по себе, поднялось из воды, и Анна побежала в зал, оставляя на паркете мокрые следы от босых ног.

Прежде чем взять телефон, она быстро взглянула на светящийся циферблат электронных часов на стеклянном столике. Они показывали 00:19:17.

— Алло, — сказала Анна.

В ответ раздался холодный, лишённый почти всяких интонаций голос одной из секретарш её босса. Анне было велено явиться к нему в шесть часов утра.

— Доброй ночи, — пожелал Анне в заключение безразличный голос.

Анна посмотрела на часы: 00:19:32. Потребовалось всего лишь пятнадцать секунд, чтобы отравить остаток ночи. Сам факт необычно позднего звонка, да и приказ явиться к генералу в шесть часов утра в воскресенье ничего хорошего не предвещали.

«Похоже на вирусную атаку», — не без злорадства подумала Анна. В последнее время их отдел занимался исследованием нового компьютерного вируса, который по сложности походил на молекулу ДНК высших организмов и, попав однажды в систему, мимикрирует под нее, так что невозможно бывает ни различить, ни выделить вирус от системы.

Анна быстро засеменила назад, в ванную, поймав краем глаза движение собственной фигуры в чёрном зеркальном экране плоского телевизионного монитора. «Какая расточительность, — язвительно кольнуло Анну её отражение. — Зачем такое тело было давать электронному червю?!»

Анна прикусила губу, но ничего отвечать не стала и прошла мимо.

Глава 2. Блестящее падение

Не будь яда, не было бы и противоядия.

Джованни Пико делла Мирандола

(1463–1494)

1990, 17 февраля, Москва

Анна никогда не забудет тот белый, бодрящий, блестящий зимний вечер, когда мама взяла её

с собою на один из открытых катков, которых, несмотря на перестройку и общее неустройство, в Москве в ту зиму залили много. Музыка и звуки голосов казались Ане какими-то особенно громкими и радостными. Разноцветные огни прожекторов, закреплённых высоко на столбах и привлекавших стайки кружащихся в танце снежинок, делали воздух сказочно-волшебным, словно заряжали его светящимся электричеством.

Аня бывала на катке и прежде, но кататься толком не умела. Вообще, сама себе Аня казалась неуклюжей. Она помнит, как стояла в тот вечер на льду, а руки в коричневых вязаных рукавичках никак не хотели отпускать забор, окружавший каток. Она стояла и смотрела, как острым металлом коньки катающихся нарезают на льду причудливые геометрические узоры.

— Аня! — услышала она волшебный голос, и в тот же момент сноп серебряных искр осыпал её с ног до головы. Красивая молодая женщина в голубом спортивном костюме, резко затормозившая в полуметре от Анны, была её мама, Света. Анна не могла не восхищаться её красотой и свежестью. Она была совсем иной, чем родители других девочек, которых знала Анна.

— Давай скорее руку! — мама была весела, и её голос звучал по-мальчишески задорно.

— Не бойся! — Анина рука в рукавичке оказалась в маминой ладони. — Держись!

Анна разжала вторую ладонь, которая была всё ещё на заборе, и её тело начало двигаться, набирая скорость, смешиваясь с другими людьми, сливаясь с весёлой и беззаботной толпой. Здесь, на катке, всё, казалось, дышало надеждой на светлое будущее. Это был юбилейный, 1990-й, год, и Ане было девять лет. Казалось, что впереди её ожидала яркая и интересная жизнь, такая же весёлая и праздничная, как этот каток.

— Молодец, молодечик, Анечка! — слышался мамин голос. — Ты прямо прирождённая фигуристка. Если захочешь, сможешь стать чемпионкой мира, как Ирина Роднина.

Слова матери ободрили Аню. Она летела над ледяной гладью — быстрее и быстрее, навстречу слепящим огням, и чувствовала, как всё вокруг неё движется. По улицам мчались, сигналя и рыча, автомобили, планеты стремительно неслись по своим орбитам, обусловленным притяжением и инерцией, и так же, как они, отдавшись законам Вселенной и забыв про себя, Анна двигалась теперь грациозно и правильно, под звуки волшебной музыки Чайковского в колющем, хрустящем воздухе, наполненном неисчислимым количеством искрящихся снежинок и микроскопической и ледяной пылью, кружащей Ане голову. Ей казалось, что всё в этом мире происходит не случайно, и с восхищением она отдалась этой нечаянной радости. Пока она будет катиться, пока сохранит своё равновесие, всё в этом мире будет идти хорошо, говорила она сама себе. Если же она потеряет равновесие и упадёт, то небеса свернутся, как свиток, и звёзды падут с неба, как падали снежинки. Но зачем ей останавливаться? Она будет катиться и катиться ; вечно! В первый раз в своей жизни Анна прикоснулась к самой непостижимой математической величине ; к бесконечности. Даже если эта бесконечность и длилась всего лишь мгновение.

Мама уже давно отпустила руку Ани, но девочка продолжала двигаться так же легко и свободно. На этот раз чудо жило в ней автономно, и Аня чувствовала себя так, как, должно быть, чувствуют молодые орлята, когда в первый раз им удалось поймать под крылья ветер. В этот миг Анна испытала чувство полного, фундаментального счастья, будто чья-то невидимая рука коснулась скрытых струн её души, и дрожание этих струн наполнило всё её тело дрожью, пустило его в резонанс. Только могло ли тело это выдержать? Могло ли тело вместить сразу столько радости? Радости, которой хватило бы, наверное, на двадцать жизней. Анна не знала более, спит она или бодрствует, в сознании или вне его. Она уже не видела катка, праздничную толпу, и даже яркий свет прожекторов как-то потускнел в

сравнении с её радостью. Она поднималась все выше и выше в свинцовое московское небо к манящей дальней звезде, которая была, как ни странно, одна на всём бескрайнем небе...

Пробуждение пришло неожиданно, но реальность встретила маленькую Аню другим сладким видением. Аня смотрела прямо в чьи-то глаза, всматривалась в лицо, которое показалось ей совершенно удивительным. Аня так и не смогла вспомнить, как оно выглядело, было ли это лицо мужчины или женщины. «Может, это ангел?» — подумалось ей. Аня не могла поверить, что не спит, и прикрыла глаза. Когда она их открыла, лица больше не было. Она видела людей, стоящих вокруг неё, как деревья в лесу, и поняла, что лежит на льду.

— Ты в порядке, Анечка? — это был голос ее мамы. Может, это ее лицо Аня видела только что? Нет, это было другое лицо. Мамино лицо было буднично, казалось почему-то очень взволнованным и даже испуганным.

Аня прослезилась, но ничего не могла сказать.

— Тебе больно? — в глазах матери она видела страх. Аня не понимала, о чём беспокоится, чего боится мама. Ведь всем на свете должно быть так хорошо! Всё на свете так здорово и так правильно! Неужели взрослые этого не видят?

— Я в порядке, мамочка, — сказала Аня.

— У тебя что-нибудь болит? — спросила мама, помогая ей подняться.

— Да нет же, — улыбнулась Аня. Окружающие к тому времени поняли, что «скорую помощь» вызывать не надо, и влились назад в пёструю шумящую толпу. Мама увела Аню домой, потому что все говорили, что упала девочка прямо на спину, ударившись головой об лёд.

Утром мама повела Аню в больницу, к травматологу, кустистые брови которого Анна помнила со времён вывихнутой год назад руки. Травматолог, к Аниной радости, на этот раз ничего дёргать не стал, а послал её к неврологу.

— А там ничего не будут дёргать? — спросила девочка, прощаясь с пушистыми бровями.

— Не будут, — губы пожилого доктора растянулись в неожиданно доброй улыбке. — За голову тебя никто не будет дёргать. Но надо посмотреть, что в ней происходит. Нет ли там сдвигов?

— А если там есть эти сдвиги, — поинтересовалась Аня, — что тогда будет?

— Тогда будем тебя лечить, — уверил её доктор.

— Вы? — Анна посмотрела на него в недоумении.

— Нет, я только кости вправляю, — засмеялся он. — Мозги вправляют другие.

Невролог сделал Анне энцефалограмму мозга, а потом долго и задумчиво исследовал график с десятком прыгающих вверх-вниз линий и пришёл к заключению, что есть необычные волны мозговой активности; особенно в те периоды, когда он заставлял Анну учащённо дышать. Травма была незначительной, но в результате обследования оказалось, что Анна страдает одной из форм лобной эпилепсии.

— Есть сотни разновидностей эпилепсий, — объяснял пожилой нейрохирург, обследовавший Аню в течение следующей недели. — У Анны, я могу с уверенностью сказать, детская абсансная эпилепсия.

— Детская эпилепсия? — недоумённо воскликнула Светлана.

— Да, детская, — кивнул доктор. — Она может пройти, а может остаться на всю жизнь. Скажи-ка мне, Анечка, ты помнишь, как упала?

Анна помотала головой.

— И как ты себя чувствовала в тот момент?

— Хорошо, — ответила она. — Я чувствовала себя очень хорошо. Было так весело! Я научилась кататься — у меня хорошо получалось.

— А потом? — поинтересовался доктор. — Что случилось потом?

— Потом? — Аня стала припоминать. — Потом мне будто приснился сон — очень прекрасный сон... А затем я проснулась, и надо мною стояла мама. Мне было совсем-совсем не больно.

— Вот видите, — вздохнул доктор. — Человек с данной формой эпилепсии может, так сказать, заснуть на ходу — и, возможно даже, как говорит Анечка, видеть сны.

Правда, насколько мне известно, сами больные никогда не припоминают ни своих снов, ни чего-либо странного в своём поведении. Возможно, Анечка запомнила свой сон только потому, что её от него в буквальном смысле слова разбудили.

Он объяснил Светлане, что причина кроется в генетике человека и что примерно один из пятидесяти тысяч человек страдает этой редкой разновидностью болезни.

— Обычно абсансная эпилепсия не представляет никакой опасности, — добавил он, успокаивая Светлану. За эту неделю он успел привязаться к красивой маме и её дочке. — Но приступ может застигнуть больного за управлением транспортным средством, например, или на улице, в потоке движения... Понимаете, о чём я говорю?

— Приступы? — Светлана побледнела.

— При детской абсансной эпилепсии человек не падает на землю, не трясётся, не теряет сознания, — постарался успокоить её доктор. — Окружающие обычно даже не замечают, что у человека приступ и что на какие-то секунды, реже — минуты, его просто... нет.

— Как это ; нет? — не поняла Светлана.

— А вот так: человек как бы есть, и дышит, и сидит, — а его там нет. Он ничего не видит, ничего не слышит, не воспринимает. А потом вдруг возвращается, как ни в чём не бывало, и даже сам не знает, что с ним было что-то не то.

Светлана со страхом подумала о том, что может случиться с её дочерью, если приступ застанет её в самое неподходящее время в самом неподходящем месте. Её разгорячённая фантазия рисовала перед ней сцены одна мрачнее другой.

— И каков же прогноз болезни? — спросила она, наконец собравшись с силами.

— Прогноз достаточно оптимистический, — поспешил заверить её доктор. — Около семидесяти процентов страдающих от детской абсансной эпилепсии к семнадцати–восемнадцати годам полностью от неё излечиваются. Но есть одна закономерность... — добавил он нерешительно.

Светлана внимательно смотрела в серые, немного мутные глаза доктора.

— Обычно вылечиваются те, у кого эпилепсия проявилась до девятилетнего возраста, — констатировал врач. — Ваша девочка находится в категории повышенного риска, и очень

важно, чтобы мы сделали всё для снижения опасностей. Возможно, эпилепсия у неё уже не первый год. Её трудно, иногда невозможно бывает увидеть, распознать.

Светлана вспомнила, что не раз замечала, как Аня тихонько сидела, в задумчивости глядя в одну точку. В такие минуты она её старалась не беспокоить. Сейчас она жалела об этом. Вспомнила она и об Аниной привычке все считать, которая раньше казалась Светлане забавной. Аню иногда как будто заклинивало на цифрах, она словно проваливалась в другой мир.

— А остальные тридцать процентов? — спросила Светлана. — Что бывает с ними?

— Они живут с этим всю жизнь, — ответил доктор. — Притом, — добавил он доверительно, — ряд специалистов связывают это заболевание с наличием у человека особенных интеллектуальных способностей. Например, есть такой известный американский психиатр, Дэвид Биэр ; «медведь» по-русски. Ведущий эксперт в изучении лобной эпилепсии. Он пишет, что повышенная активность определённых участков мозга, как в случае с детской абсансной эпилепсией, играет важную роль в развитии творческого мышления. Он даже заявляет, что лобная эпилепсия может заставить человека пуститься на поиски таких величин, которые люди именуют истиной, или красотой, или славой. Я назову вам несколько имён людей, страдавших этим заболеванием. Это и Юлий Цезарь, и Бонапарт, и Ван Гог, Чайковский, Достоевский, Бетховен...

— Это всё хорошо, — прервала его Светлана. — Но все эти люди не жили в век автомобиля.

Она хотела лучше иметь синицу в руках — видеть дочь в здравии, — чем журавля гениальности в небе. Доктор был с нею совершенно согласен и прописал девочке препараты, которые должны были подавлять эпилептические приступы.

Отныне главным врагом Анечки сделался фенобарбитал, приняв который она уже не могла ни на чём сосредоточиться, ходила усталая и страшно хотела спать. Но более всего Аню угнетало то, что она совершенно не чувствовала себя больной и не понимала, в чём её болезнь проявлялась и от чего её лечат. Аня не понимала, почему она, когда не принимала таблеток, чувствовала себя так хорошо, и почему, приняв лекарства, едва волочила ноги.

У матери тоже ответов не было. Она всё чаще вспоминала чеховского «Чёрного монаха», главный герой которого также страдал определённым психическим расстройством, но, несмотря на это, был счастлив, влюблён, умён и плодотворен. Когда же болезнь удалось всё-таки вылечить, человек этот лишился любви, радости, а впоследствии — ума и жизни.

Аня долгое время жила в притуплённом полусне, с которым в конце концов совершенно свыклась. Она успела сделаться посмешищем для всего двора и школы, потеряв при этом и без того немногих друзей. Дети смеялись ей вслед, а некоторые умники, завидя её, падали на землю и изображали не то приступ эпилепсии, виденный по телевизору, не то припадки бесноватого. Анна слышала, как бывшие её подруги хихикают за её спиной, называют дурой. Она оказалась вытолкнутой за пределы повседневного человеческого мира. Там она и повстречала человека, который давно уже жил за этими пределами, и жил неплохо, — своего нового репетитора, мамину подругу тётю Майю.

Глава 3. Знакомьтесь: генерал Смирнов

Либо он умер, либо мои часы остановились.

Джулиус Генри «Граучо» Маркс

в комедии «День на скачках», 1937

2007, 2 сентября, утро, Москва

Анна озябла по дороге к метро, но как только её ноги ступили на эскалатор и на неё повеяло хорошо знакомой тёплой негой московского чуда, она перестала дрожать. Она с детства любила этот воздух, пропитанный запахом резины, электричества, духов, чистящих средств и ещё сотней других пролетающих мимо ароматов.

Анна любила аскетические станции, одетые в строгий серый гранит, но нравились ей и выполненные в стиле сталинского барокко народные дворцы-музеи с нарочито патетичными скульптурными композициями, разноцветной мозаикой, высокими сводчатыми потолками, расписанными сценами великих свершений и побед советского народа. Каждый москвич, каждый гость столицы некогда должен был усвоить из всей этой помпезной роскоши чувство глубокой благодарности за принадлежность к большому человеческому муравейнику, имя которому — Метро, Москва, Советский Союз.

Метрополитен был для Анны больше чем средство передвижения — он, словно пуповиной, связывал её с реалиями «настоящей» жизни. Глядя на лица окружающих, их походку, манеру поведения, Анна силилась представить, кем были эти люди, чем они занимались, о чём думали. Она постоянно признавалась себе в том, что, хотя хорошо была осведомлена о секретах корпораций, о жизни простых смертных ей было известно очень мало. У неё сложился узкий круг знакомств, и её двумя привычными маршрутами были дорога на работу и дорога к своей старой квартире, где теперь жила её мама. Анна с детских лет поместила себя в виртуальный мир, и когда теперь всматривалась в лица людей, вслушивалась в их разговоры, ей казалось, что она спит и видит сон.

В глубине души Анна мечтала о другой жизни — о той, которая иногда врывается в её окно с запахами майского дождя. Тогда её лёгкие раскрывались, как крылья ангела, и пьянящий кислород с жадностью поглощался ими, а кровь разносила всем страждущим членам и клеткам тела бодрящую, звенящую радость. Анна истосковалась по радостям, а может быть, даже и горестям обыденной жизни — жизни реальной, не виртуальной.

Она хорошо понимала, что вырваться из своей рутины ей не по силам, но жизнь людей манила её не меньше, чем манила она Снегурочку в известной пьесе Александра Островского. Страшила её жизнь ничуть не меньше, чем манила. Результатом этого внутреннего конфликта были подавленность и упадок сил, которые с некоторых пор стали неотъемлемой частью её существования.

Анна заглянула в покачивающуюся черноту за окном. Затем, как всегда не без некоторого удивления, поглядела на своё собственное отражение, летящее поверх этой черноты, через подземный коридор. Светло-зелёные, как весенняя зелень, глаза светились на её чистом лице, окаймлённом спадающими до плеч волосами цвета рыжей осени. Анна закрыла глаза, и ей вдруг показалось, что, как только она это сделала, её призрачное отражение за стеклом вагона осталось в глубине туннеля, а её саму поезд унёс дальше. Она открыла глаза и вздрогнула — её отражения действительно не было видно. Электропоезд въезжал на станцию.

В двери вагона, что были прямо напротив Анны, вошёл бомж. Наверное, после бессонной ночи где-нибудь на улице он дождался открытия метро, и теперь на какое-то время, пока его не вышвырнет милиция, будет наслаждаться теплом и покоем. Всем своим видом этот грязный пассажир неопределённого возраста молчаливо благодарил людей в вагоне уже за

то, что его принимают. Осмотревшись по сторонам, он на миг встретился глазами со взглядом Анны. Опытному, намётанному оку бомжа всё стало ясно — она не будет его гнать. Опустив глаза, человек пристроился на противоположной от Анны стороне скамейки.

«Почему он стал таким? — спрашивала себя Анна, закрывая глаза. — Алкоголик? Выгнали из дома? Или, может быть, произошло в его жизни какое-то другое несчастье?»

Когда поезд снова помчался по тёмному туннелю, Анна, чтобы отвлечься от своих мыслей, воспроизвела в голове точную копию схемы линий московского метрополитена — этот сложный лабиринт из двенадцати взаимосвязанных веток. Она даже помнила названия и расположение всех ста семидесяти трёх станций. Зачем, спрашивается? Ведь её собственный маршрут был почти неизменен.

Послышался храп, и Анна открыла глаза. Бомж на противоположном конце сиденья спал, а изо рта у него стекала слюна. Только сейчас Анна по-настоящему почувствовала, как сильно от него воняет. Решив, что человек этот не обидится, если она пересядет на другое место, Анна прошла вглубь вагона. Ей оставалось ехать три остановки.

Без четверти шесть Анна вошла в вестибюль красивого особняка, выстроенного в начале пятидесятих годов. Охрана её хорошо знала, но всё же Анне пришлось пройти через всю обычную рутинную проверку, сопряжённую с входом в офис компании. Прозвучала серия щелчков, и открылись тяжёлые железные ворота, пропуская её внутрь. Ни улыбок, ни приветствий, никаких других эмоций на лицах этих людей Анна никогда не видела. Она даже не без некоторого внутреннего возмущения восхищалась таким недоступным ей качеством.

Анна дошла до конца короткого коридора, где её ожидал второй пропускной пункт. Здесь она должна была ещё раз предъявить свои документы, затем сканировать пальцы и сетчатку и набрать известный ей одной код. Снова защёлкали замки, и Анна заспешила по длинному, ярко освещённому коридору без всяких боковых дверей. Коридор соединял здание, в которое вошла Анна, со зданием, расположенным на другой улице, где размещался главный офис компании. Анна знала, что каждое её движение фиксируется камерами видеонаблюдения и что, скорее всего, чьи-то глаза следят за ней в этот самый момент.

Ступив на территорию этой организации, человек словно обнажался, лишался всякой приватности. Анна знала, что даже в туалетах были установлены камеры слежения. Кроме того, на каждом рабочем месте были сенсоры, постоянно измеряющие температуру тела сотрудника, частоту биения сердца и кто знает, что ещё. Если человек приходил в волнение или находился под сильным стрессом, наблюдавшие за ним операторы всегда могли это заметить. Таким образом должна была предотвращаться самая мысль о попытке в чём-то обойти организацию.

Подходя к концу коридора, Анна на секунду закрыла глаза и произнесла про себя что-то вроде молитвы, вернее, короткого заявления на имя неизвестного вышестоящего Существа, если такое имеется. В эту минуту Анне хотелось верить, что есть иной бог, чем генерал Смирнов. «Париж стоит мессы», — тихо улыбнулась Анна — совсем недавно она прочла великолепный роман Манна о Генрихе Наваррском, сделавшимся королём Франции посредством перемены веры.

Когда ровно в шесть утра Анна вошла в офис генерала Смирнова, её холодно приветствовала секретарь — женщина совершенно невыразительной внешности, по возрасту, вероятно, около пятидесяти лет, с привычно каменным лицом. Собранные в пучок грязно-серые волосы придавали ей сходство с уставшей старой кобылой. Она казалась тенью своего босса — этого серого кардинала разведки. Секретарь кивнула в сторону двери, обитой красной кожей. Анна набрала в лёгкие побольше воздуха и вошла в офис генерала.

Как только она переступила порог, то сразу поняла, что босс не покидал своего поста всю

ночь: аромат свежесваренного кофе наполнял комнату, а сам генерал Смирнов казался усталым и постаревшим, так что Анне даже стало его жаль. В левой руке он держал большую кружку с кофе, а правой перелистывал какие-то документы. Анна закрыла дверь.

— Доброе утро, Игорь Семёнович, — сказала она.

— Заходи, Дмитриева, — генерал взглянул на неё через стёкла очков в тонкой золотой оправе. Даже после многих лет знакомства с генералом Анна боялась заглядывать надолго в его холодные как лёд глаза. В них было что-то, чего Анне не хотелось видеть. Ей не нравились даже его очки, холодные и острые стекла которых только подчеркивали холод глаз.

— Садись, — кивнул он на кресло напротив. — Ты, должно быть, думаешь-гадаешь, почему я пригласил тебя сегодня так рано?

Он закурил сигарету. Как всегда, это был «Кэмел». Согласно одной из санкционированных сплетен, шеф курил «Кэмел», подражая Вальтеру Фридриху Шелленбергу, возглавлявшему в Третьем рейхе политическую, а затем и военную разведку.

— В последнее время тебя как будто подменили, — сказал он, выпуская в её сторону облако голубоватого дыма. — Где моя прежняя Анна Дмитриева, интересно мне знать?

У Анны ёкнуло сердце — он был прав. Она сама часто думала, что случилось с той девочкой, которая горела огнём первопроходца и любой брошенный вызов принимала как праздник?

— Где твой прежний энтузиазм? — продолжал генерал.

Анна глядела куда-то между его глаз, на то самое место, куда, если верить Библии, маленький пастушок Давид в своё время запустил камень, свалив с ног гиганта Голиафа. Она молчала.

Один из пяти телефонов, стоящих на столе у генерала, зазвонил. Это был белый телефон, и Анна знала, что по нему звонит только секретарь. Мало что видимым образом изменилось в кабинете генерала Смирнова с тех пор, как Анна впервые переступила его порог много лет назад. Даже старомодные тяжёлые телефоны разных цветов так и остались стоять на столе, выполняя ту же функцию, которую они выполняли, наверное, ещё в шестидесятых или семидесятых годах. Время, казалось, остановилось в этом кабинете. И тем не менее очень немногие обладали таким всесторонним охватом событий и пониманием завтрашних политических и экономических новостей, как генерал Смирнов. Многие были бы счастливы заплатить баснословные деньги за крупницы той информации, которая ежедневно проходила через этот старомодный, всё ещё носящий отпечаток советского декора кабинет.

Генерал поднял трубку, и Анна тихонько глянула на часы. Он издал какой-то неопределённый звук, вроде фырканья, давая трубке понять, что слушает. Затем с совершенно непроницаемым лицом выслушал отчёт секретаря. Анна подумала, что с тем же выражением генерал принял бы и известие о начавшейся ядерной войне, и сообщение о том, что его завтрак готов и может быть подан. Она заметила, что генерал выдрессировал своих секретарей докладывать ему о малозначительных вопросах за пять, максимум пятнадцать секунд, более существенным вопросам уделялось до половины минуты, и даже самые серьёзные вещи никогда не занимали более одной минуты. На этот раз он слушал двадцать восемь секунд, после чего издал другой звук, означающий, по всей видимости, конец разговора, и положил трубку. Анна подумала, что даже это мычание имело какой-то смысл — может быть, генерал Смирнов не доверял даже своим секретарям, не доверял своим засекреченным телефонам, не доверял вообще никому.

— Ты утратила энтузиазм, потеряла вдохновение, — продолжил генерал, как только трубка

коснулась телефонного аппарата. Он обладал удивительным свойством держать в голове сразу несколько дел и переходить от одного к другому безо всякого напряжения. Анна уважала босса за это редкое качество, но в то же самое время внутри неё поднимался тихий протест против такой крайней деловитости, такой повышенной, компьютерной трезвости. Она этого не понимала, а потому боялась. Но сегодня генерал казался ей более живым, что повергало Анну в некоторую растерянность.

— Без энтузиазма твой замечательный мозг не может трудиться, — продолжил генерал, и его холодные глаза полыхнули каким-то дальним огнём. — Я нашёл тебя, первым поверил в твой талант, поверил в твою исключительность. Ты и вправду сделалась нашей легендой, гордостью всей компании — поэтом программирования. Тебе всё это прекрасно известно. Но я давно уже уверен, что ты способна на большее, чем взламывать чужие компьютеры или возиться с цифрами — это тебе уже надоело.

Анна растерянно посмотрела на шефа, ожидая объяснения.

— У меня для тебя хорошие известия, — сказал генерал, снимая очки и потирая усталые, красные глаза. Затем водрузил очки на место — как судья для чтения приговора. — Твоё новое задание на время отвлечёт тебя от привычных занятий — ты отправляешься в Рим.

У Анны перехватило дыхание.

Глава 4. Операция с минимальной степенью риска

Foritor in fulva novus est luctator arena.

(Новый боец на жёлтой арене сильнее.)

Овидий

2007, 2 сентября, раннее утро, Москва

Отвечая на её немой вопрос, генерал вытащил из ящика стола красную папку и протянул Анне. Она нерешительно взяла её в руки.

— Открой, не бойся, — сказал генерал.

В папке оказался выпуск *La Repubblica* - одной из центральных итальянских газет. Анна отметила про себя её дату — август 1997 года, десять лет назад. Заголовок с передней страницы кричал: «Римский Джек Потрошитель осуждён!» Анна взглянула на рисунок: двое полицейских уводили из здания суда худого человека средних лет с нервным и измождённым лицом.

— Прочти передовицу, — велел генерал.

Газетная статья, которую Анна теперь читала, давала обзор скандальному делу о ритуальном убийстве, совершённом профессором истории архитектуры одного из ведущих римских университетов Адрианом Фера. Жертва, двадцатилетняя Роберта Джордани, была студенткой профессора Фера, его горячей поклонницей и любовницей. Когда Роберта не вернулась домой в ночь на 15 мая 1997 года и не пришла на следующий день в университет, пропустив экзамен, родители забились тревогой и позвонили в полицию. Они рассказали о связи

их дочери с профессором Фера, которую не одобряли: профессор к тому времени уже имел репутацию человека, одержимого странными идеями.

В тот же самый день профессора Фера арестовали. Во время обыска квартиры была найдена его одежда в пятнах крови. Полиция также обнаружила столовый нож с запёкшейся кровью. На столе у профессора лежали книги с описанием сцен ритуальных убийств, или жертвоприношений, совершаемых древними языческими сектами. На полях книг были заметки, сделанные рукой самого профессора.

Полиции оставалось теперь найти тело Роберты. Без этого ни нож, ни кровь, которая, как подтвердили эксперты, принадлежала Роберте Джордани, не могли вполне доказать вину профессора. Сам Адриан Фера уверял, что ничего не знает о том, что случилось с Робертой. Однако через три дня он «сломался» и пригласил полицию в катакомбы. Он привёл их в зловещую подземную часовню, где и нашли расчленённое тело Роберты.

В том, что это убийство — ритуальное, у полиции сомнений не было. Подземная часовня, по признанию самого профессора Фера, являлась тем местом, в котором издревле приносились человеческие жертвы. Однако что заставило его привести сюда Роберту и зверски убить, оставалось загадкой.

На помощь полиции пришли бывшие коллеги профессора Фера по университету, подтвердившие, что в последние годы тот проявлял повышенный интерес к древним мистическим культам, в особенности к тем, которые были связаны с принесением человеческих жертвоприношений. Это нездоровое пристрастие к изучению древних символов, обычаев и практик, приведшее, как говорили, к потере профессором Фера чёткого академического фокуса, вылилось у него в навязчивую идею, жертвой которой стала одна из его студенток. Адриан почти уже был приговорён к девятнадцати годам заключения, но в конце концов его признали умалишённым и приговор был заменён принудительным лечением в психиатрической клинике особого режима...

Анна закончила чтение и положила газету обратно в папку.

— Я не понимаю, какое отношение это убийство, вся эта история с помешанным профессором имеет к... нашему разговору, — сказала она тихо.

Генерал тем временем закурил новую сигарету.

— Профессора Фера признали шизофреником — классический случай раздвоения личности, — заметил он, выдыхая дым. — Поскольку тебе предстоит с ним вскоре встретиться, я хотел бы лишний раз предупредить, чтобы ты была с ним осторожнее.

Анна застыла от изумления и страха. Может, шеф неудачно пошутил? Анна знала, что чувства юмора у генерала не было, а если оно даже и было, то ему до сих пор успешно удавалось это скрывать.

— Я... должна встретиться с Джеком Потрошителем? — переспросила она. — Зачем? Какое вообще отношение мой отдел имеет к этому типу?

— Самое прямое, Анна, самое прямое, — уверил её генерал. — Как ты понимаешь, я не должен перед тобой отчитываться. Но кое-что тебе надо знать. Профессор Фера — один из лучших специалистов по римскому подземелью. В любом случае, он — наша единственная ниточка в подземелье к западу от Тибра, — добавил шеф, допивая остатки кофе из большой кружки. — Он знает римские катакомбы как никто другой. Даже убийство произошло в таком месте, доступ к которому представляет немалый интерес для нас.

— С каких это пор, — удивилась Анна, — нас интересуют подземелья Рима?

— Нас интересуют те подземелья, которые проходят под стратегическими информационными центрами Ватикана, - лаконично отметил генерал. - Попад туда, мы сможем установить под землёй, прямо у них под носом, всю необходимую аппаратуру для мониторинга.

Второй раз за утро у Анны перехватило дыхание. Если в начале разговора она всё ещё надеялась, что это — шутка, розыгрыш, то теперь ей стало ясно, что босс не шутит.

Она хорошо знала, каким крепким информационным щитом располагал Ватикан — под стать тем секретам, которые таило в себе это странное государство. Намерения генерала были чрезвычайно амбициозны: до сих пор пробиться к ватиканским информационным источникам не удалось ни одной разведывательной службе мира.

— И я должна буду выведать секреты у Потрошителя? Мне придётся рыться в его архивах в поисках записей, искать карту в туалете? — занервничала Анна.

— Всё это мы уже предприняли и без тебя, — генерал, казалось, не замечал вызова и сарказма в голосе Анны. — Он всё держит в своей голове — вот оттуда ты и выудишь нужные нам сведения. Но вначале ты должна будешь ознакомиться с публикациями профессора.

Генерал достал из ящика стола толстую книгу и небрежно кинул её Анне:

— Вот его книга по истории римской архитектуры. Прочитай внимательно. Это позволит тебе заглянуть в ход мыслей профессора.

Анна растерянно взяла в руки книгу. Неожиданно её страх перед неведомым, перед переменной начал уступать место любопытству. Генерал, похоже, заметил это и продолжил свою речь уже в более доверительном тоне.

— Адриан Фера был выпущен на свободу три года назад. Он живёт в Риме, работает частным туристическим гидом — водит американских туристов по Риму, но чаще ничем не занят. Сидит дома или в баре, пьёт. Много пьёт.

— Но почему бы не попробовать просто купить у него секреты? — спросила Анна.

— Мы уже пробовали сделать это через различных подставных лиц. Про катакомбы он отказывается говорить. Кроме тебя других методов воздействия на него у нас нет.

— Я — метод воздействия? — не поняла Анна.

— Давай мы с тобой прикинем, — генерал многозначительно посмотрел на неё. — Вот живёт себе человек, и всё у него хорошо. Интересная, престижная работа. Любовница, невеста - все как у людей...

Анна подняла брови.

— Статья не упоминает об этом, — пояснил генерал, — поскольку его невеста, в отличие от Роберты, принадлежала к римской элите — профессор был помолвлен с дочкой ректора университета, Альбиной Скварцотти. А потом всё это рушится: потеря работы, расторгнутая помолвка, смерть любовницы, отчуждение, позор, заключение, лечебница.

— Он всего этого заслуживает, — холодно заметила Анна.

Генерал рассмеялся:

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я хочу вызвать у тебя жалость или симпатию к нему. Я хочу, чтобы ты поняла, что должен чувствовать такой человек, как Адриан Фера. Мир давно отвернулся от него. Профессора Фера не существует. Есть пьяница, работающий с теми

людьми, которые его не знают и которых он никогда больше не увидит. Вся его жизнь разбита — он от неё ничего не ждёт. У него могут быть случайные связи, но он знает, что никто уже не полюбит его — кто может любить Джека Потрошителя?

— Вы что, хотите, чтобы я ещё и полюбила его? — нервно рассмеялась Анна.

— Любовь — не в моей компетенции, — хмуро бросил генерал. — Ты должна будешь показать ему своё расположение. Дашь ему понять, что он ещё не списан из жизни, что кому-то он может быть ещё интересен. Помнишь, как у Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!»?

— Но почему именно я? — воскликнула Анна в недоумении.

Генерал снова выдвинул ящик стола, вынул оттуда небольшой плотный листок и подал Анне.

— Это — фото Роберты, — сказал он.

С фотографии ей улыбалась молодая, красивая, рыжеволосая женщина. Анна не могла оторвать глаз от этого ещё по-детски наивного и доверчивого лица, полного жизни и игривости. С первого взгляда Анна не заметила большого сходства между собой и Робертой, кроме цвета волос, который у Роберты был темнее и отливал каштаном. Но чем больше она всматривалась в лицо девушки, тем острее чувствовала глубинное сходство, которое наблюдалось не столько в чертах лица, сколько в его выражении. Что-то в лице Роберты выдавало в ней восторженную и наивную девочку. Нечто подобное Анна видела в своих собственных старых фотографиях.

Она положила карточку на стол. Теперь перед ней начинала вырисовываться общая картина: генерал хочет использовать её как наживку для профессора-расчленителя.

— Что если он вообще не захочет меня знать? — спросила она с тайной надеждой, которая, впрочем, не укрылась от генерала.

— Захочет, — отозвался он. — Тебе будет легко подружиться с профессором. О катакомбах, конечно, вначале упоминать не надо — профессор Фера очень насторожён и о катакомбах речи не ведёт. Поэтому начнём с Рима наземного — чтобы не вызвать подозрений. Ты наймёшь его в качестве своего личного туристического гида. Дашь ему пару тысяч евро в неделю — или сколько пожелаешь. Ты теперь многое можешь позволить себе, мисс Анн Грин.

— Анн Грин? — вырвалось у неё.

— Да-да, из Бостона, дочь богатого бизнесмена, интересующаяся архитектурой и решившая с пользой и удовольствием провести несколько недель в Риме. Тебе представляется очень интересная роль, Анна.

— Вы же знаете, Игорь Семёнович, что я плохая актриса, — возразила Анна. Это была правда, она совершенно не умела скрывать свои чувства и даже мысли от постороннего взгляда.

— Тебе понравится играть эту роль, — возразил генерал, — потому что всё, что тебе надо будет делать, — это слушать.

В который раз Анна задумалась: что движет её боссом, что заставляет его не спать ночами, выдумывать хитроумные планы, делать сложные шаги, хранить в памяти тысячи нитей, из которых, как паук из паутины, он плетёт свои невероятные сети? Была ли у него другая жизнь, за порогом этого кабинета? Анна не знала и не могла знать.

— Профессор в конце концов сдастся, — продолжал генерал, внимательно глядя на Анну. — Вспомни историю Самсона и Далиды. Наши психологи полагают, что твоё появление окажет сильное психологическое влияние на профессора Фера, послужит толчком к его самораскрытию.

— Какого рода самораскрытия вы от него ожидаете? — внутри у Анны как будто всё похолодело.

— Я не буду этого скрывать от тебя, Анна. Мы надеемся, что он поведёт тебя к месту совершённого им убийства.

Она вздрогнула:

— Зачем?

— На то у него могут быть различные, даже прямо противоположные причины, — уклончиво ответил генерал.

— Другими словами, он поведёт меня туда, чтобы убить точно так же, как Роберту?

— Он привёл туда полицию, потому что его одолевали муки совести, — ответил генерал. — Или ты не читала «Преступление и наказание» Достоевского? Адриана Фера всё ещё терзают муки совести, как считают наши специалисты.

— А как я смогу узнать, по каким причинам этот профессор поведёт меня в подземелье? — Анна была теперь на взводе. Босс посылал её почти на смерть, причём такую, что Анна и врагу бы не пожелала, если бы у неё были враги.

— По какой бы причине он тебя ни повёл в подземелье — ты всё равно туда пойдёшь, — резко ответил генерал. — А мы, в свою очередь, позаботимся о твоей полной безопасности. Я совершенно не намерен терять тебя, Анна. Это операция с минимальной степенью риска. У нас хватает своих людей в Риме, но я пошлю ещё несколько человек, чтобы они отвечали за твою безопасность. Кстати, эти люди всегда будут рядом, но ты их даже не увидишь. Ты будешь повсюду носить эти часы, — генерал подал Анне прозрачный пакетик с золотыми женскими часиками «Ролекс» — в них встроены радио и навигационная система по типу GPS. Инструкции прилагаются. В Риме ты наденешь их на руку. Твоё тело послужит антенной, поэтому сигнал будет сильный и мы его не потеряем — даже под землёй. К тому же, — генерал откинулся в кресле, — никто не собирается сразу толкать тебя под землю. Пройдёт не одна неделя, прежде чем профессор Фера доверится тебе.

— Можно задать ещё один вопрос, Игорь Семёнович? — попросила Анна. Теперь ей начинало казаться, что она хочет поехать в Рим, хочет встретиться хоть с самим Джеком Потрошителем — только прочь из Москвы, пока она здесь ещё совсем не сошла с ума.

Генерал кивнул, и Анна продолжила:

— Не проще было бы узнать об этом подземном месте от полиции? Подкупить кого-нибудь там — я не знаю, как это делается.

— Мы пробовали это сделать, — ответил генерал вполне серьёзно. — Но, к сожалению, дело было изъято из компетенции итальянской полиции и передано под юрисдикцию Ватикана. Преступление было совершено на территории независимого государства Ватикан — точнее, под ним, — и всё расследование велось «Корпо ди Виджиланца». Все наши попытки выйти на людей из папской жандармерии закончились неудачей.

Какое-то время Анна хранила молчание, и в кабинете генерала Смирнова было тихо.

— Будут какие-то письменные инструкции? — наконец спросила она, давая понять, что готова принять на себя это задание. Впрочем, генерал Смирнов ничего другого от неё и не ожидал.

— Здесь, — он передал ей маленькую флеш-карту, — ты найдёшь все имеющиеся у нас материалы на профессора Фера. Тщательно всё изучи. Его телефон и адрес тоже здесь. На карте есть кнопка самоуничтожения информации — используй её в случае непредвиденных обстоятельств. Но, в общем, ничего непредвиденного произойти не должно... Обо всём главном поговорили, — помедлив, добавил генерал.

— А как же вирус? — вдруг вспомнила она.

— О вирусе позаботятся другие, — холодно ответил генерал. — Да и у тебя ещё будет возможность заняться его изучением — когда вернёшься. А до тех пор, — усмехнулся он, — ешь, пей, отдыхай и развлекайся.

— Когда я еду? — спросила Анна. Она с трудом сдерживала волнение. Ей потребуется время наедине с собой, чтобы до конца осознать, что здесь только что произошло.

— Через два дня, — ответил генерал и взглянул на часы, давая Анне понять, что разговор с ней закончен. — На всё про всё я даю тебе месяц. За месяц ты должна вывести нас в подземелье. Задача ясна? — закончил он по-военному.

— Ясна, Игорь Семёнович, — сказала Анна, поднимаясь с кресла. Она была уверена, что шеф не сказал ей всего — ровно столько, сколько она должна была знать. — Найти профессора-людоеда и стать его жертвой. И все-таки, — добавила она, — боюсь, на этот раз вы ошиблись в выборе.

— Я никогда не ошибаюсь, — спокойно ответил генерал, глядя на неё из-под своих тонких очков. — Возьми вот это, — его бледная рука потянулась к столу и извлекла оттуда большой жёлтый конверт.

Анна нерешительно взяла конверт. К нему был прикреплен скотчем маленький белый конвертик как дополнение.

— В белом конвертике — три кредитные карточки на имя Анны Грин. Карточки безлимитные. Отчёта о деньгах с тебя тоже никто спрашивать не будет.

Она недоумённо посмотрела на генерала.

— А что в большом конверте?

— Там пятьдесят тысяч долларов, — сказал генерал. — На первые расходы. Купи себе что-нибудь в дорогу. Почувствуй себя Анной Грин!

— До свидания, Игорь Семёнович, — попрощалась Анна, подходя к двери.

— Прощай, Дмитриева, — проводил её взглядом генерал.

Рассеянно бредя по коридору, Анна не знала, радоваться ей или плакать. Её страшила такая неожиданная перемена в жизни, и в то же самое время она приветствовала это новое начало — к чему бы оно, в конце концов, её ни привело.

«Может быть, — думала она, — босс просто хочет избавиться от меня? Может, он уже нашёл кого-то на моё место? Или же... или же он совершает большую ошибку».

Как только Анна вышла на улицу и освободилась от власти толстых стен, на неё нахлынуло странное чувство, будто она вернулась на много лет назад, к тем далёким дням, когда ещё не

работала на босса, не проходила через тяжёлые железные двери под холодными, как у сфинксов, взорами охранников. Один груз спал с её плеч, другой только на них примерялся, и каким тяжёлым он будет, Анна не знала и слишком переживать по неизвестному теперь не желала. Она перешла улицу и спустилась в тёплое жерло подземки, из которого около часа назад вышла. На какое-то время она забудет о кабинетной Анне Дмитриевой. Да здравствует мисс Анн Грин!

Глава 5. Знакомьтесь: Толян

Они сошлись...

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

1990, декабрь, Москва

Анне навсегда запомнились предпраздничные, новогодние дни 1990 года, когда новая и странная вещь появилась в их доме — электронная коробочка, компьютер Commodore 64. Это была новая, компактного размера машина, разработанная для персонального пользования. Мама сама подсоединила электронный ящик к телевизору, которому с тех пор суждено было забыть о телевидении и навеки принять на себя роль компьютерного монитора.

На первых порах, приобретение, которое мама использовала как печатную машинку, мало тронуло Аню — она находила эту коробочку слишком сложной и скучной. Однако, на третий день пребывания компьютера в их доме, её интерес к нему вырос до того, что она отложила в сторонку учебник по математике, которым, к удивлению всех, с недавних пор зачитывалась, и, пока мамы не было дома, включила электронную коробочку.

Что подтолкнуло маленькую девочку к компьютеру? Любопытство. На что способна эта штука? И, самое главное, что может эта машина сделать для неё, Ани? Она видела, как мама использовала компьютер, и попыталась сделать то же самое. Девочка стала открывать один файл за другим, смотреть на возникающие на экране цифры, пытаясь понять, почему перед ней появляются именно эти, а не другие комбинации. И что будет, если изменить их? Может, тогда она поймёт их назначение? Может, тогда эти цифры сложатся во что-нибудь интересное? Аня решила попробовать.

В результате она повредила системные файлы, и электронная коробочка перестала включаться. Точнее, она гудела, но как-то бессмысленно, и её электронные мозги отказывались ворочаться, а экран телевизора оставался пустым и холодным. Анна проплакала остаток дня, а когда вечером в дверях квартиры показалась мама, маленькая девочка подбежала к ней и рассказала обо всём, что произошло.

— Ты хоть понимаешь, что наделала? — спросила её мама после того, как безуспешно провозилась с компьютером часа два. — Мы не настолько богаты, чтобы позволить себе иметь дорогие вещи, не говоря уже о том, чтобы ломать их. Я собирала деньги на покупку этого компьютера два года... Кроме того, там мои документы. Пусть их пока немного, но я трудилась над ними. Ты понимаешь это?

Аня кивнула. Они действительно жили небогато — мама работала учительницей в школе и получала мизерную зарплату. Но она подрабатывала на стороне, занимаясь переводами, редактурой, переписыванием и написанием дипломных и научных работ. Для этого ей и

нужен был компьютер — просто необходим. Анна знала об этом. Знала она и о том, что ей не велено было включать его. Вероятно, нечто подобное чувствовала Ева, когда сорвала и съела запретный плод. Аня помнила, что для Евы это закончилось плохо — изгнанием из рая. А что же будет с ней?

— Подойди сюда, Анна, — позвала её мама, садясь на кровать и поправляя платье. В её правой руке Аня заметила узкий кожаный ремень от юбки. То, что мама назвала её Анной, тоже ничего хорошего не предвещало, и Анины колени почему-то ослабли, а на глаза навернулись слёзы. Она неуверенно шагнула к матери, красивое лицо которой было в этот момент строго, почти торжественно.

— Ложись животом сюда, на мои колени.

Аня подошла, наклонилась и, с трудом сдерживая дрожь, легла животом на мамины ноги в толстых зимних колготках. Прямо перед её глазами красовался незатейливый узор потёртого ковра.

Аня ещё никогда не была битой, но, как оказалось, каким-то образом знала, что надо делать и как лечь. Не знала она только, чего ожидать дальше. Мамины пальцы потянули вниз её колготки, и Аня покрылась мурашками, а лицо её налилось кровью — то ли от стыда и страха, то ли от такой непривычной, вниз головой, позиции.

— Я тебя сейчас накажу, — сказала мама, и голос её дрогнул, — и тебе станет легче. И мне тоже.

Аня хотела выдержать наказание стоически, однако уже от первого удара узкого ремня закричала так, что сама испугалась своего крика. Она кричала и потом, под каждым ударом, но тише, чтобы не слышали соседи. Слёзы лились из её глаз, но, к чести для Ани, она не пыталась бежать и вырываться, и мама только слегка придерживала её спину свободной левой рукой. С каждым ударом боль, как горячая, обжигающая волна, прокатывалась по всему Анинному телу, до самых кончиков пальцев.

— Мама! — кричала Аня. — Ма-а-мо-о-чка-а!

Внезапно удары прекратились.левой рукой мама погладила Анину голову и поправила её растрепавшиеся волосы. Всё ещё плача, Анна неловко опустилась на пол, у маминых ног.

— Ты знаешь, что я тебя люблю, Аня? — услышала она мамин голос.

Меньше всего на свете она ожидала, что мама задаст ей такой вопрос.

— Д-д-д-а, — продрожала Аня.

Мама опустилась на пол рядом с дочкой и обняла её. Маленькая девочка уткнулась в родное мамино плечо и дала волю слезам. Впрочем, теперь они плакали вдвоём, через слёзы очищаясь от той горечи, которая в них накопилась за годы без отца и мужа, без помощи и опоры. Когда слёзы закончились, у обеих на душе стало вновь светло, как после тёплого летнего дождя.

Тем вечером Аня долго не могла уснуть. Она лежала на кровати и думала о том, что произошло. А ещё она думала, что если бы Бог был таким добрым, как мама, то Он бы просто дал Еве хорошую взбучку и простил бы её. Потом она услышала, как мама с кем-то говорит по телефону. Аня поняла, что речь идёт о поломке компьютера. Аня слышала, как мама просила, чтобы пришёл какой-то Толян и посмотрел, в чём может быть проблема. Когда телефонный разговор закончился, мама повесила трубку и тихо зашла в Анину комнату.

— Ты спишь, Анечка? — прошептала она.

— Нет, мамочка, я не сплю, — отозвалась та.

Мама села на край кровати, склонилась над Аней и поцеловала её.

— Прости меня, — прошептала Аня.

— Давно уже простила, глупенькая, — улыбнулась мама и погладила Аню по голове. — А насчёт компьютера — не знаю, почему я с самого начала об этом не подумала. У одних моих знакомых сын просто помешан на компьютерах. Наверняка ему удастся нам помочь.

— Его зовут Толян? — поинтересовалась Аня.

— Анатолий, — кивнула мама. — Но все зовут его Толяном. Он придёт завтра днём. Парень немножко чудаковатый, но, в общем, хороший мальчик и настоящий компьютерный гуру — по крайней мере, в сравнении с нами.

Ночью Ане приснился странный сон. В этом сне она повсюду искала Толяна, но каждый раз, куда бы она ни шла, она всюду находила одного и того же человека, Анатолия, который был совсем как все и смеялся над тем, что она ищет какого-то Толяна. «Толяна нет!» — закричал он на неё в последнем эпизоде этого кошмара, и Аня проснулась со страшным сердцебиением. Ей хотелось крикнуть: «Толян есть! Толян есть!» Почему-то ей казалось, что это очень важно, чтобы был Толян.

Позднее Анна узнает, что у Толяна было немало причин на то, чтобы быть, как выразилась мама, немного чудаковатым. Его родителями были популярные московские художники, и Анатолий вырос среди самостийных московских хиппи. Наряду с внешними атрибутами, отмечавшими обычно приверженцев Системы, Толян усвоил от неё непреходящее восхищение перед всем новым и необычным. Именно в эту категорию и попадали в ту пору компьютеры, а потому Толян с головой бросился на освоение импортной техники. Впрочем, хотя родители Толяна и жили полноценной московской богемной жизнью восьмидесятых годов, лишних денег в доме не было, и Толяну приходилось практиковаться на чужих компьютерах...

Когда наконец зазвонил звонок, Аня вскочила с дивана и побежала к двери. Взглянув в дверной глазок, она увидела Толяна. Да, сомнений быть не могло! Это был подлинный Толян! Ведь какой из нормальных, не чудаковатых людей ходил бы с такими длинными волосами? Или кто из её знакомых одевался в свисающее зелёное пальто, из-под которого виднелся ослепительно жёлтый свитер? Или кто из них носил такие толстые очки? Она немедленно открыла дверь и отступила назад, почти в реверансе.

— Ты кто? — с удивлением спросил Толян, снимая с головы красную вязаную шапочку.

— Я — Анна, — уверенно сказала Аня.

— А-а-а, — протянул Толян многозначительно и зашёл в открытую дверь. — Анна, значит. А я — Толян.

— А я тебя сразу, ещё в глазок узнала, — обрадовано заявила Анна.

— А разве мы раньше виделись? — Толян внимательно посмотрел на щупленькую рыжеволосую Аню. Даже через свои толстые очки он не мог не заметить, какая у неё была тонкая и светлая кожа. Казалось, достаточно электрической лампочки, чтобы просветить эту девочку насквозь. Но пока именно она просвечивала его своими ярко-зелёными, светящимися глазами.

— А где же зверь? — спросил Толян, снимая своё зелёное пальто и вешая на крючок.

— Зверь? — Аня посмотрела на него с удивлением. — А-а, он здесь, пойдём.

Толян было тогда около восемнадцати лет, но Анне почему-то даже и в голову не пришло называть его на вы. Она каким-то образом поняла, почувствовала, что Толян, несмотря на его высокий рост и длинные волосы, ненамного старше её. Позднее, когда она узнает Толяна лучше, она поймёт, что в любом возрасте была, по сути, взрослее Толяна. Из узкого коридора они прошли в большую комнату, и Толян сразу же уселся перед компьютером.

— Сейчас мы тебя разбудим, — прошептал он, включая агрегат в сеть. Не дав машине опомниться и прийти в своё ставшее обычным коматозное состояние, пальцы Толяна протанцевали по тугой клавиатуре. Потом он сделал серию коротких, словно пулемётные очереди, пробежек по клавишам, ритмичных, как музыка. За ними последовала минутная пауза, в которую, медленно раскидывая своими электронными мозгами, компьютер принимал решение, что ему делать и делать ли что-нибудь вообще. Анна услышала, как что-то внутри компьютера со вздохом куда-то повернулось, будто потягиваясь после долгого сна, и железный ящик задышал обычным ровным и здоровым электрическим дыханием.

— Как тебе это удалось? — прошептала Анна, в изумлении наблюдая за тем, как на экран выскакивают одна строчка за другой. Она понимала, что на ее глазах свершилось чудо. Она была просто очарована тем, как двигались пальцы Толяна: словно пальцы пианиста. Аня также отметила, что у него красивые пальцы.

— Знание — сила, — бросил ей в ответ. Ему не терпелось теперь немного поиграться с этой машиной, а Анна стояла у него над душой.

— А научи меня... пожалуйста, — попросила Анна, заглядывая в толстые стёкла очков Толяна.

Он смерил её прохладным взглядом, осмотрел сверху вниз и снизу вверх.

— Послушай, девочка, — сказал он наконец. — Возьми свою куклу и пойдёшь поиграть. Дяде Толе надо починить компьютер твоей мамы.

— Ты его уже починил, — с уверенностью заявила Аня.

— Ты думаешь, это так легко? — пробурчал Толян. — Вот сломать — это легко.

Но, несмотря на такой холодный приём, Анна не спешила уединиться в уголок с куклой. Она даже не сдвинулась с места и смотрела на Толяна умоляющим взглядом.

— Чтобы работать с компьютером, надо хорошо знать математику, — отрезал Толян, видя, что она не уходит.

— Я хорошо знаю математику, — уверила его Анна.

Толян посмотрел на неё с подозрением.

— Хорошо, — вымолвил он. — Я научу тебя, но только если ты решишь мои задачи.

— Я попробую, — нерешительно согласилась Анна. Но в глубине души она была рада такому повороту дела. Казалось, сказка наконец посетила её скромное жилище. И, как во многих русских сказках, герою приходилось отвечать на вопросы, разгадывать загадки.

— Компьютер — это всего лишь большой калькулятор, — сказал Толян, доставая из кармана спичечный коробок и вытряхивая несколько спичек на стол. — Поэтому надо разбираться в цифрах, — продолжил он, укладывая спички в латиницу.

$IV - VI = II$

— Ты знакома с римскими цифрами, надеюсь?

— Да, — кивнула Анна. — И я вижу, что в твоей задаче есть ошибка.

— Это я и сам вижу, — усмехнулся Толян. — И ты должна эту ошибку исправить, подвинув одну — всего одну! — спичку. Понимаешь, о чём я говорю?

Анна понимала. Она внимательно посмотрела на спички, взяла одну из тех, что вместе представляли знак равенства, и положила рядом с той спичкой, что прежде была минусом.

$IV = VI - II$

— Вот так! — сказала Анна.

Толян посмотрел на неё с удивлением и почесал затылок.

— Новичкам везёт, — заявил он, вытряхивая ещё несколько спичек из коробки. — А попробуй решить вот такую задачку.

И он разложил спички следующим образом:

$XII + XVII = XLV$

— Тут тоже есть ошибка. Но чтобы исправить её, тебе нужно будет сдвинуть не одну, а шесть спичек.

Анна внимательно посмотрела на комбинацию цифр, затем её пальцы пришли в движение: «Одна, две... шесть!» — с ликованием воскликнула она, переставляя последнюю спичку в новую формулу.

$XX + XXV = XLV$

Толян присвистнул.

— Да ты ничего, соображаешь, — признался он.

— Давай свою третью задачу, — торопила его Анна. В ней вдруг проснулись уверенность в себе и азарт картежника.

Толян задумался, потом взял со стола ручку и тетрадь и написал на чистом листе колонку с цифрами: 14, 18, 21, 22, 24, 28, 19.

— Я научу тебя работать с компьютером, — сказал он, откладывая в сторону карандаш, — если ты сейчас назовёшь мне фамилию моего любимого писателя. Она зашифрована здесь, — он указал на цифры.

— Фамилию писателя? — удивилась Анна.

— Ну да, писателя. Знаешь, есть такие люди, как Лев Толстой и Достоевский, — Анне показалось, что в его голосе была издёвка.

Цифры для Ани никогда не являлись мёртвыми символами. Они жили своей собственной жизнью, перед которой она благоговела. Несколько секунд она смотрела на цифры, а потом сказала:

— Конечно же, ты использовал цифры вместо букв. Это видно уже из того, что ни одна из

цифр не превышает значения 33, то есть количества букв в алфавите. Если бы ты пронумеровал их от «а» до «я», начиная с 1 и заканчивая 33, то было бы слишком просто. Ты начал с «я», как единицы, и пришёл к «а», как к 33. А фамилия твоего любимого писателя какая-то чудная — я никогда не слышала о таком: Тол-ки-ен... А о чём он пишет?

На этот раз Толян был сражён наповал.

— Я бы усложнила задачу, — продолжала Анна. — Можно было бы, например, начать отчёт с середины, или считать каждую вторую букву, или...

— Хватит, хватит! — оборвал её Толян. — Я вижу, ты, девочка, того, с крыши, притом с поехавшей!

— Спасибо! — улыбнулась Анна ангельской, невинной улыбкой. — Ты тоже!

Анна заглянула в его непропорционально увеличенные за толстыми стёклами глаза. Ей показалось, что Толян носил очки только для того, чтобы все видели, какие у него замечательно добрые и нескучные глаза.

Толян покачал головой:

— У меня, может, и поехала крыша, но за тобой мне не угнаться. Что ж, я научу тебя работать с компьютером.

— Ур-ра-а-а! — запрыгала Аня. Теперь она была счастлива оттого, что вчера сломала компьютер. И даже полученная от мамы трёпка не казалась ей такой уж большой ценой за приобретение того знания, на которое она теперь замахнулась. Не говоря уже об обретении нового друга...

— Умерь свои восторги, — посоветовал ей Толян. — Тебе предстоит большой труд... А скажи мне, Анна (Толян с тех пор всегда называл Аню Анной), — скажи, как скоро придёт с работы мама?

— Не скоро! — уверила его Аня. — Часа через четыре, может, пять.

— А можно я покурю на балконе? — попросил он.

Аня с недоверием посмотрела на него. Она как-то не думала, не могла представить, чтобы Толян был настолько взрослым, чтобы курить. И всё же она проводила его до балконной двери, которую они на эту зиму не успели ещё утеплить, то есть заклеить дверные щели бумагой. Толян отправился курить на занесённый снегом балкон, а Аня сидела за компьютером, но её глаза следили за ним. «Даже сигареты, — подумала Аня, — у него какие-то другие — самодельные, что ли?»

Толян пытался раскурить свою маленькую сигаретку теми самыми спичками, которые несколько минут назад решили будущее Ани. Затянувшись, он долгое время держал дым в себе, и потом выпускал струей облако из пара и дыма, которое поднималось с высоты восьмого этажа в тусклое московское небо.

Когда Толян снова открыл балкон и вошёл в квартиру, его лицо покраснелось с мороза, глаза немного слезились, а на губах была добрая, слегка глуповатая улыбка.

— Теперь можно переходить к нашим занятиям, — объявил он, устраиваясь поудобнее перед компьютером. Аня принесла для себя второй стул и поставила его рядом.

— Как я, кажется, уже говорил, — продолжил Толян голосом университетского профессора, — компьютер — это всего лишь большой калькулятор. Он питается цифрами. Ты даёшь ему

правильные цифры, или программы, написанные на языке, который он понимает, и взамен можешь иметь всё что угодно — новые программы, новые игры, слова, и даже картинки и кино.

Анна думала о том, как это возможно. Она сама постоянно разлагала видимые объекты этого мира на числа, переводила на язык цифр размеры, пропорции, формы, стоимость — что угодно. Но никогда не думала о том, что возможно обратное, что, сложив вместе определённые цифры, можно получить какие-то предметы, вещи.

— В то же самое время в его железной голове нет той смекалки, что есть у тебя. Когда ты освоишь компьютер, когда люди усовершенствуют его, — тогда станет возможным путешествовать вокруг земли, не выходя из собственной квартиры, можно будет свободно общаться с людьми из далёких стран, перемещаться в пространстве и времени. Скоро вся мудрость мира сделается доступной для тех, кто умеет получать её через такие вот и намного более умные, мощные машины, которые уже выпускают. Это, — Толян скользнул рукой по клавиатуре, — есть «центр управления полётом». С помощью этих клавиш в недалёком будущем ты сможешь всё — понимаешь, Анна, абсолютно всё!

Толян казался необычайно взволнован, и его глаза горели пламенем революционера-народника.

— Вскоре компьютер войдёт в каждый дом, и все эти компьютеры будут между собой связаны, — продолжал он свою горячую речь. — При помощи специальных устройств можно будет переходить от одного компьютера к другому, от дома к дому, из страны в страну, от книги к книге... Всё будет доступно через компьютер!

Аня глядела на него с восхищением и верила каждому его слову. Она никогда ещё в жизни не видела человека, говорящего с такой убеждённой уверенностью. Разве что в фильмах, по телевизору. Но о фильмах Анна знала от мамы, что они врут. Толян же врать не мог — она это сразу поняла. Он мог только заблуждаться. Однако Анна избрала для себя доверие этому человеку — тем более что её вера в цифры была вполне крепкой и реальной.

— Скоро, — с увлечённостью первопроходца продолжал Толян, — не будет уже ни границ, ни препятствий, никаких ограничений для тех, кто владеет мастерством программирования и кто получит доступ в сеть.

— А что такое сеть? — спросила Анна.

— Ты не знаешь, что такое сеть? — удивился Толян. — Ну ты и динозавр! Впрочем, откуда тебе это знать... Сеть — это когда отдельные компьютеры, где бы они ни находились, соединяются и работают вместе. Как телефоны, вроде. Но в будущем уже не будет телефонов, не будет книг, не будет даже радио и телевидения. Каждый сможет выбирать сам для себя, что и кого ему слушать, что читать. У каждого будет доступ ко всем сокровищам человеческого знания, ко всему накопленному опыту. И все это начнется умножаться, увеличиваться с геометрической прогрессией. Мы говорим о настоящей революции, Анна, культурной революции, которая изменит облик этого мира до неузнаваемости. И когда у людей появятся равные возможности, тогда наступит настоящее равенство! Не будет уже ни начальников, ни подчинённых, ни богатых, ни бедных! Все будут равны!

— Но люди не могут быть все равны, — заявила Аня.

— Не могут? — Толян покосился на неё с подозрением, как смотрит революционер на каждого, не разделяющего вполне его энтузиазм. — Это почему ещё?

— Потому что некоторые люди глупы, — просто ответила Анна.

Толян весело рассмеялся.

— Да, Анна, ты права, совершенно права, — сказал он. — Но вот тут в чём дело... В будущем люди разделятся на две категории: на тех, кто станет господами сети, и тех, кто станет её рабами. Господами сделаются те, кто начнёт рано работать с сетью — сейчас уже. Рабами же сделаются те, кто промедлит.

Резкий переход от прославления идей абсолютной свободы, сродни анархии, к тезису о новых господах и рабах, кажется, ничуть не смутил ни Анну, ни Толяна. Они оба были слишком взволнованны, чтобы замечать свою собственную непоследовательность.

— Я не хочу делаться ничьим рабом или рабыней, — уверенно заявила Аня.

Толян посмотрел на неё внимательно и сказал покровительственным голосом:

— У тебя ещё есть шанс выбраться в люди. У меня есть друзья в Курчатовском институте — Вадик и Димон, которые работают сейчас над созданием своей собственной сети. На сегодняшний день это ещё очень ограниченный проект, доступ к которому открыт только небольшому числу исследователей. Но уже в скором времени к нему смогут присоединиться все желающие.

Потом, понижая голос, как бы боясь быть подслушанным, он добавил:

— Есть ещё такая организация, как «Гласнет» — происходит от слова гласность, а «нет», точнее «нэт», означает по-английски «сеть». Ею занимаются американцы, но они дают доступ к ней и русским, особенно избранной группе профессоров, экологов, юристов и журналистов, то есть всем тем людям, кого они считают проводниками идей демократии. Я думаю, если бы твоя мама захотела, она добилась бы, чтобы её компьютер включили в сеть.

— Моя мама никакой не профессор, и не юрист, и не эколог, — отозвалась Аня. — Она всего лишь школьный учитель.

— Я знаю и другое, — сказал Толян. — Я слышал от своих «предков», что она у тебя очень прогрессивная.

Аня об этом как-то никогда ещё не задумывалась. Она не вполне даже понимала значение таинственного слова "прогрессивная". И в данный момент её интересовало другое.

— Ты обещал научить меня работать на компьютере, — напомнила она Толяну.

— Точно так, точно так, — кивнул он, и сыграл пальцами короткую увертюру на клавиатуре. У Анна дрогнуло сердце. На экране появились столбцы цифр. — Это — код программы, — объяснил он безо всякого перехода. — Машина во всём их слушается. Давай я тебе объясню...

Следующие три часа пролетели для Ани, как три минуты. Пальцы Толяна отплясывали свой странный танец на клавиатуре, и машина во всём оказывалась ему покорной. Наряду с объяснением технической стороны дела, Толян не преминул ещё немного пофилософствовать. Он использовал много неизвестных для маленькой Ани слов, называл себя демиургом, который когда-то сможет создавать целые миры из цифр и тут же разрушать или видоизменять их безо всякого сожаления. Тогда он еще не думал, что те цифры, которыми он в будущем будет вертеть, будут не коды компьютеров, а астрономические суммы денег.

Теперь же Толян был поражён тем, как легко и естественно маленькая Аня усваивала его сложную науку. Даже вопросы, которые она то и дело задавала, выдавали глубину её понимания и интереса к новой теме.

— Я чувствую в тебе недетский талант, девочка, — признался Толян, когда обе стрелки часов опустились в самый низ, на половину седьмого, то время, когда мама обычно приходила с работы. — В тебе есть всё, чтобы стать легендой российского программирования. А я войду в историю на правах первооткрывателя великого таланта Анны Дмитриевой!

Глава 6. Все на борт!

Некоторые были замужем или женаты, что было плохо, а другие делали вещи ещё более отвратительные.

Редьярд Киплинг. «Печать зверя»

2007, 5 сентября, Москва—Рим

Серебряный «Боинг» мягко урчал в небесах, баюкая и усыпляя своих пассажиров. Последние сорок восемь часов Анна провела фактически без сна, готовясь к поездке и изучая материалы дела, и даже теперь ей ещё тяжело было остановить бег своих мыслей. Она попросила у стюардессы подушку, и закрыла глаза в попытке привлечь сон. Но сон не шёл. Её сознание цеплялось за любую мысль, любое слово. А прямо впереди неё расположились две женщины невнятной, кажется кавказской, национальности, разнаряженные, словно новогодние ёлки, и пытались решить кроссворд из какой-то дорожной газетки.

— Место отдыха в пустыне, из пяти букв, начинается с «о»...

— Отель, — отозвался голос впереди.

«Оазис», — про себя подумала Анна. Она огляделась вокруг, надеясь, что кто-нибудь поговорит с нарядными любительницами загадок, призовет их к тишине. Но никому, кроме неё, они, по-видимому, не мешали. Анне придётся ждать, пока они решат весь кроссворд, а точнее, оставят попытки решить его.

Она закрыла глаза и стала думать о человеке, с которым в скором времени ей предстоит встретиться. Как она узнала из предоставленного ей генералом Смирновым досье, Адриан Фера являлся потомком знатного, но разорившегося аристократического рода. По всей видимости, он был последним представителем древнего графского рода — рода воинов, землевладельцев и юристов. В своё время он получил две докторские степени из самых престижных римских университетов. Он получил несколько наград как выдающийся педагог и исследователь, опубликовал ряд статей на различные исторические и искусствоведческие темы, а его книга, которую Анна начала читать, произвела немалое волнение среди специалистов в области истории архитектуры. Одни не скупались на похвалы, называя профессора Фера гением, другие отзывались о проделанном им исследовании холодно и скупно, третьи клеймили книгу как ненаучную.

Читая материалы по делу следствия и суда, Анна столкнулась со странным фактом: профессор Фера напрочь отрицал всякую память о совершённом им убийстве. Он утверждал, что помнит только то страшное утро, когда он проснулся в своей постели весь в крови. Со слов профессора выходило: он понял, что это не его кровь, из того, что, когда стал смывать её, не обнаружил на себе никаких ран или увечий. Он помнил также о том, что накануне вечером был вместе с Робертой — ужинал в небольшом ресторанчике в старом квартале Рима. И ещё он помнил, что перед расставанием они крепко поссорились. Роберта пулей

выскочила из ресторана, и он устремился за ней вслед. Что было после этого, профессор Фера не помнил, — так, по крайней мере, он утверждал. Анна могла отчасти поверить в это. Ее заболевание с годами никуда не делось, и временами у Анны были провалы в памяти. Обычно она даже не замечала этого. И только когда Анна задумывалась, пытаясь, к примеру, вспомнить, как она заходила в Метро, или как оказалась в том или ином месте, она понимала, что не может дать себе в этом отчета. Кроме того, она знала, что иногда память блокирует доступ к тем событиям, которые по каким-то причинам мозг отказывается принять. Впрочем, в случае с профессором, более вероятным для Анны казалось, что, разыгрывая амнезию, профессор Фера выстраивал себе мост из тюрьмы в больницу. Чего ему в конечном счёте и удалось достичь.

Анна теперь знала, что на момент смерти Роберта была на третьем месяце беременности. Также было выявлено, что Адриан Фера был отцом этого не родившегося ребёнка. Одно время следствие даже рассматривало беременность Роберты как главный мотив убийства: как оказалось, на время связи с Робертой профессор Фера был уже обручен с другой женщиной — дочерью ректора университета. Этот брак открывал перед ним огромные возможности, и у полиции были серьезные основания полагать, что Роберта требовала расторжения наметившегося брака и угрожала, в случае бездействия Адриана Фера, рассказать родителям о том, что беременна. Однако позднее на передний план вышла ритуальная сторона этого преступления...

— Соратница Флоры — начинается тоже с «эф»...

«Фауна», — отметила про себя Анна.

Ей больше не хотелось думать ни об убийстве, ни об убийце. Она задумалась о человеке, сыгравшем в её жизни роль, мало в чём уступающую родительской. Это была тётя Майя, Майя Барат-Варнидзе. Она не была Аниной тётей, но никак иначе Анна называть её не могла.

Отец тётки Майи был грузинских и испанских кровей, но её мать была русская, что несколько смягчало как характер, так и черты лица тётки Майи. Предки Майи по отцовской линии, насколько взор мог охватить прошлое, служили Российской империи. Отец был директором крупного партийного издательского дома, дед служил Советам на разных ключевых постах, а прадед в своё время служил царю, но с приходом советской власти сделался послом молодой республики в Испании, где и женился на испанке.

В отличие от многих других партийных деятелей бывшего Советского Союза отец Майи всем сердцем верил в идеалы провозглашённых некогда идей и вполне сознательно выстраивал свою жизнь согласно «Моральному кодексу строителя коммунизма». Под конец коммунистической эры эта вера оставила его ни с чем, если не считать двух квартир в Москве — своей и дочери. В течение пяти лет после своей отставки отец, тоже вполне сознательно, спойл себя насмерть — вероятно, чтобы не видеть краха всех своих идеалов и надежд. Вместе с ним великая династия государственных деятелей подошла к концу. Тётя Майя была последним её представителем. Она никогда не вышла замуж — говорила, что была для этого слишком умна и образованна.

Судьба свела Анну с тётей Майей удивительным образом, в разгар Аниной болезни, точнее, попыток её лечения. Когда Анна благодаря прописанным ей лекарствам самым серьёзным образом отстала от школьной программы, мама попросила свою университетскую подругу, Майю Барат-Варнидзе, позаниматься с её дочерью. Своих собственных детей у тётки Майи не было, и всю свою любовь и заботу, а вместе с ними и знания тётя Майя стала изливать на свою новую ученицу и приёмную «племянницу» Анечку.

Аня занималась с тётей Майей сначала из необходимости, потом из растущей привязанности,

а затем из чистой любви к знаниям, которых у тётки Майи было как в энциклопедиях. Находясь в компании тётки Майи, Анна с удивлением для самой себя открыла, насколько интересным может быть мир знаний, в который её так и не сумели ввести школьные учителя. Тётя Майя любила музыку, литературу, языки, а столкнувшись с необходимостью помогать Ане в школьной программе, проявила ничуть не меньше внимания и к другим предметам, которые в её изложении легко было понять и усвоить. Способствовало хорошей учёбе и то, что тётя Майя делала вид, будто не знает, что Аня выкидывала свои таблетки в унитаз.

Тётя Майя никогда толком не бывала рядом с детьми, а потому не имела ни малейшего понятия, как с ними обходиться. Она относилась к Ане как к равной, и это в конце концов определило успех дела. Огонь любви к знаниям разгорался в Ане с новой силой, а благородство характера тётки Майи как бы само по себе передалось и ей...

Загорелась лампочка под картинкой с ремнём безопасности, и командир самолёта объявил, что они вступают в зону повышенной турбулентности. Анна подумала, что виртуальные путешествия куда безопаснее реальных, и пристегнула ремень безопасности...

— ...Будете что-нибудь пить? — услышала она над ухом голос бортпроводницы в синей униформе, когда самолёт вышел из зоны турбулентности. — Есть вино, соки, минеральная вода.

Анна попросила стакан воды и оглянулась по сторонам, чтобы переключиться от мыслей и воспоминаний на наблюдения. Большинство пассажиров рейса принадлежали к тому восходящему сословию русских людей, которые могли позволить себе квартиру в городе, дачу за городом, неплохой автомобиль и поездки по миру. Анна вновь почувствовала, как далека она от этих людей, от всех их радостей, проблем и печалей, несмотря на то, что жили они в одном и том же городе, говорили на одном и том же языке.

Её взгляд остановился на невысоком коренастом мужчине с квадратным лицом и короткими седеющими волосами, постриженными «бобриком». Мужчина был похож на офицера в отставке.

«Может быть, — подумала Анна, — этот человек сопровождает меня, следит за мной и охраняет?» Она была почти уверена, что на борту самолёта находятся люди генерала.

Затем её взгляд упал на молодого человека, которого она заметила ещё в зале ожидания. Ростом около ста девяноста сантиметров, атлетически сложенный, с широкими плечами, он напоминал профессионального спортсмена или боевика. Возможно, он тоже был человеком генерала Смирнова.

«Прекрати быть такой мнительной», — сделала Анна выговор сама себе.

Но уже в следующую минуту её взгляд задержался на интересной паре. Мужчина, которому было под пятьдесят, был одет в дорогой костюм, в рубашке и при галстук — всё, как полагается у интеллигентов. Худощавый, седой, лысеющий, серьёзный, но, как отметила про себя Анна, не один из великих мира сего. К нему всем телом прижалась молодая, немного лупоглазая девушка, с распущенными русыми волосами, в розовом спортивном костюме и кроссовках. Время от времени она поднимала голову с плеча мужчины, всматривалась в острый профиль своего спутника, шептала ему что-то на ухо, поправляла ему волосы и снова устраивалась на плече...

— Пожирание металла агрессивным окружением. Кончается на «я».

«Коррозия», — почти выругалась про себя Анна.

Анна сразу исключила возможность «папы—дочки». Вариант «муж—жена» тоже не подходил

— Анна заметила их ещё в здании аэропорта и видела, что рядом с ними не было ни одной хозяйственной поклажи, кроме маленькой дамской сумочки, но присутствовали несколько красивых, свежих пакетов из фирменных магазинов или бутиков. Это, скорее всего, устраняло вероятность совместного оседлого образа жизни. Не похоже и на курортный роман — было видно, что отношения этих двух людей не новы. Вероятность «девочки по вызову» допустить тоже было невозможно: девушка не проходила по заведённым в этом бизнесе стандартам красоты, да и форма одежды у неё была походно-домашняя.

Мужчина и женщина так контрастировали друг с другом, что взгляд Анны то и дело соскальзывал на них...

— Годы, отданные работе...

«Стаж... Тут какая-то история, — думала Анна. — Впрочем, какое мне-то дело?»

Анне казалось, однако, что ей удалось разглядеть в поведении мужчины и женщины неприметную сразу нежность и какую-то обыденную тревожность, ставшую, по всей видимости, их постоянным третьим спутником.

Когда во второй раз взгляды Анны и мужчины пересеклись, она прочитала в усталых глазах: «Да-да, это то, что ты думаешь. Грустно, а что поделать?»

«Да, они — типичные москвичи. Он, скорее всего, пятое-десятое лицо в какой-нибудь фирме, а она, по всей видимости, студентка...»

— Закавыченная мысль...

«Цитата», — ответила про себя Анна и закрыла глаза. Она подумала о Толяне.

У него на глазах она вырастала, а он, несмотря на свои толстые очки, этого не замечал: не видел в ней девушки, женщины — «только Софью Ковалевскую», как сам он позднее признался с грустной улыбкой.

«Софья Ковалевская была ослепительно красивой женщиной», — заметила ему тогда Анна.

«Безусловно, — согласился Толян. — Но многие годы даже муж не замечал её красоты за гениальностью».

Этот разговор состоялся спустя четыре года после того, как Толян женился на Антонине. То, что он женился тогда на деньгах Толян не сразу хотел признать и убеждал себя в том, что женился потому, что Тоня была красивой. И она действительно была очень красивой женщиной, но между ней и Толяном никогда не было духовного родства, и со временем пропасть между мужем и женой только возросла. И тогда он пришёл к Анне.

Анна была единственной, кто понимал заковыристый характер Толяна. Она оказывала на него умиротворяющее воздействие, за что Тоня многое ей прощала. Своим женским чутьём Тоня почувствовала, поняла, что если поставить Толяна перед выбором между нею и Анной, то выбор не окажется в её, Тонину, пользу. Сложился странный треугольник, в котором ни одна из женщин не претендовала на исключительное право обладания Толяном и ни одна не хотела включаться в изнурительный марафон соперничества. Тоня сообразила, что, в принципе, дела могли обстоять куда хуже, и решила относиться к Анне как к неизбежному злу. Когда же из-за прогрессирующей опухоли Толян лишился простаты, вместе с нею он освободился и от тех поводов для ревности, которые подавал Тоне. Анна превратилась для неё во что-то вроде личного психолога для Толяна. А в том, что Толян нуждается в психологе, даже психотерапевте, Тоня никогда не сомневалась...

Мысли Анны вновь были прерваны голосом командира, объявившего, что через полчаса их

самолёт совершит посадку в Риме. Самолёт начал снижение, и дискомфорт от перепада атмосферного давления начал будить тех, кто, к зависти Анны, благополучно проспал большую часть пути. Сидящие возле окон подняли шторы, чтобы увидеть с высоты столицу Италии. Анна тоже прижалась носом к стеклу иллюминатора, посмотрела на крылья самолёта, а затем вниз, на рваные, причудливой формы облака, проплывающие под ними. На протяжении ещё нескольких минут самолёт летел будто в мягком белом тумане, приглушающем все звуки, но вот наконец вырвался из растрёпанного облака, и глазам пассажиров открылась панорама города, история которого простиралась далеко за пределы нашей эры, — города, выросшего из небольшой деревушки и превратившегося в столицу мира.

Серебристый «Боинг» пролетел над автобаном с бессчётным количеством разноцветных автомобилей, затем наклонил вниз правое крыло, выровнялся, опустился ещё ниже, выходя на финишную прямую. Спустя ещё несколько минут его колёса коснулись бетонного покрытия посадочной полосы, выплеснув из себя облачко белёсого дыма, и самолёт быстро покатился в сторону одного из терминалов аэропорта «Леонардо да Винчи».

Глава 7. Прибытие

«Конечно же, вы шутите, мистер Фейнман!»

Ричард Фейнман. Заглавие автобиографической книги

2007, 5 сентября, Рим

Рим приветствовал Анну полуденным зноем и забастовкой таксистов. По счастью, у неё был всего один небольшой чемодан — Анна справедливо решила, что по кредитным карточкам, выданным ей генералом, она сможет купить всё, что ей понадобится, в Риме. Поезд-экспресс в считанные минуты домчал её к ближайшей станции римского метрополитена. Сам метрополитен Анне не понравился: стены были окрашены в серый депрессивный цвет, будто нарочно подобранный для нанесения на него бесконечного количества граффити. Поезд создавал много шума, но ехал при этом медленно. Зато люди в метро показались Анне более пёстрыми, чем московская толпа, и, пока состав с шумом двигался к её отелю, у Анны было достаточно времени созерцать римский интернационал.

Особенно привлекла её внимание пара, стоящая в углу вагона. Мужчина — смуглый, почти чёрный, в малиновой рубашке с короткими рукавами — был крупен и высок, и как-то особенно прям, напоминая Анне каменный столб с острова Пасхи. Сходство усугублялось ещё и тем, что черты его лица словно были вырублены топором или вытесаны из камня и ассоциировались у Анны с лицами древних инков: большие носы, большие глаза и острые скулы. Его спутница была на вид прямой противоположностью — невысока ростом, полновата, с матово-белой кожей и русыми волосами. Наклонившись к своей мягкой, круглой спутнице, мужчина что-то с упоением рассказывал ей, а она, слушая его, взрывалась весёлым звонким смехом. Анна не могла понять, на каком языке они говорили, но смотреть на них было забавно.

Как только Анна вышла из душного и переполненного людьми метрополитена, на неё со всей своей пьянящей силою набросился настоящий на солнце и бензине, камнях, цветах и дорогих духах римский воздух. Словно навязчивый торговец, не желающий отпускать покупателя, он следовал за Анной, суля ей горы счастья, открытые двери и окна и начало

чего-то. Анна чувствовала себя так, будто она прогуляла сегодня скучную школу, и отправилась на праздник.

На улицах действительно, казалось, разыгрывался непрерывный праздник, карнавал жизни. Кругом было полно народа, спешащего и неспешного, молодого и старого, местного и приезжего. Анна прошла мимо группы немецких туристов, которые остановились для того, чтобы сфотографироваться — на этот раз не перед очередным монументом или собором, а перед ярко-красной элегантной «Феррари», припаркованной на улице. Волоча за собой чемодан на колёсиках, Анна только и успевала крутить головой, глядя то на проходящих людей, многие из которых улыбались ей, видя в ней гостя Рима, то на разноцветные фасады старинных римских домов и дворцов, то на пёстрые витрины магазинов, то на людей, сидящих под зонтиками в кафе и барах. На какое-то время Анна даже забыла, что привело её в Рим. Она просто радовалась жизни.

Её отель располагался довольно близко к историческому центру Рима. Просторный двухкомнатный номер был подчеркнута тих и чист. Пол был застелен толстым, кофейного цвета ковром с золотым орнаментом по краям и причудливым вензелем в середине комнаты. Когда она ступила на ворс ковра, ей показалось, что она идёт по мягкому лесному мху. Покрытые шёлком стены были украшены картинами, которые могли бы составить гордость иного провинциального музея. Вся мебель была сделана из красного дерева — вероятнее всего, ещё во время, не имеющее представления о суе современной жизни. Огромный плоский экран телевизора выглядел интервентом в этом древнем мире.

Анна приняла душ и прошла в спальню. Она вытянулась поперёк высокой и широкой кровати — кровати таких размеров Анна ещё не видела — и закрыла глаза. Она жутко устала, но заходящее за Тибр солнце так маняще светило в неприкрытые шторами окна, а желание поскорее посмотреть на Рим было так велико, что Анна решительно поднялась с постели, накинула лёгкое светло-зелёное платье, под стать цвету её глаз, и отправилась на свою первую прогулку по городу.

Солнце лениво направлялось к месту своего ночного лежбища, когда Анна вышла из фойе гостиницы, где ей раскланялся швейцар в ливрее. Она оказалась на маленькой, запруженной припаркованными автомобилями улочке. Анна решила этим вечером не ходить далеко, в людные места, а просто побродить по тихим улочкам. Она двинулась вверх по узкому мощённому тротуару и шла, пока не закончились не имеющие, казалось, конца витрины уличных магазинов и веранды кафе. Они уступили место жилым особнякам, дворцам и виллам. Было тихо, так что Анна могла слышать доносящуюся откуда-то снизу, из кварталов, оставшихся позади, мелодию народной песни, которую группа пожилых итальянцев пела в открытом кафе:

Con questo zeffiro, cos; soave,

Oh, com'; bello star sulla nave!

Su passeggeri, venite via!

Santa Lucia! Santa Lucia!

Итальянский язык Анна выучила благодаря тёте Майе. Она же невольно привила Анне жажду путешествий и приключений, которые обычно испытывают только мальчишки. Вместе с тётёй Майей, не выходя из её квартиры на «Коломенской», Анна путешествовала в качестве дочери посла через Европу и Азию, Северную и Южную Америку, Африку, Австралию и Океанию. У тётёи Майи был огромных размеров Британский военный атлас, следуя которому они забредали в места с кружащими голову названиями: Тимбукту, Копенгаген, Огненная Земля, Берег Слоновой Кости... В пути они встречались с интересными людьми — представителями правительства, художниками, артистами, предпринимателями, крестьянами, рабочими и

такими неординарными личностями, которые не занимались ничем определённым. Всех их персонифицировала тётя Майя, у которой на то был настоящий талант. Впрочем, кроме Ани об этом таланте, похоже, никто не знал. Тётя Майя сама наслаждалась экзотической игрой их спаренного воображения — она знала много, но никогда не упускала возможности познать что-нибудь интересное. Она вооружалась книжками с картинками, а если нужной картинке не оказывалось, рисовала её сама. Нарисованные картинки Ане особенно нравились.

После обеда тётя Майя, по своему обыкновению, спала часок-другой: она говорила, что сиеста — это единственный предмет роскоши, который передался ей в наследство от её испанских предков. В это время Анна обычно сидела и разбирала залежи советских журналов, которые тётя Майя выписывала на протяжении многих лет. Были тут журналы «Вокруг света» и «Новый мир», «Москва» и «Иностранная литература», «Юность» и «Нива» — тётя Майя любила литературу. Но Анну больше всего привлекал журнал «Наука и жизнь», который тётя Майя тоже зачем-то выписывала. Однажды, листая старые подшивки этого журнала, Анна наткнулась на статью, которая с первых же слов привлекла к себе её внимание.

«Когда мне было лет одиннадцать-двенадцать, я устроил у себя дома лабораторию, — прочитала Анна. — Она состояла из старого деревянного ящика, в который я приладил полки. У меня был нагреватель — им я кипятил масло и жарил картошку по-французски. Кроме того, у меня была аккумуляторная батарея и ламповый блок».

Анну заинтриговало такое вступление. Конечно, такой роскошной лаборатории она не могла себе позволить в городской квартире, но ей было интересно, чем же будет заниматься в ней этот мальчик, и она стала читать дальше. Когда дочитала статью до конца, снова перешла на первую страницу. Автором статьи, вернее книги о самом себе, которую публиковали в журнале «Наука и жизнь» по главам, был американский учёный, лауреат Нобелевской премии Ричард Фейнман. Последующие статьи, на которые девочка с жадностью накинулась, состояли из пёстрой мешанины историй из жизни Фейнмана, его детских и юношеских экспериментов с математикой и физикой, анекдотов и фокусов, некоторые из которых Анна тут же постаралась усвоить.

Читая автобиографию Фейнмана, Аня не могла поверить, что с одним человеком в жизни может произойти столько невероятных, просто безумных вещей! Она с удивлением обнаружила, что Фейнман был не только гениальным физиком, но также мастером розыгрышей, жонглёром, художником, прекрасно играл в бинго. Он основательно освоил биологию, историю искусств, игру на барабанах и иероглифы древнего племени майя. Фейнман увлекался открыванием любых замков при помощи отмычки, был компьютерным гуром, танцевал самбу и мастерски умел делать ещё массу полезных и бесполезных дел. Аня одним мигмом проглотила всю серию статей и теперь ей страшно хотелось прочесть книгу Фейнмана целиком, без купюр и сокращений.

Невозможное для обычного советского гражданина было возможным для тётки Майи, у которой были родственники в Соединённых Штатах. Время от времени на её имя приходили посылки с экстравагантной одеждой или электроникой. И хотя на первых порах тётя Майя не была в особом восторге от Аниной идеи заказать из Америки какую-то «научную книжку», но когда она прочла найденные Аней статьи, ей самой захотелось узнать, какие главы книги не допустили к публикации в «Совке». «Я уверена, — говорила она Анне, — что самое интересное они как раз и выкинули».

Когда месяца через два или три они получили долгожданный экземпляр книги на английском, Анна начала с помощью тётки Майи изучать этот язык и в скором времени могла уже самостоятельно читать на нём. К её удивлению и восхищению, тётя Майя действительно была права по поводу того, что самые интересные главы книги Фейнмана в русском переводе были пропущены. Анна с интересом и с едва сдерживаемым смехом читала об одном из

самых серьёзных увлечений Фейнмана — его увлечении Тувой, небольшой советской автономной республикой, граничащей на юге и востоке с Монголией, с Алтаем на западе и Красноярским краем на севере. Казалось, что жизнь Фейнмана на каком-то её этапе начала вращаться вокруг одной цели — побывать в этой маленькой республике и посмотреть на её столицу, город с названием из трёх букв — К(ы)з(ы)л. Собственно говоря, именно название это и привлекло к себе внимание учёного. Он решил, что город с таким интересным названием необходимо посетить. На протяжении многих лет Фейнман учил тувинский язык, выучился даже особой манере тувинского горлового пения. Из окна его квартиры часто раздавались странные звуки, напоминающие песнь не то шамана, не то муллы:

Тооруктуг долгай тандым,
Долганзымза тодар-ла мен,
Тос-ла чузун малымайны,
Доруктурза байыыр-ла мен.

На много тысяч километров от него не было ни одного человека, который бы мог понять значение этих звуков и слов:

Когда я гуляю в своих лесах,
Я всегда доволен —
Ведь мои леса богаты
Животными и всем, что мне нужно.

Однако мечте Фейнмана посетить Туву и Кызыл не суждено было сбыться: советские власти неизменно отказывали ему в визе. По иронии судьбы визу Фейнману открыли лишь на второй день после его смерти.

Первое детское столкновение с гением — пусть даже посредством журналов и книги — наложило непреходящее впечатление на Анну. С этого времени она твёрдо знала, что обыкновенная жизнь — не для неё. Слишком многое в этом мире заслуживает внимания, восхищения.

Личность Фейнмана заморозила Анну, и её первые неясные чувства к противоположному полу были инспирированы образом эксцентричного американского учёного. Именно в те дни тётя Майя впервые заявила Анне, что та превращается в настоящего аристократа духа. Тогда Анна ещё не понимала, что имеет в виду тётя Майя. Пройдут годы, и она поймёт, что под «аристократией духа» тётя Майя понимала оторванность от серых будней толпы и неразделённое одиночество...

Анна вышла теперь на небольшую пиаццу, с которой открывался чарующий вид на Вечный город. Солнце медленно закатывалось за горизонт, окрашивая небеса в голубовато-розовые тона. Тусклым неровным сиянием осветились красные крыши жилых домов и золотые, чёрные и белые макушки соборов. Через несколько минут солнце совершенно скрылось куда-то в Средиземное море, и огни большого города сразу же громко заявили о себе, заблестали, заливая своим разноцветьем и улицы города, и сами небеса над Римом, которые никогда совершенно не темнели. Анна стояла и думала о тех заходах и восходах солнца, которые люди могли наблюдать отсюда уже на протяжении многих столетий — вероятно, они мало отличались от нынешних. Разве что не было раньше электричества.

Вечерний ветерок, хлопотливое присутствие которого особенно ощущалось ближе к вершине холма, принёс с собою свежесть и оживил природу к ночи. В эту минуту Анна испытывала

свою глубокую сопричастность миру природы, зависимость от света и тени, от температуры и влажности воздуха, от звуков, запахов и от множества других вещей. Все её чувства обострились: голоса людей на улицах, запахи из ресторанов, свет в окнах домов — всё казалось ей сейчас каким-то особенным, знаменательным, смутно обещающим какое-то новое начало, необычайное приключение. Когда Анна шла назад в гостиницу, она полной грудью вдыхала эту гремучую смесь, растворённую в римском воздухе. В этот час она была действительно рада своему неожиданному приключению.

Глава 8. Знакомьтесь: Адриан Фера

Я ничего не желаю. Я не желаю кататься на лошади, потому что это сопряжено со многими неудобствами. Я не желаю пройти пешком, потому что это утомительно. Я не хочу ложиться, потому что тогда я либо должен постоянно лежать, чего я не желаю, либо должен буду подняться, чего я тоже не хочу. Сумма суммарум: я ничего не желаю.

Сёрен Кьеркегор

2007, 7 сентября, Рим

Всему своё время — время рождаться, и время умирать, — и Адриан Фера тихо и почти безболезненно скользил вниз по тому запутанному лабиринту, в который человек попадает со своим первым вздохом, а выходит из которого с последним. Впереди у него была одна большая чёрная дыра — разверстая яма могилы. Он и желал её, и боялся, и не знал — как близко или как далеко она.

Даже после того как его выпустили из клиники, Адриан Фера всё ещё оставался пленником совести, которая терзала его старые раны, напоминая о более чем напрасно прожитой жизни. Он старался не думать — не думать ни о чём. В;ски ему в этом помогало, и за эту способность Адриан предпочитал горячительный напиток реалиям жизни. В;ски успокаивало его, облегчало боль и страх, изгнать который он не мог вот уже десять лет. В;ски опускало его всё ниже и ниже, на самое дно жизни, к той примитивной форме существования, что граничила с небытием. Профессор Фера иногда думал о себе как о византийском монахе-аскете, приготовляющем для себя могильную пещеру в подземелье и проводящем последние годы своей земной жизни в том самом гробу, в котором и предстоит истлеть его костям. Ему давно уже казалось, что само его существование имело меньше смысла, чем существование паука на потолке в углу его комнаты.

Но хоть и больно было жить на свете, хоть никчёмна была жизнь, что-то мешало ему раз и навсегда свести с ней счёты, и профессор Фера нашёл другой способ выхода из жизни — он сделал всё от него зависящее, чтобы все те, кто его ещё знал и помнил, совершенно забыли о его существовании.

Свою трехкомнатную квартиру Адриан Фера получил в наследство от отца, который умер, не дождавшись освобождения сына. Гордый и упрямый Джироламо Фера привёл клан Фера к окончательному финансовому краху. Столетнее громоздкое кожаное кресло, стоящее посередине маленького зала и перешедшее Адриану от деда, напоминало об этом семейном кораблекрушении. Адриан, сидящий теперь в этом кресле, довершил работу своих предков, замавав кровью и позором последнюю страницу истории рода Фера.

Когда Адриану было нечего делать — а это было теперь его обычное состояние, — он

просиживал дни, недели и месяцы своей жизни в этом кресле, во сне, в полусне, в алкогольном полузабытье. Когда у него появлялось немного денег, он ходил пообедать и пропустить бутылочку вина в тот ресторан, в который бегал когда-то, ещё будучи студентом. И всё же основную часть своего времени он проводил дома, в окружении шкафов, которые были плотно, в два-три ряда набиты книгами. Большинство этих книг он собрал сам, некоторые же унаследовал от деда и покойного родителя. Книги эти были настоящим бременем для маленькой квартирki — казалось, они слишком тяжелы для всего этажа, всего дома. Впрочем, если бы у него в квартире провалился пол и если бы весь его дом сложился и рухнул, как картонный домик, погребая его под обломками, Адриан был бы, наверное, только рад.

На свои скромные потребности бывший профессор истории архитектуры зарабатывал, водя по Риму туристов — в основном американцев, которым его имя ни о чём не говорило. С ними Адриану было невыносимо скучно. Обычно они понятия не имели и не хотели иметь ни об архитектуре, ни об истории Рима, а желали лишь сфотографироваться на фоне традиционных римских идолов. Адриан иногда с горечью называл себя фотографом-недоучкой. Некоторых ещё интересовали исторические анекдоты, которых у Адриана было предостаточно, но большая часть туристов не выдерживала и двух часов экскурсий, спасаясь от зноя и обилия информации в бассейне отеля или за столиком кафе. Это облегчало и его жизнь, поскольку он с трудом мог припомнить дни, в которые работал больше двух часов. Чаще он вообще ничего не делал.

Теперь, когда на его столе звонил телефон, у Адриана Фера не было никакого желания на него отвечать. Скорее всего это звонит кто-то из американских туристов, которых в этот осенний сезон в Риме было особенно много. Он должен будет их поразвлечь, показать им все главные святыни и значные места Рима.

Телефон продолжал звонить, и мысль о том, что немного денег не помешали бы ему, отставать не хотела.

— Ладно, сдаюсь, — буркнул Адриан, потянувшись за трубкой. — Алло?

— Профессор Фера?

Он вздрогнул. Профессором его не называли вот уже десять лет. Но этот голос не был голосом из прошлого. Это был новый, молодой, волнующий голос.

— Да, слушаю, — отозвался он.

— Меня зовут Анна Грин, — Адриан заметил в женском голосе, говорящем по-итальянски, небольшой акцент неясного происхождения. В том, что звонившая была не американка и не англичанка, Адриан был уверен. — Я узнала, что вы предоставляете образовательные экскурсии по Риму, и хотела бы встретиться с вами и обсудить возможность таких экскурсий.

— Я что-то не припоминаю, чтобы в каком-то из объявлений называл себя профессором, — недоумённо сказал он.

— Я прочла вашу книгу, и она меня очень заинтересовала, — призналась Анна.

— Вас заинтересовала моя книга? — Адриан не смог скрыть своего удивления. — И как же вы на неё вышли?

— Я работаю в компании, которая наряду с прочим занимается архитектурой и строительством. Когда мой босс узнал, что я собираюсь в Рим, он дал мне её почитать. Ошеломляющая книга. Я и не знала, что Рим таит в себе столько загадок.

Адриану всё больше нравился этот глубокий и такой живой голос. Ему казалось, что на него повеяло тёплым весенним дыханием.

— Значит, вы архитектор? — поинтересовался он.

— Нет, я не архитектор, — отозвалась Анна. — Но архитектура меня интересует — как любителя.

— Понимаю, — сказал Адриан. Но на самом деле он сейчас ничего не понимал.

— Мой отец — он же и мой босс — отпустил меня на несколько недель в Рим, чтобы я могла немного заняться изучением архитектуры. А после того, как я прочитала вашу книгу, я решила найти вас по интернету. — Голос внезапно оборвался, как будто связь прервалась на секунду, но тут же продолжил. — И, к моему удивлению, я выяснила, что вы предлагаете частные экскурсии по Риму.

— Вам и в голову не могло прийти, что профессор Фера мог докатиться до такой жизни?

— с иронией высказался Адриан.

— Нет, я совсем не то хотела сказать...

— Да, вы хотели сказать, что нашли ещё что-то, поразившее вас, — резко, почти грубо продолжил Адриан. Зачем притворяться? Зачем играть? Игра давно уже была проиграна.

— Вас поразило то, что профессор Фера и Джек Потрошитель — одно лицо. Не так ли?

— Да, — тихо сказал женский голос в трубке. — Я читала об этом.

Адриан замер.

— И что же? — спросил он. У него не было никакого желания обсуждать эту тему, особенно с чужим человеком, по телефону.

В трубке стало тихо, и Адриан уже пожалел, что так грубо оттолкнул от себя человека.

— Профессор Фера, — сказал голос в трубке, — я хотела бы, чтобы вы обдумали моё предложение.

— Какое предложение? — удивился он.

— Как, разве я не сказала? Я бы хотела, чтобы вы стали моим гидом по Риму — ведь вы этим сейчас занимаетесь? Я желаю, чтобы вы преподали мне некоторые основы архитектуры... Мы могли бы встретиться и обговорить это, если вам будет интересно.

Теперь была его очередь замолчать и призадуматься.

— Алло? — позвал голос в трубке.

— Встретиться? — сказал он, будто просыпаясь. — Да, да, конечно. Мы могли бы с вами встретиться. Вы знаете кафе «Тореадор»? Это прямо рядом с университетом... Ах да, — вспомнил Адриан, — вы, вероятно, первый раз в Риме и пока ещё ничего не знаете.

— Я найду это место, не беспокойтесь, — уверил его женский голос. — Оно наверняка указано в интернете.

— Да, наверное, — согласился Адриан. — В шесть часов сегодня вам будет удобно?

— Замечательно!

Профессор помедлил ещё, раздумывая, потом сказал:

— Я буду за столиком в углу. Самый старый мужчина в кафе. Как-нибудь вы меня узнаете. Мои фото вы, наверное, тоже видели в интернете? Они все врут. Таким я был десять лет назад.

Анна действительно нашла на интернете его фотографии — и ей понравился внешний облик профессора. Если бы она ни знала, что за чудовище кроется за внешностью этого человека, то он мог бы даже понравиться ей.

— Спасибо, — Адриану казалось, что его собеседница улыбалась. Много бы он сейчас отдал, чтобы видеть эту улыбку.

— До встречи, — заключил он.

— Чирс! — отозвался голос в телефоне.

Адриан опустил трубку на место и откинулся в своё глубокое кресло. Что значил этот необычный звонок? Он явственно почувствовал, впервые за много месяцев, может быть, даже лет, что небольшой огонёк, запал жизни в его душе всё ещё горел, что его не задули до конца жестокие ветра. В нём ещё теплилось желание быть с людьми, желание нравиться, любить. Адриан был более напуган, чем обрадован таким открытием. Ведь означало оно по сути одно — вслед за воскресением последует новая смерть и новая боль, сопряжённая с ней. Стоит ли игра свеч?

«Совершенно не стоит, — сказал он себе. — Но, с другой стороны, чего стоит моя жизнь? И моя смерть? Какая нелепость — жизнь. Какая, по сути, ненужная, никчёмная, бессмысленная вещь. Но разве не властен я оборвать свои страдания, свою жизнь в любой момент? Ведь всё равно — впереди вечная тьма. Годом больше, годом меньше — какая разница? Ешь, пей, веселись, если можешь...»

Глава 9. Анна в сети

«Невероятно!» — вскричал доктор Ватсон. «Элементарно», — отозвался Холмс.

Артур Конан Дойль. «Приключения Шерлока Холмса. Пляшущие человечки»

1990, декабрь, Москва

Когда мама вернулась с работы, Аня вместе с Толяном испытывала программу-мутант, в которой на гоночных машинах, представленных простенькой графикой, красовались их имена. Но что ещё более удивило маму, так это уверения Толяна в исключительности Аниных талантов.

— Вот увидите — она ещё посрамит западных программистов, Светлана Александровна, — заверил он маму. — И она вполне способна сама держать компьютер в порядке. Разумеется, вы всегда можете положиться и на меня, — поспешил добавить он.

Тем вечером они ужинали вместе, и Толян развлекал их танцем кружащегося дервиша, что в

их маленькой квартирке было чревато неминуемыми последствиями. Впрочем, они отделались легко — традиционным, почти заученно-театральным разбитием вдребезги какой-то там вазы. Толян, однако, был великодушно прощён и отправлен домой с пачкой первосортного индийского чая — большой роскошью для очередного смутного времени России. Тот день был переломным в судьбе маленькой Ани. Отныне её жизнь будет неразрывно связана с компьютерами и программами.

Но ещё больший сюрприз последовал через несколько месяцев, когда Толян ворвался в их квартиру с воплем:

— Ур-р-ра-а-а, америкосы дают нам доступ в сетку!

Таким образом десятилетняя Аня, а формально её мама, Светлана Дмитриева, стала одной из немногих избранных москвичей, которым американская компания «Гласнет» открыла доступ в сеть. Поначалу база данных и возможности коммуникации были весьма ограниченны, но ситуация менялась каждую неделю, и Анна с восхищением признавала, что пророчества Толяна о будущем «нэта» были не так уж и фантастичны.

Когда же пришёл август 1991 года и с ним известный путч, Толян проводил дни и ночи за их компьютером, рассылая письма и связываясь с различными организациями по всему миру. Когда всё закончилось, Толян в шутку сказал Ане, что их компьютер однажды станет музейным экспонатом — ведь через него проходила передняя линия обороны хрупкой российской свободы.

В последующие месяцы Аня помогала маме в добывании нужной для её работы информации при помощи сети. Поначалу это было мучительно сложно и неинтересно, но вскоре Толян добился, чтобы Аню подключили к «Релкому», которым занимались его друзья.

— Это первая русская компания, — объяснил Толян. — Никакого западного участия или финансирования!

В скором времени «Релком» был зарегистрирован в панъевропейской сети EUNet, и перед Аней распахнула двери крупнейшая мировая сеть. В следующем году Аня уже экспериментировала с IP-протоколом, что позволяло ей работать в режиме реального времени и существенно расширить поисковую базу. Анна стала одним из первых пользователей в России, кто начал работать с FTP-протоколом, с помощью которого она смогла находить и загружать файлы на свой компьютер. Весной 1993 года все эти технологии, с которыми Анна была прекрасно знакома, дали начало появлению всемирной паутины — WWW.

Анна не была дитём интернета, как то будет суждено последующим поколениям мальчишек и девчонок. Она была его старшей сестрой. В тринадцать лет Аня писала свои программы для «нэта». Денег за это она не получала, зато доступ к сети перед ней был теперь неограниченный. Это было время, когда сеть ещё не была коммерциализована, и контроль над нею был в руках энтузиастов и нестяжателей. Анна настолько прониклась жизнью сети, что её будничная реальность померкла и отошла на задний план. Мимо неё прошли куклы и игрушки, прятки и скакалки. Был мир тёти Майи, и был удивительный мир компьютера, благодаря которому Анна вплотную подошла к пониманию и осязанию трансцендентного.

Тогда же стали распространяться и первые компьютерные вирусы. Поначалу это были невинные шутки, что-то вроде поздравительных открыток с простенькой мелодией, но постепенно их характер изменился не в лучшую сторону. Первый серьёзный вирус, который Анна поймала на своём компьютере, был очень груб. Большими буквами вирус предупредил Анну, что если она немедленно не выключит компьютер и не будет включать его до завтрашнего дня, то сильно об этом пожалеет. Анна попыталась удалить вирус, но на экране появились и поплыли новые буквы: «Ха-ха-ха, вы проиграли! Я вас отключаю!»

Анне потребовалось несколько часов, чтобы восстановить нормальную работу компьютера. Она исследовала зловредный вирус, разработала программу по его нейтрализации, которую и выложила анонимно в сеть. Больше она вирусов не боялась — даже стала коллекционировать их, классифицировать и изучать.

Едва успев войти в подростковый возраст, Анна уже числилась в элите хакеров. Все ищут принятия, признания, и Анна сполна получала в сети то, в чём ей было отказано в школьной или дворовой жизни. Все говорили, что она целыми днями играет в компьютерные игры. Но Анна знала лучше, где её место.

В 1994 году она поменяла свой роутер на модем, и перед нею открылись новые, головокружительные горизонты. Электронная коробочка и телефонная линия уносили её в другие миры, позволяя преодолевать огромные расстояния, знакомиться с интересными людьми. Здесь, в киберпространстве, Анна могла быть кем угодно, сохраняя при этом полную анонимность. Её знание иностранных языков оказали ей в этом прекрасную услугу.

Однажды Аня забрела на сайт, где фанаты вроде неё обменивались опытом и сообщениями. Она была удивлена, найдя на своё имя сообщение от некоего «Ганса Христиана». В своём сообщении он благодарил Анну за недавно выложенную ею в сеть программу по деактивации одного редкого, но зловредного вируса. «Ганс Христиан» предлагал ей свою дружбу, и Аня её приняла. Она, конечно же, не могла даже представить, как далеко эта дружба зайдёт. «Ганс Христиан» был рядом с нею, когда больше никого не было; его можно было спросить о том, о чём никого не спросишь; с ним можно было поделиться тем, чем больше поделиться было не с кем.

В начале их переписки Аня решила приписать себе лет пять-шесть, но «Ганс Христиан» быстро вычислил, что она ещё ребёнок. В их дружбе не было романтики. В ней было другое — необходимость быть откровенным и быть услышанным, необходимость поддержки и ободрения, совета и утешения. Всё это Аня получала в той или иной степени от мамы и тёти Майи, но этого было мало. Анна не говорила матери, но сама чувствовала, что в «Гансе Христиане» она нашла своего виртуального отца. Он был намного старше её и, действительно, по годам годился ей в отцы. Работал он в крупном банке и много путешествовал, делясь с Анной своими впечатлениями то о Бразилии, то о Мексике, то о Швейцарии.

Когда мамы ночами не бывало дома, а это происходило всё чаще, так как она работала теперь переводчицей и много разъезжала по стране, Анна подолгу засиживалась за виртуальной беседой с «Гансом Христианом». Она не могла заснуть, не поговорив с ним. Когда он не мог с ней общаться, то присылал слова одной и той же колыбельной песенки:

Lay you down now, and rest,

May your slumber be blessed!

Глава 10. Знакомство с маньяком

Всякий желающий лгать с толком должен лгать редко.

Лорд Харвей. «Воспоминания о правлении короля Георга Второго», т. 1, гл. 19

Ich kenne mich auch nicht und Gott soll mich auch davor behuten.

(Я себя знаю плохо, и не дай мне Бог знать себя лучше.)

Иоганн Вольфганг Гёте,

10 апреля 1829 года

2007, 7 сентября, Рим

Небольшое уютное кафе, одно из тех, в которых меню вывешивают прямо на улице, находилось всего в двух кварталах от здания, где профессор Фера некогда преподавал. По стенам были развешаны картинки со стилизованными бычьими головами разных цветов. Анна, к своему смущению, вначале приняла эти разноцветные треугольники за нижнее бельё. Стены были почему-то покрашены в розовый цвет, который, казалось, впитал в себя бесконечные пары кислого вина и жарящегося мяса. Молодые люди, студенты университета, были здесь главным украшением, а их смех, которым поочерёдно взрывался то один, то другой столик, делал это местечко уютным и весёлым.

Профессор Фера сидел в углу на веранде, выходящей на маленький аккуратный римский дворик. На вид профессору было лет шестьдесят, и он был ещё более худ, чем на сравнительно недавних фотографиях. Впрочем, он не производил впечатление человека физически больного, но скорее страдающего неврастенией. Наполовину пустой графин вина стоял на столе, а профессор Фера нервно вращал указательным пальцем по ободку бокала. Он не заметил, как к нему подошла Анна.

Она была одета просто — в белую хлопчатобумажную юбку, старомодно прикрывающую колени, и серую облегающую майку. Но это только подчёркивало красоту и стройность её фигуры. По её плечам струились тёплые золотые волосы, притягивающие взгляд.

— Профессор Фера? — улыбнулась она приветливо. — Я извиняюсь за своё опоздание.

На мгновение профессор замер. Затем, словно стряхнув с себя оцепенение, с неожиданной ловкостью поднялся со стула, чтобы приветствовать Анну. Он улыбнулся улыбкой, которая не могла скрыть его волнения и выстраданной грусти.

— Не надо, не извиняйтесь, — сказал он, пододвигая для неё кресло. — Скажите лучше, что будете пить.

У профессора было интеллигентное нервное лицо, кожа имела сероватый нездоровый оттенок, но в эту минуту щёки слегка подкрасил румянец — не то от вина, не то от волнения.

— Я бы, наверное, заказала то, что пьют здесь все, — улыбнулась Анна.

— Как вам будет угодно, — любезно произнёс профессор Фера, внимательно изучая её лицо. — Только должен предупредить — вино здесь пьют молодое, уценённое. Вам оно может не понравиться.

— Я мало понимаю в винах, — улыбнулась Анна, — поэтому вряд ли смогу отличить молодое вино от старого, а дорогое — от уценённого.

— Ну, это можно поправить, — отозвался профессор. — Винопитие имеет многовековые традиции в Риме, которые я обычно и представляю туристам.

— Вообще-то я здесь для того, чтобы изучать архитектуру, — с улыбкой напомнила ему Анна.

— В Италии архитектура неотделима от винопития, — продолжал профессор, подзывая рукой официантку. — У нас даже есть памятник их симбиозу — Пизанская башня. Люси! Люси!

К столику торопливо приблизилась молодая девушка в переднике и мини-юбке. Анна как-то сразу почувствовала, что эта девушка — славянка, скорее всего, русская или украинка.

— Принеси нам, пожалуйста, графинчик сухого белого вина, «Гави», к примеру, — сказал ей профессор. — А что вы будете кушать?

Анна только сейчас сообразила, что голодна. Она посмотрела в предложенное ей меню и остановила свой выбор на свежем хлебе с сыром, овощном салате и куске грибного пирога.

— А мне принеси салат с помидорами и оливками, мой обычный, — заключил профессор. — А на десерт — ваши кофейные пирожные, те, которые потемнее, и кофе со сливками.

Через минуту Люси принесла им ещё один графин с вином. Профессор Фера плеснул в рюмку золотистой прозрачной жидкости, взболтал, понюхал и удовлетворённо кивнул.

— Не так оно и плохо, — он налил немного вина Анне в рюмку. — Никогда не покупайте вино в бутылках — дорого. Лучше брать графинами или большими бокалами — так дешевле.

Анна взяла в руку рюмку.

— Первое, на что надо обращать внимание в вине, — продолжил профессор, — это насколько оно прозрачно, нет ли в нём осадка.

Он посмотрел на неё через золотистую жидкость, преломляющую всё в причудливые формы и одевающую Анну в солнечный свет.

Анна тем временем глядела на руки профессора. Могли ли эти тонкие пальцы быть пальцами убийцы? Она подумала, что его пальцы похожи на пальцы Толяна — такие же длинные, нервные и красивые.

— Как вы можете видеть, — профессор Фера смотрел сквозь играющую в стакане жидкость одним глазом, — это вино не вполне яркое и прозрачное, виноделец не дождался, пока закончится вторичная ферментация. Или осталось немного не переработанного сахара, или же в вино попали посторонние бактерии.

— А его безопасно пить? — насторожилась Анна.

— Не отравимся, — уверил её профессор. — Но я говорю слишком много, и всё не о том... Я так понимаю, вас более интересует римская архитектура?

Несмотря на свои попытки казаться непосредственным и весёлым, профессор был напряжён и с трудом скрывал волнение.

— Да, архитектура меня интересует, профессор, — улыбнулась она. — Но, честно признаться, никогда мне не доводилось изучать её систематически. Однако после чтения вашей книги мне показалось, что если я имею отношение к строительному бизнесу, то должна хотя бы немного понимать язык камня и форм. В конце концов, однажды мне захочется выстроить дом и для себя. Я хочу знать, что делаю.

Профессор Фера вдруг понял, что слышит те самые слова, которые где-то в глубине души желал услышать все эти мрачные годы. Но кто она такая, эта Анна Грин? Ему довелось видеть немало богатых бездельников, путешествующих на бесконечные деньги родителей и не знающих, что делать со своей жизнью. Она не была на них похожа. Её лицо не носило следов распушенности, присущей прожигателям жизни. Напротив, оно было ясно, умно и глядело на всё с любопытством. Но не было оно и до конца откровенным, отметил Адриан.

— Я честно признаюсь, что не понимаю одной самой главной вещи — почему вы избрали

именно меня?

— Я же говорила вам, — Анна поспешила успокоить его растущее волнение. — Я прочитала вашу книгу. А мой отец всегда говорит — надо учиться у лучших. Я считаю вас лучшим — в том, по крайней мере, что меня интересует.

Адриан замер на минуту. Он внимательно посмотрел на неё.

— Вы ведь не американка, верно? — сказал он.

— Я русская, — улыбнулась Анна. — Мой отец иммигрировал в Штаты, когда мне было десять лет. Но русский язык я не забыла.

— Люси — она тоже, кажется, русская? — заметил профессор.

— Да, я тоже так поняла, — призналась Анна.

Профессор снова помрачнел.

— Думаю, что не совсем верно построил свой вопрос. Поставлю его теперь вот как, — он наклонился ближе к ней. Его глаза заволклись, как туманом, и он тихо произнёс:

— Я провёл семь лет в больнице для умалишённых за убийство студентки. Вы ведь знаете это? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

— Да, знаю, — выдавила она, с трудом выдерживая его взгляд.

— Но как? — взорвался профессор. — Как вы можете так вот обратиться к убийце?

Люди за соседними столиками покосились на него, и Адриан понизил голос:

— И как я могу поверить, что ваш отец отпустил вас на встречу с Джеком Потрошителем?

— Я сама приехала, — сказала Анна, опуская глаза, — и приехала я не на встречу с Джеком Потрошителем, а на встречу с профессором Адрианом Фера.

Адриану стало стыдно за то, что он без причины обидел её. Но и сдаваться он не хотел.

— Разве это не одно и то же? — спросил он, внимательно изучая Анну.

— Нет, — уверенно сказала она. В этот момент она испытала глубокую жалость к этому человеку. Что бы он ни сделал в своей жизни, он не был похож на злодея, зверя. Ей показалось, что в его глазах промелькнула как будто надежда.

— Скажите честно, — Адриан внимательно посмотрел в её глаза, — вы — журналист?

— Нет, — с улыбкой покачала головой Анна.

— Тогда из полиции — из Интерпола, правильно?

— Вы думаете, Интерпол должен вами интересоваться?

— А почему бы и нет?

— Должна вас в таком случае разочаровать, — улыбнулась Анна. — Я не из Интерпола. И к полиции не имею никакого отношения. Я — частное лицо, понимаете?

Профессор с минуту сидел молча. Потом снова наполнил бокалы.

— Так что же вас интересует? — спросил он.

— Я хочу знать, устроят ли вас мои условия, — просто ответила Анна. — Я хочу научиться понимать язык архитектуры — то, о чём вы пишете в книге. За это я могу платить вам две тысячи евро в неделю.

Адриан присвистнул.

— Слишком много денег для бедного гида, — покачал он головой.

— И слишком мало для профессора Фера, — добавила Анна.

— Профессора Фера давно нет, — отозвался Адриан, осушая свой бокал. — Так вы серьёзно насчёт двух тысяч в неделю?

Таких денег Адриан не зарабатывал со времён университета. В тяжёлые времена он бывал рад и одной или двум сотням.

Анна полезла в сумочку, достала оттуда конверт и протянула профессору.

— Деньги за первую неделю.

Адриан взял конверт и заглянул внутрь. Анна заметила, как лицо его изменилось, помрачнело, а кожа на нём натянулась, подчёркивая его и без того острые скулы. На мгновение Анне показалось, что на неё действительно смотрит сам Джек Потрошитель.

— Я не верю вам, — сказал он, отодвигая конверт в сторону Анны. — Вы не говорите мне всей правды.

Анна хотела остановить его руку и нечаянно опрокинула свой бокал. Вино полилось по столу, со стола — на салфетку и её белую юбку.

— Простите! — воскликнул профессор, вскакивая с места.

— Пустяки, — постаралась улыбнуться Анна. — Хорошо ещё, что мы пили белое вино.

Адриан нервно сел на стул и закурил сигарету.

— Скажите мне честно, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Вы работаете на CDF?

— Вы опять про это? — устало выдохнула Анна. — Вы хоть объясните, что такое CDF? Я, видите ли, никогда не встречала такую комбинацию букв.

Профессор оказался ещё более странным, чем она его себе представляла. Впрочем, Анна уже давно решила, что, по большому счёту, ей совершенно всё равно, удастся ей завербовать профессора или нет. В конце концов, она играла в чужой игре.

Профессор Фера смотрел на неё очень внимательно.

— Вы что, действительно не знаете, что такое CDF?

— Простите мне моё невежество.

— CDF — это Конгрегация по вопросам доктрины и веры. Так они сейчас именуют инквизицию. Её агенты, — он смерил Анну подозрительным взглядом, — или фамилиары, как их раньше называли, доносили на еретиков, которых потом отдавали на произвол инквизиции.

— Наверное, не смогу вам представить никаких доказательств, — сказала Анна, — но я не имею никакого отношения к инквизиции. И я даже не католичка. К тому же я считала, что инквизицию давно отменили.

— Вряд ли я могу вам поверить или с вами согласиться, — отозвался профессор.

— Ну что ж, — пожала Анна плечами. — Презумпция невиновности не работает в Риме.

— Это верно, — устало согласился он.

— Тогда, — заключила Анна, — я извиняюсь за потраченное время.

«Что ж, — думала она, поднимаясь из-за стола, — на этом моя короткая римская миссия окончена — не могу же я силой навязываться этому профессору». Анна не знала, радоваться ей или печалиться, и решила отнестись к провалу по возможности равнодушно. Она краем глаза осмотрела мокрую юбку, которая теперь неприятно липла к ногам.

— Прощайте, профессор. Ещё раз извините за беспокойство, — сказала она, поднимаясь из-за стола.

— Подождите! — вскочил профессор Фера.

Они стояли теперь друг против друга, понимая, что вот сейчас их пути разойдутся и они никогда уже больше не увидятся. Ему внезапно стало стыдно, что он так грубо оттолкнул её. С какими бы намерениями ни явилась эта зеленоглазая женщина, напомнившая ему Роберту, Адриану было хорошо рядом с ней. Так беспричинно хорошо ему давно уже не было.

— Вот, — сказал он, протягивая ей конверт, — вы забыли ваши деньги!

Анна посмотрела на профессора. Если бы не обстоятельства их встречи и не знание о его ужасном прошлом, он мог бы ей, наверное, даже понравиться. У него было открытое и благородное, хотя и истерзанное лицо, высокий лоб, большие выразительные глаза.

— Пожалуйста, оставьте деньги себе, — сказала Анна с королевской грацией.

Она вдруг вспомнила евангельскую притчу о неверном, но хитром распорядителе, который, зная, что скоро его службе придёт конец, раздавал людям хозяйские деньги. Анна улыбнулась, думая о том, какую взбучку в самое ближайшее время получит от генерала Смирнова — не столько за выброшенные деньги, сколько за проваленное задание. Впрочем, босс от этого ничуть не обеднеет.

— И ещё вот что, профессор... Адриан, — добавила она, пристально глядя в его глаза. — Я надеюсь, что когда-нибудь рядом с вами ещё окажется человек, которому вы сможете доверять. А теперь прощайте.

Анна повернулась и направилась к выходу из кафе. Она сделала всё в соответствии с полученными инструкциями. «Всё к лучшему», — подумала она.

— Пойдите! — крикнул вслед ей профессор Фера и поспешил к Анне. — Я не могу взять этих денег, — сказал он, догнав её у выхода из кафе. — И, если хотите и не боитесь меня, то я буду вашим гидом — я всё равно ничем не занимаюсь. А время моё — оно совершенно ничего не стоит.

Анна замерла. К худшему ли, или к лучшему, но её римские приключения ещё не закончились. Она с горечью поздравила себя с тем, что ей удалось-таки справиться с ролью шпиона — по крайней мере, на первом этапе.

— Деньги вы всё равно оставьте себе, — снисходительно приняла капитуляцию Анна.

Они договорились встретиться завтра утром, и профессор даже не вызвался проводить Анну, за что она была ему весьма благодарна — ей требовалось время, чтобы прийти в себя.

Как только Анна рассталась с Адрианом, зазвонил её сотовый телефон.

— Алло? — осторожно сказала Анна.

— Блестяще, Анна! — раздался в трубке голос-робот, за которым Анна всё-таки признала интонации босса. — Ты сделала, кажется, всё, чтобы он не клюнул на твою удочку. А он всё равно клюнул. Тебе везёт!

— Я не понимаю... — начала Анна.

— И не надо ничего понимать, — прервал её генерал. — Блестящая работа!

— Спасибо, — пробормотала Анна и чуть не добавила: «Игорь Семёнович».

— Have fun! — механическим голосом сказала трубка.

Глава 11. Сны Рима

Пока закат придёт заре на смену,

пройдёт история. В ночи слепой

пути завета вижу за собой,

прах Карфагена, славу и геенну.

Отвагой, Боже, не оставь меня,

дай мне подняться до вершины дня.

Хорхе Луис Борхес. «Джеймс Джойс» (пер. Б. В. Дубина)

2007, 8 сентября, Рим

— Если вы ещё не передумали насчёт того, чтобы я вас чему-то учил, — поспешил объявить Адриан, когда на следующее утро он встретил Анну, как было условлено, в небольшом парке неподалёку от её гостиницы, — то я разработал для вас особую программу.

Анна удивилась той перемене, которая произошла с профессором за эти несколько часов. Он был свежевыбрит, одет в красивый летний костюм, оставшийся, видимо, ещё со времён преподавания. Его глаза светились жизнью.

— Мы отправимся в путешествие во времени и увидим, как строился Рим, как эволюционировала его архитектура, — объявил он.

Они прошли по улице, каждый второй дом которой был превращён в небольшой уютный отель с большими стеклянными окнами и прозрачными дверьми фойе, за которыми виднелись неизменные лампы с зелёными абажурами и мягкие кожаные диваны. На улице

пока ещё было свежо, но нетрудно было догадаться, что через час-другой солнце замедлит бодрый утренний ритм улицы, заставит людей искать тень.

— Вы, наверное, очень любите свой город, профессор? — поинтересовалась Анна.

— Люблю? Да, очень. Но... знаете, Анна, бывают такие отношения, которые основаны одновременно на любви и на ненависти, — вы, вероятно, слышали о таких. Как правило, это самые прочные и самые мучительные отношения.

— Я, наверное, не должна спрашивать, — осторожно отозвалась Анна, — но откуда в вашем случае взялся этот элемент ненависти?

— А разве вы и так не знаете? — усмехнулся профессор. — Этот город разрушил мою жизнь. Просто взял и разрушил совершенно... Но давайте лучше поговорим об архитектуре — ведь мы здесь именно для этого, не правда ли?

— Да, конечно, — поспешила подтвердить Анна. Ей показалось, что в голосе профессора послышалась не то горечь, не то ирония.

— Так вот, — начал профессор, — здания, особенно древние, являются в первую очередь носителями определённых идей; их функциональность всегда стоит на втором плане. Они — сама история, запечатлённая в камне. Размеры, пропорции, формы, цвета, линии, перспективы, игра света — всё это язык, на котором говорили архитекторы и строители. Этот язык более или менее понятен всем, кто имеет дело с семиотикой. Люди, которые строили Рим, как, впрочем, и любой другой город, использовали многие образы, чтобы выразить свои сознательные и подсознательные идеи, наклонности, желания, убеждения, идеалы. Архитектура, как и всякое другое искусство, говорит на своём собственном языке...

Небольшая улочка, по которой они до сих пор шли, как малая речушка влилась в полноводную реку широкого проспекта, окаймлённого массивными зданиями.

— И этот язык не появился на свет вместе с жилыми многоквартирными комплексами и супермаркетами — этими «машинами» для жилья и покупок, — продолжил профессор. — Язык архитектуры формировался одновременно с ранними формами религии, поскольку самые первые общественные здания имели культовое происхождение. Римская архитектурная традиция, таким образом, основана на древней культовой символической. Тем, кто с этой символикой знаком, понятен её язык.

— Мне интересно было бы знать и понимать этот язык, — тут же откликнулась Анна.

— Выучить этот язык не так сложно, как многие полагают, — отозвался профессор. — На самом деле, он так ярок и выразителен, что архитекторам постоянно приходилось смягчать некоторые его откровенные выражения. Писатели играют для этого словами, архитекторы — камнями, что и делает язык более богатым, выразительным, но и менее доступным для постороннего взгляда — требующим толкования. Слова используются как для передачи значения, так и для его сокрытия, — заключил профессор. — Язык архитектуры — это сон города, который понятен не всем и требует толкования. Римская архитектура — это сон Рима, память о его прошлом.

С каждым сказанным словом и предложением профессор Фера вдохновлялся всё более. Долго сдерживаемая им страсть к преподаванию теперь рвалась наружу, и, благодаря своей новой музе, в нём просыпался Учитель.

— Мы начнём с самых старых сохранившихся римских построек, — объявил профессор, когда они вместе с другими прохожими стояли у светофора, ожидая зелёный свет. — А потом проследим эволюцию наметившихся идей. Я выбрал те архитектурные памятники, которые

наиболее полно вмещают в себя дух породившего их времени.

Они перешли запруженный автомобилями и мотороллерами проспект и снова нырнули в тихую улочку, почти переулок.

— Я полностью верю вам своё образование, профессор, — улыбнулась Анна. — Поступайте как считаете нужным.

— Пожалуйста, не называйте меня профессором, — сказал он, останавливаясь и глядя на Анну. — Какой я профессор? Зовите меня Адриан, хорошо?

— Хорошо, — улыбнулась Анна. — Я очень польщена, что могу называть учёного такого уровня по имени.

— Учёного? — нервно засмеялся Адриан. — Скорее сумасшедшего. Но не важно. Так о чём мы сейчас говорили?

— Мы говорили, что начинать надо с самых древних построек...

— Правильно, — кивнул профессор. — И именно поэтому мы сейчас направляемся к Пантеону. Ни одно из древних зданий во всём мире не сохранилось так хорошо, как это.

— А что означает слово «Пантеон»? — поинтересовалась Анна. — «Все боги»?

— Лучше сказать — «храм всех богов», — уточнил Адриан. — Храм был построен в честь победы в битве при Акциуме в 31 году до нашей эры консулом Агриппой. Однако во время пожара 80 года нашей эры это здание, как и многие другие в Риме, было почти уничтожено. Тот Пантеон, который мы знаем сегодня, был построен около 125 года моим тёзкой, императором Адрианом.

— Тоже в честь какой-нибудь победы? — продолжала задавать вопросы Анна.

— Скорее это был показательный жест императора-космополита, который неплохо знал Восток и являлся поклонником греческой культуры и религии. Вероятнее всего, новый Пантеон был задуман как платформа для синкретизма и экуменизма — единая империя требовала единой религии. Пантеон должен был вместить богов всех тех стран и народов, которые являлись частью Рима. Это была своего рода ловушка для богов и послушных им народов. Целью Адриана было создать иерархию богов, в которой главенствующее место занимал бы главный бог Рима — бог солнца. Уже своими размерами и формой Пантеон даёт это понять?

— Формой? — не поняла Анна.

— Пантеон выстроен в форме круга, что во всех древних религиях безошибочно указывает на солнце. Это единое громадное пространство, которое расходится из одной круглой точки на вершине купола — той точки, через которую в здание проникает солнечный свет. А уже вдоль круглой стены здания располагались статуи всех известных на Востоке и Западе богов. Всех их стащили туда, под римский стяг. А начиная с VII века Пантеон становится христианским храмом — и для этого не понадобилось многое менять... Кстати, — Адриан взглянул на Анну, как будто вспомнив что-то, — я ведь ещё, кажется, не спрашивал — верите ли вы в Бога? Я не хочу оскорбить ваши религиозные чувства.

— Я не думаю, что вы сможете как-то оскорбить мои религиозные чувства, профессор... то есть Адриан, — улыбнулась Анна. — Когда я была маленькой девочкой, то, кажется, верила ещё в Бога — хотя по-своему, втайне от других. Но, наверное, эта вера больше напоминала веру в сказки. Помните, был такой сказочник — Ганс Христиан Андерсен, — грустно улыбнулась Анна. — Так вот, мне очень нравились его сказки. А потом я просто перестала в

них верить — ведь нельзя же верить сказкам всю жизнь?

— Иногда мне кажется, что неплохо было бы верить сказкам всю жизнь, — кивнул понимающе Адриан. — Но кто может позволить себе такую роскошь? Мы слишком много знаем... Однако мы уже почти на месте.

Глава 12. «Поросёночек Минервы»

Видящий символы, высеченные на обелиске из премудрого Египта, который несёт слон, сильнейший из всех животных, поймёт, что крепкий ум созиждет истинную мудрость.

Надпись на основании египетского обелиска, установленного на площади Минервы в Риме. Слова были продиктованы папой Александром VII

2007, 8 сентября, Рим

Через тонкие подошвы летних сандалий Анна ощущала прикосновение древних камней, которыми была вымощена омытая солнцем площадь. Здания довольно простой архитектуры, окаймляющие площадь двумя ровными полукругами, оставляли широкий проход с наиболее удалённой от Анны стороны. Проход вёл напрямую к гигантской массе кирпича и раствора, и казалось, что громада Пантеона вот-вот ринется на них через узкий уличный проход, круша на своём пути все эти мелкие и хлипкие в сравнении с нею постройки.

— Мы находимся на площади Минервы, у церкви Святой Марии над Минервой, — прокомментировал Адриан.

— Марии над Минервой? — переспросила Анна. — Но почему «над Минервой»? Мне казалось, что Минерва — это что-то из греческой мифологии.

— Так оно, по сути, и есть, — кивнул Адриан. — Минерва была этрусским эквивалентом греческой богини Афины. Это была богиня-девственница, покровительница мудрости, искусства, образования и торговли — другими словами, под её началом находились главные сферы человеческой деятельности. — Адриан умолк на минуту, потом, горько улыбнувшись, добавил: — Статуя Минервы установлена на главной площади моего университета. Десять лет назад эта мадам пинками выгнала меня оттуда.

— Это случилось после истории с Робертой? — осторожно спросила Анна.

— Нет, — покачал он головой. — Это произошло ещё до Роберты.

Анна видела, что, куда бы ни шёл профессор, он всегда в памяти возвращался в своё прошлое. И это, по всей видимости, причиняло ему немалую боль.

— Так где же всё-таки церковь этой Минервы? — поинтересовалась она, оглядываясь по сторонам и не видя ничего, что напоминало бы церковь или храм.

— Да вот же она, — Адриан указал на плоский фасад белого здания с тремя круглыми окнами и тремя дверьми. Крыша здания была плоской, и Анна не видела ни креста, ни другой традиционной христианской символики. Вплотную к церкви Минервы располагалось другое плоское, оранжевого цвета здание. Справа от себя Анна заметила ещё одно похожее сооружение, на этот раз жёлтого цвета. На фасаде здания огромными буквами было

выведено название самого дорогого в Риме отеля: «Минерва».

Они уже собирались идти дальше в сторону Пантеона, как вдруг внимание Анны привлёк странного вида архитектурный памятник, как-то асимметрично стоящий на площади. Чего-чего, а всякого рода памятников и монументов в Риме было множество, и Анна не успевала сфокусировать своё внимание на каждом из них. Она даже растерялась от этого изобилия. Но такого, как этот, она ещё не видела.

На гранитном пьедестале стоял мраморный слон, точнее слонёнок, на спине которого строго вертикально возвышался обелиск высотой метров в пять–шесть. Остроконечный столб из красного гранита был раза в три выше самого слонёнка. На сторонах обелиска были высечены странные символы, напоминающие египетские иероглифы. Вершина обелиска была увенчана своего рода короной с элементами яйца, звезды и креста.

— Это Пульчин делла Минерва — «цыплёночек Минервы», — прокомментировал Адриан, заметив её интерес к слонёнку. — Так этот памятник называют римляне сегодня. А раньше именовали Порцин делла Минерва — «поросёночек Минервы».

— Да, верно, — рассмеялась Анна, разглядывая слоника. — Поросёночка он и впрямь напоминает.

Чем дольше смотрела Анна на слонёнка, тем больше ей казалось, что в его фигуре, во всём образе таилась какая-то загадка. Стоял слонёнок почему-то боком, и не на середине площади, и странно таращился своими, правда что, поросычьими глазками. Но самым странным и неправдоподобным в образе слонёнка было то, что он улыбался, точнее ухмылялся, чему-то, о чём теперь помнил, наверное, только он один.

— Перед нами один из четырнадцати египетских обелисков, установленных в Риме, — привычно заметил Адриан. — Пятнадцатый был утерян — пропал.

— Пропал обелиск? — удивилась Анна. — Кто, интересно, мог его украсть?

— Вот и я думаю — кто? — задумчиво произнёс Адриан. — В любом случае, даже в Египте сегодня нет такого количества обелисков, как в Риме. А этот вот обелиск, — махнул он в сторону слонёнка, — самый маленький из всех. Говорят, он был сделан в VI столетии до нашей эры по заказу фараона Априса из Саиса.

— А зачем ему понадобился этот обелиск? — поинтересовалась Анна.

— Обелиск — это и усечённая, стоящая на малом основании пирамида, и центральный знак, символ в религии поклонения солнцу, — объяснил он. — Обелиск указывает прямо на своё божество.

Анна стояла перед произведением человеческих рук — и, по всей видимости, рук многих, сильных и умелых, — которому было уже около двух с половиной тысяч лет. Её жизнь, человеческая жизнь, казалась в сравнении с этим обелиском столь же коротка, как жизнь мухи, которую Анна только что смахнула с локтя.

— Но что египетские обелиски делают в Риме? — удивилась она.

— Считается, что этот обелиск и его двойник были доставлены в Рим императором Диоклетианом где-то между 284-м и 305-м годами, — объяснил профессор. — Его поместили примерно на этом же самом месте, перед входом в храм Исиды, который в те дни здесь находился. С нашествием варваров Рим был сожжён и разрушен, а обелиски повалены и захоронены под руинами. Этот вот обелиск пролежал в земле всё Средневековье, и только в XVII веке, когда площадь Минервы перешла к доминиканскому ордену, он был снова

водружён — на построенного специально для него слонёнка.

— Странно, что монахов мог заинтересовать египетский обелиск, — заметила Анна.

— Странно? — отозвался Адриан. — Вовсе нет. Римляне всегда бредили Египтом. Кстати сказать, первым заинтересовался обелиском сам папа, которым в ту пору был Александр VII. Тот просто боготворил Египет. На его фамильном гербе были изображены пирамида и звезда — два главных символа египетской религии. Поэтому ничего нет удивительного в том, что он заказал дизайн и строительство пьедестала лучшему из лучших — самому Бернини.

— Не может быть! — невольно вырвалось у Анны. — Бернини?

Она с растущим любопытством смотрела на загадочного слонёнка. Как и в улыбке Джоконды, в его ехидной ухмылке, безусловно, крылась какая-то загадка. Вдруг Анне почудилось, что она уловила секрет этой ухмылки. Она обошла слонёнка сзади.

— Нет, этого не может быть! — прошептала она. Мускулы на задних лапах и на туловище слонёнка были напряжены точно так же, как у собаки, когда та присаживается по большой нужде. Сомнений быть не могло: слонёнок опорожнялся. «И это — работа великого Джованни Бернини, построившего знаменитые своей элегантностью римские фонтаны? — думала Анна. — Гениального зодчего, чьё архитектурное видение во многом определило вид площади Святого Петра!»

— Он что... правда... того... — повернулась Анна к Адриану.

— Опорожняется? Правда, — кивнул Адриан. — У вас острый глаз, мисс Грин. Я провёл по этой площади немало туристов. Но они как будто бы все слепые — ничего не видят. Они только умиляются и фотографируются.

Анна должна была признать, что ей становилось интересно находиться с профессором Фера, хотя при этом она ни на минуту не забывала, что перед нею человек, зверски убивший другого, близкого ему человека. Скорее всего, думала она, он убил Роберту в состоянии аффекта, а потому не был самим собою, не понимал, не помнил, что делал... Но тогда кем он был? И где прячется сейчас этот другой человек-зверь? Ведь, согласно рассуждениям генерала Смирнова, маньяк должен проснуться и повести её в подземелье. Эти мысли Анна старалась отгонять в надежде, почти уверенности, что этого не произойдёт. Зачем бы вдруг Адриан потащил её под землю? Но именно этого Анна и должна была добиваться. Она решила последовать совету генерала и не спешить. Совсем не спешить!

— Но... но почему он делает это? — спросила Анна, разглядывая слонёнка.

— Вопрос не столько в том, почему он это делает — это является вполне естественным актом. Вопрос в том, на кого он это делает, — поправил её профессор.

— И на кого же он это делает?

— А вот посмотри... посмотрите, — поправился Адриан, — куда указывает его хвост.

Анна посмотрела вместо этого на него.

— Я думаю, что нам лучше называть друг друга по имени, Адриан, — сказала она. — Тем более что от меня ты этого уже добился.

Адриан посмотрел на Анну, как ей показалось, с благодарностью и грустью. Она заметила, что он всегда был грустен — даже когда казался весёлым.

— Хорошо... Анна, — согласился он.

Что-то внутри у неё ёкнуло в тот момент, когда он назвал её по имени. Как будто она только что отдала этому малознакомому человеку ключи от какой-то двери, открывающей к ней, Анне, прямой доступ. Но затем она подумала, что всё это — глупости.

— Посмотри, куда указывает хвост слонёнка, — попросил Адриан.

Анна проследила взглядом безошибочный вектор слоновьего хвоста — он указывал прямо на массивную дверь какого-то оранжевого здания.

— Это — доминиканский монастырь, — пояснил Адриан. — Бернини делал слона по заказу и эскизам доминиканца Доменико Паглия, который жил здесь. Бернини не мог отказаться, потому что за всем делом стоял сам папа. Но ему совсем не льстило, что с его именем будут связывать композицию, задуманную кем-то другим. Ведь согласно эскизам монаха Паглия слон должен был быть изображён в уменьшенном виде. Бернини вместе со своим учеником, Эрколе Феррата, выполнил заказ, но при этом они позволили себе и некоторую вольность в отношении доминиканцев. Впрочем, шалость сошла им с рук, потому что сам папа уже начинал опасаться растущего влияния этого ордена.

— И как это монаху взбрела в голову идея водрузить обелиск на слона?

— Доменико Паглия тоже не был автором этого эскиза, — покачал головой Адриан. — Он только настоял на том, чтобы эта идея была осуществлена.

— Кому же принадлежала сама идея? — не унималась Анна.

— Это длинная история, — неуверенно сказал Адриан.

— А разве у нас мало времени? — улыбнулась Анна ободряюще. Она видела, что когда он говорит о таких вещах, как архитектура, история, то поднимается над своей извечной болью. Анне было жаль эту истерзанную душу, пусть даже и страшно грешную. Кроме того, ей на самом деле было интересно его слушать — любовь к знаниям, заложенная в Анне некогда через уроки тёти Майи, снова просыпалась в ней. А учительской харизмы Адриана хватило бы, чтобы зажечь и большую аудиторию.

— Хорошо, — согласился Адриан. — Я расскажу коротко. Слон, несущий на спине обелиск, шагнул сюда со страниц одной из самых прекрасных и ценных инкунабул, когда либо созданных.

— Инкунабул?

— Инкунабулы — это книги, напечатанные по особенной технологии до 1501 года, — объяснил Адриан. — Для каждой страницы изготавливалась пластина из цельного куска дерева, на которой искусный гравёр-художник в зеркальном виде вырезал буквы и рисунки. Таких книг сохранилось очень мало, и они представляют собой огромную ценность. Особенно эта — *Hypnerotomachia Poliphili*, «Любовное бorerение во сне Полифила».

— И о чём же повествует эта загадочная книга? — поинтересовалась Анна.

— Это трудно объяснить, — уклончиво сказал Адриан. — Вообще, очень скандальная книга. Некоторые полагают, что это — средневековая эротика. Карл Густав Юнг, когда работал над своей теорией сновидений и образов, серьёзно изучал эту книгу. Кому-то виделся в ней учебник по архитектуре, кому-то — сонник.

— Ну а сюжет-то у этой книги есть? — спросила Анна.

— Есть, но на первый взгляд — это просто бред, сон. Её главный герой Полифил, что буквально означает «любитель многих вещей», влюбляется в Полию — буквально, «многие

вещи». Полифил видит сон, в котором он оказывается то в дремучем лесу, где встречается с драконами, волками, нимфами и многочисленными архитектурными памятниками странного вида, то переносится в другие опасные места. Многим виденным им памятникам даётся подробное описание. В книге сто шестьдесят восемь замечательных гравюр, ксилографий, оттиснутых с деревянных пластин. Этот слон тоже вышел из снов Полифила.

— И что вы думаете об этой книге, профессор Адриан? — допытывалась Анна.

— Думаю, эта книга — большая загадка, — ответил он. На этот раз он не заметил или сделал вид, что не заметил, как Анна назвала его профессором. В глубине души ему всё-таки нравилось, когда его так называли. — В ней содержится немало нерасшифрованных слов, включая слова арабского и еврейского происхождения, а также египетские иероглифы. Проблема, однако, в том, что эти слова и иероглифы — не настоящие. Автор — кем бы он ни был — фактически создал новый язык, чтобы скрыть те вещи, которые не мог спрятать иносказанием и символами. Ясно лишь, что книга эта содержит старые гностические или языческие идеи, трудно совместимые с христианством.

— И, несмотря на это, одна из её историй берётся в основу этого монумента? — сделала предположение Анна. — Да, интересная история — а я чуть не прошла мимо. Жаль, что мы, люди, так ограничены и не можем знать всего.

Адриан внимательно посмотрел на неё.

— Умножающий познания умножает скорбь, — произнёс он. — Это не я говорю, а в Библии так сказано.

Анна снова взглянула на обелиск.

— А что тут написано? — поинтересовалась она, кивая на высеченные на нём знаки.

— На гранях обелиска — имена египетских божеств и приветствия им, — сообщил Адриан.

Взгляд Анны упал на надпись, высеченную на постаменте. Но хотя слова она прочесть могла и они казались ей знакомыми, ничего понять ей не удавалось.

— Это латинизированный итальянский язык, — пришёл ей на помощь Адриан. — Надпись была продиктована Бернини самим папой Александром. Перевести эти слова можно примерно таким образом: «Видящий символы, высеченные на обелиске из премудрого Египта, который несёт слон, сильнейший из всех животных, поймёт, что крепкий ум созиждет истинную мудрость».

— Звучит как шарада, — задумалась Анна.

— И всё-таки основная идея ясна, — уточнил Адриан. — А идея такая, что Египет всё ещё жив в Риме и здравствует, а его божества получают должные почёт и уважение.

— Не может быть, — не поверила Анна. — Это же XVII век, эпоха Ренессанса, просвещения. Европа давно уже была христианской.

— И тем не менее тайные языческие знаки и символы находятся на центральном месте на всех великих постройках Рима, да и вообще Европы, — уверил её Адриан. — Гильдии каменщиков, или масонов, производивших строительные работы, равно как и заказчики, прекрасно знали, что стоит за этими символами. Почти в каждом европейском соборе можно видеть Исиду и её сына Гора с нимбами на головах, сияющими, как солнце, и в окружении двенадцати знаков Зодиака. Имена им даны новые — Мария и Иисус, но по сути ничего не изменилось — это поклонение силам природы, вечный, исконный поиск бессмертия, выраженный в идее прокреации, размножения. Митра, бог солнца, всегда являлся истинным

богом Рима. Под каждым великим собором Рима можно найти святилище Митры. Доминиканцы, когда получили в своё владение храм Минервы, возродили празднование традиций, связанных с этим храмом. Каждый год монашки, эти новые жрицы храма, устраивали хороводы и оплакивали Гора-Хоруса-Христа.

— И всё же, Адриан, я так и не поняла, почему здесь появился этот слон.

— Дело в том, что, как я уже сказал, раньше на этой площади стоял храм Минервы. А ещё раньше — храм Исиды и Венеры. Некоторые зовут это эволюцией религии. Сегодня здесь церковь Марии. И обелиск по отношению к ней располагается точно так же, как располагался он по отношению к языческим храмам.

— Но почему это так важно? — поинтересовалась Анна.

Адриан посмотрел на неё испытующе.

— Что символизирует обелиск? — задал он ей вопрос.

— Солнце — ты же говорил.

— Это уже вторичный образ, — объяснил Адриан. — Во-первых, обелиск — это мужской символ, фаллос. Слово буквально означает «пенис Ваала», или «пенис Солнца». Иезуитский учёный Афанасий Кирхер в своей книге «Обелискус Памфилиус» пишет об этом. Дело в том, что в древности культ солнца был неразрывно связан с поклонением Царице неба — его спутнице — Астарте, Артемиде, Минерве и прочее. Культ этот был популярен везде — даже премудрый Соломон приносил курения на алтарь Царицы небес. Солнце и луна, день и ночь, мужское и женское начала — всё это и придавало древней религии её притягательность, динамизм, скрытый эротизм. И, конечно же, апофеозом этой религии было слияние мужского и женского начал. Отсюда и узаконенная и прославленная храмовая проституция, отсюда же пенис перед церковью.

— И всё же я не понимаю, — несколько смутилась Анна всеми этими эротическими образами, — какое отношение имеет обелиск к церкви, а слонёнок — к обелиску?

— Обелиск ставили перед храмом таким образом, чтобы утром при восходе солнца его тень падала прямо на центральную дверь храма. Это символизировало половой акт между мужским и женским божественными началами. Отсюда асимметричное расположение на площади и диспропорциональный размер слона.

Анна отчётливо представляла теперь, как поднимающееся над горизонтом на востоке солнце бросает долгую тень на дверь церкви. И так будет всегда, пока крутится Земля и стоит слонёнок. Законы математики царили и тут.

Они оставили хулиганствующего слонёнка позади и зашагали в сторону громады Пантеона.

Глава 13. Прогулка ради прогулки

Прогулка должна быть свободной от всякой цели. Прогулка ради прогулки.

Пол Кли. «Педагогические размышления», 1924

2007, 14 сентября, Рим

Этим утром Анна проснулась позже обычного. Она села и выпрямилась на постели и посмотрела на своё отражение в большом, старинной работы зеркале, как будто хотела убедиться, что это действительно она. Анна окинула мысленным взглядом последние несколько дней. Фактически каждый день теперь она встречалась с профессором, и её страх начинал уступать место любопытству и даже восхищению. Профессор уже не казался ей опасным человеком — просто очаровательный чудак, совершенно помешанный на архитектуре и древних преданиях. Анне было с ним интересно, и впереди у неё было ещё достаточно времени, чтобы заняться поисками подземелья. Но думать об этом не хотелось.

Она ещё раз взглянула в зеркало, которое отражало на своём веку немало, и подумала о том, что неплохо бы причесаться и позавтракать.

«А сначала — принять душ», — решила она.

Душ был с электронным программным управлением, и на Анну обрушивались попеременно тропический ливень и острые иголки тонких струй, речной водопад и твёрдый ритмичный пульсар, вдогонку за которым торопилось сердце. Анна поймала себя на том, что поёт песенку про отважного капитана: «Капитан, капитан, улыбнитесь...».

«Интересно, все ли люди поют под струёй воды?» — подумала она, выходя из хрустальной кабины и вытираясь большим белоснежным полотенцем. Она слегка подсушила волосы и причесала их, ещё влажными, назад. Затем прошла в комнату и без долгих раздумий облачилась в лёгкое летнее платье белого цвета и белые сандалии.

Анне повезло с фигурой — даже в этих плоских сандалиях она выглядела так, словно шла на каблуках. Белизна тонкого материала платья оттеняла равномерный загар, которым она успела покрыться за время своего пребывания в Риме. Когда выходила из комнаты, испытывала сама в себе чувство гармонии и совершенства.

Она не стала заказывать завтрак в номер, не стала и дожидаться лифта — легко, с удовольствием сбежала вниз по лестнице. В фойе поприветствовала дежурного клерка и швейцара и, чувствуя на себе их обжигающие взгляды, прошла на террасу ресторана, где росли пальмы, апельсиновые и лимонные деревья, розы и всевозможные плетущиеся растения, большинство из которых сейчас цвели. Здесь же, на террасе, был устроен ресторан для постояльцев отеля. Запах свежего кофе и жареных яиц смешивался с запахом земли и цветов.

Большинство проживающих давно уже позавтракали и отправились бродить по Риму. Анна съела свежее испечённый пончик, потом ещё круассан со свежим земляничным джемом, запила всё это чашечкой кофе латте и тоже поспешила на улицы Вечного города.

Она давно усвоила науку прогулок в одиночестве — чтобы сполна насладиться прогулкой, надо, непременно одной, пройти одним и тем же путём много раз, в разное время дня, привыкая к маршруту, приручая его, постепенно влюбляясь в улицы и здания, краски, запахи, людей и ритм. За последние несколько дней Анна проложила для себя немало новых маршрутов. Этим утром она выбрала тот, что проходил через пиаццу Навона и пиаццу Кампо-ди-Фиори, затем шёл вдоль реки до моста Систо, пересекал его и вёл далее к площади Трастевере, на которой располагалась самая древняя в Риме христианская церковь. С профессором она встретится только в три часа дня. У неё была масса свободного времени, и такое чувство, что сегодня с ней произойдёт что-то удивительное, радостное. Впрочем, подобное она переживала и раньше — и ничего не происходило.

Гуляя, Анна примечала, как меняются впечатления от прогулки в зависимости от времени дня. В утренние часы пиацца Кампо-ди-Фиори наполнялась торговцами цветами, оправдывая

своё истинное имя. Тогда всё здесь одевалось в цветы, и даже после того, как к полудню торговцы покидали свои места, запах тысяч растений ещё долго витал в воздухе. После полудня площадь превращалась в оживлённый рынок, на котором торговали всем — от оливок до носков. А к вечеру площадь наводнялась молодёжью — Анна выяснила, что площадь со всех сторон теснят ночные клубы и бары. И только в самую глубокую ночь, ближе к утру, площадь ненадолго затихала и погружалась в короткий сон. Через несколько часов здесь встретят рассвет торговцы цветами, и свежесрезанные розы, лилии, хризантемы, гвоздики и десятки других цветов своими ароматами будут приветствовать новый, возможно последний, но оттого не менее прекрасный день своей жизни.

За всей этой ежедневной круговертью следил с пьедестала Джордано Бруно — как наблюдал он когда-то движение звёзд в небе. Анна со школьной скамьи помнила, как инквизиция сожгла учёного на костре за то, что он не отрёкся от своего открытия. Бронзовый Джордано Бруно стоял на том самом месте, на котором это произошло, стоял, повернувшись лицом в сторону Ватикана, как будто ожидая какого-то ответа, объяснения. Анна ещё раз глянула на грустного Джордано, напомиравшего ей чем-то Адриана, и свернула в знакомый уже лабиринт улиц. Бесконечные продуктовые магазины, бутики и кафе использовали каждый квадратный сантиметр, запружая и без того узкие улочки ящиками, стеллажами, столами и стульями.

Анна прошла через площадь Фарнезе, фасады домов которой солнце столетиями пыталось выбелить. Люди же неизменно возвращали краски назад. Она узнала от Адриана, что теснящиеся друг к другу разноцветные здания на этой площади вместе составляют самый большой частный дворец в городе. За толстыми каменными стенами этого дворца господа и их слуги укрывались от сирокко, который в это время года обычно прилетал из Африки. Впрочем, в этот утренний час было ещё не слишком знойно.

Она вышла на площадь Навона, овал которой окаймлялся роскошными кафе и дворцами в стиле барокко. Из рассказов Адриана Анна помнила, что когда-то эту площадь затопляли и разыгрывали здесь водные игры и театрализованные морские бои, а люди, столпившись у окон и на крышах зданий, кричали и свистели, смеялись и плакали, а потом расходились по домам и занимались своими делами. В настоящее время три великолепных фонтана превращали жизнь площади в бесконечный праздник, притягивая толпы туристов.

На противоположной от Анны стороне, по соседству с дворцом Памфили, расположилась церковь святой Агнессы. Перед церковью высился египетский обелиск. Анна не спеша прошла между рядами уличных торговцев и верандами кафе, уже заполненными людьми. Вода щедро изливалась из мраморной горы блестящего на солнце «Фонтана рек», на уступах которого сидели четыре старца.

«Не язычество и не христианство», — вспомнила Анна слова профессора, когда они вместе рассматривали четырёх величественных каменных старцев, олицетворяющих собою богов четырёх рек.

Внезапно Анна почувствовала, как из её руки выскользнула сумочка. Худой, высокого роста молодой человек африканского происхождения нёсся в сторону одной из боковых улочек. Одной рукой он при этом махал в такт бегу, а в другой была зажата её сумочка. У него были очень длинные ноги — ноги кандидата в чемпионы мира по бегу, и эти ноги мелькали теперь в воздухе и каким-то образом не заплетались между собой. Анна стояла посередине площади, наполненной народом, и люди смотрели на неё и на удаляющегося уже из поля зрения бегуна. «Наверное, — мелькнуло в голове у Анны, — это для них очень привычная сцена, и теперь они ожидают, чтобы я кричала и звала на помощь».

— Он украл мою сумочку! — крикнула она на английском. — Помогите!

Краем глаза она заметила, будто что-то белое метнулось в уличный проход. Был ли это

человек или просто луч света ослепил её на мгновение — она не поняла. С минуты Анна стояла неподвижно, глядя в сторону, куда скрылся похититель.

Тем временем к ней уже подошли люди и начали давать добрые советы. Пожилая американская чета — два белых «одуванчика», принесённых сюда каким-то ветром, — утешали Анну рассказом о том, что точно так же, на этом же самом месте сумочку украли и у них.

— Только не обращайтесь в полицию, — посоветовали они напоследок. — Найти всё равно ничего не находят, а нервы вам помотают. Они все мафиози здесь. Идите напрямик в посольство.

Вскоре люди потеряли всякий интерес к тому, что произошло, и волны, поднятые этим маленьким камушком, брошенным в толкучку большой площади, совершенно затихли. Анна села на краешек фонтана и опустила в воду левую руку. Шпион из неё был никудышный — она уже успела потерять свои фальшивые документы. Честно говоря, это не была такая уж большая потеря — генерал тотчас передаст ей новые. Но всё же на душе было как-то гадко и ммуро.

«Вот и случилось что-то такое — особенное», — с горечью усмехнулась она.

Глава 14. Римский гражданин

Civis Romanus sum.

(Я — римский гражданин.)

Цицерон. *In Verrem*, V. Ivii. 147

2007, 14 сентября, Рим

— Такие вещи случаются на улицах Рима сотни раз в день, — услышала Анна над собою приятный мужской голос, говорящий на английском языке с едва уловимым итальянским акцентом. Она подняла голову и увидела стоящего над ней ослепительной красоты молодого человека в белом костюме. В протянутой к ней руке была её сумочка. Глубокие чёрные глаза приветливо улыбнулись, а затем улыбка осветила и всё его лицо, являя ровный ряд белых зубов. На мгновение она застыла, забыв о сумочке, забыв обо всём на свете. Солнце было прямо за его спиной, и его тонкий костюм по краям светился золотом. Анне ещё никогда не доводилось видеть зрелища подобной красоты. Будто очнувшись от сна, она встала и растерянно улыбнулась.

— Не может быть, — только и смогла сказать она, получая из рук героя свою пропажу. Теперь она могла его хорошо разглядеть. Ему было, наверное, лет двадцать пять. Высокий лоб, патрицианский нос с едва уловимой горбинкой выдавали в нём коренного римлянина.

— Старо, как у Данте, — продолжил он на английском. — Пилигримов, приходящих в Рим, грабили римские разбойники, но сам Рим оставался прекрасен.

Голос был глубоким, весёлым и мелодичным — в совершенстве подходящим всей внешности молодого человека.

— Меня зовут Винченцо, Винченцо Паолини, — произнесли губы, немного тонкие для атлетически сложенного тела.

— Анна. Анна Грин. Но как? Где вы её нашли? — спросила она, глядя на сумочку. В такой ситуации ей бывать ещё не приходилось.

— У вора, — улыбнулся молодой человек. — А вора я нашёл в церкви.

— Вор прятался в церкви? — удивилась Анна.

— Почему бы и нет? Он там благодарил Мадонну за удачу, — снова ослепительно улыбнулся молодой человек.

— Вы шутите? — недоверчиво произнесла Анна.

— Да правда же, — уверил её молодой человек. — Римские воры — даже из числа иммигрантов — очень набожные люди. Так с древних времён повелось. У этрусков даже была такая богиня — Фуррина, которая считалась покровительницей воров. Отсюда латинское слово *furinus* — «воровской».

— Вы что, историк? Лингвист? — поинтересовалась Анна, переходя на итальянский.

— В Риме все историки, — отозвался он. — А я думал, что вы первый раз в Риме.

— Я действительно здесь первый раз, — улыбнулась Анна. — Хотя и не первый день... Но как вы... отняли у него сумочку?

Она вдруг заметила, что один из рукавов его белого костюма почти оборван и болтается.

— Что это? — спросила она тихо. — Вор порвал ваш костюм? Вы в порядке? Вам не больно?

— Пустяки, — отреагировал молодой человек.

Он быстро снял пиджак и остался в одной белой майке, плотно облегающей его атлетическое и в то же время деликатно сложенное тело.

— Пустяки? — возмутилась Анна. — Он порвал вам костюм! Вы скажите, сколько я вам должна. Мне так неудобно.

— Уверяю вас — пустяки, — улыбнулся Винченцо. — Мне не хочется, чтобы вы из-за этого случая увезли с собой плохое впечатление о Риме.

— Ни за что. Только самое лучшее. К тому же в ближайшие несколько недель я никуда уезжать не собираюсь.

Она с трудом сдержала прилив к лицу краски, когда произнесла эти слова. Фактически она давала этому молодому человеку, Винченцо, понять, что он ей нравится. Так, если признаться, оно и было. Находясь в расцвете своей женственности, Анна до сих пор оставалась нераскрывшимся цветком. Её связь с Толяном носила, можно сказать, платонический характер, и Анна не знала любви и ласки очень давно. Но и мечтать о таком неожиданном счастье, как Винченцо, не стоило. Пройдёт ещё несколько минут — и он навеки исчезнет из её жизни, растворится в пёстрой толпе, а Анна продолжит свой одинокий путь.

Наступила неловкая пауза. Винченцо тоже, вероятно, раздумывал, что ему делать дальше.

— Несколько недель, — отозвался он наконец. — Это же уйма времени. И что, вы так и собираетесь все эти недели бродить по Риме и испытывать терпение воров?

— Неужели я и вправду испытываю их терпение?

— Безусловно. Ведь вы пребываете в задумчивости, где-то в самой себе. А именно таких людей они и высматривают.

Анна бросила на него внимательный взгляд: «А он ещё и проницателен, этот Винченцо Паолини».

— А знаете что, — продолжил он, — если вы позволите, я составлю вам на сегодня компанию. Вы разрешите?

Анна внутри ликовала. Но спешить не стоило.

— Разве у вас нет других дел, кроме как сопровождать рассеянных туристов? Я не такая беспомощная, как вам могло показаться.

— Мне вовсе так не показалось, — поспешил уверить её Винченцо. — Я просто хотел сказать, что раз вы в Риме надолго, может, у вас есть и свободное время? Куда вы, например, направлялись, если не секрет?

— Да какой уж тут секрет? — пожала плечами Анна. — Я просто гуляла. Шла по заранее проложенному маршруту к фонтану Треви.

— Тогда давайте погуляем вместе, — предложил Винченцо. — Я покажу вам свой город.

— Я вам очень признательна, — улыбнулась Анна. — Я целыми днями только тем и занимаюсь, что смотрю на Рим.

— Это как? — не понял Винченцо. — Профессиональный туризм?

— Вроде того. Изучаю римскую архитектуру, — пояснила Анна. — Я наняла гида, который представляет мне столетия римской архитектурной традиции.

— Значит, вы — архитектор? — поинтересовался Винченцо.

— Нет. Архитектура, скорее, моё хобби. Хотя она и имеет отношение к моей работе.

Они вышли с площади и вместе с нескончаемым потоком людей и транспорта двинулись вниз по Виа дей Кондотти, где стеклянные витражи выставляли напоказ последние «крики» итальянской и мировой моды. Потоки людей двигались во всех направлениях, порою выходя за узкие берега тротуаров и затопляя часть дороги. Жизнеутверждающее мелькание пёстрой летней толпы, смех и улыбки прохожих, очарование древнего города волною счастья накатили на неё — и всё потому, что рядом с ней был этот молодой римлянин, Винченцо. Серые массы старых домов и церквей, аббатств и базилик, дворцов и театров, казалось, облеклись в новые и яркие краски от его присутствия. Анна боялась признаться себе, но она была уже наполовину влюблена в этого молодого человека. В нём было нечто такое, чего она не могла объяснить себе, уловить — что-то щемяще прекрасное, за чем идут, не задумываясь.

— Мой дед, отец моей матери, тоже был архитектором, — сказал Винченцо, возобновляя разговор.

— Действительно? И что он построил? — Анна удивлялась, как хорошо она владела своим голосом.

— Немного. В основном он перестроил тот дом, в котором я живу. Его карьеру прервала война.

— Вторая мировая?

— Он присоединился к армии и был убит, — сказал Винченцо.

— Ваш дед сражался в армии Муссолини?

— Да, — кивнул молодой человек. — И это была самая большая его ошибка.

Виа дей Кондотти закончилась торговыми рядами Ларго Гольдони, где они свернули направо на Виа Томачелли.

— Он что, — спросила осторожно Анна, — был фашист?

— То-то и оно, что не был, — отозвался Винченцо. — Он даже не симпатизировал Муссолини. Но всё равно стал солдатом — сработал инстинкт саморазрушения. Но, тс-с-с, — прошептал он, прижимая палец к губам. — Здесь уже слышно.

— Слышно что? — не поняла Анна.

— Шум от фонтана. А он ещё в целом квартале от нас.

Прислушавшись, Анна действительно смогла уловить ровный шум падающей воды. На неё как будто повеяло прохладой. Через несколько минут они вышли на площадь. Хотя фонтан был со всех сторон окружён народом, его было хорошо видно — он казался слишком большим для такой маленькой пиаццы. В центре композиции возвышалась мускулистая фигура титана Океаноса, который, стоя, правил колесницей из морской раковины. Колесницу несли морские коньки, направляемые мифическими тритонами — один молодой, а другой старый. Конёк молодого тритона был неуёмен, в то время как конёк пожилого казался усталым.

— Этот фонтан, — объяснил Винченцо, — символизирует собой человеческую жизнь — от юности и до старости.

«Ну вот, ещё один профессор», — подумала Анна, с улыбкою глядя на Винченцо. Он походил на молодого каменного красавца тритона. Анна перевела взгляд на другого тритона, устало несущего бремя своих лет, и подумала о профессоре Фера. Анне было жаль этого раздавленного жизнью человека. Наверняка всё в его жизни могло повернуться иначе, ведь той кровавой ночи могло бы и не быть, и Адриан Фера на сегодняшний день был бы уважаемым преподавателем, с мировым именем, возможно даже, президентом университета. Но Минерва распорядилась иначе.

— Тебе не нравятся тритоны? — поинтересовался Винченцо, выводя Анну из задумчивости.

«И откуда он взялся, этот Винченцо? Уж не подослан ли к ней?» Внезапно эта мысль пронзила Анну жалом подозрительности. Что если он — один из людей генерала? Тогда становится понятно, как он раздобыл её сумочку и зачем вообще влез в это дело. «Но может ли такое быть, — подумалось Анне, — чтобы на службе у босса состояли такие люди, как Винченцо? Вряд ли». Винченцо был настоящим римлянином. Она не могла представить его в роли продажного шпиона — для этого в нём было слишком много благородства и достоинства.

Анне вдруг стало стыдно за себя, за то, что она вынуждена была играть и притворяться. «Впрочем, — с грустью подумала Анна, — гораздо лучше будет, если я стану относиться ко всему, что происходит со мной в Риме, как к игре. Да, да, это игра. Я сижу в Москве, а по Риму бегают с маньяком-убийцей и с убийственно красивым Винченцо моё виртуальное изображение. Надо относиться ко всему, как к игре».

— Мне нравятся тритоны, — призналась она, глядя на него. — Мне всё здесь нравится.

— И мне всё нравится, — в тон ей ответил Винченцо.

Каменное ограждение фонтана вместе со стоящими тут и там скамейками служило своего рода амфитеатром, в котором люди сидели, стояли, ходили и разговаривали. Новые и новые люди подходили к фонтану и, постояв возле него, поворачивались и уходили, вновь смешиваясь с толпой, которая непрерывным потоком протекала через площадь.

Сидевшая прямо перед ними на бетонной скамейке пожилая немецкая пара зашевелилась и, поднявшись, зашагала в сторону кафе. Анна с Винченцо присели на разогретую солнцем и туристами скамейку.

— Я уже не раз была на этой пиацце, — призналась Анна. — Но каждый раз — будто впервые.

— Это из-за людей, — уверил Винченцо. — В одну и ту же пиаццу, как и в реку, нельзя войти дважды. Здесь всегда новые люди — я имею в виду новые комбинации людей. Они и определяют во многом наше восприятие места.

Анна с удивлением посмотрела на него. Да, пожалуй, он был прав. Адриан Фера как будто совершенно не видел людей — не хотел их видеть. Он замечал только древние здания и слушал их каменные истории. Он скрылся в прошлом Рима, в то время как Винченцо жил его настоящим — был частью этого города.

— Здесь очень красиво ночью, — сказал Винченцо. — Мы, римляне, неплохо овладели искусством игры света.

Анна подумала, что она хотела бы прийти сюда ночью — вместе с Винченцо.

Пьяница в помятой рубашке с длинными рукавами вдруг решительно направился к ним, будто узнав старых приятелей. Но метрах в трёх от них остановился, признал ошибку и, махнув рукой, двинулся прочь. Площадь под его ногами штормило. Анна тоже чувствовала себя пьяной. Она вдыхала головокружительный коктейль из римских запахов, смешанных с водной пылью, витающей в воздухе. Но более всего ей кружило голову присутствие Винченцо.

— Интересно, почему «Треви»? — спросила она, чтобы скрыть своё волнение. — Три улицы, выходящие на пиаццу? — Адриан ей об этом никогда не говорил. По-видимому, он считал себя выше такого ширпотребовского знания.

— Видишь вот эту маленькую церковь? — Винченцо указал рукой на устремлённое ввысь белое здание с мраморной колоннадой и большой чёрной дверью. — Это Санти-Винченцо-э-Анастасио, церковь святых Винченцо и Анастасио. Согласно легенде, на этой самой площади святому Павлу отрубили голову. Когда она упала на землю, ещё три раза подпрыгнула, как мячик. И там, где ударилась о землю в третий раз, — пробил источник. А позднее на этом месте построили церковь.

«Винченцо и Анастасио, — подумала про себя Анна. — Кто такие эти Винченцо и Анастасио? Надо бы узнать... Звучит почти как Винченцо и Анна. Тётя Майя, наверное, сказала бы ей сейчас: „Это тебе, Анна, какой-то знак“».

— Ты мог бы быть неплохим гидом, — улыбнулась она.

— Если бы все туристы были такие, как ты, то других занятий я себе бы и не желал.

— Ты вынужден заниматься чем-то ещё?

— Вынужден, — сознался Винченцо. — Я студент-семинарист, будущий священник.

Анна обомлела.

— Будущий священник? — её голос невольно дрогнул. — Мне всегда казалось, что быть священником — это что-то особое, не от мира сего.

— Очень даже от мира сего, — уверил её Винченцо. — Особенно в Риме.

— Значит, ты сильно веришь в Бога? — предположила Анна, снова овладевая своим голосом.

— Вовсе не обязательно верить в Бога, чтобы быть священником, — улынулся Винченцо. — Достаточно уважать папу и слушать своё непосредственное начальство. Церковь не так уж сильно отличается от армии, если разобраться, а священники и учителя могут быть самыми большими скептиками.

Анна посмотрела на него в изумлении. Должно быть, он шутил? Но его лицо было совершенно серьёзно, хотя Анна явственно могла различить сарказм в голосе.

— А ещё в этой церкви собраны сердца и внутренности многих пап, — Винченцо вернулся, как ни в чём не бывало, к их прежнему разговору. — У них была такая традиция — завещать себя этой церкви.

— Интересная традиция, — отозвалась Анна. Она была в совершенно расстроенных чувствах. О чём она вообще думала? Сейчас Анна была никто, из ниоткуда встретившая человека, готовящегося принять обет безбрачия и стать священником. Надо всем этим надо было просто посмеяться и поскорее забыть. Она нервно повела плечами.

— Ты спешишь? — поинтересовался Винченцо.

— Да, мне нужно в гостиницу, — сказала она. Но при мысли о расставании с Винченцо у неё похолодело внутри — она уже успела привязаться к нему. Анна встала со скамьи и двинулась к центру площади, где было меньше всего народу. Винченцо последовал за ней.

— У меня такое впечатление, — заметил он, — что тебя что-то тревожит.

Анна посмотрела в его внимательные, умные глаза.

— Слишком много новых впечатлений.

Ей было неловко и за своё враньё, и за то, что она не могла скрыть свои чувства. Анна понимала, что по-настоящему понять и оценить эту встречу она сможет лишь позднее, когда вернётся в свой номер, останется одна и взорвётся слезами. Вот тогда и станет ясно, насколько её чувства серьёзны. Но серьёзные чувства были непозволительной роскошью в её ситуации.

Первые капли дождя, которые упали на них с ещё солнечного неба, освежили Анну, помогли выйти из оцепенения. Казалось, что небольшая белёсая тучка, почти облако, летая себе над городом, наконец облюбовала для себя площадь и теперь кропила дождём туристов. Одни засуетились, перебираясь под козырьки и зонтики кафе, другие громко смеялись, подставляя дождю и солнцу свои лица; кто-то и вовсе не обращал на дождь никакого внимания.

«А ведь верно — случилось, случилось что-то сегодня», — вдруг поняла Анна.

Долгожданный дождь, хоть и не майский, ворвался в её жизнь, открыв ей доступ к тому трепетному воздуху любви, которым невозможно бывает надышаться. Винченцо вызвался

проводить её, и они брели по мокрым и блестящим мостовым Вечного города, а люди, идущие навстречу, улыбались им как добрым друзьям.

Дождь, подобно заботливому гиду, прошёл вместе с ними по Виа Сан-Винченцо, мимо площади Тринита-деи-Монти, с вонзённым в небо шпилем обелиска и широченной Испанской лестницей, которая теперь блестела подчёркнутой объёмностью. Там дождь их и оставил. Винченцо и Анна ещё минут десять брели по извилистым улицам в сторону отеля.

— Что ж, до свидания, Анна, — сказал Винченцо, когда они достигли места назначения.

— До свидания, — тихо ответила Анна.

— А ты хотела бы ещё раз встретиться? — спросил вдруг Винченцо. — Ещё раз встретиться с будущим священником?

Анна растерялась.

— Насчёт священника не знаю, а вот увидеться ещё раз с Винченцо Паолини я бы хотела.

Винченцо взглянул на неё своим лучезарным взглядом, и Анна почувствовала глубокое облегчение от того, что сказала правду. Теперь она знала, что их встреча не будет последней — если, конечно, не вмешается генерал.

Глава 15. Первое апреля

Перемены всегда сопряжены с трудностями, даже если это перемены к лучшему.

Ричард Хукер (1554–1600)

1997, 1 апреля, Москва

Толян оказался прав, когда изрекал пророчества о будущих господах и рабах сети. Ошибся он только в том, кому суждено было стать господами. Идеалы коммунистического романтизма рисовали перед ним картины будущего, на которых пальма первенства принадлежала таким людям, как его друзья-энтузиасты, таким гениям, как Анна. Однако в реальности, как и следовало ожидать, господами всемирной сети сделались старые господа мира — политическая и бизнес-элита.

Аня обнаружила, что кроме неё в киберпространстве водятся немало крупных рыб — настоящих акул, работающих на этих господ. Чтобы держать себя в хорошей форме и доказать самой себе свою исключительность, Анна не боялась задевать этих акул, проходя через такие двери, которые не были в силах открыть даже спецслужбы. Её мишенями сделались такие гиганты, как Пентагон и НАСА, сеть «Аль-Каиды» и израильский «Моссад».

Анна никак не повреждала базы имеющихся данных и не копировала их. Она обретала доступ к информации, стоящей миллионы, даже миллиарды долларов, но ей никогда не приходило в голову заработать на этом. Она летела на волне своего таланта, и этот полёт завораживал её, отвлекал от повседневности, давал необходимый адреналин. Анна прекрасно понимала, что она скользит по краю и что одно неверное движение пальца может погубить её. Она слышала леденящие душу истории о пойманных хакерах, которые получали большие тюремные сроки. И всё же она, как наркоманка, не могла остановиться. До той памятной ночи,

когда в её дверь громко постучали.

Анне на всю жизнь запомнился тот роковой вечер 1 апреля 1997 года, когда жизнь её коренным образом изменилась. К лучшему или к худшему — она до сих пор не смогла разобраться. В тот вечер она вернулась домой поздно — задержалась у тёти Майи. Мамы всё равно дома не было — она уехала на семинар редакторов в Санкт-Петербург. Тётя Майя приглашала Анну остаться у неё на ночь, но Анна спешила к компьютеру, без которого не могла представить и дня своей жизни.

Дома в ту ночь было как-то по-особенному пусто, и Анна поспешила в свой угол. Привычный шум подключающегося модема успокоил её, перенося в мир иной, нежели её повседневная действительность. В тот вечер Анна решила попробовать на крепость несколько новых сайтов, имеющих репутацию почти неприступных.

Однако ей не суждено было проверить эти утверждения — спустя час после того, как она вошла в сеть, её сессия была прервана громким стуком в дверь квартиры. Анна быстро подбежала к глазку и увидела троих или четверых круглолицых милиционеров, которые вот-вот разнесут её дверь. Она метнулась к компьютеру, как будто что-то можно было изменить. Потом почему-то выглянула в окно. Кроме огней в окнах соседних домов, там ничего видно не было. Стук в дверь становился всё громче. Анна снова побежала в прихожую и открыла дверь.

Милиционеры грубо оттолкнули её и прошли в комнату. Они отсоединили её компьютер и куда-то его унесли.

— И ты собирайся, живо, — прикрикнул на неё капитан милиции, которому и было поручено проведение этой операции. — Доигралась, девочка, в компьютерные игры.

Перевалило за полночь. Анне действительно трудно было поверить, что это не сон, а явь. Она настолько привыкла к миру виртуальных грёз и к утончённому миру тёти Майи, что грубая брань и грязные ботинки казались ей сном, выдумкой. Неприятный запах, который мужчины принесли на своих шинелях, в своих желудках и лёгких, вторгся в её личное пространство бесцеремонно, жестоко.

По календарю весна давно наступила, но на улицах Москвы всё ещё было полно снега. Зима никак не хотела ослаблять свою крепкую, когтистую хватку. Когда Анну везли в холодной и шумной милицейской машине, она смотрела через наполовину замёрзшее окошко и думала о том, о чём ей меньше всего хотелось думать. Хрупкая оболочка, которую она воздвигла между собой и миром, раскололась, и ничто уже не стояло между ней и враждебной действительностью. Порывистый ветер с северо-востока принёс этой ночью в Москву много снега, с которым теперь играла метель, гоняя его по улицам. Прозябшей Анне казалось, что ей никогда уже не будет тепло.

Её привезли в серый холодный «приёмник», где, кроме Анны, в этот поздний час находился какой-то пьяный парень с разбитой губой, подбитым глазом и в наручниках. Дежурный милиционер передал Анну на попечение женщине в синей униформе, которая велела ей раздеться догола, а потом долго обыскивала одежду, прощупывая каждый шов и просматривая на свет яркой лампы. Всё это время Анна стояла возле стола совершенно обнажённая, дрожащая от холода и страха. Несколько раз в комнату без всякого предупреждения заходили другие сотрудники в униформе, бесстыдно пялились на неё, смеялись и отпускали шутки, смысла которых Анна не понимала. Наконец ей позволено было одеться, но уже не в её одежду, а в серую арестантскую форму.

— Своей одежды тебе теперь не носить, — равнодушно заверил Анну лейтенант после того, как зарегистрировал её в толстый журнал с засаленной обложкой. — Когда выйдешь, она тебе всё равно уже не налезет.

Анна вся покрылась мурашками.

Из приёмной её провели по длинному коридору к камерам предварительного заключения. Охранник выбрал один из ключей со связки и открыл им узкую металлическую дверь.

— Заходи, — бросил он ей.

Она шагнула внутрь открывшегося перед нею каменного мешка, в котором едва нашлось место для узкой, проваленной почти до бетонного пола койки, застланной казённым коричневым одеялом. Рядом с койкой находилась дыра в полу, выполняющая роль туалета. Высоко под потолком располагалось маленькое зарешёченное окошко, за которым светил холодный свет прожектора.

Дверь позади неё с лязгом захлопнулась, ключ повернулся в замке, и шаги охранника стали удаляться. Где-то в конце коридора громко хлопнула другая металлическая дверь. Потом всё стихло. Анна попыталась устроиться на кровати и согреться. Это оказалось совсем не просто, и она постоянно куда-то проваливалась, не могла повернуться с боку на бок.

Чем заслужила она такое обращение? Что сделала преступного? Она не продавала информацию, не разрушала баз данных, не распространяла вирусы. У Анны было чувство юмора, и иногда она позволяла себе некоторые шутки в виртуальном пространстве, но они носили невинный характер. Неужели её действительно посадят в тюрьму? Неужели она проведёт годы своей жизни рядом с убийцами и ворами? Анна не могла и не хотела в это верить. Ведь она была Белой шляпой. В отличие от Чёрных шляп, или злых гениев сети, у Белых шляп был свой кодекс чести, суть которого сводилась к гиппократовскому «не навреди». Она не вредила. Безусловно, её оправдают и отпустят домой — ведь её совесть чиста. А что касается компьютера — скоро её день рождения, и Анна знала, что в качестве подарка от Толяна она получит новый «Пентиум».

Она вспомнила свою любимую сказку — про гадкого утёнка. Вспомнила «Ганса Христиана». Неожиданно для себя Анна смогла успокоиться и расслабиться. Вслед за этим она почти согрелась, найдя более или менее удобное положение на койке, которая могла служить гамаком. «Когда-нибудь, — думала Анна, — я тоже превращусь в прекрасного белого лебедя. А пока — пока придётся на какое-то время смириться и с окружающим свиарником». И с этими мыслями Анна забылась безмятежным детским сном...

Часа через три её разбудили громкие, эхом отдающие шаги в коридоре, а затем лязганье ключей в двери. Она села. Дверь открылась, в неё просунулся охранник.

— Выходи, Дмитриева, — объявил он ей равнодушным голосом. — К следователю на допрос.

Анна поднялась с койки, машинально поправила одеяло и вышла из камеры в коридор. Ей снова стало страшно. Там её дожидались двое охранников, которые повели её сначала по одному длинному коридору, потом по другому, и ещё по третьему, проходя от одного пропускника к другому. Анна не могла свыкнуться с мыслью, что всё это происходит с ней наяву и что все эти взрослые, здоровые мужчины занимаются тем, что открывают и закрывают двери, ведут её куда-то, внимательно следят, чтобы не убежала. Логика и масштабы этого реального мира с его бесконечными коридорами и бесчисленными кабинетами и камерами, мимо которых её проводили, не вмещались в её голову. Анна обратила внимание на истёртый до дыр линолеум, на кабинеты с бумажными табличками, где чаще всего от руки были написаны имена и звания, должности и отделы. «Что за место! — возмутилась про себя Анна. — Здесь решаются судьбы людей, наверное, многих тысяч людей, а даже табличек приличных нет». Но потом она подумала, что их нет, может быть, потому, что никто здесь не уверен, в каком кабинете, и даже по какую сторону железной решётки он будет находиться завтра.

Они достигли конца ещё одного длинного коридора, и охранник велел Анне повернуть направо, в сторону пропускного пункта с решётчатой дверью. Страж, сидящий в будке, долго изучал сопроводительные документы, прежде чем впустить их в новый коридор. Наконец замок громко лязгнул, и Анна в сопровождении всё тех же охранников зашагала по ещё одному коридору. В отличие от других, он был устлан красным, потёртым от времени ковром. В конце его находилась металлическая дверь и микрофон, в который охранник доложил о прибытии. Дверь открылась, и они попали в фойе, куда выходило несколько дверей. Ещё один длинный коридор уходил куда-то вдаль, но по нему Анну уже не повели. Вместо этого её ввели в одну из дверей, и она оказалось в большой комнате, напоминающей приёмную. В центре комнаты стоял стол, за которым сидела женщина, вероятно секретарь, и перепечатывала какие-то документы. Когда Анна в сопровождении охранников вошла в комнату, женщина оторвалась от бумаг и проскрипела:

— Охранникам выйти из приёмной. Ждать в коридоре!

Те беспрекословно повиновались.

Секретарь подняла трубку одного из телефонов — белого — и доложила:

— Дмитриева здесь.

Затем она положила трубку на аппарат и указала Анне на дверь, обитую красной кожей.

— Заходи, тебя там ждут.

Анна открыла широкую дверь и вошла в просторный кабинет, высокий потолок которого был богато украшен лепниной, а стены отделаны тёмными деревянными панелями. Именно такими представляла себе Анна кабинеты партийных лидеров. От двери вглубь кабинета вела разложенная поверх узорчатого паркетного пола красная дорожка. Она заканчивалась прямо у массивного деревянного стола, находящегося в дальнем конце комнаты между двумя большими окнами, завешанными плотными белыми шторами в складку. На стене между окнами красовалась огромная карта Союза Советских Социалистических Республик — государства, которого не существовало уже более пяти лет.

За столом сидел невысокий, коренастый человек с лысеющей головой и очках в тонкой оправе. Когда Анна вошла, он даже не посмотрел на неё, продолжая изучать какие-то бумаги. Анна нерешительно подошла ближе к столу. Человек поднял голову и посмотрел на неё через холодные линзы своих очков.

— Садись, — кивнул он ей на стул. Она повиновалась.

— Значит так, Дмитриева, — начал он. — Я ценю своё время, и, надеюсь, ты тоже будешь его ценить. Вот в двух словах ситуация: тебе грозит от десяти до пятнадцати лет.

Анна вздрогнула.

— Это в лучшем случае, — невозмутимо продолжил человек в очках, — если обойдётся без обвинений в шпионаже. Распространение вирусов, более шестидесяти проникновений в запрещённые базы данных, незаконный доступ к закрытой информации, повреждение программного обеспечения... Список может быть продолжен. Здесь, — он положил маленькую руку на пухлую папку, — находятся все материалы по твоему делу. Мы следили за тобой долгое время, Дмитриева. Но, как говорится, сколь верёвочке ни виться...

— Я никогда не распространяла вирусы и никакое программное обеспечение не повреждала, — тоном маленькой обиженной девочки, которая не знает, зачем она здесь, и готова в любой момент разрыдаться, сказала Анна. — Вирусы я собирала и исследовала — это правда. Но я

ведь Белая шляпа.

Она не была уверена, знаком ли этот заваленный бумагами человек со сленгом хакеров.

— Ты совершила много серьёзных преступлений, — повторил человек в очках, как словно не слышал ничего, что Анна ему сейчас сказала. — И то, что ты несовершеннолетняя, тебе не поможет. Дело, по сути, уже закрыто. Все доказательства у нас имеются — они уже на твоём компьютере.

Анна ничего не понимала. Не понимала даже, что значит «уже».

— А теперь слушай меня внимательно, Дмитриева, — человек в штатском закурил сигарету и выдохнул из лёгких дым. — Повторять не буду. Я не из милиции. Я — полковник Смирнов из органов госбезопасности. У меня есть к тебе предложение, от которого ты вряд ли сможешь отказаться.

Анна вся напряглась.

— В обмен на твои пятнадцать — или сколько там — лет тюрьмы я предлагаю тебе пойти в университет, получить образование и послужить своему государству верой и правдой.

Анна не могла произнести ни слова.

— Мы давно наблюдаем за тобой, — продолжил человек в сером, снимая очки и тщательно протирая их белоснежной матерчатой салфеткой. Затем вновь нацепил очки на нос и посмотрел на неё пронзающим взглядом. — Ты прекрасно научилась взламывать коды. Кто тебя научил?

— Научил? Никто. Я сама догадалась. Это просто.

— Просто? — пристально посмотрел он на неё. — Тогда покажи мне, как ты делаешь это. Можешь сделать, ну, скажем, БТ?

— А что такое БТ? — спросила Анна.

— Бритиш телекоммьюникейшнз, — ответил полковник.

— Наверное, — пожала плечами Анна.

Смирнов встал и обошёл вокруг стола. Ростом он был чуть выше Анны.

— Иди сюда, — позвал он её и подвёл к другому столу, меньшему по размерам. Анна не заметила его сначала. На нём стоял ноутбук самой последней модели — такой, о приобретении которого Анна мечтала.

— Садись, — указал полковник на кожаное крутящееся кресло. Анна послушно села.

— Значит, так, — сказал он, — если ты сейчас, пока я здесь, а буду я здесь ещё... — он посмотрел на часы, — пятнадцать минут, взломаешь мне БТ, то этот компьютер — твой.

Анна не могла поверить услышанному. Немедленно её пальцы ударили по клавишам. Сначала неловко, так как клавиатура отличалась от той, к которой она привыкла. Но уже через минуту она освоилась и её пальцы начали свой прерывистый, судорожный танец. Компьютер работал быстро, и одна флюоресцирующая картинка на мониторе быстро сменяла другую, когда Анна всё глубже и глубже проникала в то, что стороннему человеку показалось бы лавиной хаотично возникающих цифр и символов. Из-под её пальцев каждые несколько секунд вылетали всё новые комбинации цифр, на которые где-то вдали, за тысячи

километров отсюда, откликнулись другие машины. В том, что происходило сейчас в этом просторном кабинете, казалось, присутствовал какой-то элемент мистики, потустороннего. У полковника было такое чувство, какое бывает у агностиков, которые в первый раз видят происходящее у них на глазах чудо.

Внезапно, в ответ на особо длинную очередь, вылетевшую из-под пальцев Анны, через экран быстро промелькнули столбики цифр и появились слова: «Welcome to British Telecommunications Database».

— Поздравляю, — медленно сказал полковник. — Ты только что проникла в одну из самых защищённых баз данных. Ну что ж, уговор есть уговор — компьютер твой.

Анна ликовала. Она не могла поверить, что всё оборачивается так хорошо.

— Что же, — сказал полковник, возвращаясь за свой большой стол, — ты действительно такой человек, какой нам нужен. Мы дадим тебе возможность на правах привилегированного студента учиться в университете. Правда, — ухмыльнулся он, — ты сама могла бы преподавать немало интересных уроков тамошним преподавателям. Но всё же технологии развиваются быстро, и мы должны помочь тебе быть всегда впереди.

— И ещё, — добавил он. — Тебе не нужно будет больше бояться... стука в дверь.

Анна вздрогнула.

— Итак, — он снова взглянул на часы, — если ты скажешь мне сейчас «нет», то никогда больше меня не увидишь и твоё дело пойдёт по обычным милицейским и судебным инстанциям. Или же ты говоришь сейчас «да» — и отправляешься домой. Выбор за тобой. Будешь работать на меня?

Анна посмотрела на него растерянно, но думала недолго.

— Да...

Рассвет только начинал вступать в свои права, когда Анна, с ноутбуком в руках, вышла из массивного грязно-жёлтого здания недалеко от центра Москвы. Это было совсем не то здание, куда её прошлой ночью привезли. Обветренные лица советской троицы — Маркса, Энгельса и Ленина — с подозрением взирали на неё с каменного барельефа, которым был украшен фасад. Казалось, они не верили в искренность её обращения.

Зато природа с радостью встречала Анну, приветствуя её освобождение наступлением весны. К утру ветер переменялся, и тёплый фронт с юго-запада принёс в Москву дыхание тех краёв, где весна уже вступила в свои права. И хотя кругом было всё ещё полно снега, в воздухе пахло сырой землёй и зелёными листьями...

Через три месяца Анна успешно закончила школу, и её зачислили в один из лучших технических вузов страны. И примерно в то же самое время из её жизни исчез «Ганс Христиан». Она так и не смогла узнать, что с ним случилось. Аня тогда очень сильно переживала: ведь он ушёл, не попрощавшись, никак не предупредив её. Она много втайне плакала и переживала — чувствовала, что с «Гансом Христианом» что-то случилось. Пыталась разыскать хоть какие-то его следы, но всё было напрасно: он будто исчез с лица земли.

С потерей «Ганса Христиана» в душе у Анны словно воцарился вакуум. Его надо было чем-то восполнить, и она окунулась с головой в учёбу. С жадностью поглощала знания, и её аппетит к наукам не ослабевал. Она давно уже встала на ту дорогу, по которой не так давно прошёл её кумир — Ричард Фейнман, сделала большой рывок, вырвалась в высшую лигу. Её

способности были развиты и закреплены новейшими технологическими решениями. По указаниям полковника (а затем и генерала) Смирнова Анна пробивала доступ к базам данных и документам, которые считались недостижимыми. Против своей воли она стала Чёрной шляпой, однако теперь над её головой была такая «крыша», имея которую человек получал награды за то, за что при других обстоятельствах с него бы сняли голову.

Глава 16. Римская прогулка

Forsan et haec olim meminisse iuvabit.

(Может быть, однажды нам будет приятно вспомнить даже эти вещи.)

Виргилий, 70–19 гг. до Р. Х.

2007, 15 сентября, Рим

Винченцо повёл Анну на ужин в замок Святого Ангела — угрюмую средневековую крепость на реке Тибр, которая в это время года служила одной из популярных музыкальных площадок Рима. Над тёмной свежестью реки носились мелодии Россини, исполняемые Римским симфоническим оркестром. Серые крепостные стены в этот ночной час были раскрашены разноцветным весёлым светом, льющимся из прожекторов.

— Принесите нам бутылку «Алдо Контерно Бароло» 1989 года, — попросил Винченцо официанта, обслуживающего их на открытом воздухе. У официанта было характерное круглое брюшко, выдающее поклонника Бахуса. Через пару минут он возвратился, неся завёрнутую в полотенце бутылку.

— Это вино называют ещё «Гран Буссия» — оно из лучших виноградников Пьемонта, — пояснил Винченцо, пока официант наполнял их бокалы. — За нашу встречу, Анна.

Их бокалы со звоном встретились над застланным белой скатертью столом.

— За нашу встречу, — отозвалась она.

К этой встрече она готовилась. Она нашла Винченцо Паolini в киберпространстве, узнала его и ахнула: Винченцо оказался бароном, род которого уходил глубоко в века — Анна успела добраться только до пятнадцатого.

— Значит, ты пробудешь в Риме ещё несколько недель? — поинтересовался он.

— Вероятнее всего, — согласилась она.

— И всё это время ты будешь заниматься изучением римской архитектуры?

— Ну почему же всё время? — улыбнулась Анна. — Вот мы сидим, слушаем красивую музыку, дышим вечерним воздухом...

— Расскажи мне немного о себе, — попросил он. — Что тебе самой угодно или интересно. Про семью, может быть?

Анна на минуту задумалась. Ей так не хотелось врать ему — не поворачивался язык.

— Я прожила самую обыкновенную жизнь. Просидела её за компьютером. Отец так настаивал. Он хотел, чтобы я всегда была при деле.

— Работа на семью — самая тяжёлая, — с пониманием улыбнулся Винченцо. — Если только мы, итальянцы, знаем какой-то толк в семейном бизнесе. А чем занимается твой отец?

— Строительством.

— Теперь ясно, почему архитектура, — кивнул Винченцо. — А вот я вырос совсем без отца.

— Я знаю, — тихо сказала Анна.

Винченцо слегка вздрогнул.

— Откуда?

— Пожалуйста, извини меня, Винченцо, но так как ты представился своим полным именем, я не удержалась и нашла тебя в сети — барона Винченцо Паолини, сына барона Рикардо и баронессы Фернанды Паолини. Надеюсь, я не оскорбила тебя таким откровением? — виновато добавила она. — Я сразу расскажу всё, что знаю о тебе, хорошо? Может, так будет легче и тебе, и мне.

Он недоумённо кивнул.

— Знаю, что ты живёшь в доме своей матери, баронессы Паолини, и что твой отец, — Анна на миг запнулась, — погиб в автокатастрофе, когда ты был ещё совсем маленьким. Да и мама твоя тогда тоже пострадала — она с тех пор осталась инвалидом и перемещается в кресле-коляске. Я очень, очень сожалею, что так произошло...

Она положила свою ладонь поверх его красивой руки.

— Извини, но меня побороло нетерпение узнать что-то про тебя.

— Ну что же, — Винченцо посмотрел в её глаза. — Я готов простить это нетерпение. Тем более что живём мы в век информатики.

— Это моя профессиональная привычка, — разоткровенничалась Анна, легко отрывая свою руку от руки Винченцо.

— И что же у тебя за профессия? Детектив?

— Хуже — отдел внешних отношений фирмы отца.

— Ну вот, — покачал головой Винченцо. — Получается, ты всё про меня уже знаешь, а я про тебя не знаю ничего.

— Всё знаю? — улыбнулась Анна. — Я знаю ровно столько, чтобы хотеть знать о тебе больше... Одно простое воспоминание детства может сказать больше о человеке, чем вся информация в сети.

Винченцо внимательно посмотрел на неё.

— Это ты верно сказала, — заметил он. — Вот и поделись своими воспоминаниями.

Анна задумалась. Оркестр тем временем перешёл с Россини на танцевальную мелодию, которая показалась Анне знакомой. Да, она узнала эту мелодию — это была детская песенка «Тискет-Таскет», написанная специально для Эллы Фицджеральд. В детстве Анна однажды получила в подарок от Толяна пластинку с песнями Эллы Фицджеральд и Луи Армстронга,

что было по тем временам неслыханной роскошью, и полюбила глубокий, игривый голос чернокожей певицы.

— Эта мелодия, — начала Анна, — она как будто прилетела сюда из моего детства. Хочешь, я тебе расскажу про неё?

Винченцо одобрительно кивнул, и Анна начала рассказывать. Из многолюдного Рима воспоминания переносили её в домик бабушки и дедушки, где она частенько проводила лето. Вот она сидит у распахнутого окна, через которое в дом вливаются ароматы сада, а из дома выливаются звуки музыки — кружится на проигрывателе пластинка и поёт Элла Фицджеральд. Она сидит и слушает музыку, рождённую на другом конце земли, исполняемую людьми с другим цветом кожи, говорящими на другом языке, живущими в ином мире. Это был один из её первых опытов космополитизма — находясь в деревне, она трансцендентно соприкасалась с большим городом. Теперь же, слыша знакомую мелодию, Анна мыслями переносилась назад, в деревню.

Она вспоминала, как шла, бежала вприпрыжку по узенькой, едва различимой в высокой траве тропинке через раздольное поле, а в руке у неё была корзинка с лесной земляникой, — и напевала «э-тискет, э-таскет». И песенка эта уносила её в мир больших городов, блестящих машин, которыми запружены улицы, в мир маленькой негритянской девочки. Но потом Аня возвращалась на родную землю, слушала, как шепчутся о чём-то берёза с дубом, как ветер играет с полем, причёсывая отливающие серебром макушки колосьев. Она смотрела, как лениво на небе играют в «догонялки» белые облака, как солнышко прячется за них и через минуту появляется вновь — ослепительное, горячее. Она слушала перекличку птиц, наблюдала, как носятся они над полем, ловко хватая на лету несчётных мух и комаров. И ей было хорошо...

Когда она закончила свой нехитрый рассказ, ей показалось, что в Винченцо что-то переменялось. Будто пропала куда-то искусственная, показная лёгкость, которую она почти что успела принять за его настоящее лицо. Они сидели за белым столиком, обдуваемые прохладным ночным бризом, и с каждой минутой становились всё ближе и ближе друг ко другу.

— Теперь твоя очередь, — сказала она. — Расскажи мне какое-нибудь воспоминание из своего детства.

Он задумался на минуту.

— Наверное, первое, что мне приходит на память из детства, — начал он, — это то, как мать водила меня по картинной галерее палатцо, и мы останавливались перед портретами кардиналов и генералов, баронов и князей, и баронесса рассказывала мне, иногда часами, истории этих людей. Так я учил историю моей страны — по моим родственникам.

В его речи не было и намёка на жеманство и хвастовство. Анне даже казалось, что она чувствовала в голосе скрытую грусть.

— Мне больше всего не нравилось, — продолжил Винченцо, — что за мной повсюду кто-то ходил — слуга, лакей, охранник. Как будто кто-то мог меня украсть. Мне от них проходу не было, и я убегал, придумывая для этого разные способы. Правда, мне было немного жаль их — им потом здорово доставалось от баронессы. А потом я пошёл в школу — и это было здорово. Там за мной никто не следил, и я носился с другими мальчишками и делал всё, что делают в таком возрасте. После школы, грязного и растерзанного, меня подбирал шофёр на лимузине. Я всегда просил забирать меня в стороне от школы — чтобы ребята не видели. Но они всё равно видели и дразнили меня аристократом. Мы снова дрались, а потом мирились, и так день за днём...

Общаться им становилось всё легче. Они как-то почти сразу, без долгой и мучительной прелюдии, смогли заговорить о том, что их действительно интересовало. И если бы Анна не вынуждена была многое замалчивать и умышленно вводить его в заблуждение, то разговор, наверняка, стал бы ещё теплее.

— Когда-то в детстве, — вспомнила она, — я смотрела фильм — старый-престарый фильм. Он назывался «Римские каникулы». Мне так хотелось тогда перенестись в Рим! После этого фильма я стала учить итальянский.

— И что же, все твои мечты сбываются? — поинтересовался Винченцо.

— Это мне ещё предстоит узнать.

— То-то мне всё казалось, — сказал он, — что ты напоминаешь мне сбежавшую принцессу. Ты сжилась с нею, стала ею.

— Разве можно стать принцессой без рода? — засмеялась Анна.

На её смех повернулись сразу несколько голов. Впрочем, Анна уже заметила, что со многих столиков люди нередко бросали на них взгляды. Она была уверена, что смотрели больше на Винченцо, чем на неё, — притом смотрели как женщины, так и мужчины. Вот и сейчас они все перевели взгляд на него, воспользовавшись её смехом.

— Баронесса не раз говорила мне о том, что благородство — качество приобретённое, — заметил он.

— И чем же оно приобретается?

— В случаях с дамами — красотой и умом.

Анна одарила его благодарной улыбкой.

— Но разве не распространяется то же самое правило и на мужчин?

— Представь себе, только до определённой поры, — ответил Винченцо. — Баронесса раскрыла мне истинный секрет мужского благородства, которым я, кстати, не слишком овладел.

— И в чём же этот секрет?

Подошёл официант и налил им в бокалы ещё вина. Часть публики, особенно успевшая уже хорошо выпить и закусить, танцевала под покурри современной музыки, которую играл оркестр.

— Из поколения в поколение джентльмены были всадниками, — сообщил Винченцо, отпивая из своего бокала.

— И что же? — не поняла Анна.

— Наездник управляет конём, перемещая вес своего тела, делая ряд неуловимых для глаз, неосознанных порою, но точных и выверенных движений руками, ногами, ягодицами, корпусом, пальцами, головой. Он управляет живым существом — зверем — и сам уподобляется ему, становится... породистым животным. У него начинает вырабатываться уверенность в поведении, граничащая с безрассудством и беспечностью. И весь этот опыт скачек передавался другим поколениям — и в поведении, и даже в мышлении.

— Интересная версия, — заметила Анна. — По ней должно получаться, что гунны были ещё

большими джентльменами, чем римские патриции.

— Может поэтому они и завоевали Рим, — отозвался Винченцо.

— А моим конём всегда был компьютер, — вздохнула Анна.

Посидев ещё с полчаса и допив вино, они оставили шумное место и вышли на ночные улицы Рима, которые к тому времени уже скинули с себя пыльные дневные платья и нарядились в прозрачную одежду электрического света. Так переодеваются в вечернее платье светская львица или путана, ночная бабочка. Здания, колоннады, памятники, фасады, мосты, ступени — всё это так искусно подчёркивалось светом, что город виделся совсем иным, нежели днём. Лучи прожекторов выхватывали особенности архитектурных композиций, мимо которых люди обычно проходят, не замечая. Анна не знала, какому Риму больше верить — дневному или ночному.

На улице было почти так же шумно, как в ресторане. Уличные фонари ярко светили, и отовсюду лилась весёлая, беззаботная музыка. По обеим сторонам бульвара люди сидели в кафе, танцевали, продавали что-то и покупали. Беззаботное веселье, казалось, было разлито в воздухе. Винченцо и Анна свернули на узкую Виа дель Портико д'Оттавиа, на которой, несмотря на поздний час, большая часть магазинов оставалась открытой. По какой-то непонятной для Анны причине Винченцо казался задумчивым, так что они шли молча.

— Это старое еврейское гетто, — сказал наконец Винченцо, когда они миновали крошечную площадь Маттеи с четырьмя бронзовыми мальчиками, резвящимися в фонтане. — В 1943 году все две с лишним тысячи евреев, которые здесь жили, были сосланы в лагерь смертников.

Жизнь вокруг так и бурлила, так и утверждала свои права, и трудно было поверить, что чуть более полувека назад такие же цивилизованные, жизнерадостные люди могли послать тысячи других людей на смерть только за то, что те принадлежали к другой нации. Анна подумала про Толяна. Ведь он тоже был отчасти евреем. «Хорошо было бы позвонить ему», — мелькнуло у неё в голове. Он знает, что она в Риме, и наверняка волнуется за неё. Анна ничего не говорила ему о своём задании, но Толян шепнул ей на ушко, когда вёз в аэропорт: «Если только твои секретчики удумают как-нибудь тебя подставить, я им этого не спущу». Анна никогда не говорила ему, что работает на спецслужбы, но Толян и так знал.

Они теперь проходили мимо театра Марцелла — своего рода мини-колизея, строительство которого начал ещё Юлий Цезарь. Не так давно этот древний стадион был превращён в жилой многоквартирный дом, о чём свидетельствовали плохо вписывающиеся в старинный имидж постройки стеклопакеты на верхних этажах. Анна помнила из каких-то книг, что диаметр этого стадиона 111 метров. Она спросила Винченцо, в чём было значение этой величины, но тот только пожал плечами. Анна подумала, что Адриан наверняка знал, в чём тут дело.

— Куда мы идём? — спросила Анна своего великолепного спутника.

— Просто гуляем, — пожал плечами Винченцо. — Но поскольку мы близко к Форуму, можно было бы посмотреть сверху на ночной город.

Они пошли по направлению к Капитолийскому холму.

— Ты сказал, что ты студент, семинарист, — вспомнила Анна. — И где же ты учишься?

— Уже не учусь. Давно пишу диссертацию, а конца и края ей не видно. Наверное, я делаю это подсознательно, чтобы оттянуть день принятия сана, — улыбнулся он.

Анна никак не могла свыкнуться с мыслью, что Винченцо — будущий священник.

— И о чём же твоя диссертация? — поинтересовалась она, скрывая смущение.

— Я исследую жизнь и воззрения одного отшельника, святого Пьетро Мурроне, — отозвался Винченцо. — Под конец своей жизни он стал папой Целестином V. Католическая церковь его канонизировала. Когда-нибудь слышала о таком?

— Нет, — призналась Анна. — Расскажи мне.

— Целестин был загадочной фигурой в Церкви, — начал Винченцо. — Он был единственным, кто по своей воле оставил престол Святого Петра и ушёл из дворцов Рима.

— Ушёл? — удивилась Анна.

— Ушёл в горы, к свободе, в свою маленькую пещеру. Правда, его в скором времени вернули в Рим и убили — я так понимаю на всякий случай.

— И что же ты думаешь об этом человеке? — поинтересовалась Анна.

— Я много о нём думаю, — задумчиво произнёс Винченцо. — Но до конца не понимаю его, следовательно, в целом не понимаю. Поэтому мне и трудно писать о нём...

Они поднялись по спроектированным самим Микеланджело ступеням навстречу двум каменным фигурам юношей, ведущих под уздцы белых каменных коней. Затем прошли в дальний край холма, в сторону Виа дей Фори Империасти, и стояли теперь над руинами древнего Форума. В одной великолепной панораме перед ними раскинулись столетия беспрецедентной драмы, разыгравшейся здесь.

Колоннады и остатки древних стен были подсвечены мощными прожекторами и бросали на землю длинные красные или розовые наливные тени, будто вопия о своей былой славе, о военных походах, выпитом вине и пролитой крови. Когда Анна была здесь в дневное время, ей трудно было представить, что некогда на этом месте располагалась штаб-квартира всего цивилизованного мира. Но теперь, глядя на те же самые руины при искусственном освещении, она легко могла увидеть стройные величественные храмы, окружённые мраморными колоннадами, статуи героев и богов, сплошь покрытые золотом, отражающим лунный свет. Она отчётливо представила, как на тех местах, где сегодня громоздятся груды камней, когда-то стояли великие базилики, в стенах которых решались судьбы всего мира.

С руин Форума Анна перевела взгляд на город. Перед нею мерцало море огней огромного, великого города, который навсегда изменил её жизнь. Она глядела вдаль и думала о том, что, хотя она и не знает, что у неё впереди, возвращаться назад в Москву ей пока ещё не хочется. К югу от того места, где они сейчас стояли, загадочным, переливчатым светом мерцал Колизей. Выше, венчая собою праздничную Виа ди Сан-Пьетро, красовалась выпестованная Микеланджело яйцеобразная плацца дель Кампидоглио, Капитолийская площадь, которую ещё называют центром мира. В отличие от упаднического духа Форума, плацца пульсировала жизнью, а три выстроенные в стиле Ренессанса дворца, расположившиеся на ней, казалось, дышали молодостью и силой.

В этот момент Анне нестерпимо хотелось обнять Винченцо, прижаться к нему, поцеловать, утонуть на его груди. Она взглянула на него: он, как зачарованный, глядел на раскинувшуюся перед ним панораму города. Её присутствия он сейчас, казалось, даже не замечал.

— О чём ты сейчас думаешь? — спросила его Анна, после того как понаблюдала за ним несколько минут.

Он вздрогнул, словно пробуждаясь ото сна.

— Я думаю об этом городе. Мне иногда кажется... У меня бывает такое ощущение, что... —

он не договорил.

— Скажи мне, — попросила Анна. Она поправила волосы, чтобы не видны были её уши — они всегда краснели, когда у неё в крови был переизбыток гормонов.

— Мне кажется — и это самая нелепая мысль, которая мне когда-либо приходила в голову, — что будущее этого города находится в моих руках, — ответил он. — Мне снятся сны... Кошмары, а не сны... И в этих снах я должен принять какое-то решение, которое может погубить или спасти этот город...

Анна посмотрела на него с удивлением.

— Впрочем, совершенно нелепый сон, — рассмеялся Винченцо. — Я знаю, что меня ждёт. Меня ждёт небольшой приход где-нибудь в пригороде и, возможно, со временем, тёплое местечко в курии.

Сказал он это весело, но в его словах чувствовалась затаённая горечь. Что было её причиной, Анна не знала и спрашивать не смела.

Они пошли в сторону отеля. Винченцо шёл рядом, но казался Анне странно далёким. Она не понимала, что с ним случилось, и думала о том, не она ли ввела его в такую депрессию. Наверное, он думал, что и так уже открылся ей слишком много. Анна незаметно закусила губу.

Винченцо проводил её к отелю.

— Надеюсь, — сказал он, прощаясь с Анной, — что ты простишь мне как мою болтливость, так и последующее молчание. Я как-то почувствовал, что могу позволить себе оставаться самим собой, когда я с тобой, — расслабиться немного.

— Я польщена, — напряжённо улыбнулась Анна.

Они условились о новой встрече, и Винченцо, распрощавшись, пешком побрёл по улице. Она долго ещё смотрела ему вслед. Случайные прохожие тоже оглядывались на него. Казалось, в нём всё-таки была какая-то ненормальность или было чего-то сверх нормы.

Как только Анна перешагнула порог своего гостиничного номера, зазвонил её сотовый телефон.

— Здравствуй, Анна, — услышала она преломлённый компьютером голос. Впрочем, она и так знала, что звонил не кто-нибудь, а сам генерал. — Как проходят наши римские каникулы?

— Спасибо, хорошо, — сдержанно ответила она.

— Слишком медленно, Анна, слишком медленно. Мы должны будем ускорить процесс.

— Ускорить? Каким образом? Требуется время на установление отношений доверия, — возразила Анна. Больше всего она не хотела сейчас, чтобы кто-то ещё давил на неё.

— Я полагаю, — начал генерал, — что тебя можно поздравить с установлением других отношений доверия.

Именно эти слова Анна и боялась услышать!

— Во-первых, никаких отношений нет, как ваши люди могли вам передать. А во-вторых, я не вижу, как это препятствует выполнению задания, — собравшись с силами, ответила она. Такой дерзкой с генералом она могла быть только по телефону.

— Препятствует? Если бы это чему-то препятствовало, мы бы отреагировали намного раньше, — засмеялся генерал. — Могу успокоить тебя — я не собираюсь препятствовать этому твоему... знакомству.

Анна не понимала, куда он клонит.

— Мы проверили этого молодого человека, — продолжал электронный голос в трубке. — Возможно, он — находка для нас. Наши специалисты-психологи просчитали ситуацию, и они полагают, что наметившийся уже процесс будет ускорен, если профессор станет испытывать чувство ревности.

— Какой процесс? Какой ревности? — не поняла Анна.

— Не прикидывайся дурочкой, — неприятно усмехнулся голос в трубке. — Профессор давно уже влюблён в тебя. Появление соперника, даже предполагаемого, может значительно ускорить процесс его раскрытия. Вспомни «Собаку на сене».

«Профессор давно уже влюблён в тебя», — отозвались в её ушах слова генерала, сказанные им в такой сухой и деловой манере, как будто он получил лабораторные анализы, подтверждающие эти данные. Впрочем, Анна признавала, что генерал был прав.

Игра выходила далеко за рамки чисто профессиональной деятельности. Неужели она действительно способна использовать чувства, чтобы манипулировать людьми? Анне стало страшно. С другой стороны, напомнила она сама себе, об этом надо было думать тогда, когда бралась за это задание. Но разве был у неё выбор?

— Конечно же, тебе придётся поработать над ситуацией, — добавил голос в трубке. — Ты, должно быть, уже догадалась, кто такой этот твой Винченцо?

— И кто же он такой? — тихо спросила Анна. Она боялась ответа.

— Он — гей, — лаконично ответил голос в трубке. — Что, однако, ничуть не мешает нам использовать его в наших планах.

Анну словно пронзило электрическим током. Ну конечно! Только она, компьютерный червь с полным отсутствием житейского опыта, могла этого не разглядеть. Вот почему он так ведёт себя с ней! Ей мучительно захотелось выбросить телефон в окно, а самой броситься на кровать и разрыдаться. Но она слишком хорошо умела себя сдерживать — годы работы в отделе многому её научили.

— Ты должна будешь в самое ближайшее время познакомить нашего клиента с этим молодым человеком, — продолжил тем временем генерал. — Смотри на всё это как на забавную игру, как на весёлое приключение. Радуйся, наслаждайся жизнью. Ясно? До связи.

Она подошла к окну. Отсюда перед ней открывался панорамный вид на крыши Вечного города, утыканные телевизионными антеннами, над которыми, как гигантская летающая тарелка, плыл купол собора Святого Петра.

«Ну почему же, — взмолилась Анна, — почему нет никого, с кем можно было бы поговорить, кому можно было бы доверить мои тайны! Я не могу доверять их даже дневнику. А как бы хотелось излить кому-то свою душу — маме, тёте Майе, Толяну, „Гансу Христиану“... Иных уж, наверное, нет, а те — далеко...»

Глава 17. В которой говорится о рождении младенца Петра, в глубокой старости удостоенного стать римским понтификом

Вот наследие от Господа: дети, награда от Него — плод чрева.

Псалом 126:3

1209, 11 мая, Молизе, юг Италии

Деревня под названием Сантанжело Лимосано состояла примерно из двух десятков хижин, разбросанных, как казалось, безо всякого порядка на просторном лугу у подножия заросшего лесом холма. Как и многие другие деревушки в провинции Молизе, она однажды, без какого-либо участия или даже ведома её жителей, вошла в состав расширяющегося римского государства. Парадоксально, но деревне удалось пережить Римскую империю, и с тех пор она переходила из рук в руки — вначале к ломбардам, которые сделали её частью графства Сполето, потом к норманнам, присоединившим это селение к Апулии. Самих жителей деревни все эти перетасовки коснулись мало, и в народной памяти о ломбардах вспоминали как о тех, кто когда-то начал сажать здесь оливковые деревья; а норманнов — как первых, кто стал разводить в Молизе стада свиней. Вправду это было или нет — проверить уже никто не мог, но оливковое масло и свиные колбаски из Абруццо имели отменную репутацию, и, следовательно, жизнь в деревне Сантанжело Лимосано была сносная. Деревенских жителей мало волновало, что происходило в окружающем их большом мире, и если бы не близость городка под названием Изерния, их диалект, наверное, развился бы в язык, иностранный как для Италии, так и для всего остального мира.

Жизнь в деревне текла медленно и размеренно, и среди крестьянских обязанностей редко находилась такая работа, которая не могла бы подождать до завтра. Поэтому, когда Марии, жене Ангелериуса, настало время рожать своего одиннадцатого по счёту ребёнка, вся деревня собралась подле её дома, не преминув воспользоваться случаем отдохнуть и почесать языки. Усевшись на траву неподалёку от небольшой глинобитной хижины Марии и Ангелериуса, люди судачили о погоде, спорили о поле будущего ребёнка и громко смеялись старым, из поколения в поколение переходящим шуткам, связанным с темой рождения детей.

Мария, похоже, была единственной во всей деревне, кто в тот день трудился. Впрочем, за неё никто особо не переживал: рожать было для неё делом привычным, и она была всё ещё молода и сильна. К тому же её муж на всякий случай пригласил на помощь из Изернии монашку, сестру Пелагею, исполнявшую роль повивальной бабки. С Ангелериуса Пелагея спросила два десятка яиц. С горожан, конечно же, она бы содрала побольше, но что взять с бедных крестьян? Тем более они такие здоровые, что Пелагея просто делала вид, будто чем-то помогает.

Пригласил её Ангелериус главным образом из чувства вины и боязни Божественного наказания. Дело в том, что Мария приходилась ему двоюродной сестрой. Большинство жителей деревни были друг другу родственниками, поскольку одни и те же семьи жили здесь на протяжении многих поколений. Крестьянам запрещалось покидать свою землю, так что женихов и невест приходилось подыскивать прямо на месте. Церковь такие браки не санкционировала, называла их инцестом, и деревенские жители обходились без церковного венчания.

— Мальчик! — воскликнула сестра Пелагея, поднимая в воздух розовое и морщинистое существо, встречающее свой первый день земной жизни. Она показала плачущего младенца сначала его отцу, потом матери и шести сёстрам, которые находились тут же, внутри маленького помещения. Братья вместе со всеми остальными дожидались снаружи.

— Мальчик! — крикнула сестра Пелагея в окно, показывая ребёнка собравшимся во дворе. К удивлению всех, ребёнок тут же перестал кричать, широко открыл глаза и внимательно осмотрел людей, будто приветствуя их.

— Ангел! — прошептала одна из его сестёр.

— Святой апостол! — сквозь слёзы умиления проговорила Мария.

— Пьетро! — подтвердил Ангелериус.

Мальчик в это время остановил на нём свои лучистые глаза.

— *Sta sorridendo!* — воскликнул Ангелериус. — *Guardilo! Sta sorridendo! Il suo nome e Pietro!*

— Пьетро! — раздалось кругом. — Отец назвал его Пьетро!

То, что Ангелериус сразу по рождении дал своему ребёнку имя, вызвало одобрение одних и возмущение других жителей деревни. Дело в том, что в связи с высокой смертностью новорождённых большинство крестьян не спешили давать детям имена — до тех пор, по крайней мере, пока те не будут крещены. Родителей страшило, что если их ребёнок умрёт до крещения, то его душа навсегда попадёт в ад. Поэтому они и не давали детям имён: нет имени — нет и человека. Ангелериус, таким образом, поступал против устоявшегося обычая. Впрочем, на самом деле это никого особо не смущало — жители деревни не отличались особой пунктуальностью в отправлении и выражении своей религиозности. Если отец решил, что сейчас самое время дать ребёнку имя, — значит, у него на то имелись основания. Значит, так тому и быть!

Прошёл месяц, и Ангелериус решил крестить своего сына. На краю деревни всё ещё стояла небольшая полуразрушенная каменная церковь. Никто не мог припомнить, когда она была построена и кем. Никто не видел, когда в эту церковь в последний раз наведывался священник. С крестьян брать было нечего, и священники давно подались на более сытные пажити — в города.

Ангелериус сам наполнил водою древнюю купель, стоящую перед входом в церковь. Затем он взял на руки своего сына и прочитал над ним старую молитву: «*Ego baptizo te, Pietro, in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti. Amen*».

После этого он быстро окунул младенца в воду, из которой его принял на руки крёстный отец Пьетро — землевладелец из соседней деревни, который особым образом расположился к ребёнку и даже обещал родителям в должное время научить его грамоте и наставить в христианской вере. О нём поговаривали, что он как-то связан с валленсами — жителями горных долин.

В провинции Молизе валленсов (или сабатати, как их звали в соседних провинциях) знали издревле и уважали. Это были добрые и сердечные люди, которые совсем не походили на жадных бенедиктинцев, на земле которых проживала половина крестьян Молизе. Живя на своей собственной земле, Ангелериус мог только сочувствовать монастырским крестьянам, которые со всех сторон были обложены данями и должны были наряду со своим маленьким огородом работать ещё и в огромных монастырских огородах и садах.

Ангелериус слышал, что когда-то валленсы наполняли не только горные, но и предгорные равнины, жили в Милане и Лионе. О них говорили, что они являются носителями чистой христианской веры, которую исповедовали их учителя, отцы Церкви Амвросий, Вигилантий и Клавдий. Однако около столетия назад папа Николай II добился того, чтобы епископ Милана вошёл в вассальную зависимость от него. С тех пор валленсов начали гнать. В результате нескольких военных столкновений с войсками папе удалось взять под свой контроль

предгорные районы. Но не горы! Крестовые походы загнали множество людей в горные долины. Некоторые перевалили через Альпы и благополучно устроились по другую сторону от них, спустившись в долину Рейна. Другие скрылись от преследований на высокогорных лугах Пьемонтских Альп. Повсюду они открывали школы, занимались земледелием и скотоводством, ремеслом и торговлей и жили в горах, ни в чём не нуждаясь.

Ангелериус слышал о Пьетро из Вальдо, который недавно был в Изернии. В городе незадолго до этого произошёл большой пожар, и Пьетро с товарищами, узнав об этом, пришли, чтобы врачевать людей и помочь им как-то обустроиться. О Пьетро говорили, что происходил он из семьи богатого торговца, у которого было всё: дома, рыбные пруды, мельницы, красильни, поля, виноградники и торговые лавки. И от всего этого огромного состояния Пьетро Вальдо отказался — раздал его нищим, чтобы самому стать самым нищим из всех и вести жизнь святого человека, странствовать, служить бедным людям и проповедовать Слово Божие. Когда Ангелериус давал имя своему сыну, он думал о Пьетро из Вальдо не меньше, чем о святом апостоле Петре.

Глава 18. Адриан встречает своё прошлое

Dux femina facti.

(С женщиной во главе.)

Виргилий. «Энеида»

2007, 18 сентября, Рим

Всё изменилось в жизни Адриана Фера с появлением Анны. Шаг за шагом он выбирался из подземелья своего мрачного века к Возрождению, к Ренессансу. Он почти бросил пить и вылил все крепкие напитки, которые нашёл у себя в квартире. Он даже бросил курить, а вчера, покупая продукты, заметил, что у него в тележке была собрана в основном здоровая пища. Мир снова обретал и запахи, и краски. Этой осенью ему суждено было встретить последнюю, давно уже нежданную весну своей жизни.

С тех пор как Адриан увидел Анну, он не переставал ни на минуту думать о ней, мечтать о её стройной фигуре, красивых плечах, замечательных зелёных, как море, глазах. Проводив Анну, Адриан обычно ещё долго то и дело подносил к лицу правую руку, которая пахла её духами, и тогда в его ушах как бы снова звенел её сладкий и густой как мёд голос. Сегодня он опять увидит её, и они будут долго гулять вместе по Риму, и ему не будет уже так невыразимо одиноко и тоскливо. К лучшему или к худшему, перед ним раскрывалась новая страница его жизни.

Сегодня они договорились встретиться на пересечении Виа Сакрестиа и Виа Теутоника, неподалёку от стены Ватикана, и Адриан вышел из дома за целых полтора часа — он, как мальчишка, просто не мог сидеть и ждать. Он задумчиво бродил по городу, с жизнью которого так трагично переплелась его судьба. С этим же городом были тесно связаны жизни многих поколений его предков, останки которых покоились в семейном склепе. Он любил этот город, любил его теперь почти до слёз — уже хотя бы за то, что тот принёс ему Анну! Адриан глядел в сотни распахнутых настежь окон, украшенных цветами и разноцветными занавесками, и вдруг вспомнил себя маленьким мальчиком, бегающим по улицам и подворотням, лазающим по деревьям, подглядывающим в окна и гонящим голубей...

«Неужели тот мальчик всё ещё жив? — думал он, и слёзы наворачивались ему на глаза. — Неужели он ещё топчет землю — ту же самую землю? А вдруг, — Адриан даже остановился как вкопанный от этой мысли, — вдруг опять возможно будет испытать счастье? Беспричинное, как в детстве? Хоть на день, хоть на час?» Конечно, ему никогда не жить нормальной жизнью, никогда не иметь ни семьи, ни детей. Но почему бы сейчас, прямо сейчас, ему не быть счастливым? Пусть даже беспричинно. А потом — будь что будет.

Адриан вновь зашагал по улице. Он вспомнил своего отца, графа Джироламо Фера, научившего его видеть за зданиями их историю, слышать то безгласное послание, с которым обращаются к людям камни, уметь перевести его на язык слов. Отец был владельцем маленького отеля, деградировавшего со временем в мотель, и большой любитель и знаток римских древностей. Это он сделал из своего сына историка — послал Адриана учиться в университет. Уже на последние деньги отца им и Адрианом была собрана уникальная коллекция древних книг и манускриптов по истории Рима и римской архитектуры. Как хотел бы Адриан, чтобы отец мог видеть его счастливым! Отец, наверное, был единственным во всём мире человеком, который верил в невиновность Адриана. Притом что даже сам Адриан в это не верил.

Свою мать, урождённую герцогиню Генриетту Флоричи, Адриан знал только по фотографиям — она умерла, когда он был двух лет от роду. Но иногда ему казалось, что он помнит её. У неё были большие и добрые, лучистые глаза и необыкновенной, пугливой красоты рот. На какую бы из фотографий своей матери Адриан ни смотрел, ему всё казалось, что ей как-то неловко за свою красоту и она стремится, впрочем безуспешно, её прикрыть.

Отец так и не смог оправиться от её трагической гибели, и никогда уже не женился, хотя жил с женщиной, которая и вырастила Адриана. Она любила его, как родного, но не смела называть его сыном, а он её — мамой. Она вела все дела мотеля, начиная от канцелярских и кончая уборкой комнат. Однажды, набравшись храбрости, Адриан спросил отца, почему тот не женится на Элизе, на что гордый граф отвечал, что не намерен смешивать своё имя с именем плебейским. Это очень обидело, даже оскорбило тогда Адриана. Он даже сбежал из дома и целый месяц прожил отшельником в пещере на крутом берегу Тибра.

Позднее, когда он будет снова и снова возвращаться мысленным взором в те годы, Адриан поймёт, что устами старого графа говорила его боль, его ущемлённая гордость, его растоптанное достоинство. Поймёт он также, что за все те несчастья, которые выпали на долю их семьи, отец нёс на себе тяжёлое бремя вины. Он не смог удержать в руках того уже оскудевшего, но всё ещё капитала, который достался ему от родителя. Он не был мотом, но был упрям и горд — такой же, как и дед Адриана, с которого и началось падение клана Фера. Дед был принципиален и отказывался вступать в какие бы то ни было тайные организации, которые, словно щупальца спрутов, стали опутывать послевоенную Италию, беря под контроль экономику и политику страны и распространяясь далее, до самой Америки. «Те же самые нацисты — только намного хуже», — так он про них отзывался.

Деда не раз приглашали вступить в игру, суля при этом золотые горы. Но то ли от того, что во главе одной из лож находились люди из клана, враждебного роду Фера, то ли по какой другой причине граф от предложения отказался, вступив, как его предупреждали, на опасный путь. В пятидесятые годы большая часть его имущества была конфискована, а сам он был обвинён в сообщничестве с фашистами. У графа случился инфаркт, и он умер оболганным, как считал отец Адриана. Графу Джироламо тогда с трудом удалось вырвать из железных щупалец спрута два дома из всего огромного состояния. Один дом, который был в городе, граф переделал под недорогую гостиницу, а в другом, в деревенском поместье, поселился сам. Туда он и привёл свою молодую жену, Генриетту Флоричи, этот дикий цветок, который нашёл распускающимся где-то в Пьемонте.

«Она была слишком хороша для меня, слишком хороша для всего этого поганого мира, —

говорил граф Адриану. — И потому Господь прибрал её к Себе».

На самом же деле Адриан видел, как мучается его отец, непрестанно виня себя. Графиня умерла абсурдной, нелепой смертью — от пчелиного укуса. У неё была аллергия на пчелиный яд, и, так как они жили в деревне, она всегда носила с собой необходимое ей лекарство. В тот день они совершали вместе с графом конную прогулку, и то ли она забыла переложить железную коробочку с маленьким стеклянным шприцем, то ли не хотела отягощать карманы облегающих её ноги белых конных брюк, но лекарства при ней не оказалось.

Граф до смерти загнал своего коня, торопясь успеть с Генриеттой в больницу, но всё было напрасно. Когда у порога приёмной граф освободил ремень, которым полчаса назад пристегнул к себе красавицу-жену — ещё в сознании и чувствах, — санитары подхватили на руки уже бездыханное тело, отёкшее и холодеющее. Граф даже не знал, что большую часть пути он скакал с мёртвой женой.

Он продал тогда поместье и переехал с маленьким Адрианом в город, поселившись в одном из номеров своего отеля. Спустя где-то год после этого трагического происшествия он взял на работу Элизу — молодую бельгийку, с которой познакомился в поезде. По стечению обстоятельств, о которых Адриан так никогда и не узнал, ей некуда было ехать, и граф предложил ей комнату и работу. Они прожили вместе двадцать лет, пока Элиза не умерла от рака. Адриан помнил тот день, когда отец позвонил ему и сообщил о смерти Элизы. Он был тогда на четвёртом курсе университета, слушал лекцию о заслугах Макиавелли. Адриан выскочил из аудитории, взял такси и помчался на окраину города, где располагался их мотель. Он всю дорогу с трудом сдерживал слёзы, но, увидев отца, не мог не разрыдаться — граф будто постарел лет на десять.

— Знаешь, — сказал он как-то Адриану, — в Средние века было одно такое страшное наказание — убийцу приковывали железными цепями к трупу жертвы, и с этим трупом он уже не расставался ни днём, ни ночью, пока сам не превращался в труп. И ждать приходилось не слишком долго.

— Но ведь ты не виноват в её смерти, — заметил Адриан. — Как и в смерти матери.

Отец внимательно посмотрел на него.

— А как ты думаешь, — спросил он наконец, — если бы я был немного мудрее, случилось бы всё это с нею? Со всеми нами?

— Не знаю, — честно ответил Адриан.

Тогда он ещё не мог знать, что именно он, единственная оставшаяся у отца надежда, сведёт того в раннюю могилу и поставит страшное кровавое пятно на последней странице истории рода Фера. История о прикованном к трупу убийце стала его, Адриана, историей — вот уже десять лет, как он влачил на себе окровавленное, изуродованное тело Роберты.

И только появление Анны дало ему надежду снова испытать такие призрачные чувства, как свобода и счастье. Цвет её волос, каждое движение красивого молодого тела, каждое сказанное слово — всё отдавалось в нём миллионами маленьких искр счастья, пробегавших по его телу, возвращавших высокое напряжение в одрябшие и истощившиеся провода его нервов.

В течение нескольких месяцев после того, как Адриан был выпущен из лечебницы, в которой семь лет жизни прошли с мучительным однообразием одной бесконечной недели, он не осмеливался даже думать о каких-либо отношениях с женщинами. Он считал, что все смотрят на него как на кровавого маньяка-убийцу, извращенца, появление которого на свободе

вызвано какой-то нелепой ошибкой в судопроизводстве. И всё же, сам того не ожидая, спустя год после своего освобождения Адриан уже познакомился с девушкой, которая привязалась к нему и даже, наверное, по-своему его любила. Звали её Ларисой, и была она родом из Венгрии. Ей было двадцать три года.

Адриан познакомился с ней на квартире своего приятеля Тони, у которого он покупал марихуану. Тони был единственным человеком, с кем Адриан мог ещё поговорить по душам, с кем чувствовал себя относительно спокойно. Тони был примерно одного с Адрианом возраста, но вследствие одного из своих заболеваний был непомерно тяжёл, толст, а потому выглядел старше. Когда-то он работал медбратом в больнице, получал неплохие деньги и мог бесплатно лечиться. Но пристрастие к алкоголю и уход жены разрушили его жизнь. Он потерял работу, водительские права, и, чтобы как-то выживать и при этом иметь деньги на выпивку, занялся мелкой торговлей наркотиками. Он продавал обычно традиционное трио — кокаин, экстази и крэк, но водилась у него и марихуана.

Тони всегда с интересом слушал Адриана, которого неизменно называл «профессором» — то ли в шутку, то ли всерьёз. Они говорили об архитектуре, жизни, истории, науке, философии... К удивлению Адриана, Тони оказался весьма эрудированным человеком, и, несмотря на внешнюю заторможенность, в нём скрывался острый ум. Их разговоры могли длиться часами, прерываемые лишь свёртыванием новой сигареты, да иногда звонками телефона или посещениями уличных клиентов. Тони редко когда продавал товара больше, чем на пятьдесят евро, — его клиентами были такие же отверженные обществом бедняки, больные и бездомные.

Комната Тони, точнее маленькая квартира, которую он снимал, была выстроена прямо на плоской крыше двухэтажного многоквартирного здания. Всем своим видом и существованием это архитектурное излишество с острой крышей как будто бросало нелепый вызов традиционной римской плоскости и кубизму. «Самое странное, — думал Адриан всякий раз, когда поднимался по крутой, почти пожарной лестнице, прилепленной к боку здания, — что этот аппендикс никто почему-то не удалил и удалять, по всей видимости, не собирается».

В тот вечер шёл дождь, порывисто дул ветер и было особенно скользко подниматься по крутым ступенькам. С высоты второго этажа Адриан посмотрел вниз. Что будет, если он поскользнётся и упадёт? Сломает себе руку? Или ногу? Или, может быть, шею? Адриан поморщился. Он постучал в серую деревянную дверь и, когда никто не ответил, толкнул её вперёд. Тони часто слушал музыку в наушниках, и народ заходил к нему так, запросто.

Переступив порог, Адриан ахнул от изумления: на засаленном Тонином диване, слегка укрытая старым пледом, спала красивая молодая девушка. Спала прямо в одежде, которой было на ней минимум и которая безошибочно указывала на род её занятий. Об этом же говорил и макияж — такой ненужный, лишний для её нежного, детского почти лица. Сейчас, когда она спала, весь её «наряд-маскарад» казался Адриану нелепицей — будто кто-то во сне надел на неё эту вызывающую, кричащую одежду путаны и наложил на лицо тяжёлый грим.

— Нравится? — услышал он голос Тони.

Адриан будто очнулся ото сна. Он стоял на пороге маленькой грязной комнаты с громко кричащим телевизором и висящими густыми облаками табачного дыма. На полу беспорядочно валялись диски, мужские журналы и прочая дрянь. И посреди этого бедлама мирно спало прекрасное дитя.

— Одна знакомая, — кивнул на неё Тони. — Позвонила мне час назад, спросила про кок. Я сказал — приходи. Вот, пришла. Ни денег, разумеется, у неё нет, ни кок ей не нужен. Девочка устала и замёрзла, а переночевать было негде.

— Как это — негде переночевать? — удивился Адриан.

— А вот так: их вечером привозят из пригорода, а утром опять отвозят. Так дешевле получается. Только где ей в такую ночь было клиентов найти? Вот она и пришла. А сразу спросить боялась.

Адриан подошёл к телевизору и выключил его. Затем шагнул к дивану, некоторое время изучал лицо спящей девушки.

— Она не итальянка, — сказал он, раздумывая.

— Никогда не угадаешь, — заверил его Тони.

— Француженка?

— Холодно.

— Полячка?

— Холодно.

— Ну, сдаюсь, — согласился Адриан.

— Она венгерка.

— Венгерка?

— Ну да, — кивнул Тони. — Ты помнишь, я тебе говорил, что мой отец был из Венгрии? Так что я наполовину мадьяр. Языка венгерского никогда не знал и не учил, но слышал, как отец разговаривает на нём по телефону и ругается. Интересный язык, скажу тебе, Адриан, — ни на что не похожий...

Но Адриан не был сейчас настроен на разговор об особенностях венгерского языка.

— И как ты с ней познакомился? — нетерпеливо спросил он Тони.

— Случайно — на улице. Я услышал вдруг знакомое ругательство. Оно исходило из уст вот этой красотки, — кивнул он на девушку, — и было адресовано уходящему в сторону молодому человеку бандитской наружности, по всей видимости её сутенёру. Я подошёл к ней и сказал те несколько слов на венгерском, которые усвоил с детства. Надо было видеть, как она мне обрадовалась! Она приняла меня за настоящего венгра и начала мне говорить что-то — много и горячо. Мне с трудом удалось ей объяснить, что я её не понимаю. А она почти ничего не понимает по-итальянски. Из-за это у неё бывает мало клиентов, и люди, которые привезли её сюда, очень ею недовольны, ругаются на неё и даже бьют. Я в тот вечер взял её к себе домой и заплатил всё, как надо. Но ты же знаешь о моей болезни и неспособности к сексу? Мы выпили пива, покурили травки и ухитрились как-то понимать друг друга. И, уверяю тебя, венгерский язык...

— Тони, — снова прервал его Адриан, — давай поговорим о венгерском языке в другой раз, ладно?

— А-а-а, — потянул Тони, — понимаю. Тебе нравится эта девочка?

— А разве может она не нравиться? — почти прошептал Адриан.

— Тогда иди к ней в клиенты — она страшно обрадуется. Но я знаю тебя — тебе секса будет мало. Тебе ведь поговорить с ней захочется. И всё возвращается на круги своя — учи, дружище, венгерский.

«Да хоть бы и венгерский, — подумал Адриан. — Особенно венгерский! — вдруг мелькнуло у него в голове. — Ведь эта девочка ничего обо мне не знает! Ты можешь стать для неё чем-то. Ты можешь быть с нею кем угодно — ведь она ничего не знает об Италии, Риме и о всём, что произошло здесь восемь лет назад!»

Лариса стала первой женщиной Адриана Фера после восьми лет одиночества. И хотя она была проституткой, он чувствовал, что не заслуживает её. То нечеловеческое преступление, призрак которого без конца преследовал его, было неизмеримо страшнее маленьких аморальных действий этой женщины, продающей своё достоинство. Она никому не делала зла, ненавидела то, что делала, но считала, что у неё нет выхода. Ей надо было поддерживать оставшуюся в Венгрии семью; а ещё у неё была мечта вернуться в родной город на маленьком подержанном автомобиле. Она подсчитала, что для этого ей понадобится ещё два-три года.

Адриан находился теперь на дне, а на дне люди не судят друг друга. Они могут не любить кого-то за подлость, за обман, но падения здесь не обсуждаются и не осуждаются. Именно поэтому Адриану спокойно было в мире Тони и Ларисы.

Он действительно бросился тогда изучать венгерский. Набрал в библиотеке кучу книг на венгерском языке, которые они с Ларисой ночи напролёт читали. Адриан вслушивался в неподражаемое течение речи этого удивительного языка. Одним глазом он следил за текстом, который читала Лариса, а другим косился в английский перевод книги. Иногда он останавливал её и что-то говорил по-венгерски, а она смеялась и поправляла его.

Адриан узнал, что Лариса окончила школу и компьютерные курсы и одно время работала машинисткой в какой-то государственной конторе в Венгрии. Платили ей так себе, но работа давала какие-то льготы — какие именно, Адриан так и не понял, — в которых её семья очень нуждалась. В самое ближайшее после её устройства на работу время выяснилось, что взяли её только потому, что она понравилась начальнику отдела. Лариса встала перед выбором: потерять работу или потерять себя. Себя она оценила ниже своей семьи и осталась в отделе. Так продолжалось полгода, пока она не услышала от подруги о возможности поехать на заработки в Италию. И она решила, что раз уж начала продавать себя, то уж лучше делать это в Риме, чем в маленькой затхлой конторе. Так она и оказалась в Вечном городе.

Одно лишь тяготило Адриана в его отношениях с Ларисой — то, что он так и не сказал ей, кем в действительности являлся и что с ним случилось. Для неё он был просто бывшим учителем, который вследствие каких-то обстоятельств, какой-то там болезни, потерял работу. Ей очень нравилось бывать в его маленькой квартире. Она брала с полки разные книги, нюхала их, раскрывала, аккуратно пролистывала и ставила на место. Она вообще очень любила читать, но читала и говорила только на венгерском. Адриану казалось, что это был её способ закрыться от реальности, уйти назад, в своё не такое уж и далёкое венгерское детство...

На двадцать четвёртый день её рождения Адриан приготовил для Ларисы особенный подарок — маленький белый «Фиат». Он купил его на деньги, перепавшие ему от одной весёлой, эксцентричной британской парочки, с которой Адриан целых две недели делился анекдотами и марихуаной. Он не хотел, чтобы Лариса уезжала, но и не желал держать её в рабстве. Адриан испёк пирог и приготовил ужин для двоих в своей маленькой квартирке. Он долго ждал её, не притрагивался к еде. Заснул часа в два ночи, и свечи на столе сгорели напрасно, не порадовав ничьих взоров.

А на следующий день из вечерней газеты Адриан узнал, что тело венгерской проститутки с двадцатью четырьмя ножевыми ранениями было найдено в лесу неподалёку от Рима. Адриана стошнило, а потом он долго бился в истерике. Он нашёл в ящике стола молоток, выскочил во двор и стал вдребезги разбивать только что купленный автомобиль. Соседи вызвали полицию, и Адриан, кинувшийся было на полицейских с молотком, получил дубинкой

по голове и потерял сознание.

Через неделю его выпустили, обязав теперь регулярно приходить на проверку к психиатру. Адриан первым делом бросился к Тони. Тот валялся пьяным на диване — том самом, на котором Адриан впервые увидел Ларису. В его красных глазах Адриан увидел подозрение и испуг.

— Ты что?! — закричал Адриан, хватая Тони за майку. — Ты что?! Ты думаешь, я это сделал?!

Тони смотрел на него неуверенно, со страхом.

— Не знаю, — выговорил он наконец, высвобождаясь из рук Адриана. — Но я прошу тебя больше сюда не приходить — ты приносишь несчастье.

Адриан снова потерял весь свой мир, потерял всё, что как-то ещё привязывало его к жизни. Более того, чем больше он задумывался о смерти Ларисы, тем больше сомнений вкрадывалось ему в голову. А вдруг это он — убийца? Ведь он знал, где её найти. Может, он в тот вечер и не заснул вовсе. Или же заснул так, что лучше бы ему было не просыпаться. Двадцать четыре ранения! Ведь это был её двадцать четвёртый день рождения! Но кто здесь, кроме него, мог об этом знать?

Адриан остался один, совсем один, вступая в третий круг своего жизненного ада — в круг безнадежного одиночества, страшного сомнения и почти беспросветного алкогольного тумана. Он уже и не собирался из него вырваться, но с появлением Анны круг, казалось, разорвался как-то сам по себе...

Ход мыслей Адриана был внезапно прерван резким и громким скрипом тормозов. Он оглянулся на звук и судорожно выставил вперёд руки, словно мог остановить ими автомобиль, мчавшийся на него. Он вскрикнул, когда бампер автомобиля коснулся его коленей. Сердце заколотилось в груди у Адриана — он едва избежал смерти.

Из машины тем временем выскочил водитель — молодой итальянец в широкой майке, шортах и бейсболке. Он стал размахивать руками и кричать, а к его крику присоединились гудки других автомобилей. Адриан быстро пошёл, почти побежал с дороги на безопасную территорию тротуара. «Было бы глупо, — думал он, — умирать теперь, когда так хочется жить».

— Адриан? — услышал он позади себя знакомый голос и вздрогнул, когда понял, кому этот голос принадлежал. Он медленно повернулся.

Какой контраст она представляла своему почти не изменившемуся, лишь немного подсевшему голосу! Несмотря на роскошную одежду, туфли на высокой платформе, бриллианты в ушах и на шее, она выглядела так, будто только что вышла из запоя. Она совершенно не походила на ту юную девушку, которую знал и одно время даже любил Адриан. Косметика не могла скрыть морщин, и, как искусно ни были уложены волосы, Адриан видел, что они сильно поредели. Но самым печальным зрелищем были её глаза: они выцвели, поблёкли, и единственный огонёк, который он ещё мог в них заметить, был огонёк какого-то непонятного ему страха.

— Здравствуй, Альбина, — сказал он.

— На комплимент язык не поворачивается? — нервно рассмеялась она. — Да я и не напрашиваюсь. Но что, во имя всех святых, ты тут делаешь?

Она говорила так, будто Адриан жил где-то в далёких, враждебных землях или вообще был

инопланетянин.

— Ты разве забыла? — отозвался он. — Я всё ещё живу в этом городе.

— Я не это имела в виду. Я видела, как ты только что чуть не попал под машину...

— Извини, не смог доставить тебе большего удовольствия.

— Брось, брось, Адриан, — Альбина достала сигарету и закурила. — Твоя смерть, а тем более на моих глазах, вряд ли доставила бы мне много радости.

Она протянула ему пачку сигарет.

— Я бросил, — потрянув головой, как мальчишка, сказал он.

— Бросил? — удивлённо потянула она. — И давно?

— Какое это имеет значение — недавно.

Альбина внимательно осмотрела его с ног до головы.

— Ты неплохо выглядишь, — признала она, и в её голосе Адриану послышались завистливые нотки.

«Неужели это правда? Неужели эта богатая, свободная женщина, баловень судьбы, может в чём-то завидовать мне, изгою? Наверняка, это мне только показалось...» — мелькнула у него мысль.

И всё же Адриан действительно неплохо выглядел. Отёчность спала с его лица, и глаза снова зажглись прежним блеском, румянец появился под выцветшей было кожей. Кроме того, он был одет в новый и дорогой летний костюм. О таком костюме он мечтал, ещё будучи молодым преподавателем, — тонкая, прекрасная ткань подчёркивала каждое движение, сопровождая его ровной, как линия, волной воздуха и цвета.

— Спасибо, — поблагодарил её Адриан. Они не виделись с того дня, как его увели из зала суда. Он не получил от неё ни одного письма. Впрочем, за это был ей благодарен.

На некоторое время воцарилась тишина — им и сейчас нечего было друг другу сказать. Альбина подняла левую руку и поправила волосы. Адриан понял, что ему показывают обручальное кольцо. Он не знал. Он почти ничего о ней с тех пор не слышал. Молча кивнул, признавая факт её замужества.

— Я вполне довольна своим браком, — сказала она, стараясь выдержать его взгляд.

— Разве я тебя об этом спрашивал? — поинтересовался Адриан. — Зачем было лишний раз лгать?

— Ты совсем не изменился, — горько усмехнулась Альбина.

— Наверное, просто не оказалось условий для развития и перемен, — ответил Адриан.

— Зато у меня их было более чем достаточно, — заметила она. — После твоего ареста я очень прославилась.

Да, всё было точно так, как и десять лет назад, — именно так они и общались, даже когда были помолвлены. Наверное, потому, что у Альбины не было в душе такого фонтана жизни, как у Роберты, она приправляла их отношения изрядными дозами нервных стрессов и потрясений.

— Дети есть?

Она покачала головой, безразлично, как показалось Адриану.

— Работаешь?

— Нет. Муж работает — он один из управляющих в городском банке.

Это была попытка похвастаться, но голос у Альбины звучал неуверенно.

— А как твои дела? — спросила она в ответ, даже не из вежливости, а из нежелания говорить о себе. Адриану вдруг стало жаль эту женщину. По каким-то причинам прошедшие годы не принесли ей счастья, и скрыть это она была не в силах. — Чем занимаешься? Нашёл кого-нибудь — ну, я имею в виду...

— Женщину? — подхватил Адриан. Краем глаза он заметил Анну, стоявшую на другой стороне дороги. Через минуту-другую она будет здесь. — Да, — кивнул он уверенно. — Думаю, что нашёл.

Он видел, как тень зависти, почти ненависти промелькнула в глазах Альбины.

— Да? И кто же она? Твоя медсестра? — спросила она язвительно.

— Ну почему же медсестра? Я ещё вполне здоров.

Он глядел теперь, как Анна переходила улицу. Она была неотразима в своём белом платье, напоминающем лёгкие римские туники. Она шла исполненной грации и лёгкости походкой — спина прямая, как у всадника, стан гибкий. Золотые волосы покачивались при каждом её шаге и переливались на солнце тёплым, манящим светом. Прохожие оборачивались, чтобы посмотреть вслед этой молодой римской богине во плоти. Сердце Адриана заколотилось сильнее.

— Её зовут Анна, — сказал он.

Глава 19. В которой Пьетро первым нападает на борова

Время убивать, и время врачевать.

Екклесиаст 3:3

1214, 7 июня, Абруццо

Ростом мальчик был чуть выше овечки, но его пушистые братья меньшие с уважением пропускали Пьетро, как будто даже низко кланялись, когда уверенной походкой мальчик направлялся куда-то сквозь согнанное на деревенский двор стадо. Наблюдая за своим сыном из окошка, Мария подумала, что, возможно, когда-то он станет добрым пастырем, помазанником Божьим, таким, как братья Вальдо и Франциск. А в том, что Пьетро особенный, у Марии сомнений не было. Даже в том, как слушались маленького мальчика овцы, она замечала предзнаменование его избранности. Мария давно уже решила посвятить этого ребёнка Господу, но для этого надо было ещё вырастить его, сохранить живым и здоровым.

А это было не просто. Их семью уже коснулась язва — болезнь, которая пришла в деревню из

города. В горячке сгорела по крайней мере треть Изернии и четверть их деревни. Их семью ударило в самое сердце: в один день умерли старшая дочь, невеста уже, и муж, Ангелериус. Сама Мария чудом осталась в живых — думала, не выйдет уже из горячки. Но милостив Господь — на кого же детей малых оставлять? Выжила. Тянула на себе всё хозяйство, ухаживала за детьми.

Со смертью мужа семейство быстро обеднело, как мелеет пруд, когда прорывается плотина. Кажется, вот ещё чуть-чуть — и дети будут голодать, и ты будешь задыхаться, хватать ртом воздух, как рыба, оказавшаяся на отмели. Но каждый раз Бог миловал, и семейству хватало пищи.

Тем временем маленький мальчик приблизился к цели своего похода, и когда Мария увидела, в чём эта цель состояла, кровь застыла у неё в жилах.

— Нет! — закричала она что было сил, но было уже поздно. Маленькая цепкая ручка, потянувшись вперёд и вверх, крепко ухватила колечко кабаньего хвоста и дёрнула вниз.

Мария стремглав вылетела из хижины и побежала, спотыкаясь об овец и расталкивая их, к тому месту, где происходила расправа над её милым сыночком, к тому месту, от которого испуганно отпрянули овцы и откуда доносились крики Пьетро и храпение рассвирепевшего борова. Когда Мария прибежала к загону, она увидела, как боров топчет Пьетро копытами, рвёт ему клыками грудь, кусает за голову, лицо. Пьетро душераздирающе кричал от боли.

Мария прыгнула на кабана, но тот не обратил на неё никакого внимания, словно она была не человек, а муха, и продолжал рвать плоть её сына. В руке Марии блеснул нож — она сама не помнила, откуда он у неё взялся. Мария всадила клинок в шею борова, и тот наконец заметил её. Он бросил грызть Пьетро и в бешенстве попытался стряхнуть женщину со спины. Но она вновь всадила в него нож, и ещё, и ещё... Тягучая и липкая, как эль, кровь ослепила Марию, залила ей лицо и глаза. Но она продолжала колотить и колотить ревущее и хрипящее тело, пока то не обмякло и не рухнуло на землю, корчась в предсмертных судорогах.

Мария бросила нож и вытерла кое-как глаза. Со всех сторон к ним уже сбегались дети и родственники. Она кинулась к телу своего сына, которое неподвижно лежало в луже крови, подхватила его и понесла к колодцу. Там положила его на землю и окатила водой из ведра. Кровь стекла с водой, но Пьетро не пошевелился. Мария вновь набрала воды и снова вылила на сына. На этот раз ей показалось, что его голова шевельнулась — может быть, от потока воды. Она упала перед ним на колени, и слёзы хлынули из её глаз на раны сына, на его окровавленное, изуродованное лицо.

— За что, Господи? За что? — рыдала она. — Конечно, бери его, если хочешь, бери сейчас — ведь он и так Твой. Но если Ты хочешь, чтобы он ещё послужил Тебе на земле живых, то верни его к жизни!

Большие глаза Пьетро дёрнулись, а потом медленно открылись. Марии показалось, что она видит отражённых в них ангелов. Или это были её дети, которые стояли вокруг? В тот момент она поняла, что Пьетро будет жить. Как же иначе? Ведь он будет служителем Божиим. И именно поэтому демон в свиной плоти посягал на его жизнь.

— Спасибо Тебе, Господи, — сказала Мария так, что все кругом могли слышать её. — Отныне мой сын Пьетро Ангелериус — облатус. Я посвящаю его на служение Всевышнему.

В обмен на тушу борова Мария получила из города лекарство от ран. Пьетро с каждым днём чувствовал себя лучше и лучше. Раны постепенно затянулись. Дольше всех заживала рана на лице, которая в конце концов оставила в память о себе большой рваный рубец — он никогда уже не даст Пьетро забыть, что каждый день жизни — это дар от Бога.

La v;rit; ne fait pas tant de bien dans le monde que ses apparences y font de mal.

(Не так благотворна истина, как зловредна её видимость.)

Герцог Франсуа де Ларошфуко

(1613–1680). «Максимы и моральные размышления» (пер. Э. Л. Линецкой)

2007, 18 сентября, Рим

Когда Анна заметила, что Адриан был не один, было уже поздно что-то скрывать. Он приветливо помахал ей, приглашая подойти.

— Анна, вот, познакомьтесь: Альбина. Моя бывшая... фиансе.

Он видел, как лицо Альбины передёрнулось при виде Анны. Женщины поздоровались с формальной улыбкой. Адриану было жаль Альбину, и в то же время он ликовал — ведь не он же всё это устроил.

— И что же вы, — с притворным интересом спросила Альбина, — собрались куда-то?

— Мы решили немного погулять по Ватикану, — ответила Анна. — Адриан... профессор знакомит меня с архитектурой Рима.

— Адриан... профессор... архитектура, — проговорила Альбина, глядя на него и качая головой. Потом она смерила взглядом Анну и сказала с притворной вежливостью: — А знаете, милочка, вы мне кого-то очень напоминаете. Похоже, действительно ничего не изменилось с профессором — не было возможностей, как он сам признаёт. А вы знаете, где этот человек провёл последние семь лет? Или десять? Адриан, напомни мне.

Адриан побледнел.

— Да, он об этом мне рассказал, — холодно кивнула Анна. — Впрочем, я это и сама знала.

— Знала? — Альбина взглянула на неё в недоумении. — Вы знали, что он...

— Замолчи, Альбина! — закричал на неё Адриан. — Оставь нас в покое!

— Нас? Не слишком ли громко сказано? — усмехнулась Альбина, и в её улыбке проскользнуло что-то недоброе, скользкое и холодное. — Впрочем, как вам угодно. Только, — она обернулась к Анне и сказала с наигранной заботливостью, — на вашем месте, душка, я бежала бы от этого человека — так далеко, как только возможно бежать!

Анна выдержала её взгляд, но на душе действительно стало беспокойно. Да, может, правильным было бы бежать ото всего этого, но бежать ей было некуда. «Позади Москва», — подумала Анна, грустно улыбнувшись про себя.

Альбина ушла, не попрощавшись. Глядя ей вслед, думая об измождённом лице этой женщины, Анна вспомнила рассказы тёти Майи о гвинейском черве, личинки которого попадают в человека с загрязнённой водой. Этот тропический паразит, проникающий из

кишечника человека через лимфатическую систему в подкожный слой, достигает метрового размера и больше. Когда он двигается внутри, это бывает видно и снаружи. Анне казалось, будто такой вот червь жил в этой украшенной бриллиантами женщине.

— Значит, — спросила Анна, чтобы прервать затянувшуюся паузу, — я напомнила ей кого-то?

Адриан вздрогнул.

— Ты напоминаешь Роберту, — тихо признал он.

Анна медленно пошла в сторону ватиканской стены. Адриан последовал за нею.

— Почему ты хотел жениться на Альбине? — неожиданно спросила Анна.

Прежде чем Анна закрыла рот, она успела пожалеть о том, что сказала. И откуда это в ней? Вошла в роль? Откуда такая глубокая тональность, отчего так сработали связки, гортань, губы? Зачем она лжёт? Зачем даёт ему надежду на то, чего нет? Играть на чувствах, особенно на любви, — значило переигрывать. Это было всё равно что применять пытку.

Адриан помедлил.

— Амбиции, — сказал он наконец. — Это всё мои амбиции. Альбина была дочерью президента университета, и, женившись на ней, я бы попал на самую верхушку учёной элиты. К тому же Альбина была красивой девушкой.

— И как смотрели на этот брак родители Альбины? — спросила Анна.

— Поначалу они очень даже эту идею поддержали, — горько усмехнулся Адриан. — Они сами были из чампинских патрициев.

— Чампинских патрициев?

— Чампино — это аэропорт, из которого король Умберто II бежал в 1946 году из Италии. Но прежде чем улететь, он подписал некоторые бумаги, дающие титулы многим родам, — он, впрочем, поступил, как лукавый управитель из притчи Христа — чтобы его приняли в свои дома и поддержали в изгнании.

Анна поняла: эти титулы не имели большого веса в свете, поэтому такие люди и желали породниться с настоящей титулованной особой.

— Но что же случилось потом? — возвратилась она к изначальной теме разговора. — Появилась Роберта?

— Роберту я встретил позднее, — ответил Адриан. — Наша помолвка с Альбиной была расторгнута ещё раньше — если не формально, то по факту.

Анна удивлённо посмотрела на него. Этого она не знала. Может, он обманывает её, стараясь снять с себя хотя бы часть вины?

— Отношение её родителей ко мне изменилось в одночасье. И Роберта к этому никакого отношения не имела.

— Что же тогда имело? — недоумённо спросила Анна.

— Моя лекция, — с грустной усмешкой сказал Адриан. — Открытая лекция, прочитанная мною на юбилее университета. Тогда собрались всякие важные особы, профессора и даже два кардинала. Мне, естественно, хотелось блеснуть. Но, думается мне, — усмехнулся он, —

я перестарался.

— И о чём же была эта лекция? — осторожно спросила Анна.

Адриан изучающе посмотрел на неё.

— Свою лекцию я посвятил истории римских катакомб, — сказал он, понижая голос.

У Анны ёкнуло сердце.

— Если б я тогда знал, как моя лекция отзовется, то, наверное, рассказал им о чём-то ещё, все бы похлопали и поспешили к фуршету. Зачем мне всё это было надо?

Анна слышала в его голосе боль, но не была уверена, что его покаяние такое уж искреннее.

— Но всё же, — посмотрела она на него с любопытством, — о чём ты говорил?

— Я высказал некоторые предположения относительно геометрических форм, представленных подземными коридорами, — уклончиво ответил он.

— И из-за этого расторглась помолвка? — недоверчиво спросила Анна.

— Это долго объяснять, — уклончиво отозвался профессор. — Давай поговорим об этом в другой раз.

Анна вынуждена была согласиться...

— Неужели все эти люди идут в Ватикан? — поинтересовалась она, когда они вливались в широкий, медленно текущий в одном направлении поток людей.

— Все туда, — кивнул Адриан. — Очередь часа на два. Хорошо, что нам не надо ждать — у меня есть пропуск.

Они шли не спеша, но всё равно гораздо быстрее, чем поток людей, заполняющий широкий тротуар почти до самого края. С левой стороны над ними нависала высокая крепостная стена города-государства, а с правой навстречу им двигался поток машин и скутеров. Многие из проезжающих махали туристам и паломникам, и те махали и улыбались в ответ. Анне вспомнилось, как в детстве её вместе с классом чуть ли не всей школой организовано водили на Красную площадь, в мавзолей Ленина. День был весенний, но пасмурный и холодный, и Аня сильно продрогла за два с половиной часа стояния в растянувшейся далеко за пределы Красной площади очереди. Бегать и играть не разрешалось, даже смеяться и говорить громко было нельзя — преподаватели стояли на страже. Анна должна была признать, что в Риме всё было организовано куда лучше, чем в Москве. К тому же здесь было тепло, даже жарко, и было на что посмотреть — никакого сравнения с серым трупом вождя пролетарской революции.

Анна поделилась с Адрианом своими воспоминаниями. К её удивлению, он отнёсся к ним с большим интересом и серьёзностью.

— Видишь ли, Анна. Москва некогда заявила о себе как о Третьем Риме. И поэтому неудивительно, что даже большевики построили в самом центре своей столицы традиционную египетскую гробницу и сделали её центром своего гуманистического культа. Мы сейчас направляемся в Ватикан, но знаешь ли ты, что находится в центре его притяжения, в самом сердце культа? Всё тот же древнеегипетский символизм и поклонение почившему вождю — апостолу Петру, захороненному, по преданию, под собором Святого Петра. Его-то все и спешат видеть.

— Ты не очень лестно отзываешься о Католической церкви, — заметила Анна. — Это, признаться, несколько странно для человека, в жилах которого течёт кровь бесчисленных поколений римских католиков.

— А разве в Советском Союзе все лестно отзывались о режиме? — вопросом на вопрос ответил Адриан.

— Были, конечно же, диссиденты, — согласилась Анна и сразу же вспомнила о Толяне и тёте Майе, в жилах которых текла кровь потомственных коммунистов.

— И что они говорили?

— Они говорили, — припомнила Анна, — что это — тоталитарный режим, культ, основанный на лжи и сто раз успевший отойти от своей изначальной платформы. И много чего ещё в этом роде.

— И как ты считаешь, были они при этом правы?

— Безусловно, — согласилась Анна. — Диссиденты в основном были людьми честными. Не все, конечно. Но они готовы были чем-то пожертвовать ради своей Родины, в то время как коммунисты — тоже не все, конечно, но очень многие — давно уже ничем не жертвовали, они только брали... Но я и не ставила под сомнение твой патриотизм, Адриан! — рассмеялась Анна, видя, как серьёзно он воспринимает всё сказанное ею.

— Патриотизм? — Адриан нервно улыбнулся. — Нет. Патриотизм, диссидентство — это для тех, кто против чего-то протестует, за что-то борется, чего-то добивается. Я же просто живу, существую.

— Ну да, настоящий диссидент, — утвердительно кивнула Анна. — Только в изгнании. В эмиграции. В своём родном городе.

Адриан посмотрел на неё внимательно. Да, именно так он себя, наверное, и чувствовал. Живя в своём городе, но не мог прикоснуться к нему, не мог утешиться им, потому что он, Адриан, был отвержен этим городом, изгнан, если не за его географические пределы, то, конечно же, далеко за пределы интересов Рима и его жителей. Он жил в муравейнике и при этом был страшно одинок. Пока не появилась она.

— А скажи мне, Адриан, — попросила Анна, — что значит для тебя религия?

Вопрос застал его врасплох. Он задумался на минуту.

— Это психологический феномен, который люди с давних пор обнаружили и до сих пор не перестали эксплуатировать. Способ порабощения — через вероучение, через обряд, через традицию, наконец, через угрозы и силу, полицию, инквизицию — какая разница?

— Способ порабощения, — задумчиво проговорила Анна.

— Вся история человечества, цивилизации — это история организованной религии и организованного порабощения, — кивнул Адриан. — По крайней мере, записанная, документированная история, начиная со времён Нимрода.

— Нимрод? — неуверенно повторила Анна. — Тот, который кого-то там убил? Льва, кажется.

— Быка, — поправил её Адриан. — Это легко запомнить — надо только подумать о корриде. Коррида изначально проводилась в память о том, что Нимрод пошёл когда-то с голыми руками на быка и убил его, присвоив себе его силу. Согласно легенде, он был первым месопотамским царём, построившим Вавилон, Эрех, Аккад и Ниневию, первым известным на

земле правителем. В его правление и особенно в правление его жены Семирамиды впервые появилась возможность строительства грандиозных, помпезных построек. И возведены они были, конечно же, с одной целью — прославить, обессмертить имена Нимрода и Семирамиды и обеспечить династическое преемство их потомкам. И с тех пор культ живёт своей собственной жизнью. Возьми, к примеру, пирамиды. Это самые древние известные постройки. И вдруг — пирамида на Красной площади! Теперь скажи мне, что сделали с Лениным, когда он умер? Не боготворили ли его коммунисты? Не мумифицировали ли по старой египетской технологии? Кстати, откуда им было её знать? Но они знали... Не поклонялись ли ему? То же самое они сделали тогда ещё с Нимродом — объявили его после смерти богом Солнца, дающим жизнь всему.

— И всё-таки я не понимаю, каким образом этот Нимрод, или культ Нимрода, оказался таким жизнеспособным? — призналась Анна. — Ведь Ленин продержался всего семьдесят лет. А культу Нимрода, как я понимаю, уже тысячи лет.

Ей было на самом деле интересно. «Во всём мне хочется дойти до самой сути», — вспомнилась ей строчка из Пастернака.

— У Ленина не было харизматичной жены-красавицы, — отозвался Адриан. — Древняя религия — это не просто религия или верование, но мистерия. Сила её, с одной стороны, в извечном человеческом стремлении к продолжению рода, к сексу, любви и, с другой стороны, в страхе перед небытием, то есть смертью. Это, если хочешь знать, и есть те религиозные струны в душе людей, на которых неплохо научились играть жрецы разных культов. Древняя религия Нимрода эти струны не просто учитывает — она на них рассчитана. Наряду с мужским персонажем, который на земле обладал сексуальной энергией быка, а преобразившись в солнце, сделался самим олицетворением мужского начала, в этом культе есть и женское начало — Семирамида. В этом-то и притягательность культа — в его разнополой напряжённости, его эротической стороне.

— А были у них дети? — поинтересовалась Анна.

— При жизни у Нимрода, насколько известно, детей не было. Зато вскоре после его смерти Семирамида забеременела — конечно же, чудесным образом.

Адриан хотя и говорил тихо, но руки его, руки истинного итальянца, так и летали. Казалось, свяжи ему руки — и он совсем не сможет говорить. Анна про себя улыбалась этой детскости и энтузиазму профессора. Он говорил о вещах, которые происходили сотни и тысячи лет назад, а может быть, и вовсе не происходили, но ей всё это почему-то казалось сейчас важным. Значило ли это, что она хорошо вошла в роль? Или что ей действительно интересны их разговоры?

— Родила она как раз на Рождество — 25 декабря, — продолжал тем временем Адриан. — Их сын, Таммуз, был провозглашён реинкарнацией, воплощением отца — Нимрода. Правда, он оказался не так проворен, как отец, и погиб на охоте. Но Семирамида на третий день провозгласила, что он воскрес. Тогда же был установлен сорокадневный пост и плач по Таммузу. В христианстве он известен как Великий пост. И наконец, сама Семирамида, когда пришло время, вознеслась на небо и была провозглашена жрецами Царицей Небесной. Пройдут тысячи лет, прежде чем Мария удостоится подобной чести. На неё, соответственно, перенесётся вся внешняя атрибутика Семирамиды, или Дианы, или Астарты, или Иштар. Это легко проследить как в перекликающихся историях, так и в употребляемой символике.

С детских лет в Анне жил маленький огонёк веры. Она помнила, как читала на чердаке в деревне старое бабушкино Евангелие. Ей даже нравился тот Иисус, о Котором она читала: Он был добрый, кормил людей, лечил их, не был лицемером, не боялся говорить правду. Ей было теперь немного обидно, что какой-то Таммуз, как она поняла, претендует на ту же

самую роль.

— Мне всё-таки кажется, — возразила она, — что ты придаёшь слишком большое значение всем этим историям и символам. Я, как ты знаешь, родилась в стране, избравшей символом пятиконечную звезду. Это ведь, наверное, тоже древний символ? Но всё дело — в интерпретации. Я, признаться, не знаю, что означал символ пятиконечной звезды изначально, но уж, конечно, не братство трудящихся пяти континентов. Другими словами, старый символ — новая интерпретация.

— Такое тоже случается, — согласился Адриан. — Но при этом старое значение символа не теряется.

— И в чём, к примеру, изначальное значение пентаграммы? — возразила Анна.

— Пятиконечная звезда — это символ Астарты.

— Но разве это можно доподлинно знать? — не сдавалась Анна.

— Планета Венера, которая в древних мифологиях связана с именем богини Астарты, чертит на небе совершенную пятиконечную звезду.

Видя, что Анна не вполне его понимает, Адриан продолжил:

— За восемь лет планета Венера проходит по траектории, узловые точки которой — моменты, когда она расположена строго между Землёй и Солнцем, — в точности образуют совершенную звезду, как её рисуют дети, — образованную пересекающимися прямыми линиями. Древние астрологи, конечно же, знали это и использовали при составлении гороскопов. Даже Олимпийские игры были изначально организованы в честь этого необычайного феномена. В самом начале Олимпийские игры разыгрывались раз в восемь лет — когда Венера дочерчивала последнюю линию перед тем, как начать всё заново. Но восемь лет — слишком долгий срок для людей, и позднее Олимпийские игры приурочили к прохождению Венерой половины своего цикла.

— То, что ты говоришь, лишь подтверждает мой тезис, — кивнула Анна. — От Венеры до рабочих и крестьян — долгая дорога.

— Не такая долгая, как тебе кажется, — возразил Адриан. — Древние религии в основе своей были гуманистичны, по сути — это культы умерших вождей, возведённых в формальный статус божества. Я не много знаю о русской революции, но мне кажется, что если её создатели избрали для себя символ звезды, они наверняка принадлежали к одной из влиятельных древних масонских лож, которые издревле занимались геополитикой.

— Масоны и революция? — рассмеялась Анна. — Да, я слышала что-то такое. По-моему, это просто сказки-страшилки для маленьких детей.

Адриан ничего не ответил, но Анна видела, что нечаянно его обидела. Чтобы увести разговор в сторону, она решила задать ему вопрос, который давно уже у неё вертелся на языке.

— Скажи мне лучше, Адриан, — произнесла Анна, глядя на массивный египетский обелиск, высящийся на открывшейся теперь их взглядам площади Святого Петра. — Как могли люди в древности перенести такую громаду из Египта? Я себе это что-то плохо представляю.

Она читала где-то, что для того, чтобы доставить обелиск на могилу маршала Жукова, потребовалась целая танковая бригада. Но в случае с этим обелиском вряд ли даже несколько танковых бригад могли что-то сделать.

Адриан лукаво улыбнулся.

— Нет, правда, — настаивала Анна, — я немного знакома с законами физики и математики и ещё могу представить, что этот обелиск можно было как-то передвинуть на несколько десятков метров. Но сотни, тысячи километров? Не понимаю. Мне кажется это невозможным. Не суди строго — я ведь дилетант.

— Дилетант — это тот, которому говоришь, что этот обелиск был привезён из Египта, из Гелиополиса, императором Калигулой, — и он верит, и у него даже не возникает вопросов, как они могли сделать невозможное.

— А разве это действительно невозможно? — удивилась Анна.

— Но ты же сама только что так сказала, — рассмеялся Адриан.

— Я только хотела сказать, что не понимаю, как это возможно сделать, — сказала Анна в своё оправдание.

— Вот и я не понимаю, — согласился Адриан. — Не понимаю, как люди могут верить в такие сказки. Это ведь всё равно что верить, будто Елена, мать Константина, привезла в Рим лестницу Пилата. Нет, Анна, все эти артефакты были сделаны прямо на месте.

— В Риме? — не могла поверить услышанному Анна.

— Не только в Риме, но и у племён майя, и в Египте — везде, где встречаются обелиски. В какие времена они были созданы — этого сказать никто не может. Иероглифы могли быть высечены на них и позднее, гораздо позднее. Все эти обелиски, как и другие воплощённые в камне символы, свидетельствуют об одних и тех же распространённых по всей земле астрологических культах. Ты должна понимать, что кроме государственных, политических образований в древности, как и сегодня, были и есть институты надполитические, стремящиеся к контролю над ойкуменой. Жрецы и прочие руководители культов в разных странах были связаны между собой, образуя первую всемирную паутину — невидимую, но прочную. Поскольку далеко не все страны находились в добрососедских отношениях друг с другом, жрецам приходилось держать в секрете свои международные связи. Таким образом начали образовываться первые тайные общества. Безошибочные следы этих религиозно-политических институтов можно найти по всему миру. А здесь, в Ватикане, это уже не просто следы — тут все камни вопиют об этом.

— Архитектура в руках власть имущих — это надёжное средство пропаганды, — согласилась Анна.

— А подлинное искусство архитектуры состоит в том, чтобы одновременно и явить нечто, и нечто утаить — мы уже проходили это. Посмотри вокруг, — предложил Адриан. — Что ты видишь?

Анна оглянулась по сторонам.

— Много народа, — сказала она. — Много красивых зданий и форм.

— И знаков, — добавил Адриан. — Много тайных символов и знаков. Но обрати внимание, какой из них всех главней? Какой повторяется чаще всего?

На этот раз Анна была более внимательна. Колоннада Бернини была увенчана многочисленными скульптурами, но все они были хоть и похожими, но разными. Кроме обелиска на площади был ещё фонтан, который теперь плескался на солнце. Вдали, перед самым входом в собор, высились статуи Петра и Павла. В левой руке Пётр держал какой-то свиток, а в правой, высоко, — два ключа. Анна снова посмотрела по сторонам. Точно! Она видела уже эти два ключа — в многочисленных барельефах на стенах. Два скрещённых

ключа также располагались на самом почётном месте — на фронтоне Собора, прямо над балконом, с которого папа приветствовал народ.

— Ключи? — предложила Анна.

— Верно! — воскликнул Адриан. — У тебя острый глаз.

— Ключи от рая и ада?

— Они самые, — кивнул Адриан. — По преданию, эти ключи, символизирующие божественную власть Петра и последующих пап, были переданы им Христом. Но перекрещенные ключи были прежде эмблемой Януса, древнеиталийского бога солнечного круговорота и хранителя дверных проходов, и Зурвана, зороастрийского бога времени и судьбы. Двумя ключами обладал и Митра — ключами от света и тьмы.

— И в чём особенность этих ключей?

— В их геополитическом утверждении. Они представляют абсолютную власть: на небе, на земле и даже в аду. Вся архитектура Ватикана призвана это утверждение поддерживать — своими формами, весом, масштабами. Все апостолы и пророки, оракулы и провидцы, мудрецы и философы, короли и полководцы — все те, кто удостоился места на колоннаде и на фресках, картинах и скульптурах — разве они все не пешки на этой безбрежной мраморной шахматной доске? Меньше, чем пешки. А простой человек и вовсе теряется в этом громадном объёме, чувствует собственное ничтожество и бессилие в сравнении с этой безграничной, как кажется, властью. Впрочем, притязания Ватикана не новы. И религия его не нова. И поскольку ему хочется сказать об этом, но не хочется оттолкнуть от себя тех, кто отождествляет католичество с христианством, он делает это через символы.

— Значит, — поинтересовалась Анна, — ты считаешь, что христианство — это просто пересказ старой истории, только с новыми лицами?

— Христианство, безусловно, имеет под собой событийную сторону, — начал Адриан, — историю странствующего раввина, целителя и проповедника, ставшего народным героем. Как всякая великая история, она была обречена на трагический конец. Но за ним уже последовала религиозная надстройка — воскресение из мёртвых. Этот Иисус из Назарета, как утверждали Его ученики, был Сыном Бога во плоти. Согласно их записям, Он воскрес на третий день после смерти на кресте. Ты, наверняка, знаешь эту историю?

— Разумеется, — кивнула Анна.

— Вероятно, в силу своей простоты и обещания вечной счастливой жизни для всех, кто верит, что плотник из Назарета был Богом во плоти, христианство приобрело много последователей, — продолжил Адриан, — сначала среди иудеев, потом и среди других народов. К началу IV века это была уже самая распространённая религия в Римской империи. Глупцы делали ещё попытки сражаться против этой религии, и император Диоклетиан предпринял последнее гонение против христианства, которое длилось целых десять лет. Но дни гонений были сочтены, и император Константин решил проблему религиозной конфронтации язычества и христианства, объединив их в один культ. Сам Константин был первосвященником бога Митры до конца своих дней, и в то же время хозяйской рукой вершил дела в организованной им имперской христианской церкви.

— Во имя мира и единства империи, конечно же, — догадалась Анна.

— Да, но не только ради этого, — кивнул Адриан. — Это было время упадка, увядания империи. Предвидел ли Константин это падение или нет — невозможно сказать наверняка. Но то, что христианство стремительно одерживало победу над язычеством, было очевидно.

Это было молодое, сильное, полное жизненных соков дерево, и на это дерево Константин пересадил старых паразитов — династии священников и князей, питавшихся ранее от стола Митры. Они перебрались на ствол молодой религии со всем своим скарбом — ничего не забыли. Подобное уже не раз случалось в истории — посмотреть хотя бы на то, как некогда греческие боги всем Олимпом перешли под стяги Митры.

— А двенадцать апостолов последовали их примеру? — поинтересовалась Анна.

— Ты сама можешь видеть их в компании на равных с другими оракулами и религиозными вождями древности, служившими богу Митре, — сказал он, указывая на колоннаду Бернини.

— Религиозный синкретизм? — предположила Анна.

— Пожалуй. Хотя в предыдущих исторических сценариях к концу этого симбиоза от религии-носителя оставались только рожки да ножки. Зато митраизм блистал во всей красе — он медленно вытягивал из жертвы все соки, а потом подыскивал себе новую жертву, как серийный маньяк-убийца.

Анна вздрогнула при последних его словах. Ей вспомнились материалы по делу следствия и показания свидетелей, коллег-профессоров, о его чрезмерном увлечении древними религиями. Серийный маньяк-убийца! Возможно, его восприятие мира, истории, архитектуры, религии — всё это лишь проекция его собственного внутреннего зверя, которого некогда вычислил Фрейд? Анне вдруг вспомнился Горлум-Смеагорл из трилогии Толкиена. Тот с детства что-то искал, но искал внизу, глядя на землю, под землю. И нашёл-таки — нашёл то, что было несравненно сильнее его. «Моя прелесть», — называл он кольцо, сковавшее его волю. Это была страсть, которая постепенно уничтожала своего носителя, превращала всё белое в чёрное, Смеагорла в Горлума. Разве не об этом говорил Адриан минуту назад, повествуя о похождениях бога Митры? И разве не таков и сам Адриан — Смеагорл и Горлум одновременно, доктор Джекил и мистер Хайд? Наверное, Адриан сам с собой спорит, как Горлум со Смеагорлом. Насколько Анна помнила, злой Горлум в конце победил.

Глава 21. В которой говорится о том, что произошло с Пьетро после примечательного происшествия с боровом

Я видел все ловушки, врагом расставленные на земле, и сказал со вздохом: «Кто сможет их обойти?» Тогда я услышал голос, сказавший: «Смирный».

Св. Антоний

1214–1225, Абруццо

Происшествие с боровом и долгая болезнь, последовавшая вслед за этим, надолго вывели маленького Пьетро за пределы обыденной жизни, окунули его в неведомое прежде состояние бреда и полубреда, боли и одиночества. Пока он был слаб и не мог ходить, то проводил много времени, лёжа за домом в тени огромного дуба, куда его выносили каждое утро братья. Там его и кормили, туда приходила к нему мать, забегали проведать братья и сёстры. Но было время уборки урожая, и ни одна пара рук не была лишней. К тому же Пьетро постепенно начинало нравиться его уединение. Глядя через просветы в шатре листьев в высокое, светлое днём и тёмное, глубокое, усыпанное звёздами небо ночи, Пьетро думал о Том, Кто создал всё это великолепие. Иногда, в полусне, в полумолитве, за зелёным пологом листьев,

за звёздным шатром неба Пьетро чудилось видение неземной славы, струение тихого света, которым всё вокруг озарялось и который тихо втекал теперь в него, наполняя мальчика такой радостью, что иногда он совершенно не чувствовал своего тела.

Когда Пьетро пошёл на поправку, стало ясно, что ему уже никогда не быть прежним маленьким мальчиком. Глубокий шрам, пролётший через всю левую половину лица, и тихий свет, струящийся из его глаз, придавали Пьетро недетский вид. Он по-прежнему оставался деревенским мальчуганом, в обязанности которого входило чистить хлев, собирать дрова, кормить животных, помогать в огороде. Но хотя Пьетро прилежно выполнял свои обязанности, всем было ясно, что мыслями и сердцем он находится где-то ещё. Это отдалило Пьетро от всего семейства, живущего одною жизнью с землёй. И только мать и крёстный Пьетро, казалось, понимали, что с ним происходит. Крёстный научил Пьетро читать и снабдил его отрывками из евангелий, а также книгой под названием «Житие святого Антония».

Пьетро начал читать эту книгу, но в скором времени бросил — ему стало страшно от тех ужасов и искушений, которым подвергался святой Антоний. Дошло до того, что ночами его и самого стали преследовать кошмары. Ему снились страшные звери, которых он никогда в жизни не видел, а только слышал о них, — львы, скорпионы, страусы, крокодилы. Они гнались за Пьетро, кричали вслед ему страшными голосами, хотели разорвать его на части, сожрать. Но Пьетро, хоть ему и было очень страшно, останавливал этих чудовищ своею молитвою, именем Иисуса Христа.

Были ночи, когда демонов, атаковавших Пьетро, было особенно трудно унять. В такие ночи Пьетро кричал во сне, поднимая переполох в семействе. Братья будили его, поливали холодной водой, давали подзатыльники, выгоняли ночевать на двор или в хлев. Но и там страшилища настигали и набрасывались на него. Пьетро иногда не спал по нескольку ночей, боясь своих мучительных кошмаров.

Тем временем по деревне быстро прошла молва о том, что по ночам Пьетро сражается с демонами. Поскольку количество демонов ограничено и они, в отличие от Господа Бога, не могли быть в двух разных местах одновременно, родственники и соседи с радостью готовы были препоручить Пьетро своим демонам. В те ночи, когда Пьетро громко кричал во сне, соседи особенно хорошо спали — они знали, что все бесы сейчас при деле.

Молва о мальчике-подвижнике вырвалась за пределы их деревни и распространилась, с невероятными преувеличениями и присказками, по всей округе. Это была добрая новость, и люди её охотно принимали — всем было известно, как сильно ненавидят бесы святых. А потому, забыв про других, они ополчаются на святого войной, и пока они там воюют, остальные живут в мире и покое. Крики Пьетро сделались колыбельной для деревни. Даже братья стали больше уважать своего младшего.

Крёстный, однако, совсем не рад был тому, что происходило с Пьетро. Он настоял, чтобы тот дочитал-таки до конца «Житие» Антония. К своему изумлению, Пьетро обнаружил, что Антоний не только умел живописать нападки врага, но и давал советы относительно того, как им противостоять, как повергнуть противника. Его путешествие в невидимый мир духовной борьбы продолжилось.

«Демоны бывают коварны, — читал он у святого Антония. — Они готовы принять на себя любые формы, представиться кем угодно. Они будят нас среди ночи и не позволяют уже заснуть». Всё это Пьетро, конечно, знал из своего собственного опыта.

«С Божьей помощью, — узнавал далее Пьетро, — мы можем отличать духов — от Бога ли они? Присутствие святых духов не устрашает и не тяготит. Они не поднимают голоса своего, не заплачут, не закричат. Присутствие их тихо входит в сердце, наполняя его счастьем и

ликованием, даруя душе твёрдость и покой, потому что Господь, радость наша, близок к ним. И тогда душа насыщается небесной любовью, освещается тихими лучами счастья с небес, ликует вздыханиями неизреченными».

И это было знакомо Пьетро. Но только сейчас, когда он с трудом, с помощью своего крёстного отца, «пробирался» через книгу, в которой не понимал и половины слов, Пьетро стал осознавать, как сильно желал бы снова и снова пребывать в благодатном присутствии Божиим. Пусть это не принесёт ему той славы, которой наделила его борьба с демонами, — Пьетро не хотел славы. Он только желал тихого дуновения благого Духа, наполняющего его сердце невыразимой радостью.

«Просите — и дано вам будет», — помнил Пьетро слова Спасителя, которые он прочитал в отрывках из Евангелия и знал наизусть. И он стал молить Бога о встрече. И однажды ночью, когда он, стоя на коленях, молился в хлеву, вся комната вдруг наполнилась чудесным светом, а животные как-то притихли, замерли, так что стало слышно выходящее из их ноздрей дыхание. Сам Пьетро испытал необычайную радость. Свет был вокруг него, но ему казалось, что он проникал и внутрь его, делая тело невесомым, поднимая его выше и выше над землёй. И вот уже он далеко ото всего, что ему было знакомо, стремится куда-то в небо, к свету. А затем Пьетро явился Ангел, который сказал ему: «Услышаны, Пьетро, твои молитвы. Когда зло будет страшить, рука Господня даст тебе силы. Через великое смирение пройдёшь к великой славе».

Когда свет рассеялся, Пьетро увидел, что он всё там же, в хлеву, среди животных, в глазах которых сейчас читались удивление, испуг и радость одновременно. Значило ли это, что они тоже видели то, что он видел? Слышали то, что он слышал? Ничего не изменилось кругом, но всё странным образом преобразилось, предстало Пьетро в другом свете. Ему казалось, что в этот миг, стоило ему только сосредоточиться и задуматься, он угадал бы истинную сущность и назначение звёзд, сияющих сквозь дырявую крышу хлева, понял бы значение каждого вздоха старой овцы на сене, жужжания каждой мошки, дуновения ветерка. Всё было не случайно, всё происходило по премудрой Божьей воле, и он, Пьетро, сделался сопричастником этих таинств. Он испытал прикосновение Вечности, будто побывал на своей настоящей, дальней родине, в которую ему надлежит когда-то отправиться. «Через великое смирение пройдёшь к великой славе», — всё ещё звучали в его ушах невыразимо сладкие слова Ангела. Пьетро не чаял земной славы — он знал, что Ангел говорит о славе небесной, о том, что Пьетро предстоит смирением войти в славу Царства. Он не мог уже сдерживать переполнявших его слёз счастья. Он рыдал, задыхаясь от этого нежданного дара, улыбки Небес.

Глава 22. Непобедимое Солнце

Папство есть не что иное, как призрак почившей Римской империи, восседающий на её могиле.

Томас Гоббс. «Левиафан», 1651

2007, 18 сентября, Рим

Когда Анна, в сопровождении Адриана, ступила на разогретую солнцем пиацию Сан Пьетро, ей стало вполне ясно, что она попала в самое популярное в Европе место — место, за которое миллионы паломников и туристов проголосовали своими ногами и деньгами. Нигде

ещё ей не доводилось видеть такого интернационала и таких странного вида личностей, которые сновали тут и там в ватиканской сутолоке. Повсюду вышагивали важного вида монахи в балахонах всевозможных цветов и оттенков, со многими цепочками и верёвочками, на которых болтались тяжёлые кресты, разные символы, иконки. Высокая, почти на голову возносящаяся над толпой африканская женщина, тоже, по всей видимости, монахиня, особенно привлекла внимание Анны. Она была облачена в светлую кремовую тунику, из-под которой торчал высокий белый римский воротничок — такой, какой носят обычно священники. Через плечо у неё был перекинут зелёный мешок, а пониже груди болтался от её размашистых шагов большой золотой крест греческого образца. Женщина напоминала Анне не то баскетболистку, не то певицу из церковного хора — такими она их видела в американских фильмах.

Адриан заметил её изучающий взгляд и прокомментировал:

— Так одеваются монахини итальянского ордена Фатимы.

— Интересно, — задумчиво сказала Анна, окидывая взглядом открывшийся перед ней панорамный вид площади с неизменным обелиском, возвышающимся в центре. — Что всё-таки так привлекает сюда людей? — Она прочитала в интернете, что в Ватикане постоянно проживает менее тысячи человек. Все или почти все люди, которых она сейчас видела, откуда-то приехали сюда или пришли.

— Религиозный «диснейленд», — с уверенностью сказал Адриан. — Закрытый религиозный мирок, который существует здесь на протяжении вот уже тысяч лет.

— Тысяч? — невольно вырвалось у Анны.

— Уже во времена этрусков это место было паломническим центром, куда отовсюду стекались паломники Кибелы, — ответил Адриан.

Анна глядела на элегантную колоннаду Бернини, которая только подчёркивала овал пиаццы, но не замыкала его. Громада собора заполняла всю противоположную сторону площади.

— Согласно археологическим находкам, изначально на этом месте поклонялись фригийской богине Кибеле и её сыну Аттису, — продолжил Адриан. — Однако постепенно этот культ утратил и почти забыл свои ранние формы и истории, иногда очень драматичные и событийные. От них сохранились одни лишь имена. Культ эволюционировал в извечный древний культ Царицы Небесной.

— А когда началась застройка холма? — поинтересовалась Анна.

— В незапамятные времена, — уверил её Адриан. — Правда, от ранних построек мало что уцелело, в основном только подземные части. А надземные безжалостно разрушались последующими поколениями строителей — ведь территория Ватиканского холма очень ограничена. Ну а в качестве первой монументальной, имперской постройки на холме император Калигула выбрал громадный круглый театр — цирк.

— Странный выбор, — заметила Анна.

— Почему же странный? — поинтересовался Адриан.

— Ну, можно сказать, святая земля, и вдруг — цирк.

— Все театральные и цирковые представления изначально были организованы жрецами древних культов, — объяснил Адриан, — чтобы в наглядной форме сообщить зрителям и непосвящённым мистерию.

— И что это были за представления?

— Любовные «мыльные» оперы с участием богов и смертных, — пояснил Адриан. — Театральные представления играли роль религиозной пропаганды. В самых древних мистериях разыгрывалось, как Кибела нашла брошенного родителями мальчика, который вырос и стал её любовником. Эти мистерии сменились новыми, в которых Аттис представлялся уже сыном Кибелы. Будучи очень привлекательным для женщин, он не отказывал себе в любовных утехах. Кибела, узнав о его похождениях, обезумела от ревности. В приступе раскаяния Аттис кастрировал себя лунным серпом. К этому более новые легенды добавляют, что вскоре после этого он был случайно убит на охоте. А дальше — всё как по писаному: погребение, оплакивание, воскресение, ликование...

— Я читала в детстве о приключениях греческих богов, — заметила Анна. — Они действительно будто для сцены написаны.

— Так оно и есть, — кивнул Адриан. — Конечно, позднее, с приходом императоров, так сказать, гуманистов — таких, как Калигула и Нерон, — стали сочиняться новые пьесы. Но старые мотивы в них непременно проигрывались. Кстати, Нерон и завершил строительство цирка, назвав его своим именем.

— Так это тот самый цирк, в котором Нерон убивал христиан после пожара в Риме? — поинтересовалась Анна. Она когда-то в детстве читала книгу Генриха Сенкевича «Камо грядеши?», где рассказывалось о том, как Нерон обвинил христиан в поджоге Рима, сняв ответственность с себя.

— Да, тот самый, — кивнул Адриан. — И именно там, согласно древней легенде, апостол Пётр был распят вниз головой в 64 году. А теперь, — Адриан остановился и огляделся по сторонам, — не скажешь ли ты мне, где у нас восток?

Анна поглядела на широкую прямую улицу — Виа делла Кончилиационе, вливающуюся на площадь прямо напротив собора Святого Петра. Вместе с площадью и стоящим посередине неё египетским обелиском улица образовывала одну прямую линию длиной около километра.

— Там, — показала она в сторону широкой улицы, упирающейся прямо в реку Тибр. — Восток должен быть там.

— Верно, — согласился Адриан. — Это ты по обелиску вычислила?

Анна кивнула.

— Всё правильно, — подтвердил Адриан. — Улица и площадь находятся на прямом векторе восток–запад. Когда в XV и XVI веках выстраивали новый собор и новую площадь, весь холм уже был застроен дворцами пап и кардиналов, особняками приближённых лиц, храмами и служебными постройками. Кардиналы, входящие в комиссию по строительству, уже тогда настаивали на том, что все здания между Борго Нуово и Борго Веччио должны быть снесены — чтобы ничто не препятствовало лучам солнца на рассвете падать на возведённый здесь обелиск. Но осуществление этого плана требовало больших средств, а церковь в ту пору как раз проходила через большой кризис — протестантскую Реформацию. Это сильно ослабило Римскую церковь, и план пришлось отложить на четыре столетия.

— На двадцатый век? — удивилась Анна.

— Заключая в 1929 году Латеранские соглашения, папа Пий XI и Муссолини договорились о том, что будут помогать и поддерживать друг друга. И оба сдержали своё слово. Папа сделал всё, чтобы укрепить режим Муссолини, а Муссолини признал в том же году суверенитет

Ватикана. Муссолини называли «новым Константином». А 29 октября 1936 года Муссолини приступил к осуществлению проекта по сносу целого квартала — он сам нанёс первый символический удар кувалдой. Ломали целый год — ломали дворцы, среди них знаменитый особняк Борджиа, древние храмы, памятники архитектуры.

Анна ещё раз посмотрела на широкую, как площадь, улицу, уходящую на восток. Выход туда загораживали железные полицейские заборчики. «Неужели кому-то до сих пор так важно, чтобы на этот обелиск рано утром падал луч солнца?» — подумала она.

Тем временем Адриан продолжал свою необычную экскурсию.

— Посмотри внимательнее на площадь. Видишь, как она организована? Разделена на секторы.

Действительно, Анне было видно, что мостовая площади была как бы прорезана широкими линиями. Сколько было этих линий, Анна сказать не могла.

— Но это — не солнечные часы, — продолжил Адриан. — Площадь выполнена в форме так называемого солнечного колеса: с прямыми линиями-спицами, расходящимися из центра. Четыре двойные линии на этой площади делят её на восемь секторов — самый базовый, традиционный вариант солнечного колеса.

— А в чём значение солнечного колеса? — поинтересовалась Анна, когда они подошли ближе к сравнительно небольшому кругу непосредственно вокруг обелиска, к которому сходились все восемь спиц этого гигантского колеса.

— Солнечное колесо является древним символом солнца, — объяснил Адриан, указывая на расходящиеся в стороны лучи. — Аполлон катался на колеснице. Ассирийский бог солнца изображался в виде колеса — солнечного колеса.

Греческий Гелиос тоже всегда изображается в колеснице. Сол Инвиктус — Солнце Непобедимое; Митра изображался скачущим на колеснице на римских монетах. Даже ведический Сурья, индийский бог солнца, скакал в колеснице, запряжённой семёркой лошадей. В буддизме и индуизме колёса солнца занимают самые видные и почётные места в храмах. Даже египетский бог солнца Атон изображался в форме солнечного колеса.

— Видимо, достаточно естественным для человека является поклоняться солнцу, — заметила Анна. — Всё лучше, чем мёртвым вождям.

Со школьной скамьи она помнила, что в древности люди смотрели на солнце как на подателя жизни и всех её благ, а потому и поклонялись ему. Это было особенно очевидно в Египте. Но в Египте, Анна помнила, кроме бога солнца была масса других богов — Нил, кошки, коровы, священные деревья и другое.

— Видишь ли, Анна, — сказал Адриан задумчиво, — человек, в принципе, может поклоняться чему угодно. У культа солнца, однако, было важное преимущество — его нельзя достать и потрогать руками. Надо было верить тому, что тебе о нём говорят. А жрецы могли, например, сказать, когда наступит затмение. И, конечно же, при этом они не преминут помянуть, что это оттого, что бог-де гневается на народ и требует больше приношений, например, или желает начать войну, или что-то ещё. Жреческая каста — вот что сделало астрономическую религию самой популярной и распространённой — всевластной почти. Для того только, чтобы самим сделаться всевластными.

— Я кое-что слышала об этом. Многие современные профессии выросли из жречества — математика одна из них. Я, к примеру, помню, что деление круга на триста шестьдесят градусов было сделано жрецами — математиками и астрономами.

— Да, да, — подтвердил Адриан. — Точно так оно и было. Они всегда стояли на передовой линии науки, поддерживая таким образом дистанцию власти. Вот ты упомянула о трёхстах шестидесяти градусах. А знаешь ли ты, почему именно столько?

Анна поняла, что даже она, будучи математиком, никогда не задумывалась об этом.

— У древних вавилонян во главе всех богов стояла тройка верховных богов, — начал Адриан. — Языческая троица состояла из бога солнца, или верховного бога, из богини, представляющей женское начало божества, и, как ни странно, из змея, который представлял собой динамику отношений между мужским и женским началами. Кроме того, надо помнить, что древняя религия — это математическая, геометрическая, астрономическая и астрологическая религия. Глядя на проплывающие над их головой созвездия, древние астрономы разделили год на двенадцать месяцев, каждый из которых определялся определёнными знаками и символами. Боги также двигались по небесам. Они, как и люди, нуждались в отдыхе и покое. Поэтому считалось, что каждое из двенадцати созвездий должно иметь в себе три комнаты — по одной на каждое божество. Всего — тридцать шесть комнат. Для удобства математических расчётов число было позднее умножено на десять — 360 градусов. Но число 36 при этом остаётся основным числом — производным магического числа 666, которому поклонялись древние жрецы и которое в христианстве называют «числом зверя». А цифра шесть, как известно, была священной цифрой в древних церемониях и культах.

— Но каким образом число 36 является производным для 666? — не поняла Анна.

— Сумма всех целых чисел от единицы до тридцати шести даёт число 666, — объяснил Адриан.

Анна с досадой подумала о том, что она и сама могла бы догадаться. Она хотела спросить его что-то ещё относительно этого числа, но они находились уже на самой вершине массивной лестницы собора Святого Петра и вместе с десятками других туристов входили в открытые двери базилики площадью в семь футбольных полей. Вряд ли какая другая постройка на земле могла хотя бы уже по размерам соперничать с этой! Примерно так должен чувствовать себя муравей, забравшийся в человеческое жилище.

Они прошли мимо знаменитой Пьеты, вытесанной рукою двадцатитрёхлетнего Микеланджело. Через пуленепробиваемое стекло Анна смотрела на обмякшего Христа с безжизненно откинутой головой и упавшей рукой. «И рёбра просвечивают!» — заметила она. Гигантские статуи святых недоверчиво смотрели на Анну своими каменными глазами. «Зачем ты пришла? — казалось, говорили они. — Ты же всё равно в нас не веришь».

— Мы сейчас прошли через главный вход, или нартекс, — объяснил Адриан. — В старых римских базиликах нартекс был тем местом, где женщины, некрещённые и находящиеся под дисциплинарным наказанием должны были оставаться во время совершения службы.

Они прошли в глубину здания, и чарующая атмосфера собора медленно, как сгущающийся туман, со всех сторон обволокла Анну. Геометрия направленных вверх арок и окон создавала впечатление лёгкости. Даже воздух внутри собора, казалось, вынужден был подчиниться геометрическому континууму — он был тих и прохладен, с лёгким привкусом курящегося благовония. В куполе собора, ровно по центру, находилось огромное круглое окно, через которое, как и в Пантеоне, свет вливался в собор. Кроме него в куполе были ещё и продолговатые вертикальные окна, проходя через которые свет, прежде чем хлынуть в собор, делился на солнечные снопы.

Прямо под центральным круглым окном располагался трон апостола Петра, покрытый огромным бронзовым палатином, который поддерживали четыре колоссальных позолоченных столба. На столбах стояли ангелы и дули в трубы. Внизу, возле престола, сгрудилась

большая группа людей, распеваящих молитвы на латыни.

Закончилась месса, и группа священников уходила стройной процессией куда-то вглубь собора. Впереди шёл епископ в одежде, блестящей золотом. По бокам, будто охраняя его, шли двое больших дьяконов с нашитыми на плащах красными крестами. «Прямо как крестоносцы!» — подумала Анна.

Они подошли поближе к трону Петра. Отсюда ей было хорошо видно, как стёрлась за столетия от поцелуев правая нога апостола, до которой могли дотянуться пилигримы. На голове Петра, словно шляпа, красовалось золотое солнечное колесо.

— Это на самом деле очень древняя статуя, — пояснил Адриан, кивая на сидящую на белом престоле почему-то чёрную статую Петра с поднятыми и сложенными вместе двумя пальцами правой руки. В левой руке Пётр держал два ключа. — Многие считают, что когда-то эта статуя занимала центральное место в Пантеоне. Ты только посмотри на его тунику, посмотри на жест руки, на сложенные пальцы. Ни одна скульптура времён Ренессанса не может сравниться с этой в подлинном понимании одежды и телодвижений дохристианского Рима. Нет, этой статуе — не одна тысяча лет, и даже не две.

— И кем же «Пётр» был раньше? — спросила Анна, внимательно разглядывая статую.

— Скорее всего, перед тобой сам древний Юпитер, — ответил Адриан. — Убери букровку «ю» — и перед тобой апостол Питер собственной персоной!

— Но почему он чёрный? — удивилась Анна.

— В древних традициях боги рассматривались как источники света и тьмы, блага и напасти. Это бесконечная смена добра и зла, иня и яна, мужского и женского начал. Полы в вавилонских храмах укладывались из огромных, чередующихся друг с другом, как на шахматной доске, белых и чёрных плит — в знак признания равенства и неизменности этих двух начал. Юпитер был ночным богом. Древние верили, что на ночь солнце спускается в море — в прекрасное Римское озеро — и становится богом моря, богом рыб — ночным, чёрным богом. А потом, через промежуток времени, снова исполняется светом. Древние жрецы финикийского бога Дагона — бога солнца под водой — изображали его с рыбьей головой.

Первосвященники Тира носили на голове остроконечные митры — рыбьи головы — в знак своей преданности Дагону. Потом эта практика перекинулась к жрецам в других странах, и сегодня точно в такой шляпе щеголяет и папа.

— Значит, — заметила Анна, — они верили, что их боги одновременно добры и злы?

— Именно, — кивнул Адриан. — Христианство провозгласило, что Бог есть свет и нет в нём никакой тьмы. Но, наверное, древним было виднее. Возможно, поэтому древние религии и продолжают пленять людей. Они более... реалистичны, что ли. Боги — они такие же, как и мы.

— А что христиане об этом говорят? — поинтересовалась Анна. — Они должны как-то это объяснять, понимать?

— Они всё валят на сатану: он, мол, ответственен за всё зло в мире. А Бог добр. Но тогда — это бессильный Бог. Что в Нём толку? Почему не может совладать со злом? Римская церковь, по сути, давно отказалась от реальности сатаны — точнее, его приберегли для подземного мира, сделав вечным господином ада.

Они долго ещё бродили по мраморной громаде базилики, и комментарии Адриана

переплетались с размышлениями Анны. Место, являющееся духовной Меккой для миллионов христиан, ничуть не прибавило ей веры. Наверное, оттого, что её гидом по этому «религиозному диснейленду» был наихудший из скептиков. И всё же ей было интересно с ним. Время от времени она задавала ему вопросы, и Адриан всегда был способен удовлетворить её любопытство. «Он — настоящая ходячая энциклопедия, — с восхищением думала Анна. — И мыслит совершенно иначе — не как все».

Анна и Адриан вышли из базилики и продолжили свою экскурсию, бродя по бесконечной связке заставленных мраморными, железными и бронзовыми монументами коридоров, связывающих бесчисленные папские дворцы, холлы и галереи в единый музей, обойти который за один день не представлялось возможным. Со всех сторон на них глядели фрески, картины, статуи — людей, богов, животных, мифических персонажей. Выверенные, просчитанные жесты мраморных тел подчёркивали несовершенство современных посетителей — этих муравьёв из XXI века, зачем-то явившихся в этот многовековой театр совершенных форм и предметов, в изысканное общество легендарных героев, могущественных пап и императоров, премудрых философов, храбрых воинов и прекрасных женщин. Это был гигантский лабиринт религий и предрассудков, правды и вымыслов, истории и пропаганды. Они осмотрели «Комнату печали», расписанную Рафаэлем. Под впечатлением от рассказов Адриана Анна пыталась представить, как в одно время в соседних залах работали Микеланджело и Леонардо, изображённый Рафаэлем в обличье Аристотеля в «Афинской школе», — а сам молодой Рафаэль бегал смотреть, чем занимаются великие мастера, ещё не догадываясь, что попадёт в их число.

— Я сберёг самое лучшее напоследок, — сказал Адриан, когда они оба были уже утомлены хождением по залам и перенасыщены созерцанием предметов искусства. Анна поняла, куда они идут, — заметила маленький, невзрачный указатель на стене: «Сикстинская капелла».

Они прошли несколько шагов по узкой лестнице вниз, повернули направо, в короткий коридор, а оттуда — в узкую дверь, войдя в которую вступили в пространство духовного мира, оставленного после себя Микеланджело. Сводчатый потолок, около сорока метров в длину и метров пятнадцать в ширину, всё ещё праздновал завершение Творения, рождение света, надежды и любви, в то время как алтарная стена представляла сцены последнего суда, от которых веяло мучением и смертью. Рождение и смерть теснились рядом, близко друг к другу, с безусловной уверенностью заявляя о своих бесконечных превосходствах и владычестве, — бок о бок, столетие за столетием.

«Но как, — думала Анна, опомнившись от изначального потрясения, — как мог один человек найти в себе столько... столько людей — грешников, праведников, живших за сотни лет до него и спустя сотни лет после? Как мог он найти, вместить в себе и выразить на фреске эти страх и радость, чистоту и испорченность, грешность и праведность? И всё это он должен был испытывать здесь, в этой комнате, работая, как сумасшедший, днём и ночью».

— Мастер работал здесь так называемым буон фреско, — сказал Адриан шёпотом Анне на ухо. — Это самый сложный метод, к которому прибегали лишь настоящие мастера. Он рисовал по свежему слою штукатурки, которую сам же и накладывал. В жаркие летние месяцы это было особенно тяжело — штукатурка быстро засыхала, и если Микеланджело не успевал дописать оштукатуренную поверхность или делал хоть малейшую ошибку, то ему приходилось к концу дня скалывать свой труд и начинать всё заново. Он был одержим работой: не менял одежды и не мылся неделями. Даже его помощники не могли долго находиться рядом с мастером — так он смердил. Забывал о еде. И всё равно, вместо ожидаемого года работы ему потребовалось четыре года каторжного труда.

— Он рисовал, конечно же, с эскиза? — спросила Анна, замечая, что за формами и размерами росписей, особенно потолка, лежат хорошо высчитанные математические, геометрические приёмы.

— Да. Всё было распределено по квадратам.

— А это правда, что он рисовал, лёжа на спине?

— Нет, — улыбнулся Адриан. — Так рисовал Чарлтон Хестон в фильме о Микеланджело. А мастер соорудил себе особенные подмости, с которых нетерпеливый папа несколько раз чуть не сбросил художника за то, что тот нарушал все его планы и работал так медленно.

Сцены библейской истории одна за другой представляли перед Анной: сотворение мира и человека, искушение и падение Адама и Евы, изгнание из рая, история патриархов, Моисея, Христа, апостолов. И, конечно же, сцена передачи ключа Иисусом Христом апостолу Петру.

— Эта комната, — заключил Адриан, — как никакое другое художественное произведение, отображает в целом христианское видение хода истории человечества — от Сотворения мира и до Судного дня, на котором придётся давать отчёт за прожитую жизнь и проследовать в рай или ад.

— А ты не думаешь, что всё оно так и будет? — тихо спросила Анна.

Адриан вздрогнул, не ожидая такого вопроса.

— Возможно, будет, — сказал он тихо. — Это вполне в стиле Бога — «засветиться» в начале, наделать дел и уйти. А потом, в конце, нагряться вновь, да ещё и с упрёками, судом.

— По-моему, — возразила Анна, — эта комната как раз пытается сказать, что между творением и судом Бог ещё что-то пытался делать.

Адриан взглянул на неё удивлённо.

— И ты этому веришь?

— Я... я хотела бы верить, — улыбнулась Анна. Она ещё раз задержала взгляд на фреске Страшного суда. Последнее слово суда прозвучало, и через мгновение воля Всевышнего будет приведена в исполнение. Но этот момент растянулся уже на столетия.

— А ты знаешь, — неожиданно спросил её Адриан, — что в сцене Страшного суда Микеланджело выделил место и себе как художнику? Можешь найти его?

Анна глядела в лица людей, покрытые холодным потом, мучимые страхом, виною и, самое главное, неизбежностью наказания. Даже те, кто удостоился спасения и прощения, выглядели растерянными и подавленными. Но который из них — Микеланджело?

— Видишь вон того лысеющего бородача, сидящего на облаке? — шёпотом спросил Адриан.

— Это Микеланджело? — удивилась Анна, рассматривая фигуру крепыша с острым взглядом чёрных, как смоль, глаз. Для художника, как показалось Анне, он выглядел чересчур атлетично, да и держался на облаке очень уж уверенным в себе. Анна ещё раз подумала о том, что Микеланджело вообще потратил слишком много краски на мускулистые тела — любой из его героев мог запросто быть чемпионом по какому-нибудь виду спорта.

— Нет, — Адриан с трудом сдержал улыбку. — Это святой Варфоломей. Согласно преданию, с него живого сняли кожу. В руках он держит нож, которым это было сделано, и свою кожу. А теперь приглядишься к ней поближе, — попросил он, — к содранной коже.

Анна ахнула. То, что она сперва приняла за безжизненное худое тело в руках святого, было портретом чрезвычайно измощённого, но, видимо, живого ещё человека, от которого осталась одна кожа. Лицо свисало где-то посередине туловища. Оно не сияло триумфом

победы, как лицо Варфоломея, — это было измождённое и печальное, не торжествующее, но и не мучимое агонией лицо. Живыми в нём были только глаза — под кожей не было ни одной мышцы. Его можно было, как перчатку, надеть на кого угодно — это была кожа художника.

— Он не рисует себя ни среди спасённых, ни среди погибающих, — заметил Адриан. — Он единственный на всей фреске, кто ещё не знает своей вечной участи, — наверное, так устал, что ему тяжело об этом даже думать.

Когда они выходили из капеллы, Анна думала о том, что так, видимо, чувствовали себя и Булгаков, и Пастернак, и Набоков, и другие великие мастера — неважно, слова или кисти. Таким казался ей теперь и сам Адриан. Ей было жаль его, но к её жалости примешивались страх и непонимание. Она не могла понять, как он мог совершить такое бесчеловечное убийство. Раздвоенная личность? Но она никогда ещё не видела Адриана Второго. А ведь именно этого, как она понимала, хочет добиться генерал Смирнов. Анна отнюдь не желала ему в этом содействовать, но у неё не было выбора. И чтобы сделать это, чтобы ускорить его «самораскрытие», она должна была вывести на сцену Винченцо.

— Послушай, Адриан, — тихо сказала она, беря его за руку. — Я должна тебе что-то сказать...

Адриан остановился и внимательно посмотрел в её светлые, как летнее море, глаза.

— Ты хочешь, наверное, сказать мне, что встретила кого-то. И что он тебе очень нравится. И, видя мою растущую привязанность к тебе, хочешь провести эту «операцию» как можно безболезненнее... Так?

Анна оторопела. Она должна была признать, что Адриан более проницателен, чем она предполагала. А может быть, он даже следил за ней?

— В общем, так, — призналась она.

Адриан кивнул. Похоже, он нисколько этому признанию не удивился.

— Я догадывался, что это так. С того самого дня, когда я водил тебя в Дом грифонов... Ты тогда опоздала и прибежала вся такая возбуждённая, взволнованная. Я понял, что ты, наверное, влюбилась.

— Прости меня, Адриан, если сделала тебе больно, — попросила Анна.

— Больно? — он внимательно посмотрел на неё. — Да, немножко больно... Но это ничего. Эта боль — как от электрического дефибриллятора. Но я всё ещё рассчитываю на местную анестезию.

— И что может послужить ею?

— Я принял удар на свои уста, оберегая твои от неудобства, — сказал Адриан.

Несколько мгновений они молча смотрели в глаза друг другу, а потом Анна приблизилась к нему, закрыла глаза и поцеловала. Когда их губы встретились, перед Анной как будто мелькнул образ другого Адриана — какого, она не успела рассмотреть. Но сердце её забилось чаще. Она сделала шаг назад.

— Спасибо! — тихо и вполне серьёзно произнёс Адриан. — У меня совсем не осталось боли! Кстати, — добавил он, — когда ты собираешься его мне представить?

— Откуда ты знаешь, что я собираюсь... хочу это сделать? — удивлённо спросила Анна.

— Ты сказала мне об этом своим поцелуем. Приводи его в любое время. Будет интересно познакомиться. Кто же он, если не секрет?

— Семинарист. Будущий священник.

Адриан с любопытством посмотрел на неё.

— «Веселись, юноша, в юности твоей, но помни, что за всё надо будет дать ответ», — процитировал он. — Так, кажется, пишет премудрый Екклесиаст?..

...Тем вечером она снова подошла к окну своей комнаты и посмотрела на парящий в ночном воздухе купол собора Святого Петра. Она подумала, что, наверное, миллионы и миллионы верующих со всего мира желали бы сейчас быть там, где она сегодня побывала, и видеть то, что она видела.

«Но что это значит — верить в Бога? Неужели вера может согревать, утешать? — размышляла Анна. — Как бы, интересно, всё было, если бы я верила? Неужели мне стало бы спокойнее, увереннее, веселей? „Опиум для народа“, — горько улыбнулась она, вспоминая слова Карла Маркса о религии. — Мне бы сейчас не помешал такой опиум».

Глава 23. В которой Пьетро Ангелериус навсегда оставляет свой дом и пускается в дальнее путешествие

То, что я знаю о небесных науках и Священном Писании, я выучил в лесах и полях. У меня не было других учителей, кроме дубов и берёз.

Бернар Клервоский (1091–1153)

1227, 19 августа, Абруццо

Неспешным шагом, прощаясь с родной землёй, Пьетро прошёл за окраину деревни, через небольшую рощу, где ему было знакомо каждое дерево, под гору, к церкви Святого Луки, в которой восемнадцать лет назад он был крещён. Оттуда зашагал в гору, в сторону необитаемых лесов и холмов, где, несмотря на запрет господ, крестьяне охотились на зайцев и кабанов.

В тот день Пьетро навсегда покидал родной дом. Он не уходил «в мир» — в город, в столпотворение грязных узких улиц, на которых иногда даже двум пешеходам было нелегко разойтись. За всю жизнь Пьетро побывал в Изернии лишь дважды, посещая своих братьев и сестёр, которые перебрались в город и нашли работу в ремесленной мастерской. Они были хорошими работниками, и их семьи достаточно прочно стояли на ногах. Но не к этой жизни стремился Пьетро — он уходил из мира, чтобы отдать свою жизнь служению Богу.

Поднявшись на холм, Пьетро в последний раз оглянулся на родную деревню и через прохладный утренний воздух, слегка тронутый дымкой тумана, увидел фигуры трёх женщин, стоящих возле дома, — его мать и двух сестёр. Одна из сестёр была старше его — старая дева, которую замуж уже никто не возьмёт. Другая была на два года младше его, и её шансы выйти замуж тоже таяли с каждым летом. Старшая сестра хотела уйти в монастырь, но, так как она не могла принести с собой ни денег, ни земель, её не приняли.

«Что ж, — думал Пьетро, — на всё воля Божья. Кто-то ведь должен остаться, заботиться о

матери». Сам Пьетро был уверен, что его в монастырь примут — в это верила и мать, да и все, знавшие его. Пьетро помахал женщинам в последний раз и, чтобы не искушаться, поспешно смахнул слезу и шагнул в сторону леса.

Птичий хор с зелёных деревьев прославлял Творца своим радостным пением, которое позднее, с приходом зноя дня, несколько стихло, уступая место стрекотанию, жужжанию и шороху насекомых в мягкой ароматной траве. Молодое, сильное тело Пьетро наслаждалось каждым движением, каждым шагом, вздохом, взглядом, звуком.

«Я дивно устроен», — вспомнил Пьетро слова псалмопевца. В эту минуту он совсем забыл о том, что лицо его было обезображено глубоким шрамом. Никто не видел его сейчас — никто, кроме его Небесного Отца. А Пьетро знал, что Бог любит его таким, какой он есть. В Его глазах Пьетро чувствовал себя совершенным. Да и всё вокруг него было прекрасно, отражало великолепие Божьего творения, без всяких ещё признаков людского вмешательства. Он шёл по окраине леса, и слева от него простирались сочные луга, плавно переходящие в холмы и возвышенности, заросшие лесом, а справа стеной стояли толстые стволы деревьев.

Пьетро шёл в сторону аббатства, которое располагалось на расстоянии дневного пути от их деревни. Уже несколько лет Пьетро мечтал попасть туда, оказаться среди монахов, среди людей, которые, как и он, полюбили Господа всем умом, и всею душой, и всем помышлением. Как нуждался он в такой компании! Как стремилась душа его к ученичеству, к новым знаниям о Боге и мире. И обрести эти знания можно было лишь в одном месте — в монастыре. Его примут — он был уверен в этом. И тогда он познает, что такое братская любовь!

Во второй половине дня зной заставил умолкнуть даже насекомых в траве, и великая, омытая ярким солнечным светом тишина снизошла на горячий летний полдень. Пьетро никогда ещё не заходил так далеко от дома, и места эти ему были неизвестны. Жили ли в окрестностях люди? Он не знал этого. Никаких признаков жилья видно не было. Всё кругом него было тихо, пустынно, первобытно. Когда он стал подниматься на очередной холм, то услышал высоко над головой крик жаворонка. Пьетро остановился и стал высматривать птицу в высоком синем небе, но так и не смог увидеть — солнце светило слишком ярко.

Воздух, настоящий на травах и солнечном сиянии, проникал Пьетро в самое сердце. Стоя с задранной вверх головой, всматриваясь ввысь, Пьетро ощутил в воздухе незнакомые прежде, тревожные и манящие ароматы — он не знал, что это ветер доносит до него свежесть далёких снежных гор и привкус солёного моря. Растущее в груди чувство радости и благодарности полностью завладело им, и он упал на землю, в прах, из которого был создан и в который однажды ему суждено будет возвратиться. Всё вокруг, казалось, было исполнено совершенной, гармоничной простотой и свободой. Тёплая земля издавала сильный, здоровый запах жизни, травинки щекотали ему лицо, солнышко ласкало затылок. Подступал момент глубинной радости, ликования — подчинения высшим силам, полной зависимости от Сотворившего это поле, лес, землю и всё, что наполняло её, и даже его, Пьетро, разумную душу.

«Спасибо Тебе, — плакал Пьетро от счастья, — что Ты создал меня, создал эти поля, леса, это солнце, этот мир! Какой он чудесный, какой удивительный и прекрасный! Но сколь прекрасней его Ты, Сотворивший всё, — Ты, Чей Ангел явился мне в ночи, озарив меня светом слаще солнечного. Спасибо, что создал меня, малого и слабого, но способного дышать, ходить, думать и даже познавать Тебя! За что такая любовь ко мне? За что такое расположение?»

Мысли и молитвы Пьетро кружили теперь вокруг чего-то неизмеримо притягательного, сладкой бездны Бога, в которой страшно было утонуть, потеряться. Но его молодое тело крепко держало его душу, не давая ей вырваться из груди и улететь. Пьетро был привязан к

этому земному миру тысячью нитей — многочисленными запахами, звуками, красками, прикосновением стеблей и лепестков трав... Ему было так же отрадно принадлежать к этой ароматной земле, как и Духу, Который дышит, где хочет. Он равно принадлежал миру свыше и этому, родному, прекрасному миру его родины.

Пьетро показалось, что уже не солнце гладит ему голову, отражаясь от необычайно светлых для этих мест волос, но Сам Творец и Спаситель, Иисус Христос, простёр к нему Свою святую руку и прикоснулся на миг.

Глава 24. Римская лихорадка

Словно ветер,

с горы на дубы налетающий,

Эрос души потряс нам...

Саффо Митиленская (630–570 гг. до Р. Х.).

«Подруги и ученицы. Соперницы»

(пер. В. В. Вересаева)

2007, 24 сентября, Рим

— Можно задать тебе один личный вопрос? — сказала Анна, обращаясь к Винченцо, после того, как официант принял их заказы.

Винченцо кивнул.

— Стать священником — это была твоя идея?

— Моя идея? — иронично хмыкнул он. — Боюсь, у меня в жизни было мало выбора. Когда я был маленьким и однажды сильно заболел — горел в лихорадке, — баронесса дала обет Деве, что если я выживу, то она сделает меня священником.

Анна молчала. Она сама оказалась на службе помимо своей воли. Да и был ли он у кого-то — этот выбор?

— Я почитала немножко про отшельника Пьетро, — сказала она после небольшой паузы.

— Ты читала про Пьетро Мурроне? — удивился Винченцо.

— Начала. Пока только самые общие вещи. Твой интерес к истории оказался заразителен. Кстати, — добавила она, как будто вспоминая что-то, — мой гид был когда-то профессором истории архитектуры. Он просто помешан на истории и, кажется, знает всё на свете про пап. И вообще — он оригинальный мыслитель. Если хочешь, я могу тебя с ним познакомить. Может, он поможет сдвинуть твой проект с мёртвой точки?

— А почему он больше не преподаёт? — поинтересовался Винченцо. — Он что — на пенсии?

— Он был уволен — насколько я понимаю, за радикальные взгляды.

— Радикальные взгляды? В Риме? — рассмеялся Винченцо. — Этого не может быть.

— Может, — уверила его Анна.

— И как же зовут этого профессора-маверика?

— Фера, — ответила Анна. — Адриан Фера.

Винченцо замер и со страхом посмотрел на Анну.

— Только не говори мне, что твой гид — сумасшедший профессор, расчленивший свою студентку в подzemелье!

— Ты знаешь эту историю? — удивилась Анна. — Она приключилась десять лет назад.

— Профессор Фера приходится мне родственником...

Анна замерла, не веря своим ушам.

— К счастью, дальним, — продолжил Винченцо. — Но о нём немало говорили в нашем доме, когда это всё случилось. Я помню, как возмущалась моя мать, баронесса, что ему просто не отрубили голову или не четвертовали.

— В каком-то смысле ему и голову отрубили, и четвертовали, — отозвалась Анна. Ей почему-то стало жаль профессора, хотелось сказать что-то в его защиту.

— Невероятно, — покачал головой Винченцо. — Но всё-таки в самом главном я был прав.

— И что же это главное? — насторожилась Анна.

— Что ты — точно сбежавшая принцесса. Искательница приключений.

— Скажи ещё — авантюристка, — улыбнулась Анна.

— Не исключено, — Винченцо тоже улыбнулся. — Однако, начиная с этого момента, я лишён покоя.

— Лишён покоя?

— Я всё время буду думать, жива ли ты. Ну скажи мне — зачем ты это делаешь? Почему ты выбрала его?

— Он — лучший специалист, — просто ответила Анна. — Отец всегда говорил, что мы должны учиться только у лучших.

На самом деле так говорил «Ганс Христиан», но об этом Анна предпочла умолчать.

— Кроме того, он совершенно безопасен. Ты можешь сам в этом убедиться. Думаю, он не будет возражать, если когда-то ты составишь нам компанию.

Винченцо на минуту задумался. Потом неожиданно рассмеялся.

— Почему ты смеёшься?

— Я просто представил, что случилось бы с баронессой, если б она узнала, как её сын разгуливает по Риму в компании человека, которого она призывала четвертовать. Впрочем, — сказал он уже серьёзным голосом, — я принимаю твоё предложение. Таким образом я могу

быть за тебя спокоен — по крайней мере, когда я рядом.

— Ты берёшь на себя роль моего телохранителя?

— Что-то вроде этого, — кивнул Винченцо.

— Уверяю тебя — это совершенно излишне, — Анна посмотрела на часы. — Я встречаюсь с профессором Фера через час. Если хочешь, можем пойти вместе.

— А куда вы направляетесь? — поинтересовался Винченцо.

— В Колизей.

— В Колизей? Пойду. Я как раз хотел тебя пригласить туда — там проходит интересная экспозиция посвященная Эросу.

Закончив обедать, они ещё немного посидели в ресторане, затем направились к серой громаде Колизея, гигантский каркас которого наполнял собой всё пространство, возвышаясь в центре Рима как памятник жестокости и мужеству, страданию, героизму и надежде, презирующей смерть. Адриан уже ожидал у входа. Он увидел её издали, точнее, увидел их.

Анна поцеловала Адриана в щёку, приветствуя, как старого друга.

— Познакомьтесь, — сказала она. — Адриан Фера — мой профессор. Винченцо Паолини — мой друг.

— Винченцо Паолини, Паолини... — повторил задумчиво профессор, потом внимательно, изучающе посмотрел на Винченцо. — Вы, случаем, не сын баронессы Фернанды Паолини?

Винченцо несколько смутился. Он не ожидал, что профессор знает его, хотя бы даже заочно.

— Да, — кивнул Винченцо. — Баронесса Фернанда Паолини — моя мать.

— В который раз убеждаюсь, что мир тесен, — покачал головой Адриан. — Значит, мы с вами — родственники. Что ж, тем более я приветствую вас в качестве...

Он помедлил, не зная, как продолжить, и взглянул на Анну.

— В качестве ещё одного слушателя, — пришёл ему на помощь Винченцо.

Адриан улыбнулся дружественной улыбкой и пожал руку Винченцо. У Анны камень свалился с сердца. Она сделала то, что от неё требовалось, и сделала это с успехом. Ей самой начинала нравиться эта игра. Втроём они двинулись к тому месту, на котором тысячи смельчаков погибли, чтобы поразвлечь тысячи других людей.

— Подобно другим римским амфитеатрам, амфитеатр Флавиев, перед которым мы находимся, представляет в плане эллипс, середина которого занята эллиптической формы ареной и окружающими её концентрическими кольцами зрительских рядов, — услышала Анна обрывок из речи, которую заученным, механическим образом повторяла крупная итальянская женщина, гид в тёмных очках, вещающая группе японских туристов, над которыми она возвышалась, как башня. — Это самый грандиозный античный амфитеатр: длина его наружного эллипса равняется 524 метрам, большая ось ; 187,77 метра, малая ось ; 155,64, длина арены ; 85,75 метров, её ширина — 53,62; высота его стен ; от 48 до 50 метров. Колизей утратил две трети своей первоначальной массы, тем не менее он и поныне беспримерно громаден. Амфитеатр Флавиев был построен на бетонном фундаменте толщиной в 13 метров.

Худосочная переводчица едва успевала переводить.

Анна подумала, что ей крупно повезло с гидами — без сомнений, она узнавала о Риме намного больше, чем большинство туристов и даже самих римлян.

— В первом столетии нашей эры, — сказал Адриан, когда они отошли подальше от шумной группы, — римские строители научились пользоваться быстро сохнущим цементом, что позволило вывести древнюю архитектуру на новый уровень — создание громадных общественных зданий. Колизей, к примеру, мог вместить в себя от пятидесяти до девяноста тысяч зрителей. Это был политический жест — контроль над таким количеством римлян означал контроль над Римом и миром. Отсюда и грандиозные архитектурные решения: благодаря восьмидесяти входам, расположенным равномерно по всему периметру здания, публика могла заполнить его за пятнадцать минут и покинуть за пять. Только четыре входа были предназначены для высшей знати и вели в нижний ряд. Зрители попроще входили в амфитеатр из-под арок нижнего этажа, помеченных цифрами от I до LXXVI. Представления давались бесплатно — Рим не жалел денег на пропаганду.

Анна взглянула на единственные открытые сегодня ворота. Там располагались касса и проход в Колизей. Много изменилось с древних времён!

— Кажется, его построил Нерон? — спросила Анна.

— Весьма распространённое заблуждение! — воодушевился Адриан, и Анна едва сдержала улыбку: профессор явно был счастлив оседлать своего любимого конька, что, как было очевидно всем троим, доставляло ему особенное удовольствие именно в присутствии Винченцо. — Здесь когда-то действительно стоял дворец Нерона, окружённый садами. Будучи нарциссом, он неподалёку отсюда выстроил громадную статую Гелиоса — бога солнца. Само по себе это не было удивительным, но особенность этого истукана-колосса состояла в том, что он как две капли воды походил на самого Нерона. Этой самой статуе и поклонялся Нерон утром и вечером из окна своего дворца.

— И что же случилось с его дворцом? И с колоссом? — поинтересовалась Анна. Ей приятно было видеть Адриана таким увлечённым. В эти минуты он, казалось, забывал обо всём и был совершенно счастлив.

— Преемники Нерона презирали его, а потому дворец был разрушен почти сразу же после его смерти, — поспешил ответить Адриан. — Даже основание дворца было скрыто, и на этом месте устроен большой пруд. Однако идея колосса императорам понравилась, и, будучи людьми практичными, истинными римлянами, они не стали его ломать, а ограничились тем, что вместо головы Нерона стали прилаживать свои собственные головы.

— Они что, тоже поклонялись самим себе? — поинтересовался Винченцо.

— Нет, — покачал головой Адриан. — Но они думали, что будет здорово, если народ станет им поклоняться.

— А христиане отказывались это делать, — добавил Винченцо. — Это и стало причиной многих гонений, которые привели их на эту арену в качестве мяса для хищников.

— Всё верно, — кивнул Адриан. — За отказ поклоняться образу императора или другим богам их обвинили в атеизме.

— Интересная формулировка, — заметила Анна. — Но ты так и не сказал, кто же всё-таки построил Колизей.

— Действительно? — рассмеялся Адриан. — Его построил император Веспасиан в честь

подавления в семидесятом году восстания в Иерусалиме и разрушения мятежного города. Колизей был построен на золото, увезённое из Иерусалима, в основном из иудейского Храма, который тогда же и был разрушен. Мятеж стоил жизни миллиону ста тысячам евреев.

— Точно! — воскликнул Винченцо. — Я читал об этом!

Адриан в растерянности посмотрел на Винченцо. Его высокое происхождение и годы учёбы в семинарии не вытравивали из него той простоты и непосредственности, которые чувствовались в каждом движении, в каждом сказанном впопад или невпопад слове.

Профессор вспомнил о тех временах, когда студенты осаждали его после занятий, добивались его времени, внимания. А потом на целых десять лет он стал более чем не нужен. Как же он жил все эти годы? Как выжил? Он и сам не знал. Теперь же, когда в его учениках оказались Анна и Винченцо, Адриан вновь почувствовал себя счастливым. Ему не нужны были уже огромные аудитории, наполненные до отказа студентами. Если только Анне и Винченцо интересно с ним, то это было для Адриана высокой наградой.

Все трое вошли в фойе Колизея и направились к билетной кассе. Большой постер с картинкой из помпейской эротики находился с правой стороны от кассы и приглашал посетить музей Эроса, расположившийся здесь же, под крышей Колизея.

Они купили билеты и прошли вглубь громады Колизея, а затем поднялись на второй уровень, откуда перед ними открылся вид на изрытое переходами подполье арены.

— Когда-то арена была покрыта сложной системой потайных люков, ловушек и лифтов, — объяснил Адриан. — Оператор, управляющий зрелищем, мог внезапно выпустить сзади вас тигра или заставить песок под ногами гладиатора разверзнуться, увлекая того на острые железные колья. Латинское слово *harena* означает просто «песок». Песок покрывал деревянные полы и потайные двери, и никто не знал, чего ожидать. Смерть приходила во всех мыслимых и немыслимых вариациях. Это было сделано, чтобы зрители не успевали пресыщаться кровавыми зрелищами. А ведь пресытиться было чем. Император Траян, к примеру, празднуя в 107 году победу над даками, велел завести сюда животных, с которыми сражались 10 тысяч гладиаторов в течение 123 дней. Из Африки привезли жирафов, гиппопотамов, крокодилов, слонов, львов, пантер и даже страусов — в общей сложности 11 тысяч животных. В Риме даже была школа по подготовке гладиаторов для сражений со зверьми — *Ludus Matutinus*. Ведь для вооружённого человека немудрено убить жирафа или страуса — надо было уметь убить их так, чтобы все восхищались опасной игрой. Выпускникам *Ludus Matutinus* обычно доверяли и расправу над христианами, поскольку на арене они входили в ту же категорию, что и звери.

«Почему люди так жестоки? — думала Анна, глядя на зияющую мрачными ямами арену, на которой разыгрывались тысячи сценариев, и финалом каждого была смерть. — Или у них существовали иные представления о смерти? Может быть, смерть не была таким уж большим событием для них... Но почему? Неужели они были не такими же людьми, как и я? Что чувствовали идущие на смерть гладиаторы? Что ощущали христиане, когда их, безоружных, выкидывали на арену на корм диким зверям? Было ли им страшно?»

— С приходом христианства, — продолжал тем временем Адриан, — Колизей постепенно отказался от гладиаторских боёв.

— И как же он использовался? — спросила Анна.

— Обычно — никак. Всё здесь заросло лесом, бродили дикие звери, прятались преступники. В зените Средних веков, когда подступала уже волна Ренессанса, папы пытались устроить из Колизея нечто вроде ткацкой фабрики по совместительству с борделем. Так что когда-то здесь располагался самый большой в мире публичный дом.

— Неужели это правда? — недоверчиво спросила Анна.

— В те дни церковь действительно держала под своим контролем все публичные дома в Италии, — кивнул Винченцо. — Я читал об этом. Это приносило Церкви немалую прибыль. Но над чем папы не были властны — так это над быстро распространяющимися венерическими заболеваниями. Поэтому эта «индустрия» никогда не смогла подняться выше определённого уровня, и идея с Колизеем тоже провалилась. Правильно я всё говорю, профессор?

— Bravo, Винченцо! — воскликнул Адриан. — Я поражаюсь твоим научным горизонтам. Да, проект провалился. К тому же несколько раз Колизей горел. Потом папы стали сами разбирать его по камням на строительство своих резиденций. В XVII веке могущественный кардинал Альтиери проводил в Колизее бои быков, но с его смертью и это дело заглохло. С тех пор он стоял, зарастая лесом, пока Муссолини не пришёл к власти и не начал реставрацию.

К этому времени они уже поднялись на верхний уровень, и стрелочки, указывающие в направлении музея Эроса, сделались очень настойчивы, приведя их в просторный современный холл, примыкающий к внешней стене здания.

— Разве это не странно, — заметила Анна, — что музей Эроса разделяет крышу с Колизеем?

— Мне кажется это вполне естественным, — пожал плечами Винченцо. — Ведь Колизей был посвящён римским богам, а Эрос, на мой взгляд, самый из них привлекательный. Большинство других богов давно пребывают в забвении, но кто может забыть об Эросе?

Анна почувствовала, как кровь приливает к её щекам. Присутствие бога плотской любви действительно остро ощущалось под крышей Колизея — особенно в присутствии Винченцо. И хотя она знала, что он был геем, она как-то не могла в это поверить.

Надписи на различных языках сообщали туристам, что в музее собраны экспонаты со всей Италии и из разных частей Европы. Они прошли вглубь помещения. Красно-чёрные вазы из Помпей представляли сцены оргий. Картины, фрески, мозаики на стенах изображали мужчин и женщин совокупающимися во всех мыслимых и немыслимых позах. Анна глядела на бесчисленные обнажённые тела, отлитые из бронзы, высеченные из мрамора, выложенные из мозаики и нарисованные краской: мужчины и женщины, мужчины на мужчинах и на детях, женщины с женщинами и с животными... Свобода греческих и римских сексуальных нравов неоспоримо утверждала себя в этих стенах, и Анна подумала, что корни сексуальной революции следует на самом деле искать в античности. В центре выставки располагалась безглавая Афродита — мать Эроса.

Анна задержала взгляд на мраморной композиции, изображающей Психею в объятиях Эроса. Ей показался несимпатичным, даже противным этот Эрос. Несмотря на его совершенные черты и, похоже, неуёмную жизненную силу, он вряд ли тянул на что-то большее, чем породистое животное — племенной бык, облёкшийся в формы человеческие, почти ангельские. Бродя по экспозиции, Анна не могла не заметить, что образ Эроса эволюционировал за столетия своего существования, превратившись из буйной, почти безличностной силы природы в божество любви, а позднее дегенерировал в putto — пухленького ребёночка-ангелочка с луком в коротеньких ручках, каким его изображают на открытках.

Анна задержалась возле скульптуры крылатого Эроса. Надпись под ней поясняла, что эта скульптура является копией с античного оригинала Лисиппа, IV столетие до н. э., которая была выполнена в Риме в ранний имперский период. Анна внимательнее присмотрелась к тому, как Эрос обращался со своим луком: правой рукой он крепко держал его за верхний

конец, максимально отстраняя от головы, будто боясь своего собственного оружия. Стрелять он не собирался, да и стрелы нигде видно не было.

— Мне кажется, — сказала Анна, когда к ней подошёл Адриан, — что он держит в руках не лук, а змею.

Адриан с удивлением посмотрел на неё.

— Ты заметила это?

Винченцо тоже подошёл ближе.

— Что заметила? — заинтересовался он.

— Змея, — ответил Адриан.

— Змея? Где? — недоумённо спросил Винченцо и, приглядевшись внимательней, присвистнул так, что некоторые головы повернулись в его сторону. — Да-а-а, — задумчиво протянул он. — Похоже, Анна права. Наверное, в оригинале он действительно держал в руках змею. А потом змею сломали, а Эросу сунули в руки палку. Ведь такие вещи встречаются в искусстве сплошь и рядом, правильно? — он обернулся к Адриану за поддержкой.

— Такие вещи в искусстве действительно встречаются, — кивнул Адриан. — Но в данном случае ошибки не произошло. Змей в руках Эроса — это сокрытый, скрывающийся змей.

Глава 25. В которой по дороге в монастырь у Пьетро происходит памятная встреча

Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня; волосы твои, как стадо коз, сходящих с Галаада; зубы твои, как стадо овец, выходящих из купальни.

Песнь Песней, 6:5–6

Как может женщина, будучи столь большой, проникнуть в глаза, которые так малы?

Бернард Гордонский (1258–1318)

1227, 19 августа, Файфоли, Беневенто

Пьетро не знал, как долго он лежал, уткнувшись лицом в траву. Из молитвенного состояния его вывел звук — голос, показавшийся ему таким же естественным и земным, как чирикание птиц и шуршание травы. Он открыл глаза и обнаружил прямо перед собою пару босых ног. Пьетро поднял голову и увидел, что ноги принадлежали девочке-крестьянке, которая была, наверное, сверстницей его младшей сестры. В руках она держала покрытую тряпичной корзинку.

— Ай-ай! — вскрикнула девочка и отскочила в сторону. В её больших чёрных глазах светились страх и любопытство. Она, видимо, раздумывала, бежать ей или нет.

— Не бойся, — улыбнулся ей Пьетро. — Я не кусаюсь.

Он не был уверен, что девочка поняла его. Пьетро сел на траву. Девочка ещё попятилась назад, но не убежала.

— Не бойся, — тихо и доброжелательно повторил оно. — Я тебе не сделаю зла. Я — облатус.

— Облатус? — повторила девочка, недоверчиво его рассматривая.

— Да, облатус, — Пьетро обрадовался, что его понимают. Он знал, что даже жителям соседних деревень нелегко бывает объясниться. А сейчас он был далеко от дома. Пьетро знал латынь, но это знание вряд ли могло помочь ему в общении с этой дикаркой, и говорил он медленно, отчётливо произнося каждое слово. — Я — Пьетро. А как тебя зовут?

Девочка сделала несколько шагов ему навстречу, притягиваемая любопытством.

— Меня зовут Ула, — сказала она на наречии, похожем на говор его родной деревни. — Ты из дальних мест, — продолжала она, разглядывая его внимательно. — Ты богатый?

— Нет, — рассмеялся Пьетро, — я не богатый. Иду в аббатство. Далеко ли ещё до него?

— Облатус? Хм-м. Они тебя не примут! — уверенно заявила Ула. — Они бедных не принимают.

— А меня примут, — уверенно заявил Пьетро.

Она посмотрела на него удивлённо, но спорить не стала.

— У меня здесь овощи, — сказала она, ставя корзинку на землю и приподнимая тряпочку. Взгляду Пьетро предстали золотистые яблоки, сочная морковь, лоснящиеся помидоры. — Кушай.

— Нет, нет! — поблагодарил Пьетро. — Возьми это домой. Я не голоден.

— Ешь, — спокойно, но настойчиво сказала Ула. — Я знаю, что ты голоден.

Пьетро улыбнулся. Да, эта девочка была права. Следуя заветам Иисуса, он не взял с собой даже котомки и с раннего утра ничего не ел. И вот Господь послал ему пищу! Пьетро воздал Богу славу и стал с удовольствием есть. То ли от того, что он был так голоден, то ли от того, что овощи в этой местности родились лучше и сочнее, неожиданный ужин показался Пьетро удивительно вкусным.

— Где ты взяла такие замечательные овощи? — спросил он, лакомясь большой сочной морковкой. — Мне кажется, я в жизни не пробовал ничего вкуснее.

— Это овощи с монастырских полей, — ответила Ула.

— Надо же! — изумился Пьетро. — Я ещё не дошёл до аббатства, а уже вкушаю от его плодов. А ты, должно быть, будешь из монастырских крестьянок?

— Да, — кивнула Ула, — наш старый хозяин, когда умирал, передал нашу деревню в дар монастырю, чтобы монахи молились за его душу. А что случилось с твоим лицом? — поинтересовалась она, глядя на него внимательно, как показалось Пьетро — по-матерински.

— Давно-давно на меня напал кабан, — сказал Пьетро. — Точнее, это я на него напал, — улыбнулся он.

— Ты красивый, — сказала девочка, устраиваясь на траве возле него.

Пьетро вдруг почувствовал щемящее, незнакомое прежде чувство. Эта девочка так походила на его сестёр и в то же время так сильно от них отличалась. И это почему-то волновало Пьетро.

— Должно быть, это здорово — работать на монастырь, — заметил он, но в его голосе не было уверенности. Он знал, что возле Изернии монастырским крестьянам приходилось несладко. Но там монастырь располагался в городе, и среди монахов, как слышал Пьетро, было немало таких, кто своими явными грехами чернил имя монастыря — потому-то Пьетро и не пошёл туда. А про этот монастырь, стоящий вдали от городов, окружённый со всех сторон лесами и холмами, Пьетро слышал только хорошее. «Ладный, — говорили люди, — монастырь. Настоящая твердыня — камень, что на скале сидит». Пьетро воспринял эти слова как призыв отправиться именно сюда — ведь его имя тоже означало «камень».

— При покойном хозяине куда лучше было, — с грустью в голосе сказала девчушка. — Мои братья работали на себя и на него, и нам не надо было отдавать ещё часть своего урожая. А теперь мы все работаем и на своих полях, и на монастырских, но отдаём много из своего урожая.

— А откуда же тогда эти овощи? — поинтересовался Пьетро, аппетитно доедая сладкий, рассыпчатый помидор.

— Это я получила... в награду, — сказала девочка, опустив глаза.

— В награду? — удивился Пьетро. — За что же тебя наградили?

— А в твоих местах, — спросила она, не поднимая глаз, — разве монахи не вознаграждают девочек?

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — признался Пьетро.

Ула внимательно посмотрела на него. Она подвинулась ближе и положила руку на его плечо. Пьетро сидел не шевелясь, глядя неотрывно в глаза Улы. В этих глазах, глубоких и тёмных, как деревенский колодезь, ему виделись и крик о помощи, и страх, и материнская нежность, и что-то ещё, чему названия он не знал.

Она осторожно дотронулась рукою до его щеки и нежно провела пальцем по шраму.

— Ты очень красивый, — сказала она тихо, и её губы были так близко от его щеки, что он чувствовал, как её дыхание щекочет ему кожу, покрывает её мурашками. — И ты добрый, как мой младший брат. Только ты вон какой сильный. А он всегда лежит, не встаёт — у него ноги слабые.

— Значит, это ты ему несла овощи? — догадался Пьетро, с трудом выговаривая слова.

— Да, — призналась она, глядя его, как ребёнка, по голове, — для него и для мамы. Ведь если для них — значит, это не грех.

— Что не грех? — спросил Пьетро, и сердце его ёкнуло.

— Когда монахи раздевают меня и делают со мной то, что хотят, — тихо промолвила Ула.

У Пьетро замерло дыхание. Кусок морковки так и остался у него во рту не проглоченный. Неужели он сидел рядом с блудницей? Неужели он ел от плодов её блуда? Может, она вовсе и не была крестьянкой, но демоном, явившимся ему, чтобы искушить, не допустить в святую обитель? Пьетро хотел отбросить от себя эту морковку, стряхнуть с головы эту тонкую, тёмную от загара руку, снять с себя то оцепенение и колдовство, которому он поддался. Но он не мог этого сделать. Пьетро не смотрел на неё, закрыл глаза, но по-прежнему чувствовал на щеке её дыхание. Нет, она не была демоном. Она пахла, как пахнут крестьянки — полем, солнечным светом, землёю, горькими травами, сладким диким мёдом. Она была такая же, как его младшая сестра, и так же была дорога ему. И Пьетро сам когда-то был немощным братом, когда его погрыз кабан.

Из-под его опущенных век выкатились тёплые светлые слёзы, и было так тихо, что Пьетро слышал, как они падали на сухую траву.

— Почему ты плачешь? — спросила его Ула прямо на ухо, чтобы не нарушить торжественной тишины вокруг них. — Ты добрый, — прошептала она и поцеловала его в шрам. Пьетро вздрогнул. — Ты не такой, как все, — шептала Ула, осыпая его лицо поцелуями. — Ты красивый.

Пьетро вскочил на ноги, словно очнувшись от сна, и с ужасом взглянул, сверху вниз, на сидящую у его ног Улу. Она поняла, что он собрался уходить, и обхватила его ноги. Её большие глаза смотрели на него умоляюще, как будто он действительно был её старшим братом и она всецело находилась в его власти, хотя минуту назад гладила его по голове, как ребёнка.

Пьетро попытался вырваться, но цепкие руки скрепили свою хватку ещё сильнее.

— Не уходи, — взмолилась она, — тебя там не примут. А в деревне — примут. Все примут.

Пьетро неожиданно понял: она хотела, чтобы он стал её мужем!

Он закрыл глаза и тихо помолился: «Господи, дай мне сил дойти до монастыря. И эту девочку, Господи, прости и не оставь». Он открыл глаза и почувствовал, что одновременно с этим хватка девичьих рук ослабла. Он посмотрел на неё с благодарностью и погладил тёмную, как смоль, разогретую на солнце голову Улы.

— Я должен идти, — тихо сказал он. — Я — облатус. Я не могу не идти. А ты ступай себе домой и молись Господу, ибо Он умеет утешать. А я тоже буду за тебя молиться. И за твоего брата. Как его зовут?

— Пьетро, — тихо ответила Ула. — Его зовут Пьетро...

Глава 26. Сокрытый бог

Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

Бытие, 3:1

2007, 24 сентября, Рим

— Скрывающийся змей? — переспросил Винченцо. — Это ещё кто?

— Ранние цивилизации, — ответил Адриан, — поклонялись змею, о чём свидетельствуют многочисленные культы змея по всему миру и, соответственно, символы, которые эти культы использовали. До наших дней дошёл, например, символ змея в эмблеме медицины.

— Но почему же он тогда скрывается? — недоумевала Анна.

— И где он скрывается? — добавил свой вопрос Винченцо.

— Как известно, в христианстве змей рассматривается как негативный герой — символ Люцифера, сатаны, — объяснил Адриан. — Он находился в центре поклонения и в других

религиозных системах, снискав к себе такое же уважение, как Нимрод и Астарта. Змей — символ их половой близости, а потому неотъемлем от древней религии. Кроме того, у каждого светила, у каждой звезды на небе имеется свой особенный путь, своя траектория движения. Змей, представленный как длинная лента — необходимый геометрический образ, способный принять любое очертание, — очень удобен для интеграции в религиозную систему.

Остатки детской веры Анны трепетали от слов Адриана. Она с грустью признавала, что у человека нет никаких логических оснований верить, что есть Бог, Который бы существовал независимо от них, мог слышать и помогать. Но Анна не могла и не видеть, что сам Адриан стенает и гнётся под тяжестью своего неверия, хотя при каждом случае утверждает его.

— И где же этот змей прячется? — поинтересовался Винченцо.

— О-о, он прячется повсюду, — ответил Адриан. — Например, в том, что часто называют «верёвками», — в бронзовых, каменных завитушках, барельефах, украшениях, которые обычно венчают колонны или углы потолка. Он представлен в виде посоха — вроде того, что у Санта Клауса... Но самое главное — он прячется в целом направлении архитектуры.

— В целом направлении архитектуры? — эхом отозвалась Анна.

— Есть постройки, — заверил её Адриан, — которые всем своим видом и существованием выражают идею змея.

— И что же это за постройки? — недоверчиво переспросил Винченцо.

Адриан помедлил немного, потом сказал:

— Я говорю о лабиринтах. Лабиринт — это образ змея, представленный в архитектурном виде. Это одна непрерывная и не пересекающая себя линия, сложенная в несколько петель. Трудно придумать более подходящий архитектурный образ для змея. К тому же змей — это языческий бог-дух, который невидим, неосязаем. Он лучше всего представлен пустотой.

— Мне кажется, — вмешался в разговор Винченцо, — что на этот раз вы делаете слишком далеко идущие выводы. Уж что-что, а историю первого лабиринта я прекрасно помню. Его построил Дедал — инженерный гений с острова Крит, неподалёку от Греции. И там жил полубык-получеловек — Минотавр.

— Я тоже помню, — поддержала его Анна. — Царь Крита Минос выиграл войну с Афинами и заставлял афинян регулярно высылать на остров семь юношей и семь девушек — не то в пищу, не то в жертву Минотавру. А греческий герой Тесей отправился на Крит и убил Минотавра. А дочка царя Миноса влюбилась в него без ума.

— Она ещё дала ему клубок ниток, — вспомнил Винченцо, — чтобы он не заблудился в лабиринте. А потом они поженились, и вскоре герой-любовник бросил её. Старая, как мир, история.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Адриан, саркастически качая головой. — Вы явили глубокое познание истории и лабиринтов. От себя лишь добавлю самую малость: лабиринты строились везде, где был развит культ богини, Царицы неба. Религия критян состояла как раз в поклонении богине-матери, с одной стороны, и в поклонении солнцу, или мужскому началу, которое было представлено в традиционной уже форме быка, с другой. С этим культом была связана ритуальная церемония, когда жрецы шествовали через построенный на Крите лабиринт. Это было символом слияния мужского и женского начал, символом полового акта, зачатия, плодовитости. Поклонение силам природы всегда вращается вокруг вопросов жизни и смерти, поэтому существуют человеческие жертвоприношения, практикующиеся в культе.

Начало и конец жизни — и лабиринт между ними. В любом случае, критский лабиринт не был первым.

— Значит, — недоверчиво поинтересовался Винченцо, — хождение по лабиринту символизировало половой акт?

— Совершенно верно, — кивнул Адриан. — В древних ритуалах священник, добравшись до центра лабиринта, забивал в него деревянную палку. Это было символом полового акта, достижения совместного оргазма. А потом — извлечение и выход из лабиринта.

— Да, профессор, — покачал головой Винченцо, — за пару минут вы нарисовали передо мной картину, которую я не мог рассмотреть за время пяти лет своей учёбы в семинарии. Религия — как организованное либидо. Да, да, теперь я начинаю понимать, почему религия так крепка, непоколебима, и почему жрецам всегда перепадёт жирный кусок. Религия основана на том, что находится глубоко в нас самих.

— Смело сказано для будущего священнослужителя, — заметил Адриан.

— Похоже, — задумчиво сказал Винченцо, — Эрос более многолик, чем я думал. Мне встречались изображения лабиринтов во многих соборах, но я не предавал этому никакого значения.

— Лабиринты, — продолжал Адриан, — строили обычно под святилищами женского божества. И если обелиск, как вы уже поняли, представляет собой мужское начало, или огромный пенис, то лабиринт символизирует собою гигантских размеров вагину. Само название «лабиринт» происходит от слова *labia* — половые губы. Путь к центру проходил через пустоту.

Анна должна была признать, что Винченцо и Адриан сошлись лучше, чем она могла мечтать. Винченцо, казалось, притягивал к себе профессора не меньше, чем её, Анну, хотя это и не было половое притяжение. В Винченцо было такое обаяние, что, наверное, люди могли просто слушать, как он говорит, восхищаться его видом, его голосом, и при этом даже не слышать, что он объясняет. Но в данном случае он сам слушал Адриана с нескрываемым восхищением. Ему открывалась та сторона Рима, о которой не учат в семинарии. Повсюду вокруг них находились каменные творения, несущие вести, возмутительные для ортодоксального христианства. Однако Винченцо, казалось, знал что-то, чего не знала Анна, и понимал Адриана с полуслова.

— Теперь я убеждён, — продолжил Винченцо, — что каждый элемент религии достоин места в этом музее. Жаль только, что в Риме нет своего лабиринта — и это с римским-то монументализмом, с его стремлением запечатлеть любую идею в камне. Думаю, такой лабиринт был бы самым подходящим местом для переноса туда музея Эроса.

— Может, такое место в Риме и есть, — уклончиво ответил Адриан.

— Лабиринт в Риме? — с удивлением произнёс Винченцо.

— В Риме лабиринта нет, — сказал Адриан, особо выделяя «в». — Лабиринт может находиться только под Римом.

Сердце Анны забило. Она поняла, что Адриан вплотную подошёл к той черте, которую генерал называл «самораскрытием». К её удивлению, план действительно работал — притом быстрее, чем кто-либо мог ожидать!

— Это невозможно, — покачал головой Винченцо. — Римские катакомбы, конечно, бескрайни, но там, под землёй, ходами прорезано все. Лабиринта в мешке не утаишь — о нём бы все

знали.

— Ходами все прорезано с восточной стороны Тибра, — отозвался Адриан. — Но есть, однако, место, которое идеально для лабиринта.

Винченцо уставился на него в изумлении.

— Ватиканский холм?

— Этот холм географически отделён от всего Рима, — кивнул Адриан. — Кроме того, его территория всегда считалась священной — с незапамятных ещё, языческих времён. Кстати, «ватис каан» означает в одних толкованиях «божественный змей», в других — «извивающийся змей». Название пришло с древних времён и свидетельствует, скорее всего, о том, что там когда-то находился — или по сей день находится — лабиринт.

— Насколько я знаю, под Ватиканским холмом находится кладбище, — заметил Винченцо.

Адриану явно нравился его новый ученик. Он когда-то мечтал о семье, сыне, преподавании, и теперь все его чувства изливались на эту сладкую парочку. К тому же, Винченцо и Анна, казалось, так явно подходили друг другу, что только глупец осмелился бы встать между ними. Вместо того чтобы ревновать и мучиться, Адриан, похоже, готов был греться, плескаться в лучах их молодого обаяния. Он так долго сидел под столом жизни, что давно не претендовал на хлеб со стола, но крохи с пола никто не мог запретить ему подбирать.

— Кладбище, или некрополис, — более позднего происхождения, — ответил Адриан. — Оно лежит, можно сказать, на поверхности холма. Это место, где захоронен, по преданию, апостол Пётр — его могила находится на глубине четырнадцати метров. Фактически тело апостола Петра — или чьё бы тело это ни было — захоронено в святилище Венеры, которое тут располагалось. А под святилищем Венеры должен был находиться лабиринт. Вряд ли римляне, готовые материализовать в своей столице любые архитектурные проекты, упустили возможность строительства лабиринта — настоящего лабиринта из камня, римского лабиринта.

— И всё-таки я не понимаю, — покачал головой Винченцо. — Зачем Риму лабиринт? Да и кто бы его построил?

— Строительством наземных сооружений, как тебе скорее всего известно, руководили гильдии, или ложи священников-каменщиков, иначе — масоны, — открывал свои познания Адриан. — Они воплощали в камень религиозную догму. Но мало кто знает, что изначально было два класса священников-каменщиков: масонов подземных, или сокровенных, сокрытых, но властвующих, и масонов верхних, занимающихся соответственно наземными работами. Наземные масоны приняли на себя символику солнца, дня, то есть мужскую символику. Именно они наиболее заметны — в действительности их нельзя не заметить.

— Я слышал что-то о подземных масонах, — отозвался Винченцо. — Но, честно признаться, считаю это всё сказками — как и ужасные истории про подземелье. Это — чёрные римские новеллы.

— Ты так и не сказал, какой же лабиринт был первым, — спросила Анна, чтобы оставить противоречивую тему о масонах.

— Первый настоящий лабиринт располагался под башней, или пирамидой, Вавилона, — сказал Адриан. — В скандинавских языках лабиринты до сих пор называют вавилонами.

— Вавилонами? — удивился Винченцо.

— Лабиринт — это тень Вавилонской башни, — кивнул профессор. — Римляне подхватили

древние вавилонские традиции, создали свой собственный хитросплетённый лабиринт из религиозных полуоткровений, закулисной политики, теневых финансов и прочее, и запустили в него всю Европу, а впоследствии и всю ойкумену.

— Теперь я начинаю понимать, за что вас выгнали из университета, профессор, — восторженно отозвался Винченцо. — И всё же ваши слова не могут не льстить римскому уху.

Они ещё с час бродили по Колизею, говорили об особенностях римской архитектуры, религии, мышления. Вдруг Адриан вспомнил, что ему нужно отметить у своего, как он говорил, шринка — психотерапевта.

— Я не хочу, чтобы меня опять упрятали на неделю в психушку, — крикнул он им на ходу. — До завтра, Анна! Чао, Винченцо!

И профессор побежал ловить такси.

— Я просто очарован этим человеком, — сказал Винченцо ему вслед. — Страшная история со всем этим убийством и всё такое, но мне он симпатичен.

— Да, он — настоящий профессор, — задумчиво согласилась Анна. — Живёт только тогда, когда делится знаниями. И ему есть чем поделиться.

— Мне кажется, — Винченцо взглянул на неё с улыбкой, — он немного влюблён в тебя. Да и ты — в него.

Анна рассмеялась.

— Ты что, ревнуешь меня к профессору?

— Нет, не ревную — я не умею ревновать, — сказал Винченцо серьёзно. — Но я заметил — так влюбляются иногда ученицы в своих учителей.

— Или семинаристы в своих преподавателей? — эти слова вырвались у неё как-то сами собой, и только потом до неё дошёл их смысл.

Винченцо посмотрел на неё внимательно.

— Да, что-то вроде того. Но я в него не влюблён как в мужчину, хотя мог бы, наверное, влюбиться.

Анна остановилась.

— Скажи мне, Винченцо, — попросила она. — Зачем ты со мной встречаешься? Ведь тебя же не интересуют женщины, правда?

Она смотрела ему прямо в глаза. Он видимым образом смутился.

— Послушай, — сказал он, забирая её ладонь в свои большие руки с изысканными, длинными пальцами. Она хотела вырвать ладонь, но он не позволил. — Я бы очень не хотел, чтобы наша дружба на этом закончилась. Ты мне сразу же понравилась — не могла не понравиться. Я ведь всё-таки, как и все римляне, немного эстет. А когда я познакомился с тобой ближе, ты мне ещё больше понравилась, и именно за то, за что другим мужчинам ты была бы не по вкусу — за ум, врождённое благородство. Мне бы очень не хотелось тебя терять.

Анна прилагала все усилия к тому, чтобы не расплакаться. Они свернули с оживлённой улицы в узкий переулок. Тут было прохладнее и тише, и самое главное, было меньше народа, и это

помогло Анне немного успокоиться. В конце концов, на что она могла рассчитывать? Её командировка может закончиться в любую минуту.

— Я не могу до конца разобраться в себе и своих чувствах, — продолжил Винченцо. — Вот ты в одну из наших встреч сказала, что знаешь, кто я, — нашла в сети. А это всё не так, понимаешь? Я вообще не знаю, кто я такой!

Анна смотрела на него с удивлением.

— Мне спокойно, хорошо с тобой, — продолжил Винченцо. — Но я должен признаться: мне часто кажется, будто я по ошибке занял чужое место, которое мне не пристало, что меня посадили не на тот поезд и я уже никогда не смогу с него сойти.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — растерянно призналась Анна.

— Видишь ли, — начал Винченцо. — Есть нечто, о чём не прочитаешь ни в каких газетах или интернете.

Он помедлил немного, затем решился и сказал:

— Я — подкидыш.

— Подкидыш? — обомлела Анна.

— Наверное, это лучшее, что случилось в моей жизни. Когда я был всего нескольких дней от роду, меня нашли слуги баронессы Паолини — кто-то оставил корзинку с малышом прямо перед воротами её особняка в Риме. Слуги хотели вызвать полицию, но баронесса, когда увидела мило спящего ребёнка, решила меня усыновить. Незадолго до этого она попала в ту самую автомобильную аварию, в которой погибли её муж и не родившееся дитя, а сама она была парализована, уже не могла иметь детей. Да и замуж дала обет не выходить. Она заплатила прислуге, чтобы те держали язык за зубами, и я рос как настоящий сын баронессы.

Он помедлил.

— А потом всё это было потеряно — в одночасье, хотя полное осознание до сих пор не пришло.

— И как это произошло? — тихо поинтересовалась Анна.

— Мне было тогда четырнадцать. Я случайно подслушал, как слуги говорили между собой обо мне. Я не поверил — помчался к матери, баронессе. Она разрыдалась, а потом всё рассказала. И эта удивительная женщина, моя приёмная мать, уверила меня тогда, что любит меня как своего собственного сына. Да и, в общем, она никогда не давала повода мне в этом усомниться. И всё равно я чувствую себя обманщиком. Или обманутым — я не уверен.

— Кто бы ни были твои биологические родители, — медленно сказала Анна, — они нашли тебе самый лучший дом.

— Да, судьба распорядилась в мою пользу, — грустно усмехнулся Винченцо. — Но я с самого начала был назван новым, чужим именем и получил иную жизнь взамен моей собственной. И я иногда думаю, что теперь уже, наверное, и не хотел бы знать, кем были мои родители. Кажется, если узнаю, рухнет весь тот мир, который мне знаком.

Они стояли на краю тротуара, так близко друг к другу, что случайные прохожие улыбались, принимая их за влюблённую пару. Теперь, когда она знала Винченцо немного лучше, она

видела, что в нём действительно было нечто женственное: прекрасно сложен, но сложение это было деликатное, а вкус и манеры его, несомненно, были на редкость изысканны для мужчины. Но всё равно она видела в нём мужчину — прекрасного мужчину, способного понять, почувствовать женщину как будто изнутри, как будто найдя её внутри себя. Или же он может совершенно заблудиться в самом себе, в своей женской половине. Анна не была психологом, и, наверное, если бы была начитаннее в этой области, такие мысли не пришли бы ей в голову. «Ну почему всё должно быть так сложно? — думала она. — Почему у меня не может быть так, как у всех других людей? Неужели я не имею право на счастье? Хотя бы на короткое время?»

— Я очень благодарен тебе за то, что ты меня выслушала, — сказал он. — Если хочешь, мы останемся друзьями... Я сам в себе хочу разобраться, понять себя — и не могу. Мне бы очень хотелось, чтобы ты была рядом, хотя бы в это время.

Анна уткнулась в его грудь. Глаза её повлажнели.

— Я буду с тобой рядом, — обещала она, и добавила: — Буду, сколько смогу!

Винченцо погладил её по её замечательным, мягким волосам.

— Только не благодари меня, Винченцо, — тихо сказала Анна, как будто это могло приглушить чувствительный микрофон её «Ролекса». — Я тоже не знаю, кто я такая. Никаких решений в жизни я ещё не предпринимала. Я сама плыву куда-то.

— Тогда давай плыть вместе, — предложил Винченцо.

Анна ничего не ответила. Они шли, рука в руке, по ночным улицам Рима. Шли и молчали, и в их молчании было больше осмысленности и мира, чем в разговоре.

Глава 27. В которой Пьетро встречается с отцом настоятелем

Сын мой! Внимай мудрости моей, и приклони ухо твоё к разуму моему, чтобы соблюсти рассудительность, и чтобы уста твои сохранили знание.

Книга Притчей Соломоновых 5:1–2

1227, 19 августа, аббатство Файфоли

Пьетро поднялся на вершину холма, оглянулся назад, на то место, откуда он только что пришёл, и сразу же пожалел об этом — его глаза встретились с растерянными глазами девочки-крестьянки. Она уже поднялась, чтобы идти, взяла в руки корзинку, но с места сдвинуться не могла, будто её ноги приросли к той земле, на которой молился Пьетро. Она смотрела на него своими большими, полными слёз глазами, и у Пьетро было желание подбежать к ней, упасть у её ног и попросить за что-то прощения — за себя, за похотливых монахов, за грехи всего мира. Но Пьетро переборол себя, повернулся и зашагал прочь от неё, прочь от мира и его искушений — в обитель святости и благочестия. Врагу не удастся сбить его с пути, особенно теперь, когда Пьетро был так близко к своей цели.

«Но почему я не ненавижу её? — спрашивал себя Пьетро. — Ведь она — блудница, блудница вавилонская, совращающая монахов. Неужели только так люди могут прокормить себя?»

Неужели так лучше для её больного брата, которого зовут, как и меня, — Пьетро? Неужели она отправится навечно в ад из-за того, что пыталась спасти брата? И что есть душа человека, душа крестьянина? Не пар ли это? Может, за неведение они просто увянут, как увядает по осени трава? Милостив Господь».

Пьетро не знал ещё, где находится, но, судя по состоявшейся встрече, был он где-то совсем недалеко от аббатства. В воздухе явственно ощущался запах зрелого ячменя. Он снова подумал о том, что нечаянно узнал о монахах аббатства: «Неужели это правда? Неужели и тут всё так же, как и в городе?» Но теперь об этом думать было поздно — когда Пьетро взобрался на вершину очередного холма, его взгляду предстало зрелище прекрасной плодородной долины, в центре которой, сидя на высоком, необычно каменистом холме и обозревая поля, леса и реку, высилась каменная громада аббатства. Издалека казалось, что здания как бы сами выросли из тех камней, на которых они были посажены, — выросли под горячим солнцем Средиземноморья, как растут в лесу деревья и грибы. Восемнадцатилетний Пьетро приближался к бенедиктинскому монастырю в Файфоли в провинции Беневенто.

Несмотря на то что солнце начинало уже клониться к закату, в долине всё ещё трудились люди, крестьяне, — наверное, родственники и соседи той девочки. Ячменные поля были наполовину сжаты, а пшеничные, занимающие большую часть земли, только наливались силой. С правой стороны от Пьетро видны были сады из оливковых и лимонных деревьев. Тут и там стояли добротные обширные складские постройки. В загонах для скота трудились доярки. Возле самого подножия каменистого холма земля была расчищена и зеленела аккуратно расположенными полосками огородов, на которых крестьянские дети собирали зелёный горох и что-то ещё, чего Пьетро не мог издали разглядеть. Но что более всего удивило Пьетро — так это то, что узенькая речка, прорезающая долину, в одном месте была запружена камнями и образовывала обширный, идеально круглой формы водоём, по поверхности которого плавали утки, гуси и лебеди. На берегу рыбаки выбирали из сети и сортировали рыбу под неусыпным оком толстого монаха в коричневой засаленной рясе. Всё вокруг дышало порядком, достатком и процветанием, всё говорило о богатстве монастыря.

Это насторожило Пьетро, и он замедлил шаг, затем даже остановился. Но потом вспомнил, что хотя аббатство и было богатым, но монахи по-прежнему ничем не обладали и жили в нищете. К тому же кто он такой, чтобы судить? Вот если бы он был из богатой семьи, как брат Франциск или как Пьетро Вальдо, которые отреклись от огромного состояния ради евангельской простоты, — тогда бы, может, и имел на это право. Но он — всего лишь крестьянский сын, такой же, как и эти люди, что суетились в долине. Впервые в его помыслы закралось сомнение: «А что, если его, крестьянина, и вправду не примут в монастырь? Что будет тогда?» Но Пьетро решил об этом не думать. Он прочёл вслух молитву «Отче наш» и смело зашагал в сторону высоких каменных стен монастыря.

«Здесь я найду для себя духовный приют, — ликовал Пьетро. — Как вожделенны жилища Твои, Господи! Истомилась душа моя, желая во двory Господни, — повторял он слова заученного им когда-то давно псалма. — Сердце моё и плоть моя восторгаются к Богу Живому».

Он прошёл мимо удивлённых крестьян, приветствуя их поклоном, и оказался на дороге, круто поднимающейся вверх и ведущей прямо к воротам аббатства. Несмотря на усталость, он легко поднялся по каменистой дороге и, оказавшись перед воротами, ещё раз бросил взгляд на тот мир, который навсегда покидал, вытер рукавом пот со лба и постучался в толстую дубовую дверь, окованную железом.

Вскоре он услышал тяжёлые шаги за дверью и хриплый кашель. Дверь скрипнула и медленно отворилась. Из тёмного проёма на Пьетро вопросительно смотрел совершенно лысый монах ростом головы на две выше его. Наверное, он принял Пьетро за попрошайку, но тот улыбнулся, кротко и тихо, будто благословляюще, и опытный взгляд монаха понял, что перед

ним не простой человек.

— Меня зовут Пьетро Ангелериус из Изернии. Я пришёл, чтобы стать твоим младшим братом, — сказал Пьетро.

Ещё более выразительны, чем слова и улыбка, были его глаза, светящиеся любовью и ревностью. Отец-ключник, а это он открыл дверь, кое-что повидал на своём веку и знал, что носители таких глаз делаются либо святыми, либо злодеями. Злодеями — чаще. Он не сдвинулся с места.

— Я — облатус, с младенчества, — продолжал Пьетро.

Монах не проронил ни слова, и Пьетро сказал громче и с неожиданной уверенностью:

— Я хочу служить Богу! Веди меня к отцу настоятелю.

Монах подумал о чём-то с минуту, потом сделал шаг в сторону, давая понять, что Пьетро может зайти. Пьетро просиял. Он поклонился лысому монаху и с трепетом ступил на святую землю монастыря.

Дорога, которая проходила под толстыми сводчатыми стенами аббатства и шла вперёд, к высокой церкви, была выметена так чисто, что, казалось, трудились над ней ангельские руки. С левой стороны вдоль дороги выстроились просторные здания: конюшни, общежитие для братии и приют для пилигримов. С правой стороны шла другая, уже не такая высокая и толстая, стена. Из-за этой стены раздавалось как будто весёлое птичье щебетанье, доносились незнакомые, но пьянящие ароматы каких-то трав и цветов.

Они достигли угла стены, за которой, как Пьетро понял, располагался монастырский сад, ароматы которого он жадно вдыхал. Он слышал об этом чудесном саде, о диковинных деревьях, растущих в нём.

Лысый монах привёл его к маленькой двери в стене, которую открыл одним из многих ключей, что висели у него на поясе. Сердце Пьетро учащённо забилось: неужели ему сейчас предстоит увидеть этот райский сад? Монах отворил дверь и кивнул на неё Пьетро, а когда тот зашёл, то протиснулся следом.

Ступив за стену, Пьетро обомлел: ему показалось, что он действительно попал в Эдемский сад. Ароматы, щекотавшие обоняние людей, находящихся по другую сторону стены, обретали полную власть над оказавшимися внутри. Кругом было полно незнакомых деревьев — таких, о существовании которых он и не подозревал. На деревьях висели красные, синие, жёлтые плоды — невиданные плоды, и Пьетро даже не знал, были ли они съедобны или нет. Монах провёл Пьетро на небольшую полянку, где на аккуратных грядках примерно одного размера росли какие-то диковинные травы. Но были там и такие, которые Пьетро мог узнать, — это были знакомые ему мята, тмин, укроп и валериана.

В центре полянки на коленях стоял человек, лица которого Пьетро не видел, потому что он склонился над какими-то небольшими растениями, отсаженными в отдельных горшочках. Рядом с ним стоял низенький столик с чернильницей, пером и открытой книгой, в которую, как Пьетро догадался, недавно делались записи. Человек поднял голову, и с первого взгляда Пьетро понял, что перед ним — отец настоятель, сам аббат монастыря. Пьетро кинулся к нему, упал перед ним на колени и поцеловал пахнущую землёй большую и тяжёлую руку.

— Кто ты, сын мой? — дремучие брови отца настоятеля выгнулись с неожиданной лёгкостью. Лицо, казалось, могло быть грозным, могло быть и добрым.

— Я Пьетро Ангелериус из Изернии. Хочу служить Богу.

— Служить Богу? — аббат посмотрел на Пьетро с любопытством. — А разве тебе неизвестно, что Богу служить надо в том чине и звании, в котором родился? Ты ведь крестьянин, крестьянский сын? Вот и служи, как крестьяне служат, — работай на земле, — он ткнул пальцами в чёрную мягкую землю — такой земли Пьетро никогда ещё не видел. — Ступай-ка ты домой, Пьетро из Изернии, — добавил настоятель.

Сердце колотилось в груди у Пьетро — он знал, что в этот самый момент решается его судьба. Ему, наверное, надо было сказать что-то, объяснить, уверить этого человека, что он — облатус, избранный, посвящённый. Но Пьетро молча стоял на коленях и молился тихой молитвою.

— Отчего же ты ничего не отвечаешь? — спросил его аббат, усаживаясь на низенькую скамеечку, стоящую перед столом. — Почему хочешь уйти из крестьян в монахи? Ты учился грамоте? Знаешь ли молитвы?

— Я с детства научен грамоте, — отвечал Пьетро, поднимая голову. — Умею и читать, и писать. Божественные книги тоже читать приходилось.

— Вот как? — удивился отец настоятель. — И что же, понимал ли ты, что читаешь?

— Как же не понять? Слово Божие хотя и мудро, но просто.

Аббат глядел на него с растущим интересом.

— А читал ли ты Нагорную проповедь Христа?

— Блаженны нищие духом, — начал Пьетро говорить великие слова, которые помнил уже много лет, — ибо их есть Царство Небесное...

Он прочитал все девять заповедей блаженства и спросил, не желает ли отец настоятель проэкзаменовывать его в других Писаниях.

Ещё раз внимательно посмотрев на Пьетро, аббат глянул на лысого монаха, подал ему какой-то знак, и тот с поклоном удалился.

— Выходит, — сказал настоятель, оставшись с Пьетро наедине, — ты из валленсов будешь?

— Нет, падре, — признался Пьетро. — Я слышал об этих святых людях, но никогда с ними не встречался. Мы живём далеко от гор.

— Святые люди? — аббат глянул Пьетро прямо в глаза. — А известно ли тебе, Пьетро из Изернии, что валленсы давно уже объявлены еретиками?

Пьетро не мог поверить услышанному. Но не мог он и не поверить отцу настоятелю.

— Впрочем, — голос старого монаха неожиданно смягчился, — это сегодня их еретиками называют. А завтра, может, и вправду святыми назовут. А может, и не назовут — Господь один знает... Но скажи-ка мне, что случилось с твоим лицом?

Пьетро счастлив был рассказать ему о том, что случилось с ним много лет назад. Пока он говорил, аббат глядел в голубые глаза Пьетро, сияющие невинностью из-под длинных чёрных ресниц.

— Ну что ж, — сказал он, выслушав историю Пьетро, — думаю, Господь тебя действительно призвал, и твоя мать не напрасно нарекла тебя облатусом.

Пьетро ликовал. Он припал к мозолистой руке отца настоятеля.

— Не благодари меня. Я лишь сделал так, чтобы не стоять на пути Бога, — сказал тот, поднимаясь. — Но пойдём, я покажу тебе сад. Немногим монахам доводилось его видеть. Отец Лука, который тебя сюда привёл, тем самым порекомендовал тебя мне. А я ему верю, потому что уста и уши его затворил Господь.

Следуя за отцом настоятелем, Пьетро прошёл через стройные ряды грядок, цветущих всеми мыслимыми и немыслимыми цветами, в то отделение сада, которое ещё не видел. Это отсюда доносилось восторженное, будто славящее своего Творца пение множества птиц. Здесь к деревьям были аккуратно привязаны кормушки, засыпанные зерном. При появлении Пьетро некоторые птички вспорхнули повыше, но не похоже было, что они его сильно боялись. Через короткое время птицы перестали обращать на него внимание, приняв Пьетро за одного из своих. Но что ещё более поразило Пьетро в этом таинственном саду, так это то, что на ветках одних и тех же деревьев висели... разные плоды. Пьетро, который умел не только писать, но и считать, пытался сосчитать, сколько же разных плодов могло расти на одном дереве, но не мог: деревья были посажены близко друг к другу и их распростёртые в стороны ветви перемешивались.

— Видел ли ты когда-либо такие деревья, Пьетро? — спросил его отец настоятель.

— Никогда ещё не видел я таких чудес, — ответил Пьетро растерянно. — Должно быть, это деревья, уцелевшие с Эдемского сада. Я знаю, что то дерево, которое растёт пред престолом Божиим, приносит двенадцать плодов, каждый плод в свой месяц!

— Сын мой, деревья эти никакие не особенные. Просто к стволу одного дерева мы научились прививать ветви с других деревьев, приносящие другие плоды.

Пьетро внимательно слушал, но по лицу его было видно, что он не понимает, о чём идёт речь.

— Вот, смотри, — сказал отец настоятель, срезая с одного из деревьев веточку толщиной с мизинец. — Это ты, Пьетро, — указал он на веточку. — Ты теперь так же отрезан от своего дома, от своего родства, крестьянства, и теперь хочешь быть привитым к другому дереву — к Церкви, вот к этому, скажем, дереву.

Аббат подвёл Пьетро к большому дереву с толстым стволом. Таких деревьев Пьетро никогда ещё не видел и не знал, как они называются. Ветви его были усыпаны различными плодами: одни краснели какими-то ягодами, другие ломились под тяжестью груш, яблок и других, незнакомых Пьетро, плодов.

Отец настоятель тем временем внимательно оглядел «церковное» дерево, срезал одну из веточек, а потом приставил к свежему срезу «веточку Пьетро» и обмотал плотной тряпицей. Он достал откуда-то склянку с белой, мутной жидкостью и полил ею перевязку.

— Теперь веточка привита.

— И какой принесёт она плод? — растерянно спросил Пьетро.

— Я привил твою ветвь к доброму дереву, — ответил настоятель. — И ветвь твоя добрая — она принесёт гранатовые яблоки, красные, как кровь Спасителя.

Пьетро упал на колени и вновь схватил грубую, как у крестьянина, руку аббата. Он припал к ней щекой и заплакал от благодарности.

— Будет, будет, — поднял его тот. — Только помни, Пьетро, что к дереву этому не только Бог руку приложил. И хотя корень хорош, но есть ветви, что приносят плоды негодные. Их Садовник отрезает, но не ранее, чем убедится в том, что они безнадежны. Понимаешь ли ты

значение этой притчи, мой сын?

— Понимаю, падре, — кивнул Пьетро.

— Тогда скажи мне, как ты её понимаешь? — настаивал святой отец.

Пьетро задумался на минуту.

— Когда я подходил к аббатству, — начал Пьетро, — то встретил молодую крестьянку, которая сказала мне, что монахи платят ей овощами за её блуд. Они, наверное, на той ветви, что даёт кислый плод.

— Ты хорошо это заметил, сын мой, — медленно произнёс отец настоятель, внимательно глядя на Пьетро. — Плохо лишь то, что если срезать все плохие ветви, то Церковь останется голая.

Пьетро посмотрел на него в испуге.

— Но милостив Господь, — добавил настоятель, срывая с дерева большой, светящийся наливной желтизной плод, напоминающий яблоко. — Долготерпелив и милостив Бог. Попробуй от этого плода, — аббат протянул его Пьетро. — Сей не запретный плод, это — сидония облонга, что по вкусу напоминает яблоко, но обладает многими целительными свойствами. Плод подкрепит твои силы — ты проделал большой путь.

Пьетро с благодарностью принял плод, поднёс его ко рту и откусил небольшой кусочек. Плод был такой сладкий, сочный и ароматный, что Пьетро в растерянности обомлел, даже испугался этого неожиданного наслаждения. Отец настоятель заметил это и сказал:

— Плод потому такой вкусный, что мы находимся на церковном кладбище. Каждое из этих деревьев питается разлагающимися телами наших братьев-монахов, почивших в монастыре. Но ты не смущайся, сын мой, — добавил он, заметив, что Пьетро перестал жевать. — Нужно уметь принимать неизбежное, и вкушать от этого сладость, и благодарить Господа, без воли Которого ничего не делается. Ешь.

— Да, падре, — промолвил Пьетро, и снова откусил от плода, думая о том, что плод этот напоминал по вкусу морковку, которой угощала его крестьянская девочка.

Вечером отец-ключник принёс Пьетро грубый балахон с капюшоном, а отец настоятель под пение братии собственноручно задвинул засов массивной двери маленькой кельи, в которой Пьетро предстояло провести, распростёртому на каменном полу в молитве, три дня и три ночи — в память о трёх днях и трёх ночах, проведённых Спасителем во гробу. И когда Пьетро выйдет из кельи на третий день, он воспрянет к новой жизни в чине послушника — чине, по небесной иерархии уступающем только ангельскому чину монаха и почти божественному чину священства. Ведь даже брат Франциск из Ассизи, как утверждают, говорил, что если бы ему встретились по дороге ангел и священник, то он бы припал вначале к ногам священника, а потом уже склонился перед ангелом. Впрочем, Пьетро не гонялся за чинами — он искал Бога и братства, себе подобных. Особенно Пьетро благодарил Бога за отца настоятеля. Однако пройдут годы, прежде чем Пьетро осознает и поймёт, каким редким исключением из общих правил являлся этот церковник — его первый и последний в жизни Настоятель.

На три дня и три ночи Пьетро окунулся в непрерывную молитву. Он вряд ли мог сказать, когда спал, а когда бодрствовал. Видел и сны, и видения, которые представляли перед ним. Маленькая веточка начинала приживаться на громадном дереве, и Пьетро начинал чувствовать, как новые воды, новые соки, новые духовные силы, пульсируя, наполняют его душу.

Глава 28. Сюрприз

Ярая смерть не щадит человека:

Разве навеки мы строим дома?

Разве навеки ставим печати?

Разве навеки делятся братья?

Разве навеки ненависть в людях?

Разве навеки река несёт полные воды?

Стрекозой навсегда ль обернётся личинка?

Неизвестный автор,

эпоха царя Хаммурапи

(1792–1750 до Р. Х.)

2007, 25 сентября, Рим

Посередине ночи Анна проснулась от того, что ей стало холодно: кондиционер сильно остудил комнату. Выключив его, Анна перебралась под одеяло и свернулась в клубочек с намерением согреться. Но прежде чем её одолел сон, она услышала громкий стук — очевидно, в дверь её номера.

«Полиция!» — было первое, что пришло ей в голову.

Она спрыгнула с кровати и схватила лежащую на прикроватной тумбочке флеш-карту, где хранилась вся информация по делу профессора Фера. На флешке была кнопка самоуничтожения информации, которую Анна нащупала, но ещё не нажимала. Сердце её колотилось в груди. Она поспешила в гостиную и взглянула на экран видеомонитора. Моментально её страх сменился удивлением, и на лице просияла улыбка. Она отбросила в сторону флешку и поспешила открыть дверь.

Как только дверь распахнулась, запахи алкоголя и дорогого одеколona ворвались в комнату. Вслед за ними в номер вошёл, почти ввалился Толян.

— Не бойся, Анна, — уверил он её пьяным, но твёрдым голосом. — Никаких сцен ревности, насилия и убийств не планирую. Просто выдалось несколько свободных часиков, и я решил слетать в Рим, повидать тебя.

Он поизносился, полысел, немного обрюзг, но для неё оставался всё тем же милым увальнем Толяном, каким она впервые увидела его у себя дома много лет назад. Она обняла его и поцеловала.

— Я очень рада тебя видеть! Значит, залетел на часок-другой? — спросила она, закрыв дверь и провожая его вглубь гостиной.

— Утром улетаю в Копенгаген, — устало сказал Толян, устраиваясь на диване. — Что за жизнь такая — последний раб не пахал так, как пашут сегодня олигархи!

— Что это у тебя в коробке? — поинтересовалась Анна, кивая на круглую, напоминающую шляпную, картонную коробку, которую Толян поставил у своих ног.

— А как ты думаешь? — улыбнулся он.

Конечно же, она знала. Он всегда дарил ей цветы, потому что ничего иного она от него не принимала.

Толян взглянул на часы.

— Час ночи, — констатировал он. — Самое время открыть.

Анна подняла коробку, которая, несмотря на свой внушительный размер, показалась ей почти невесомой. Она развязала ленточку и приподняла крышку. В комнату немедленно ворвался аромат влажной тёплой тропической ночи, а сердце Анны учащённо забилося. Цветок, который Анна при этом представила себе как некое мыслящее, живое существо, выглядел очень просто: семь беленьких цветочков в форме сердечка посреди ничем не примечательных тёмно-зелёных листьев. Как Анна теперь поняла, аромат исходил от толстых коричневых антенн-усиков, которые покачивались в воздухе.

— Что это? — с удивлением проговорила она.

— Брассавола нодоса — «Леди ночи». Она достигает пика аромата к полуночи, а с приходом утра будто засыпает.

К стебельку цветка была прикреплена небольшая карточка. Анна взяла её и прочитала вслух:

— «Прости меня». За что же? — удивилась она.

— За моё вторжение, конечно. Ведь, как я понимаю, ты не одна?

Он поглядел на прикрытую дверь спальни. Анна рассмеялась.

— К сожалению, ты попал пальцем в небо, Толян.

— Ты хочешь сказать, — он посмотрел на неё недоверчиво, — что за этой дверью сейчас никого нет?

— Уверю тебя, — сказала Анна, — впрочем, посмотри сам.

Толян лениво покосился в сторону двери, но с места не сдвинулся.

— Однако, тебя тут неплохо обустроили, — сказал он, шоркая ботинком по ковру. — С каких это пор твоя фирма так расщедрилась на своих сотрудников?

— А почему, собственно, ты вдруг решил, что у меня кто-то должен быть? — ответила вопросом на его риторический вопрос Анна. О «фирме» она предпочитала не говорить.

— Ну, — протянул Толян, — во первых, ты молодая и прекрасная женщина. Во-вторых, ты в Риме. В третьих... — он замялся.

— Что же «в-третьих»? — поинтересовалась Анна.

— В-третьих, мои друзья совершенно случайно — повторяю, совершенно случайно —

видели, как ты шла с каким-то ослепительно красивым молодым человеком.

Анна нахмурилась. В то, что эта встреча была «случайной», она, конечно, не верила, тем более что сам Толян сказал: «Повторяю, совершенно случайно». Он ей врать не мог, и потому просто говорил вежливым языком, который оба прекрасно понимали.

— А больше они меня ни с кем не видели? — поинтересовалась она. — Совершенно случайно, конечно?

Толян ничуть не смутился.

— Видели. С каким-то гидом. Но он старый.

— А почему же ты решил, что в моей кровати обязательно будет этот молодой? Почему не старый гид?

— Послушай, Анна, я ничего не предполагал...

— Нет, Толян, — грустно прервала его Анна. — Этот молодой — «голубой», к тому же готовится стать священником. Никого у меня, к сожалению, кроме старины Толяна и нет.

Пьяные глаза Толяна слегка увлажнились.

— Иди сюда, — помахал он ей. Она послушалась и села рядом с ним.

— Да, тяжёлый случай, — сказал он, обнимая её за плечи. Она положила голову на его плечо, и они некоторое время так и сидели молча, немного раскачиваясь из стороны в сторону. Анна была благодарна ему за то, что он ничего не говорил и ничего не спрашивал. Ей очень не хотелось врать. А сказать правду было совершенно невозможно.

— Хочешь кофе? — предложила Анна.

— С коньяком, — кивнул Толян.

— Извини, у меня нет коньяка.

— Зато у меня есть, — он достал из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылку виски «Бурбон».

Анна встала и подошла к стойке бара.

— Как идут дела? — поинтересовалась она, занимаясь кофе.

— Бизнес цветёт и пахнет, — отозвался Толян. — В Москве я гораздо популярнее, чем старина Макдональд.

Всякий раз, когда Анна думала о Толяне как о бизнесмене, она с трудом сдерживала улыбку. Его судьба была историей постсоветской Золушки. Анна прекрасно помнила, как в начале бурных девяностых на занятые в долг деньги Толян взял в аренду небольшое городское кафе и превратил его в арену политических и интеллектуальных баталий. С самого начала всем, кроме самого Толяна, было ясно, что эта идея — бредовая. И действительно, у собиравшейся по вечерам публики лучше получалось надирать глотки в политических дискуссиях, чем платить по счетам. Любой другой на месте Толяна сдался бы, но он пошёл на разумный компромисс — в течение дня его элитное кафе превращалось в недорогой фастфуд для студентов и рабочих, а вечером на вырученные деньги Толян кормил и поил будущих вождей и властителей умов нации.

Конечно, далеко не все из этого кружка выбились в большую политику, но некоторым, шаг за

шагом, удалось-таки достигнуть головокружительных высот. И с этой высоты один из них вспомнил Толянову халявную выпивку и дал его бизнесу зелёный свет. Вскоре небольшие киоски и кафешки «У Толяна» стали неотъемлемой частью нового московского ландшафта.

Однако, несмотря на такой успех и внешний лоск, Толян не был счастлив, и Анна, как никто другой, знала это. Временами на него накатывало депрессивное настроение, и хотя в такие дни он и не прекращал работать — ибо знал, что если остановится, то утонет в волне депрессии, — но, работая, не переставал пить.

«Я ведь настоящий предатель, — заявил он однажды Анне, которая прикладывала все силы, чтобы вытащить его из очередной депрессии и запоя. — Я предал всё, во что верил. Столько лет являюсь убеждённым вегетарианцем — и никто в Москве не продаёт так много мяса, как я. Я — эстет и сын двух художников, а мои рестораны выглядят настолько вульгарно, насколько желает этого толпа. Я выросал на принципах нестяжания, а теперь стою во главе финансовой империи. Да и женился я, как известно, на деньгах... Вот им и служу. А они мне — ни хрена не служат».

Жена Толяна, Антонина, выросла в богатой семье популярного генерала и с детских лет была испорчена по полной программе. Она была неплохим, в общем-то, человеком, но с лёгкостью, присущей малым и капризным детям, её настроение менялось, что раздражало её саму и стояло главным препятствием между ней и мужем. Антонина, на деньгах которой и было построено финансовое чудо Толяна, несколько раз пыталась вмешиваться в управление бизнесом. И всякий раз это заканчивалось реальной перспективой финансовой катастрофы. Если бы не вмешательство Анны и её аналитические мозги, то империя Толяна прекратила бы своё существование, не родившись на свет. Все трое — Толян, Антонина и Анна — понимали это, хотя в разговорах об этом никогда не упоминалось. В результате Тоня совершенно отстранилась от бизнеса и всецело предалась другому увлечению — тратить заработанные мужем деньги.

Она сделала себя именно тем, кем желала быть, — олицетворением нового русского высшего общества, основным занятием которого являлась трата денег и передача сплетен о том, кто потратил больше. В этом отношении Антонина мало кому из новых русских уступала. Она покупала спортивные автомобили, лошадей, произведения искусства, одежду от самых дорогих дизайнеров — всё, что могли купить деньги. Её недавним широким жестом была полная замена всей мебели в доме. Она велела выкинуть новую мебель, специально спроектированную для неё итальянскими дизайнерами, заменив ту на настоящую фламандскую мебель начала XVIII века. Новость об этом, как лёгкая зыбь, пробежала по обществу и наплатила родники завистливых светских сплетен. Ради такого удовольствия Антонине не жалко было выбросить на ветер миллионы. А самой ей в глубине души не нравилась уже и эта — тёмная, мрачная и неудобная — фламандская мебель, и она уже подумывала над тем, чем заменить её на этот раз.

Толян не разделял спортивного интереса жены к транжирству. Его наводили на сон разговоры Антонины о модных замках в Шотландии, виллах на Адриатике, которые другие дарят любимым в подарок на день рождения. Всё, чем жила Антонина, казалось ему скучным и пошлым. Стена отчуждённости между супругами росла год от года вместе с их капиталом. Он купил-таки ей виллу на Адриатике на день её рождения, и они на своём собственном самолёте полетели туда на выходные. Когда, в первый и последний раз, Толян сидел на террасе своей виллы, обозревая бескрайнюю лазурь тёплого моря и слушая болтовню Антонины о последней моде и о почти невидимом купальнике баснословной стоимости, он думал о том, о чём часто думал в последнее время. Развестись с Антониной он не мог, потому что большая часть бизнеса была записана на её имя, но и жить так далее у него не было сил.

Следующим утром, сославшись на неотложные дела, он улетел в Москву. Антонина вовсе не

возражала — она уже успела познакомиться с местными «новыми русскими», а некоторых знала ещё по Москве. Таким образом, у неё было общество — и это было всё, в чём она нуждалась. Толяну иногда казалось, что она существовала только до тех пор, пока была отражена в чьих-то глазах, пока кто-то смотрел на неё, видел её. А если бы все разом отвернулись, то исчезла бы и она. Таким же образом дух древних египтян — ка — жил в изображении, покуда кто-то это изображение созерцал.

Толян поехал тогда прямо к Анне домой, не зная, примет она его или нет. Они провели выходные в маленькой московской квартире — и были счастливы, как никогда ещё в своей жизни счастливы не были. Это было шесть лет назад...

Анна плеснула в кофе одну ложку виски и приблизилась к Толяну.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала она, разглядывая его измождённое лицо, пока он пил свой кофе.

— Нужно, — согласился он. — Но давай лучше поговорим о тебе. Я-то уж думал, что Ассоль нашла наконец своего Грея.

Анна улыбнулась. С детских лет она помнила сон, который почти нисколько не потускнел в её памяти. В этом сне она была на какой-то маленькой, унылой лодке, с маленькими, унылыми людьми. И лодка эта плыла, как Анна была почему-то уверена, туда, куда никто не хотел плыть. И вдруг из тумана навстречу им выплыла прекрасная яхта, и Анне сразу стало ясно, что эта яхта была послана за ней, чтобы спасти её от несчастий. Анна рассказала когда-то об этом сне Толяну, и он с тех пор в шутку называл её Ассолью, намекая на «Алые паруса» Александра Грина.

Она не помнила, как выглядел капитан той загадочной яхты, посланной ей на выручку. Помнила только, что в его присутствии она чувствовала себя счастливой. С ним она должна была уплыть от всех своих горестей и напастей.

— Неужели всё действительно так... безнадежно? — поинтересовался Толян, видя, что глаза Анны покраснели. — Я видел его фотографии — выглядит вполне по-мужски.

«Ты тоже выглядишь вполне по-мужски», — хотела сказать Анна, но вовремя сдержалась.

— А я знаю, о чём ты сейчас думаешь, — сказал он.

Анна улыбнулась. Значит, он услышал её. С детских лет они играли в эту игру, единственным условием которой была честность. Они были очень близки, эти два человека, и оба не понимали, почему в их жизни всё произошло так, как произошло, а не иначе.

— Я уже думаю о другом. Как поживает Тоня? Как дочка?

— Прекрасно, — буркнул Толян. — Отдыхают на Мальдивах. И всё-таки, я что-то не совсем понимаю насчёт этого, как его там, Винченцо... Неужели всё так плохо?

— Ну почему же плохо? Просто он... другой. Да и вообще — он мне не ровня. Он — аристократ до мозга костей, а я — крестьянка. И, ко всему прочему, он скоро станет священником.

— Кстати, о священниках и «голубой» крови, — вспомнил что-то Толян. — Я тут недавно получил-таки сведения о смерти моего прадеда.

Анна подняла голову.

— Неужели? — удивилась она.

Она была рада сменить тему разговора. С детских лет ей нравилось слушать семейные истории Толяна, вращающиеся обычно вокруг удивительной жизни его прадеда. Толян говорил Ане, смеясь, что его дед тоже был хакером, потому что на иврите «хакер» означает «мебельщик», или «мебельных дел мастер». Родившись в семье бедняка-сапожника, проводящего больше времени в изучении Торы, чем в делах семьи, прадед Толяна сам, своим тяжёлым трудом, скопил капитал. Со временем выстроил мебельную фабрику на окраине Загреба.

Анна знала, что когда к власти пришли фашисты, он был арестован в одну ночь со всеми евреями Загреба. Его жене, однако, удалось той ночью спрятаться в их огромном доме вместе с пятнадцатилетней дочкой Ерцей, которой суждено было стать бабушкой Толяна. В ту ночь закончилась их комфортабельная жизнь буржуа первого разряда и началась жизнь, полная лишений и скитаний.

Им надо было бежать, и бежать можно было только на восток. Они перебрались сначала в Белоруссию, к дальним родственникам, а потом в Россию. Устроились в небольшом шахтёрском посёлке-городке и жили тем, что обстирывали шахтёров. В свои тридцать семь лет прабабушка Толяна была совершенно истощена, подхватила туберкулёз и умерла. А Ерца, чтобы выжить, почти сразу же после смерти матери вышла замуж — за русского, шахтёра, который был лет на пятнадцать старше её. Несмотря ни на что, брак оказался удивительно крепким. Николай, так звали Толиного дедушку, прошёл всю войну, а по возвращении домой узнал, что вся его семья погибла ещё в сорок первом — от бомбёжки. У Николая и Ерцы родились шесть детей. Но только один ребёнок выжил и обзавёлся своей собственной семьёй. Это был отец Толяна.

— Я нанял частную детективную компанию, — продолжил Толян, — и там докопались в каких-то архивах и прислали мне документы, связанные с последними днями моего прадеда. Интересно всё получается, — усмехнулся он. — Нацисты, оказывается, потребовали тогда от евреев Загреба тысячу килограммов золота, и мой прадед собрал им это золото — не один, конечно. Я думаю, он знал, что это не спасёт их, — фактически он просто покупал себе и своей семье время, может быть, чтобы скрыться. Согласно документам, которые я получил, все семейные деньги, размещённые в разных банках, были конфискованы и переведены на счета национал-социалистов. А сам он был арестован 18 июня 1941 года и после нескольких пересылок отправлен в концентрационный лагерь неподалёку от Загреба — в Ясеновац. Ты слышала про Ясеновац?

— Нет, — призналась Анна.

— Его ещё называют «хорватским Аушвицем», хотя Ясеновац был самым жутким лагерем из всех европейских «лагерей смерти», — Толян встал, подошёл к бутылке и вылил остаток виски в полупустую чашку. — Это был даже не один лагерь, а целая развитая система лагерей, во главе которой стояли хорватские националисты-усташи, причём многие из них — бывшие католические монахи и даже священники. Мой прадед оказался в том самом лагере, в котором орудовал францисканец Петар Брзица, или, как его ещё называли, «король резаных глоток». Эта мразь прославилась тем, что только за один день — представь себе! за один день! — собственноручно, соревнуясь с другими такими же подонками, убила около полутора тысяч сербов и евреев, перерезая им глотки специальным ножом из золингеновской стали — серборезом такой нож называли. Они там наслаждались зрелищем текущей крови! А вообще, я могу только надеяться, что прадеду перерезали глотку: в том лагере это была явно самая лёгкая смерть. Целью усташей было вырезать и выжечь всё не католическое население Хорватии... Их не мучила совесть — раз не католики, значит и не люди... Лагерем заправлял бывший францисканский монах Мирослав Филипович-Майсторович, получивший кличку «брат Сатана». По его указанию и на его глазах многие тысячи сербов, цыган и евреев были истязаемы до смерти, притом с такой запредельной жестокостью, что немецкие нацисты сами боялись монаха. Он отдал приказ об истреблении сотен тысяч человек, Анна, — сотен тысяч!

Ты можешь себе это представить?! Одна ползучая тварь отняла жизнь у несчётного количества людей...

Толян выпил залпом остаток кофе с коньяком и поставил чашку на стеклянный столик.

— Так что же случилось с твоим прадедом? — спросила Анна, глядя его голову.

— Там была фотография, — сказал Толян, — одна фотография, которая и теперь у меня перед глазами... С правой стороны... — Толян сдерживался, чтобы не разрыдаться, — с правой стороны — гряда тел, гора мёртвых голых тел. А слева — толпа нагих, истощённых, но ещё живых людей. А в центре — Филипович-Майсторович, Брзица и иже с ними — за работой. Эти сволочи так работали, ты понимаешь Анна? Они резали глотки людям. Они купались в крови, понимаешь ты это? Они пролили море крови...

— Успокойся, успокойся, — Анна продолжала его гладить и прижалась к нему плотнее.

— Мой прадед — он где-то там, может быть, даже на этой фотографии, — сказал Толян, потянулся к бутылке, но, увидев, что она пуста, отшвырнул её в сторону. — А я, в жилах которого три четверти русской крови и только одна четверть еврейской, космополит от утробы матери, только лишний раз подтвердил устоявшееся общественное мнение, что евреи правят всеми деньгами... А ты знаешь, Анна, после того, как я познакомился с делом моего прадеда, я вот всем назло хочу быть евреем.

— Может быть, ты ещё и обрезание сделаешь?

— Я никогда не думал об этом. Если бы мне это хоть как-то помогло, то вот сейчас бы сделал. Ты бы меня и обрезала.

— Ну какой же из меня раввин? — рассмеялась Анна. — Я ведь вроде из христиан, гой, как мы там ещё называемся? К тому же я — женщина.

Она посмотрела на часы.

— Пойдём лучше я тебя помою и уложу в постель. Ты устал, родной мой. Тебе надо непременно отдохнуть.

Она помогла ему подняться с дивана. Толян с трудом стоял на ногах...

— Я совсем забыл тебе сказать о том, что больше всего задевает меня во всей этой истории с прадедом, — сказал он, пока Анна раздевала его. Он смотрел на парящий в воздухе купол собора Святого Петра. — Все эти мясники, мучившие и убивавшие людей, они все по окончании войны благополучно скрылись вместе с так называемыми «поездами милосердия», которые Ватикан рассылал во все концы Европы. Эти поезда, пользующиеся дипломатической неприкосновенностью, очистили Европу от её сокровищ, золота, ювелирных изделий, шедевров искусства, которые с тех пор числятся пропавшими. На этих же поездах Ватикан вывозил и своих приспешников, комиссаров гитлеровской армии. А потом с ватиканскими дипломатическими паспортами эти люди спокойно разъехались по всему миру, в том числе переехали в Южную Америку, часть которой они заранее уже выкупили. На пенсию ушли с большим почётом — с яхтами, виллами и большим политическим влиянием. До них страшный — и никакой — суд так и не дошёл!

Анна разделась сама и вместе с Толяном вошла под душ.

— Ты знаешь, — с благодарностью признался Толян, когда она тёрла ему спину, — Антонина никогда мне так не служила — даже когда я ещё был здоров. Какой же я дурак, Анна! Прости хоть ты меня!

Она вытерла его насухо, переодела в пижаму и проводила в спальную комнату.

— Анна! — он схватил её руку, когда она собралась гасить свет. — Ты знаешь, мне кажется, я скоро умру.

Анна вздрогнула.

— Ты умрёшь от усталости гораздо скорее, чем думаешь, — она попыталась пошутить, но у неё плохо получилось.

— Нет, слушай... Не выключай пока свет... Я остановился в отеле, ну, с таким странным именем... как там... «Минотавра», ну, да не важно. А, «Минерва»!

Анна снова почему-то вздрогнула.

— Так вот, я куда-то сунул телефон и не мог его найти. Я тогда позвонил сам себе со второго сотового. В общем, телефон нашёл.

— И что же? — поинтересовалась Анна тихо.

— Я поднял трубку, — сказал он. — И... стал говорить сам с собой. Звук в трубке приходил на секунду позже того, как я говорил, и потому мне казалось, что со мной разговаривает какой-то другой «я», которому должно дать отчёт, почему я такое жалкое ничтожество...

Он разрыдался крупными слезами.

— Я ведь действительно — ничтожество, — говорил он, глотая слёзы. — Зачем живу? Что со мной будет, когда умру? Что, я тебя спрашиваю?

Анна обняла его, поцеловала и легла рядом с ним. Чем ещё могла она утешить его?

Глава 29. Приглашение к путешествию

Как мне нравится нравиться, и я готов на всё, чтобы понравиться!

Чарльз Лэм. Письмо к миссис Вордсворт, 18 февраля 1818 года

2007, 26 сентября, Рим

— В Риме вряд ли удастся найти хотя бы одно здание, которое можно было бы классифицировать как строго готическое или строго барокко, — увлечённо рассказывал Адриан, когда они уже обошли около десятка построек, относящихся к различным эпохам.

Анна не хотела сегодня встречаться с ним — она так устала после бессонной ночи. Кроме того, после откровенного разговора с Винченцо в ней произошла перемена — ей казалось, будто закончилась короткая и большей частью выдуманная ею римская весна в сентябре. Хорошо, что Адриан этого не замечал — он, как обычно, был поглощён своими рассказами о Риме.

— Здесь всё в движении, всё в транзитных формах — всё вроде бы постоянно изменяется, но ничто никогда не обретает законченного, одного стиля. Чтобы увидеть, скажем, настоящий, не разбавленный готический стиль, надо ехать во Францию... Ты меня слушаешь, Анна? —

вдруг спросил он, повернувшись к ней.

— Да, да, — с усилием улыбнулась она, — надо ехать во Францию.

Адриан внимательно посмотрел на неё.

— У тебя всё в порядке?

— Да, конечно, — но голос её звучал не слишком убедительно.

— Хорошо, — кивнул Адриан. — Если захочешь поговорить об этом, то я тебя выслушаю.

— О чём — об этом? — не поняла Анна.

— О Винченцо, конечно же, — отозвался он, поправляя воротничок своей кремовой рубашки.

Анна тихо вспыхнула и тут же погасла, не проронив ни слова.

— Ты, наверное, узнала, что он гей? — предположил Адриан.

Анна вздрогнула, вскинула на него глаза: «Откуда ему это известно?»

— Я это сразу же понял, — ответил Адриан на колкий вопрос её глаз. — И если бы ты была чуть ближе знакома с тем окружением, в котором Винченцо рос, то ты бы тоже это увидела.

Анна поняла, что на самом деле он хотел сказать другое: «Если бы ты не была так ослеплена своей любовью к Винченцо, то ты бы тоже это заметила». Какое-то время они шли молча, привлекая к себе любопытные взгляды стариков и старушек, сидящих на скамейках и греющихся на солнышке.

Её открытие, казалось, ничуть не испортило настроение Адриана — скорее наоборот. У неё неожиданно промелькнула догадка: он потому так спокойно и отнёсся к Винченцо при встрече, что знал, чувствовал, чем всё это закончится. И теперь торжествовал. Рассеянный профессор оказался более проницателен, чем собранная, наблюдательная Анна! О, слепящая сила любви!

Они свернули на Виа дель Лунгара, на которой было немало зданий, носящих на себе безошибочную печать Ренессанса — предмет их сегодняшних занятий. Но Адриан миновал их молча. Неожиданно он остановился и указал на жёлтый двухэтажный особняк с плоскими символическими колоннами, пропущенными между окон.

— Это симпатичное здание — знаменитая вилла Фарнезина, — сказал он. — Она была завершена в 1509 году знаменитым архитектором Бальдассаре Перуцци для Агостино Киджи, банкира из Сиенны. Над её внутренним интерьером трудились Перуцци, Рафаэль и многие другие признанные гении эпохи.

— И чем она так знаменита? — автоматически поинтересовалась Анна. Она была рада сменить тему разговора.

— Эта вилла была местом встреч кардиналов, банкиров, знати, культурной элиты. Председательствовал на этих ассамблеях чаще всего сам папа или один из высокопоставленных кардиналов. Такой почин положил ещё Лев X, при котором строилась вилла. Он вообще любил председательствовать. Он председательствовал на свадьбе Агостино Киджи и Франчески Ордеаска, которая состоялась на этой вилле. После свадьбы, по традиции, молодожёны занимались любовью, а папа и при этом присутствовал, был свидетелем их союза.

— Вот так папа, — удивилась Анна. Потом она вдруг вспомнила что-то из рассказов Адриана.
— Так это тот самый, который строил собор Петра?

— Тот самый.

— И это, кажется, в его правление Лютер расколол Церковь? — вспомнила вдруг Анна.

Адриан кивнул.

— Папе Льву было, впрочем, не до этого. Он был слишком занят своими любовными похождениями. При этом он находился в гомосексуальных отношениях с графом Людовико Рангоне и графом Галеотто Малатеста. Согласно некоторым источникам, он умер в постели от переусердия, занимаясь любовью с каким-то мальчиком.

— Не удивительно, что народ не хотел терпеть такого папу, — согласилась Анна.

— Народу до этого не было никакого дела, — заметил Адриан. — А теперь посмотри лучше вот сюда.

Он указал пальцем на массивное трёхэтажное здание с арочным первым этажом и красной вывеской над входом, на которой крупными буквами было написано: «Galleria Nazionale d'Arte Antica».

— Это дворец Корсини, — объяснил Адриан. — Он построен в конце XV столетия, а затем выкуплен и перестроен кардиналом Корсини — племянником, а возможно сыном, папы Климента XII. Позднее дворец служил домом шведской королевы Кристины. В этом доме останавливался во время своего приезда в Рим Эразм Роттердамский. Какое-то время здесь жил Микеланджело. А в 1797 году дворец служил французским посольством в Риме, которое возглавлял молодой генерал Леонар Дюфо.

— Молодой генерал армии Наполеона?

Адриан кивнул.

— Он был обручен с сестрой Наполеона, Полиной, и состоял у будущего императора на особом счёту. Наполеон в ту пору мечтал о мировом владычестве — то есть о том, к чему всегда стремились и папы. Со времени Французской революции, однако, им оставалось о господстве только мечтать. Если бы папа, которым в ту пору был Пий VI, имел в своём распоряжении достаточно войск, то он, безусловно, выступил бы против Наполеона. Однако его собственное положение в бурлящем итальянском государстве становилось всё более и более шатким. Когда же до Пия дошли слухи, которые впоследствии оказались ложными, что армия Наполеона разбита, он санкционировал погром французского посольства. Генерал Дюфо, который пытался унять погромщиков, был убит прямо здесь, перед дворцом. — Адриан указал на улицу, проходящую под окнами дворца: Порта Сеттимиа.

— И какова была реакция Наполеона? — поинтересовалась Анна.

— Он немедленно послал в Рим свои войска. Наполеон и раньше призывал итальянский народ сбросить с себя раз и навсегда «главного паразита Италии и всего мира» — так он называл папу, папство в целом. Теперь он рад был случаю исполнить эту грандиозную историческую задачу. Во главе армии, направленной скорым ходом в Рим, Наполеон поставил генерала Бертье — единственного генерала-протестанта в своей армии. Как протестующему против римской узурпации, Наполеон поручил ему арест папы.

— И что же, он действительно арестовал папу? — не могла поверить Анна.

— Арестовал, — кивнул Адриан. — Бертье вступил в Рим на два дня раньше, чем его

ожидали. Папа отправился в тюрьму, где и провёл недолгий остаток своей жизни. Церковный институт был упразднён. А в этом дворце в том же году поселилась мадам Летиция, мать Наполеона.

— Да-а, — протянула Анна. — Захватывающая история. А что случилось с Полиной?

— Она превратилась в Венеру, — улыбнулся Адриан.

— В Венеру? — не поняла Анна.

— Вышла замуж за принца Камилло Боргезе, и тот пожелал запечатлеть в мраморе её молодое тело. Она и сегодня находится в галерее Боргезе. Но вообще, — Адриан посмотрел на Анну внимательно, — я ожидал от тебя другого вопроса.

— Какого же? — удивилась Анна.

— Что случилось с папскими сокровищами, — сказал он, пристально глядя в её глаза.

У Анны ёкнуло сердце. Он в чём-то её подозревал. В чём именно — она пока не понимала.

— И что же с ними могло случиться? — спросила она. — Достались Наполеону, наверное.

— Наполеону достались мелочи, — отозвался Адриан.

— Значит, их вывезли из Рима.

— Невозможно, — покачал головой Адриан. — Бертье нагрязнул неожиданно. А ещё прежде он отрезал Рим от всех дорог. Те, кто прятал сокровища, имели в своём распоряжении всего несколько часов, но они сделали свою работу превосходно. С тех самых пор никто не знает, куда перекочевала папская кладовая в ночь накануне вступления французских войск в Рим.

— Но остаётся река, — возразила Анна. — Разве они не могли уйти с ними по реке? И вообще, почему ты думаешь, что меня должна интересовать судьба папских сокровищ?

Адриан, не отрываясь, глядел на неё.

— А разве ты не хотела бы узнать, как их найти?

Анна хотела возразить, что об этом никогда и не думала, да и не знала, что сокровища существуют, но сдержала себя и не произнесла ни слова.

— Неужели ты действительно веришь, что их можно найти? — осторожно спросила она.

— Я полагаю, что сокровища по-прежнему в Риме. Точнее, под Римом. Быть может, они находятся прямо под нами.

Анна машинально посмотрела себе под ноги, на мостовую.

— Ты имеешь в виду, — проговорила она, понимая теперь, куда он клонит, — что папские сокровища спрятаны в катакомбах?

Холодная дрожь пробежала по её телу, когда она произнесла это последнее слово.

— Не на чердаке же их спрятали? — отозвался Адриан.

«Неужели, — думала Анна, — план действительно удался? Значит, вскоре за всем этим последует приглашение в подземелье?» Как бы хотела Анна не допустить этого! Но что она могла поделать? Каждое её слово прослушивалось. Она ни в коем случае не должна была

раздражать босса — особенно после того, как Толян организовал за ней слежку и сам явился её повидать. Анна переживала за складывающуюся ситуацию, но не могла себе позволить пройти мимо распахивающихся перед нею дверей подземной ловушки!

— Я очень мало знаю о катакомбах, — призналась она, делая первый шаг к роковой черте.

— О них никто много не знает, — таинственно улыбнулся Адриан. — Только пять римских катакомб — святого Каллиста, святого Себастьяна, святой Домитиллы, святой Присциллы и святой Агнессы — открыты для посетителей. Это капля в море. Римские катакомбы так сложны и разветвлены, что никто на целом свете не знает их топологии. Территория катакомб объявлена собственностью Понтифика и находится в ведении Папского института археологии.

— А ты? — тихо поинтересовалась Анна. — Ты знаешь катакомбы?

Второй шаг был сделан.

— Я провёл в подземелье, ещё в детстве, несчётное количество дней и часов.

— Зачем? — удивилась Анна.

— Хотел поправить финансовые дела отца... Искал затерянное папское сокровище, — признался Адриан. — К этому я подбил и других ребят. К сожалению, — он потупил взор, — однажды мы заблудились под землёй и целую неделю жили тем, что пили свою мочу — на завтрак, обед и ужин.

— И что же? Нашли вы там что-нибудь? Хоть какое-то сокровище?

— Нет, — покачал головой Адриан. — Сокровищ я не видел. Но двух товарищей потерял.

— Они погибли? — выдохнула Анна.

— Они не пошли тогда со мной, с нами... Мне тогда показалось, что за внешней хаотичностью подземных ходов, часовен, переходов кроется чёткая планировка и непрерываемый порядок. Я поверил в этот порядок, и это помогло мне тогда с ребятами выбраться.

— Чёткая планировка? — переспросила Анна.

— Именно так, — кивнул Адриан. — Только мне не всегда удавалось уловить систему.

— Но как это возможно? — не поверила она. — Ведь, насколько мне известно, катакомбы создавались веками?

— Именно так, — кивнул Адриан и, встретив её молчаливый вопрос, продолжил: — Я много читал о подземелье, и мне удалось обнаружить, что на протяжении многих веков за строительством присматривали подземные инженеры, принадлежащие к тайному древнему братству адвокаты.

— И кто такие эти адвокаты?

— Я сам мало о них знаю, — признался Адриан. — Они, вероятно, впервые появились в Египте и взяли на себя исполнение обязанностей и хранение знаний и традиций одной из древнейших священнических каст, занимавшейся строительством египетского города мёртвых на западном берегу Нила. В задачу адвокаты — в Египте они назывались другим именем — входила охрана подземных построек и, естественно, хранящихся там ценностей. Ведь, как известно, охотники за сокровищами никогда не переводились. Громады пирамид не

могли укрыть сокровища от воров. Например, пирамида Хеопса состоит примерно из двух с половиной миллионов каменных блоков, вес каждого из которых — от двух до трёх тонн. Но воры начали подкоп со стороны и копали, пока не пересекли коридор, ведущий в подземную гробницу. Адвокаты же выполняли роль подземной полиции, находящейся в подчинении непосредственно Ордену хранителей. Многие адвокаты были неплохими инженерами, превратившими подземный мир в сложную и загадочную систему головоломок и лабиринтов.

— Но сейчас-то их больше нет? — с надеждой спросила Анна.

— Сведения об Ордене, — уклончиво ответил Адриан, — очень отрывочны, и мне пришлось немало потрудиться, чтобы хоть как-то восполнить пробелы. О современных адвокатах я не слышал. Однако в своё время это был могущественный орден, подчиняющийся одному лишь Хранителю.

— Хранителю? — удивилась Анна.

— Так звали человека, положение которого можно было бы назвать «серый кардинал ойкумены». Возглавляемый им Орден хранителей был изначально посвящён одной главной цели — сохранить древнюю религию халдеев, во времена которых этот Орден, по всей видимости, и был сформирован. Очень вероятно, — сказал он тихим голосом, — что и такой ключевой компонент халдейской религии, как человеческие жертвоприношения, до сих пор сохранился среди адвокаты.

Анна не знала, верить ей в рассказы Адриана или не верить. На душе у неё было тревожно. Она на мгновение будто зависла между небом и землёй. Из этого состояния Анну вывел её сотовый телефон. Анна обрадовалась звонку — в особенности когда увидела, что звонит Винченцо.

— Здравствуй, Анна! — услышала она знакомый, успевший стать дорогим голос. — Как твоя экскурсия?

— Профессор великолепен, — улыбнулась Анна. — Я, как всегда, выступаю в роли пассивного реципиента. Надеюсь, ты составишь нам сегодня компанию?

— Не могу, — с грустью произнёс Винченцо. — Через час я вылетаю в Вену.

— В Вену? — голос у Анны дрогнул.

— Только на два дня, — уверил её Винченцо. — Похоже, моя судьба будет решаться именно там.

— Судьба?

— Я имею в виду моё будущее назначение на должность.

— Я понимаю, — тихо сказала Анна. Это значило, что сегодня они не увидятся. Да и увидятся ли вообще? И надо ли им видеться?

— Извини, Анна, я должен бежать, — услышала она в трубке голос Винченцо. — Иначе опоздаю на самолёт. Я тебе обязательно позвоню из Вены!

— Хорошо, Винченцо, — прошептала Анна. — Звони. Я буду ждать.

— До скорого, Анна. Бегу. Чао!

— Чао! — ответила Анна и закрыла телефон. Она с трудом сдерживала слёзы: «Нет, так дальше продолжаться не может. Надо просто жить. Просто жить, пока живётся!»

— У тебя всё в порядке, Анна? — тихо поинтересовался Адриан.

— Я голодна, — неожиданно для себя самой сказала она. — Я сегодня не завтракала и не обедала.

— Поэтому неудивительно, что ты грустишь! — воскликнул Адриан, обрадованный таким неожиданным поворотом дела. — Идём сейчас же — я знаю тут недалеко одно прекрасное местечко...

Минут через десять они уже сидели в элегантно обустроенном ресторане со столами, застеленными белыми скатертями, и бесшумно снующими официантами. В последнее время Адриан просто шикавал. Он подозвал одного из официантов, который принял заказ и вернулся через пару минут с бутылкой «Фраскати». Адриан поднял свой бокал и слегка прикоснулся им к бокалу Анны.

— Чирс! Выпью за твоё здоровье и за то, чтобы у тебя в жизни было много светлых дней.

Он казался слишком возбуждённым в тот вечер. Его глаза блестели огнём какого-то странного вдохновения.

Анна пригубила вино из своего бокала, в то время как Адриан опустошил свой единым махом и уже наполнял его снова. Она смотрела на его тонкие, нервные пальцы, сжимающие бокал, и её вдруг осенила догадка: «Возможно, Адриан считает, или хотел бы считать, что в смерти Роберты повинны какие-то адвокаты». Анна опять вспомнила Толкиена и историю Смеагорла, убившего своего друга, чтобы завладеть кольцом, и убедившего себя самого, что кольцо он получил в подарок на день рождения.

— Так что же, — переборов себя, спросила Анна. — Эти адвокаты до сих пор приносят человеческие жертвы?

Анне показалось, что глаза у Адриана помутнели, а в голосе почувствовались новые нотки.

— Возможно, что приносят.

— И ты думаешь, — осторожно начала Анна, — что...

Адриан вздрогнул и опустил глаза.

— Вину за Роберту я не хочу перекладывать ни на кого. Я к ней навеки прикован.

В этот момент Анна была почти уверена, что в Адриане просыпался безумец, который принёс в жертву любимую женщину. «Бежать! Бежать из Рима!» — думала она. Но бежать ей было некуда.

— Послушай, Анна, — сказал Адриан, опустошив второй бокал. — Я знаю, что ты... боишься меня.

Их взгляды встретились, и отрицать или скрывать страх было бы бесполезно. Но он видел, что к страху примешивалось и любопытство.

— Я и сам себя боюсь, даже хуже — ненавижу, — продолжил Адриан. — Но даже такие законченные злодеи, как я, иногда хотят сделать что-то стоящее... И, возможно, у меня есть кое-что, что я могу тебе дать, — чего не может дать никто.

Анна замерла, но её сердце готово было выскочить из груди.

— Что же это? — спросила она тихо.

Адриан наклонился к ней ближе.

— Я ведь не совсем глупец, Анна, — сказал он тихо. — Понимаю, что твоё появление в моей жизни и в этом городе не случайно... и не будем об этом, — тихо, но уверенно сказал он, видя, что Анна пытается что-то возразить. — Я знаю, что за тобой следят, — давно понял это. И знаю, что на самом деле интересуется тебя, или этих людей, которые прислали тебя. Вас интересуется подземелье. Вас интересуют сокровища!

Он пристально взглянул на Анну. Она немного растерялась от столь неожиданного оборота дела.

— Допустим, это так, — ответила она тихо. В конце концов, даже лучше, если Адриан будет думать, что её интересуют пресловутые папские сокровища.

— Я знаю, где нужно их искать, — тихо сказал Адриан.

Анна недоумённо взглянула на него.

— Если знаешь, где находятся сокровища, то почему сам не овладеешь ими?

Он посмотрел в её зелёные глаза.

— Я сказал, что знаю, где надо искать, — поправил он её. — Знал это ещё до психушки. Но потом у меня пропало всякое желание искать. Зачем? Мне ничего не хотелось, ничего...

— А сейчас — хочется?

— Сейчас мне хочется найти это сокровище для тебя, — сказал Адриан и, наклонившись ближе, почти к самому её уху, добавил: — Только для тебя, а не для тех людей с тобой.

— Что тебе известно о тех людях? — спросила его Анна. — Ты уверен, что тебе не показалось?

— Абсолютно уверен, — кивнул Адриан. — Я сначала думал, они следят за мной — всегда опасался слезки и потому, неволей, сделался наблюдательным. Но они следят за тобой. Кто они? Ты знаешь? Можешь сказать?

Анна тихо покачала головой.

— Кто бы ни были те люди, — почти шёпотом продолжил Адриан, — мы обведём их вокруг пальца. Ты сможешь стать самой богатой женщиной в мире! Ну и мне кое-что, наверняка, перепадет.

— Я уже давно перестала верить в сказки, — устало улыбнулась Анна.

— Это не сказки, — прошептал Адриан. — Сокровища найти можно. Я уже прикупил всё нужное оборудование. Ты меня очень выручила с деньгами. Теперь мне нужен только надёжный спутник, — он многозначительно посмотрел на Анну.

Кровь, казалось, застыла на миг в её жилах. Формальное приглашение в подземелье было озвучено. И она обязана была его принять.

Появление официанта с едой дало Анне время немного собраться с мыслями.

— Ты можешь сказать мне, Адриан, какой диагноз поставили тебе доктора?

Адриан откинулся назад в своё кресло.

— Шизофрения. Раздвоение личности. Маниакальный синдром. И прочее...

Анна подумала о том, что и она больна психически, что и в ее жизни есть такие минуты, которые она не помнила, в которых не знала себя. Оставалась ли она в те минуты тою Анной, которую она знала? Или же превращалась в кого-то еще? Анна давно уже приучила себя к тому, чтобы проверять саму себя. Она по нескольку раз в день задавала себе вопрос — помнит ли она предшествующие несколько минут своей жизни? Помнит ли, как очутилась в том или ином месте? О чем думала минуту назад? Эти вопросы переносились и в ее сновидения, и тогда Анна "просыпалась" во сне и становилась участником осознанного сновидения. Теперь, сидя за столиком ресторана, оглядываясь на других людей, Анна надеялась заметить что-то необычное, неправильной в окружающей ее картинке. Ей хотелось верить, что она спит, и что этот человек, что сидит напротив нее, не убийца, и что Анна — не очередная его жертва. Но, увы, она была уверена, что все это ей не снится.

— И ты хочешь, чтобы я пошла в подземелье с человеком, страдающим раздвоением личности и прочее? — Анна заставила себя сказать эти слова. — С человеком, осужденным за убийство в подземелье? — Она вспомнила про Питера-Юпитера, бога света, превращающегося на ночь в бога тьмы.

Адриан нахмурился.

— Я не хочу тебя обидеть, Адриан, — продолжила Анна. — Но я чувствую себя комфортнее на поверхности.

— В самом деле? — Адриан саркастически улыбнулся. — Ты чувствуешь себя комфортно с человеком, который хочет заманить тебя в подземелье и там убить, разрезать на части? Но по каким-то причинам ему не удается это сделать?

Анна покраснела.

— Ты плохая актриса, Анна, — сказал он, глядя ей в глаза. — Ты со мной не по своей воле. Но всё равно я готов помочь тебе. Знаешь, кстати, почему я оказался в психушке, а не в тюрьме? — спросил он, подливая себе вина.

— Они признали тебя невменяемым, — пробормотала Анна.

— На самом деле всё было совсем не так, — усмехнулся Адриан. — Мы договорились, что я покажу им катакомбы в обмен на замену приговора.

— Им?

— Есть много людей, которые хотели бы узнать тайны подземелья, — уклончиво ответил Адриан.

— Но ты кого-то имел в виду, — настояла Анна.

Адриан украдкой посмотрел по сторонам.

— CDF, — стараясь не шевелить губами произнёс Адриан.

— Инквизиция? И ты показал им?

— Только часть, — усмехнулся Адриан. — Только то, что никогда не привело бы их к сокровищам. Они вообще грозили сгноить меня в тюрьме. Ну тут уж я им точно сумасшедшего и сыграл. Они на меня до поры махнули рукой, а когда я вышел из лечебницы, стали подъезжать с других сторон.

— Возможно, — тихо сказала Анна, — это были уже другие люди.

Адриан пристально посмотрел на неё.

— Те самые, что и сейчас?.. — осторожно спросил он.

Анна пожала плечами.

— Что ты знаешь об этих — других людях? — спросил Адриан.

— Ничего, — помотала головой Анна. — Ничего, кроме того, может быть, что это люди не из Рима.

— Не из Рима? Ты уверена?

— Так же, как я уверена в том, что я сама первый раз в Риме, — сказала она, выкладывая свою последнюю карту. Сказать что-то больше она не могла.

Адриан ещё с минуту смотрел в её глаза.

— Это ещё ни о чём не говорит, Анна, — или как тебя на самом деле зовут? Но почему-то я верю тебе. Выбираю верить... Кто бы ни стоял у тебя за спиной.

Они сидели какое-то время молча. Анна нарушила тишину первой.

— Я так понимаю, — медленно сказала она, — что ты мне предлагаешь отплатить тебе таким же доверием и отправиться с тобой в подземелье?

— Именно так, — кивнул Адриан. — Условия честные — согласись.

Анна была вынуждена признать, что попала в свои собственные сети — те самые, которые она раскинула Адриану в их первую встречу, чуть не ставшую последней. Пожелание Анны Адриану найти кого-нибудь, кому он мог довериться, сделало возможным их дальнейшие отношения. Но могла ли она доверять ему? Конечно, нет! И тем не менее выбора у неё не было.

— Когда мы идём в катакомбы? — тихо спросила она.

Адриан не мог поверить услышанному.

— Ты это серьёзно?

— Когда мы идём? — настойчиво повторила Анна.

— Завтра же! — выпалил Адриан.

Анна обомлела от ужаса. «Ну вот и всё, — подумала она. — Вот и наступает момент истины, или судный день». Никогда ей уже не увидеть ни Толяна, ни мамы, ни Винченцо. Она извинилась, поднялась с места и отправилась в уборную. Там открыла воду и поплескала себе на лицо. Анна как будто надеялась, что если ещё оттянуть время, то решение придёт.

Внезапно зазвонил мобильник. «Ага, вот и решение!» — обрадовалась Анна и нажала кнопку ответа.

— Алло?

— Ты должна соглашаться на любые его условия, — прозвучал в трубку преломлённый компьютером голос генерала. — Мы обеспечим твою безопасность.

Вслед за этим в трубке раздались короткие гудки. Анна кинула телефон назад в сумочку.

Она вернулась к столику. Быстро оглядев Адриана, Анна отчего-то вздрогнула.

— Ты в порядке? — спросил он, наливая ей в бокал вина.

— Да, — тихо ответила она.

— Значит, мы договорились?

— Конечно, — выдавила Анна почти беззвучное согласие.

Адриан посмотрел на неё, как ей показалось, с некоторым удивлением, даже любопытством.

— И ты уже не боишься идти... со мной?

— Боюсь. Но всё равно пойду!

— Bravo, Анна! — воскликнул он, поднимая бокал. — За это стоит выпить!

Анна подняла свой бокал и ещё раз краем глаза осмотрела их столик. Она была права: из шести столовых ножей, которые были на столе в начале ужина, теперь оставалось пять. Анна была уверена, что официант ничего не убирал со стола. «Я совершаю непростительную ошибку!» — подумала Анна, пригубив терпкое, красное, как кровь, вино.

Глава 30. Ловушка

Silence! Voil; l'ennemi!

(Тихо! Приближается враг!)

Принц Луи де Конде, 1621–1686

Il n'y a gu;re d'homme assez habile pour conna;tre tout le mal qu'il fait.

(Как бы ни был проницателен человек, ему не постигнуть всего зла, которое он творит.)

Герцог Франсуа де Ларошфуко

(1613–1680).

«Максимы и моральные размышления» (пер. Э. Л. Линецкой)

2007, 27 сентября, Рим

Эту ночь Анна практически не спала.

Ещё с вечера она получила инструкцию от генерала, смысл которой сводился всё к тому же — она должна была отправиться вместе с Адрианом в подземелье. Инструкция опять-таки уверяла Анну, что та будет в полной безопасности, поскольку каждый её шаг будет фиксироваться GPS, который автоматически составит план подземелья, и люди генерала всегда смогут прийти ей на помощь. Кроме того, инструкция предписывала Анне взять с собою пистолет, который, как она с удивлением и ужасом узнала, ждал её между матрасами

кровати. Это был маленький, похожий на игрушку, помещающийся в ладони пистолет. Анна внимательно осмотрела его и положила в сумочку.

«Неужели я смогу выстрелить в кого-то? — подумала она. — Неужели я смогла бы выстрелить в Адриана?»

Когда в половине восьмого утра Анна вышла в фойе отеля, он уже ждал её.

— Я взял всё, что нам может пригодиться, — сказал Адриан, приветствуя её. На нём, как и на Анне, были синие джинсы, майка с длинными рукавами и бейсболка — словно сговорились. Только цветом её майка была голубая, а его — серая. За спиной у профессора висел новенький рюкзак, в руках он держал длинную спортивную сумку.

С первого взгляда Анна заметила, что Адриана будто подменили. Он казался весел, но глаза его были красные, все налитые кровью. Он теперь напоминал ей одну из статуй горгулий, которыми так изобилывал Рим, — мистических чудовищ, демонов во плоти. Всякая решимость, которая у Анны ещё оставалась, готова была вот-вот оставить её. Ей хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю и появиться где-то далеко-далеко, в таком месте, где её никто не знал бы и не искал, в которое дотянуться у генерала были бы коротки руки. Римские каникулы с их римскими загадками сделались вдруг слишком тяжёлыми для её хрупких плеч.

Они вышли на залитую утренним солнцем улицу. Птицы на деревьях весело щебетали, будто стараясь убедить её, что ничего страшного не должно, не может случиться. Однако её интуиция говорила ей противоположное.

Адриан увидел такси и помахал рукой. Но водитель не обратил на него никакого внимания и прокатил мимо.

— Никогда сама не бери такси в Риме, — предупредил Анну Адриан. — Как только они поймут, что ты не местная, они сдерут с тебя три шкуры. А они поймут — несмотря на твой прекрасный итальянский.

Он снова поднял руку, и белый «Фиат» с усатым итальянцем в расстёгнутой до живота рубашке юркнул к мостовой.

— Виа ди Монте дель Галло, — бросил Адриан водителю, усаживаясь с Анной на заднее сиденье.

Через минуту машина влилась в оживлённое уличное движение большого города. Усатый водитель вёл свой автомобиль так, словно дал обет обогнать и подрезать сегодня как можно больше машин. При этом он успевал время от времени с интересом поглядывать в зеркало на своих пассажиров. Когда они остановились на одном из светофоров, он повернулся к Адриану.

— У меня лучший в Риме гашиш. Недорого. И уже свёрнут.

Адриан рассмеялся.

— Неужели так заметно, что я только что перекурил?

Вместо ответа водитель протянул ему маленький полиэтиленовый пакетик с небольшой сигареткой.

— Только понюхай! — предложил водитель. — Ты и твоя девушка будете очень довольны!

Анна смерила водителя холодным взглядом, на что он только причмокнул языком и пробормотал что-то невнятное.

— Ну что, берёшь? — спросил он Адриана.

Адриан открыл пакетик, достал сигарету и приблизил к носу. Анна сразу же почувствовала резкий, терпкий запах ароматной травы.

— Сколько ты за неё хочешь? — поинтересовался Адриан, видимо, оставшись доволен запахом.

— Двадцать евро. У меня ещё есть. Две отдам за тридцать пять. Идёт? — спросил он, запуская руку в карман брюк.

— Одной хватит, — отозвался Адриан, протягивая водителю двадцать евро. — Я это делаю лишь затем, чтобы поддержать ваш профсоюз. Кстати, когда вы там следующий раз бастуете?

В ответ усатый водитель пустился в долгий и страстный монолог, при этом не раз бросая руль, — и машина будто сама катилась по улице. Анна подумала, что вот бы хорошо, если бы сейчас они попали в аварию, в небольшую аварию, и она бы сломала руку, а ещё лучше просто ушиблась, и ей не надо было бы идти в подземелье. Но каждый раз, когда они, казалось, неминуемо должны были наскочить на одну из несущихся в потоке машин, волосатые руки итальянца как-то сами собой возвращались на руль, и автомобиль продолжал нести их к неизбежному.

Они ехали теперь вдоль ватиканской стены, и Адриан попросил водителя притормозить и остановиться поблизости от небольшого скверика.

— Что я тебе говорил насчёт таксистов? — сказал Адриан, рассчитавшись с проворным водителем. — Он умудрился продать мне «косяк» за двойную цену!

Анна ничего не ответила. Ей было страшно.

Они прошли мимо небольшой группы пенсионеров, которые в этот ранний час уже сидели за столом и играли в шахматы. Анне хотелось кинуться к ним за помощью, попросить у них защиты, убежища. Но вместо этого она свернула вслед за Адрианом на тихую узкую улочку, которая вряд ли чем могла привлечь взгляд даже опытного туриста. Анна здесь никогда не была. Её сердце сильно заколотилось, и она почувствовала, как потеют ладони, когда Адриан подвёл её к жёлтому зданию. Ничто, кроме внушительных размеров, не выдавало, что перед ними — христианская церковь.

Страхи Анны усилились, когда они вошли внутрь собора. В этот утренний час внутри, кроме них, похоже, никого не было. Мраморные фигуры святых, расположившихся вдоль стен, с подозрением и неприязнью глядели на ранних посетителей. Тонкие каменные барельефы, взметнувшиеся под потолок, казалось, издавали змеиное шипение.

Но тут взгляд Анны с потолка упал на мозаичный пол. Узор показался ей знакомым. Да, на полу перед нею извивались петли лабиринта, будто приглашая ступить на них и им следовать. Рисунок на полу напоминал ещё и укреплённый город, толстые стены которого совершенно исключали возможность выбраться из лабиринта другим путём, нежели тот, что предусмотрел его создатель. Как бы желая разрушить это впечатление, Анна перешагнула через изображённую на полу стену с башнями и приблизилась к центру лабиринта. Вместо знакомого монстра Минотавра круглый центр лабиринта зиял чистой пустотой белого мрамора.

— Этот и подобные ему лабиринты, — тихо произнёс Адриан, — имели когда-то весьма практическое значение — пилигримы должны были пройти их на коленях. Это называлось «Chemin de Jérusalem», то есть «Дорога в Иерусалим». Центром лабиринта был

иерусалимский Храм — вот это белое пятно.

Анна быстро окинула взглядом лабиринт и оценила его примерную длину. Несмотря на компактный размер, длина петель составляла около пятисот метров. «Наверное, — подумала она, — совсем не просто проползти расстояние длиной в три футбольных поля на коленях по холодному каменному пути».

— Это — древний, наиболее традиционный лабиринт, — объяснил Адриан. — В нём семь петель — по числу путей семи планет. В древности люди поклонялись силам природы в лице дракона с семью головами, каждая из которых представляла планетарных богов: Солнце, Луну, Марс, Венеру, Юпитер, Меркурий и Сатурн.

Они пересекли лабиринт поперёк и остановились за его чертой, как будто пол под ногами здесь был прочнее и надёжней.

— Цель хождения по лабиринту — это достижение его центра, — продолжил Адриан. — Когда паломник добирался до центра, он проходил половину пути. На этом этапе ему прощались все грехи. Теперь можно было разворачиваться и идти тем же путём обратно. Считалось, что из лабиринта человек выходил обновлённым, просветлённым.

Сказав это, Адриан направился в сторону алтаря и махнул Анне рукой, предлагая ей следовать за ним. Она прошла несколько шагов, как вдруг ей показалось, что лабиринт за её спиной шевельнулся, приподнял голову и хочет на неё наброситься. Сердце её забилось, и она резко обернулась. Петли лабиринта по-прежнему дремали, как дремали они уже многие сотни лет. Но белёсое пятно в самом центре выглядело в утреннем освещении одухотворённым оком, холодно мерцающим сознанием, обозревающим всё, что происходит вокруг. Анна отвернулась и поспешила вслед за Адрианом — от угрозы мнимой к угрозе реальной. Но в тот момент она об этом даже не думала. Ей просто нестерпимо было находиться одной под этим взглядом. «Начиталась Толкиена», — сказала себе она.

— Здесь, — сообщил Адриан, подводя её к алтарю, — верующие получают свой хлеб, который, как они верят, превращается таинственным образом в плоть Христа. Раньше священник преломлял его, расчленяя. А до X века они получали ещё и вино, которое вот тут же, на алтаре, превращалось в кровь Христа. Но с тех пор кровь пьют только священники. Простым людям этого не позволяют делать.

Разговоры о жертвеннике, крови, расчленённой плоти ещё более усилили страхи Анны. Она с надеждой оглянулась назад, но никого в обозримом пространстве видно не было. Где же обещанные люди генерала? Анна вдруг вспомнила про пистолет, и сердце её забилось ещё сильнее. Незаметным, осторожным движением она опустила руку в сумочку и проверила: пистолет был на месте.

— За этим алтарём находится ещё один алтарь — высокий, — сказал Адриан, обходя вокруг внушительной перегородки. — Там справлялись особо торжественные мессы... А рядом с высоким алтарём — крипты, подземная часовня и кладбище. Там, — Адриан перешёл на шёпот, — там и находится вход в подземный мир — один из входов.

У Анны перехватило дыхание. Она надеялась, что кто-то увидит их, остановит... Адриан тем временем достал из кармана фонарик, и его луч ударил куда-то вниз, в вечную темноту.

— Нам повезло, — прошептал он. — Похоже, нас никто не видит. Идём скорее!

Анна сделала шаг в его сторону и замерла.

— Анна, — позвал её Адриан. — Ты идёшь?

Дымка в глазах Адриана рассеялась, и Анна чувствовала себя обнажённой перед его пронизательным взглядом. Ей хотелось поскорее укрыться от этих глаз — даже в темноту.

— Иду, — сказала она и шагнула в сторону входа в подземелье.

Анна шла следом за Адрианом, который освещал перед собой дорогу. Каменные ступени лестницы округлились, и посередине сильно сточились от бесчисленных ног паломников. Спустившись вниз, они оказались в небольшой подземной часовне. Здесь было жутко. Перед алтарём с тёмным лицом какого-то святого и реликварием с его мощами горела лампада. На противоположном конце комнаты были решётчатые ворота, за которыми зияла темнота. Адриан сразу направился к этим воротам. Луч от его фонаря сосредоточился на большом замке.

— За этими воротами — кладбище, — прошептал он, и Анна вздрогнула, заметив, как в его руке что-то холодно блеснуло. Когда она пригляделась, её душа куда-то провалилась — в руке Адриана был столовый нож. Анна была уверена, что это тот самый нож, который исчез во время их последнего ужина. Таким же ножом была убита и расчленена Роберта! Анна почти вскрикнула.

— Простые решения часто бывают наилучшими, — сказал Адриан, аккуратно вынимая при помощи ножа железные клёпки, которыми был скреплён замок. Анна, хотя и была напугана, заметила, что замок был недавно смазан маслом.

— Я подпил их много лет назад, — продемонстрировал Адриан очередную клёпку. — И никто никогда не чинил замка. Действительно, зачем чинить что-то, что и так работает? — усмехнулся он и распахнул стальную решётчатую дверь перед Анной.

— Заходи! Тебе здесь будут рады.

«Рады?! Кто? Покойники?..» Анна крепче вцепилась в свою сумочку и переступила роковую черту. Как только она это сделала, Адриан вошёл следом, поспешно закрыл дверь и, просунув руку через решётку, стал вешать замок на место.

— Зачем ты это делаешь? — прошептала Анна. Говорить в полный голос у неё не было сил.

— Мы пробудем под землёй несколько часов — до вечера, когда здесь опять никого не будет. Потом тихо выберемся и пойдём домой. И, кто знает, может, уже сегодня нам удастся найти сокровище!

Анна подумала, что просто выйти живой из этого кладбища было бы сокровищем.

Кладбище оказалось действительно очень маленьким — всего одиннадцать небольших мраморных гробниц. Адриан сразу же направился ко второму с левого края саркофагу, ничем на внешний вид не отличающемуся от других. Это был прямоугольный мраморный ящик с высеченными на нём рисунками и надписями. Анна была слишком взволнованна, чтобы их читать.

Адриан взялся руками за крышку саркофага, с трудом приподнял её и отодвинул в сторону. Анна сразу же почувствовала, как в и без того уже душный воздух ворвался ещё более землистый, бездонный, неподвижный дух глубокого подземелья. Она подошла ближе и со страхом заглянула под тяжёлую мраморную крышку. Узкая каменная лестница резко вела куда-то вниз. Адриан приспособил свой фонарик на голову.

— Подземный мир приветствует тебя, ложится под твои ноги! — возвестил он, жестом приглашая её в открытую лестничную пасть подземелья. — Леди идут первыми!

Анна в страхе посмотрела на него.

— Я должен пойти позади, чтобы задвинуть крышку саркофага, — объяснил Адриан, снимая с плеч рюкзак. — Если ты можешь это сделать — то пожалуйста, я не возражаю.

Конечно же, он играл с ней, как кошка с мышкой. Анна это вполне понимала. И всё-таки зачем-то она шла за ним — даже впереди него — в эту темень. Она совершала величайшую глупость в своей жизни.

Адриан помог Анне перебраться внутрь саркофага и приспособил ей на голову такой же фонарик, какой был у него. Анна осторожно двинулась вниз по крутой лестнице. Уже через несколько ступеней лестница делала поворот, и коридор, идущий вниз, расширялся. Она остановилась здесь и посмотрела назад, вверх. Адриан к этому времени уже влез в саркофаг и силился поднять и подвинуть крышку. Наконец ему это удалось.

«Вот и всё», — ужаснулась про себя Анна. Только теперь до неё дошло, что сама она эту крышку поднять не сможет. Если даже ей удастся уцелеть и найти дорогу назад. Её жизнь была теперь неразрывно связана с жизнью этого человека, который привёл её в подземелье.

— Если не возражаешь, — сказал Адриан, приближаясь к ней, — я пойду теперь первым.

Коридор был тесным, и Анна прижалась спиной к стене, пропуская Адриана. На несколько мгновений их тела соприкоснулись, оказались прижатыми друг ко другу. При свете фонаря Анна взглянула в лицо Адриана. Оно было необычайно бледно и взволнованно. Анне даже показалось, что его тонкие губы дрожали. Да и пахнул он вроде бы каким-то другим, дотоле неизвестным Адрианом Фера. Протиснувшись вперёд, профессор поднял рюкзак.

— Понеси, пожалуйста, пока мою сумку. Потом я у тебя её заберу.

Анна не возражала. Свою сумочку она перекинула на левое плечо — доставать пистолет так было сподручнее. Впрочем, стрелять она не собиралась. Но могла ли она пистолетом напугать, остановить монстра, готового вот-вот проснуться? Они прошли ещё немного, и ступени закончились, уступая место более широкому коридору с наклонным полом. Спуск продолжился. Слева и справа от них стали попадаться боковые туннели, уводящие в новые и новые бездны.

Следуя руслу подземного коридора, они завернули направо. Наклон пола стал более крутым, а воздух ещё более землистым. Они всё ещё продолжали спускаться. Внезапно луч её фонаря осветил картину, которая заставила Анну вскрикнуть.

Адриан повернулся к ней.

— Что случилось?

Глаза Анны были прикованы к черепу, глядящему на неё своими пустыми глазницами в одной из ниш.

— А, это... А что же ты ещё ожидала найти на кладбище? Мёртвых под Римом гораздо больше, чем живых в городе. Привыкай.

— К чему? — спросила Анна. — К тому, чтобы быть мёртвой?

— Вообще, и это тоже, — кивнул Адриан. — Но это по большому счёту. Монахи потому и любили всегда подземелья и кладбища, что те готовили их к смерти. Смерть уже не казалась им страшной, необычной. Они просто привыкали к ней. Ко всему ведь привыкаешь.

— Никто не может привыкнуть к смерти, — тихо возразила Анна.

— Но смириться перед ней придётся каждому, — отозвался Адриан.

Анне не нравились все эти разговоры о смерти, особенно в таком мрачном месте и в такой смертельно опасной компании. Через минуту Адриан свернул в один из боковых коридоров, и теперь они двигались в сторону запада. Иногда они сворачивали в прилегающие коридоры, обходили завалы и тупики. Адриан действительно прекрасно ориентировался под землёй — он был тут как рыба в воде. Не могло быть и речи о том, что кто-то мог бы проследить за ним здесь. «Настоящий Горлум! — подумала Анна. — А у меня и кольца-то нет, которое могло бы сделать меня невидимой. Есть только пистолет».

— Удивительно, — сказал Адриан, — прошло столько лет, а я всё прекрасно помню — как пальцы пианиста помнят любимую музыку... Я просто иду и иду...

Анна пыталась запомнить все ходы и переходы, которыми вёл её Адриан, но ей это с трудом удавалось. Казалось, он нарочно хотел запутать её — или запутать следы. Наконец пол выровнялся и проход расширился. Они вошли в небольшую комнату, по виду напоминающую часовню. Только вместо привычных христианских символов перед глазами Анны были загадочные рисунки и надписи, которые она могла прочитать, но никак не уловить смысл сказанного. В центре часовни находился как будто каменный алтарь.

Анна ужаснулась, поняв вдруг, что, скорее всего, они находятся в той самой комнате, где была убита Роберта, на том самом алтаре, к которому сейчас так решительно направился Адриан. Анна поставила его сумку на землю, опустила руку в свою сумочку и обхватила маленький удобный металлический предмет, который, казалось, был сделан как раз для её руки.

— Вот здесь и начинаются настоящие приключения, — проговорил Адриан, сбрасывая с плеч рюкзак. Анна захотела было достать пистолет, но решила, что ещё подождёт.

— Анна, — позвал он её. — Подойди, пожалуйста, ближе. Мне нужна твоя помощь.

Анна поколебалась мгновение, отпустила рукоятку пистолета, подошла и встала по другую сторону того, что казалось ей языческим алтарём.

— Как ты думаешь, — спросил её Адриан, указывая на алтарь. — Что это?

— Это то место, на котором была убита Роберта! — вырвалось у Анны из уст.

Адриан вздрогнул.

— Нет. Роберта была убита не здесь. Но не будем сейчас о Роберте, ладно? Мне сказали однажды, что душа её теперь живёт в катакомбах. Но я в это не верю... И всё же я предпочёл бы сейчас об этом не говорить... Помоги мне, — сказал он, наваливаясь всем телом на крышку алтаря. Анна увидела, что крышка слегка сдвинулась. Она тоже упёрлась в неё руками и потихоньку они приоткрыли её настолько, что в образовавшуюся щель можно было протиснуться.

— Это — вход в нижнее подземелье, — объяснил Адриан. — Здесь нет ступеней, но в сумке есть верёвочная лестница.

Он открыл сумку, достал оттуда новую, ещё в упаковке, верёвочную лестницу, закрепил один конец её за выступ у основания колодца, а другой, свободный, бросил вниз.

— Здесь около семи метров. Думаю, ты легко справишься.

— Опять я иду первой? — недоумённо спросила Анна.

Она заглянула в тёмную бездну колодца. Ей показалось, что само зло дохнуло на неё снизу. Но поворачивать назад было поздно. Без лишних слов Анна вцепилась в верёвочную

лестницу и начала спускаться. Ей показалось, что колодец был гораздо глубже семи метров. Луч от фонарика Адриана был далёк от неё, как звезды на небе, когда её ноги наконец ступили на твёрдую землю.

— Ты в порядке, Анна? — услышала она сверху голос Адриана. Она хотела крикнуть что-то, но её язык словно прилип к гортани.

— Анна? — раздалось снова. — Ты слышишь меня? Я сейчас иду...

Панический страх овладел Анной. Она быстро осмотрелась по сторонам. Коридор вёл в обе стороны и, точно так же, как и на верхнем уровне, извивался и давал начало новым подземным ходам. Казалось, когда-то здесь росло гигантское дерево с правильной формы корнями, которое потом кто-то вытащил из-под земли, оставив от корней только отверстия. Переступая через наваленные на полу камни, Анна отступила на несколько шагов вглубь коридора, прижалась к стене и выключила свет. Сердце её колотилось так громко, что она испугалась, не слышно ли его издали.

Адриан начал спускаться. Он был в лучшей физической форме, чем Анне прежде казалось. Вот его ноги мягко опустились на землю.

— Анна, — позвал он, оглядываясь вокруг.

Внезапно луч его фонаря выхватил из темноты фигуру Анны. Но её трудно было узнать. Лицо её было перекошено от страха, все мышцы напряжены, а в руках блестел маленький пистолет, дуло которого указывало на грудь Адриана. Её руки дрожали. Они стояли друг напротив друга, шагах в трёх-четырёх. Фонарь светил куда-то поверх головы Анны и отражался от стены, так что Анне было видно каждое движение Адриана. Не видно было лишь его лица.

— Не двигайся! — вырвался из Анны какой-то утробный хрип. — Буду стрелять!

— А я и не против, чтобы меня кто-нибудь наконец застрелил, — спокойно сказал Адриан. — Но лучше сделать это на поверхности или ближе к выходу — боюсь, тебе без меня отсюда будет нелегко выбраться.

— Зачем ты привёл меня сюда? — голос Анны дрожал. — Для чего заманил в это подземелье? Ты хочешь поступить со мной так же, как с Робертой?

— Нет, это совсем не то... Я тебе сейчас всё объясню... — начал Адриан, делая к Анне шаг. Его фонарь вдруг резанул Анну прямо по глазам, и ей почудилось, будто что-то летит в её сторону.

Она закрыла глаза и нажала на курок. Раздался громкий хлопок, и на миг подземелье осветилось ярким светом. Тело Адриана грохнулось прямо под ноги Анны, и его фонарик, закреплённый на голове, разбился о пол. Воцарилась кромешная темнота, в которой было всё ещё слышно, как хлопок от выстрела перебегает из коридора в коридор, удаляясь, но не исчезая.

«Я убила его! Какой ужас! И что теперь делать?»

Она услышала стон, почувствовала шевеление у своих ног. Анна отпрыгнула в сторону и только сейчас вспомнила, что у неё тоже есть фонарь. Мгновение она колебалась включить его — ей страшно было видеть истекающее кровью тело. А больше всего она боялась встретить его глаза. Наконец переборолась и включила свет.

Адриан лежал на полу, но крови вокруг него видно не было. Анна заметила, что он шевелится.

— Адриан! — воскликнула она. — Ты жив?

Он поднял голову и посмотрел на неё со страхом и удивлением. Затем приподнялся и сел на землю.

— Я жив, — выдохнул он. Споткнулся об этот чёртов камень... Только не стреляй больше, пожалуйста, — в ушах звенит.

Анна с изумлением смотрела на него. Неужели она могла промахнуться с трёх шагов? Это было исключено — она умела неплохо стрелять из пистолета, так как по долгу службы проходила подготовку.

— Не двигайся! — снова крикнула она, наставляя на него пистолет. Но на этот раз ни безграничного страха, ни безрассудной решимости в своём голосе она не услышала.

— Да не двигаюсь я, не шуми только! — отозвался Адриан. — Я только не пойму, — добавил он, ощупывая своё тело, — жив я или мёртв?

— Пока ещё жив, — ответила Анна. Ей стало легче, когда она увидела, что он и вправду жив. Что дёрнуло её нажать на курок?

— Я не двинусь с места, Анна, — на этот раз медленно и спокойно произнёс Адриан. — И теперь, когда я жив, хотел бы попросить твоего прощения. То, что я сделал, было жестоко по отношению к тебе. Прости меня!

— Что ты имеешь в виду? — недоверчиво спросила Анна. — Что было жестоко?

— Испытывать тебя, пугать, — сказал он, опустив голову. — Не знаю, поймёшь ли ты... Но я почему-то решил про себя, что если ты не побоишься пойти со мной в катакомбы — со мной, маньяком-убийцей, — то, может быть, моя жизнь ещё не закончилась. Это был тест — тест, который я сам должен был пройти... Я должен был войти с тобой в подземелье и выйти вдвоём, живыми. Это дало бы мне право жить, понимаешь? Иначе я чувствовал, чувствовал на каждом шагу, что недостойн жить, но и умереть боялся... Мне надо было прийти сюда и выйти отсюда — как паломнику необходимо было достичь центра лабиринта, чтобы простились его грехи...

Анна тоже села на землю. У своих ног она положила пистолет.

— Пока не было тебя, — тихо продолжал Адриан, — я даже и не жил. Ничто мне не приносило радости, и мало что — облегчение. И вот появилась ты, и всё в жизни изменилось... Я будто ожил... Убить тебя? Повредить тебе? Нет! Вот умереть за тебя — другое дело. Я сам готов умереть за тебя — моя жизнь ничего не стоит.

Анна сидела на холодном полу, и горячие крупные слёзы катились из её глаз.

— Подвинься поближе ко мне, Адриан, — попросила она. — Мне холодно.

Он сел рядом с ней и обхватил её за плечи. Она уткнулась в его грудь и заплакала — сначала тихонько, а потом навзрыд, выпуская из души всю горечь и страхи, все подозрения, которые не давали ей дышать в последнее время.

Адриан тем временем осмотрел пистолет.

— Где ты его взяла? — наконец спросил он.

— Не спрашивай, — тихо отозвалась она. — Долгая история.

— Он не заряжен, — уверенно сказал Адриан. — Точнее, заряжен холостыми патронами.

— Я этого не знала, — удивлённо протянула Анна. — Прости меня, Адриан, — добавила она.
— Я тебе столько врала. И чуть не убила...

— Пустяки, — улыбнулся Адриан. — С кем не бывает? Я тоже не без греха — наврал тебе насчёт папских сокровищ.

Только тут Анна вспомнила, зачем они отправились в катакомбы.

— Значит, — быстро спросила она, — нет никаких сокровищ?

— Сокровища есть, только вряд ли мы их когда-нибудь найдём. Я верил — когда-то давно верил, в детстве, что такое возможно. Но и тогда я ничего не нашёл. Кроме одной прибрежной пещеры — полуобвалившийся старый подземный ход. В этой пещере я провёл тот месяц, когда убежал из дому.

— Ты убежал из дому? — она никогда не слышала, чтобы он рассказывал что-то о своём доме, семье. Он действительно начинал оттаивать, раскрываться.

— Когда я обиделся за мою приёмную мать, на которой отец не хотел жениться из-за её плебейского, как он говорил, происхождения... Она любила меня, как мать... — он осёкся и продолжил уже в другом направлении. — Тогда я наговорил отцу кучу глупостей и сбежал из дому, решившись отречься от титула и состояния. Впрочем, — печально улыбнулся он, — к тому времени и состояния-то уже никакого не было. Я сбежал из дому и поселился в той пещере. У меня не было ни денег, ни сменной одежды — ничего. Жил тем, что мог найти для себя на улице. Я тогда подолгу читал книгу, которую нашёл в пещере.

— Ты нашёл там книгу?

— Библию, — ответил Адриан. — Кто-то оставил её там вместе с запиской.

— И что было в этой записке?

— В записке говорилось, что тот, кто прочитает эту Библию, найдёт самое большое в мире сокровище. Я в это не верил, но, по суеверию, стал читать. А ещё одновременно с этим начал раскапывать туннель — прямо вглубь пещеры. Но и тогда мне ничего не удалось найти, кроме меча, который, как мне показалось, должен был принадлежать швейцарскому гвардейцу... — Адриан помедлил. — Тогда я вернулся домой, забросил рытьё пещеры, но начал исследовать подземелье. Я верил, что мне суждено найти сокровище, о котором говорилось в той записке. Я, конечно, понимаю, что тот, кто её там оставил, имел в виду совсем другое сокровище, — усмехнулся он. — Смысл был в поиске Бога. Но я понял и истолковал её по-своему... Я излазил много подземных ходов, но сокровища так и не нашёл. Честно говоря, я давно уже отчаялся его искать — прости меня за мой обман.

Анна посмотрела на него очень внимательно.

— Тебе это было необходимо сделать, — сказала она медленно. — Как я могу тебя за это винить?

Адриан взял её руку и осыпал поцелуями. Его слёзы обжигали теперь её руку.

— Я прощаю тебе твой обман, — сказала она тихо, — в обмен на прощение всех моих обманов.

Адриан ничего не ответил. Он тихо, как ребёнок, плакал, уткнувшись в руки Анны.

— И всё-таки, — немного успокоилась она, — я чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы мы начали двигаться назад, к выходу.

Адриан с благодарностью посмотрел на неё.

— Тогда мы идём домой, — согласился он.

— Не так скоро! — услышали они рядом с собой незнакомый, леденящий кровь голос.

Анна направила луч фонарика прямо на голос и вздрогнула: перед ними стояли семеро вооружённых автоматами спортивно одетых мужчин с приборами ночного видения на глазах.

Анна вскочила на ноги. Дула автоматов повернулись в её сторону.

— Бежать тут совершенно некуда, — спокойно произнёс тот же голос, принадлежащий самому рослому из них. — Добро пожаловать в подземный мир. Зовите меня Командором, а ещё лучше — никак не зовите. И выключите этот свет — вы видели уже достаточно.

Анна выключила свет. Тотчас она вскрикнула оттого, что чьи-то руки схватили её, надели наручники, а потом обыскали, опустошая карманы, лишая спасительных часов.

— Кто вы такие? — услышала она в темноте дрожащий голос Адриана.

— Неужели вы не узнали нас, профессор? — отозвался всё тот же голос. — Мы — адвокаты.

Часть II

Глава 1. Хранитель

Hier stehe ich. Ich kann nicht anders. Gott helfe mir.

(На сём стою, и не могу иначе. Да поможет мне Бог.)

Мартин Лютер. Из речи к Вормсскому сейму 18 апреля 1521 года

2007, 27 сентября, римские катакомбы

Чтобы не потерять счёт времени и не поддаваться накатывавшему на неё паническому страху, Анна считала шаги. Вначале они шли узким и низким извилистым коридором, и Анна вынуждена была пригибаться, чувствуя прикосновение волос к потолку. Адриан, которого вели позади неё, уже раза три стучался головой о выступы в потолке, вскрикивал и ругался по-итальянски. Охранники хохотали.

— Послушайте, Командор, или как вас там, — не выдержала Анна. — Скажите своим людям — пусть прекратят это издевательство.

— А то что? — равнодушно отозвался голос капитана охранников.

— А то я буду жаловаться, — ответила Анна.

— Жаловаться? — захохотал он. — И кому же ты будешь жаловаться?

— Тому, к кому ты нас ведёшь! — неожиданно для себя сказала Анна.

Анна сама испугалась той тишины, которая воцарилась в туннеле. Слышны были только шорохи шагов и тревожное дыхание. Они вышли в более просторный коридор и зашагали быстрее.

«Две тысячи двадцать один, двадцать два...» — автоматически считала Анна, разбивая эту большую цифру на множество отрезков — поворотов вправо и влево. Ей отчётливо представлялся зигзагообразный вектор их движения: они двигались на юго-запад, в самое сердце Ватиканского холма.

«Адвокаты! Адвокаты!» — одновременно с цифрами раздавалось в её голове злое слово. Она всё меньше верила, что Адриан был причастен к смерти Роберты. А если не он убил её, то кто? «Адвокаты! Адвокаты!» — слышала она с каждым шагом.

Она вспомнила материалы по делу Адриана, в которых значилось, что в древней халдейской религии особой категорией жертвы была рыжеволосая девушка. Анна не могла, не хотела даже мысленно озвучить свои страхи. «Две тысячи восемьсот пятнадцать, шестнадцать...» — твердила она, уткнувшись в привычный, родной мир цифр, как маленький ребёнок, привыкший сосать соску. Зачем она покинула свой уютный мирок? Свой такой комфортный, такой привычный маршрут в Москве, который, хотя и проходил под землёй, не внушал ей никаких страхов. Она всё искала настоящей, не виртуальной реальности — и вот нашла её. Что станет с мамой? А Толян? Он ведь будет искать её, не остановится.

«Если его не остановит генерал», — мелькнула в голове Анны страшная мысль. Нет, она не должна умереть. Хотя бы ради тех, кто её любит. Как она могла попасть в такую страшную, безвыходную ситуацию? «Три тысячи сорок один, сорок два...» — твердила она, как молитву. Но если у неё и теплилась какая-то надежда выбраться отсюда, то связана она была теперь с человеком, в которого она совсем недавно стреляла! «Какое счастье, — думала она, — что пистолет оказался незаряженным». Ведь, очень вероятно, ей скоро предстоит умереть, а предстать перед Богом с кровью на руках ей не хотелось. А она не исключала возможности, что ей предстоит дать Кому-то отчёт в том, что она сделала — или не сделала — в своей жизни. Анна помнила все заповеди и знала, что нарушила каждую из них. Может быть, за исключением заповеди «не убий». Но даже и не убила-то она, по сути, против своей собственной, хотя и мимолётной, воли.

Наконец их колонна остановилась. Впереди лязгнул тяжёлый замок какой-то невидимой для Анны двери, которая через мгновение распахнулась, заливая крошечную тьму ярким светом, так что Анна даже зажмурилась. Когда она потихоньку открыла глаза, то увидела, что их привели в просторный холл.

— Ждать здесь, — приказал Командор, направляясь к большой двери на противоположном конце холла, возле которой расположились двое охранников, одетые точно так, как одевают их на поверхности земли, — в безупречные чёрные костюмы и в чёрных очках, и у Анны мелькнула мысль, что, возможно, их вывели на поверхность.

Пока Командор разговаривал с охранниками, Анна посмотрела на Адриана. Лоб его был в ссадинах, а лицо — мертвенно бледным. Глаза тревожно горели.

— Прости меня, — сказал он, когда их глаза встретились. — Видит Бог, я этого не хотел.

— Я знаю, — прошептала Анна.

— Говорить нельзя, — грубо оборвал их один из охранников.

Тем временем дверь в противоположном конце холла на мгновение отворилась, пропуская Командора, и до их ушей донёлся как бы гул многих голосов. Анне показалось, что дверь ведёт не то в какой-то собор, не то в амфитеатр, наполненный людьми, — она не успела разглядеть, потому что дверь сразу же захлопнулась и в холле снова воцарилась тишина. Они стояли так минут пять, пока внезапно не открылась дверь в каменной стене — потайная дверь, которую раньше не было видно, и в ней показалась рослая фигура Командора.

— Идите за мной, — сказал он, приглашая Анну и Адриана. — Охране остаться на месте.

Они подошли к двери, за которой простирался ещё один длинный холл. От пола и до потолка помещение было отделано старинной работы шкафами из красного дерева, наполненными книгами в кожаных переплётах. Пахло, как в архиве древностей библиотеки имени Ленина, куда Анна пару раз навещалась с тётей Майей. На противоположном конце этого библиотечного холла, за стеклянными пуленепробиваемыми щитами по обе стороны от массивной чёрной двери расположились ещё два охранника, тоже в чёрных костюмах и очках. Именно к этой двери и направлялись сейчас Адриан и Анна. Командор приблизился к ней первым и, не заходя сам, велел проследовать туда пленникам. Охранники в чёрном не шелохнулись, будто они были сфинксы или восковые фигуры. С трудом передвигая ноги от страха, Анна вошла в тускло освещённую залу и, вздрогнув, обернулась, когда позади них щёлкнул замок тяжёлой двери.

Кроме них в полутёмном помещении никого видно не было. Стены и потолок залы были украшены мозаикой. Пленники разглядели сцену убийства быка, изображение человека с бычьей головой на высоком троне, сцену совокупления человека-быка с какой-то полной большегрудой женщиной и, наконец, изображение этой женщины на высоком троне, а у её ног — маленькие фигурки не то людей, не то богов. Одна из стен помещения была прозрачной, и через неё открывался панорамный вид на круглое, почти шарообразное, пространство, ярко освещённое, с рядами балконов и лоджий, высеченных в стенах, возвышающихся одна над другой и опоясывающих этот подземный цирк или собор почти до середины его высоты.

Они прошли ближе к прозрачной стене. Зала, в которой они находились, располагалась выше всех балконов, и отсюда открывался головокружительный вид на помещение шарообразного собора, до краёв наполненного народом, облачённым в разного цвета балахоны, напоминающие докторские мантии, с самыми разнообразными знаками. Анна подумала даже, не является ли эта стена экраном — гигантским телевизором, по которому показывают какой-то средневековый кошмар. Слишком неправдоподобным казалось всё увиденное.

Балконы и лоджии были разделены на сектора восьмью ходами, расходящимися от круга на полу помещения — точно такого же круга, как и на площади Святого Петра. Внутри круга серый мрамор пола был изрезан непрерывной, не пересекающей себя белой линией лабиринта, змеей извивающейся вокруг египетского обелиска! Он вырос из страшной чёрной бездны, примыкавшей к нему, и казался Анне костлявым пальцем смерти, выросшим из самой бездны в этот нечистый собор.

— Пятнадцатый, потерянный обелиск, — прошептал Адриан.

— Мне страшно, — прошептала Анна, сжимая его руку. — Я чувствую, что это ужасное место!

— Анна, милая Анна! — осыпал он её руку поцелуями. — Прости меня, ради Бога, прости.

— За что? — сказала Анна, прижимаясь к нему. Здесь, в этой страшной комнате, она хотела вжаться в него, спрятаться за его спиной от того зловещего и неминуемого, что, как тень, надвигалось на них.

— Я привёл тебя в подземелье, думая только о себе. Я...

— Хватит, — прервала его Анна. — Я могу сказать тебе то же самое. Если бы не я, ты бы сидел где-нибудь в ресторанчике и тихо попивал вино.

Недалеко от стены они заметили маленький прозрачный столик, на котором покоился, будто плавая в воздухе, короткий меч. Анна почему-то подумала, что, возможно, этот вот страшный металлический предмет, который, казалось, светится зловещим светом, лишит её жизни, войдёт в её грудь, искромсает на части её тело! Её сердце колоколом металось, как в клетке, в её груди. Адриан тоже со страхом покосился на меч, но затем подошел и взял меч в руки, будто хотел убедиться, что он настоящий.

— Интересный предмет, не правда ли? — раздался за их спиной глубокий мужской голос. Анна вздрогнула и обернулась.

Всего в нескольких шагах от них стоял величественного вида пожилой человек, облачённый в чёрную ризу, напоминающую священническую. Высокий лоб окаймляли длинные, слегка волнистые волосы, словно светящиеся белизной, а лицо человека, красивое и тонкое, показалось Анне как будто знакомым. Было что-то завораживающее и страшное в его больших, чёрных, блестящих, всезнающих глазах. Руки человек держал за спиной.

— Этому клинку более двух тысяч лет, — продолжил он. — И за ним много пролитой крови. Но если он вам нравится, я готов подарить его вам, профессор.

Адриан вздрогнул.

— Простите, разве мы знакомы? — тихо промолвил он, преодолевая страх.

— Я знаю о вас достаточно, — холодно ответил человек в чёрном и продолжил, поворачиваясь к окну. — Мне хотелось бы, однако, знать, что вы думаете об обелиске, профессор. Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что он может быть под землёй?

Адриан выглядел смущённо.

— Честно говоря, эта идея мне в голову приходила, — сказал он наконец. — Но я её прогонял как полную нелепицу.

— Нелепицу? Отчего же? — поинтересовался человек в чёрном.

— Это... это было бы против здравого смысла, — высказался Адриан. — Ведь обелиск создан для солнца. Разместить его под землёй, не говоря уже о технической сложности операции, было бы ещё и определённым, несуразным знаком... — он опять замолчал.

— Знаком власти? — спросил человек в чёрном и, глядя в глаза Адриана, удовлетворённо кивнул. — Ну почему же несуразным, профессор? Взгляните на всех этих людей, — он указал рукой на огромный зал. — Все они собрались на фестиваль в честь Царицы Небесной. А что касается знака солнца, то спешу напомнить, что обелиск, являясь фаллическим символом, принадлежит богине, а потому этот обелиск, пятнадцатый, считавшийся пропавшим, на самом деле давно уже вошёл в недра богини. Разве это не есть высший момент? Разве это не символично?

До Анны мало что доходило из этого разговора. Ей было жутко.

Человек в чёрном неожиданно повернулся теперь к ней.

— Культ женщины — разве это не прекрасно? — улыбнулся он, показывая ряд безукоризненно белых зубов. — Всякий раз, когда Анна смотрит в зеркало, — продолжил он, — она смотрит на образ Царицы Небесной. Не так ли, Анна?

— А кто это — Царица Небесная? — осторожно спросила она.

— Как? Разве профессор не рассказал тебе? — с деланным удивлением человек в чёрном взглянул на Адриана. — Одни называют её Артемидой, другие — Кибелой, Иштар, Венерой, Афродитой, Афиной... Некоторые зовут её Марией, Матерью Иисуса. Ей поклонялись халдеи и евреи в своих подземных пещерах, прежде чем последователи Авраама, Исаака и Иакова сожгли кости служителей Астарты на посвящённых ей алтарях. Но сейчас времена изменились.

— Кто вы? — спросил Адриан, с трудом заставив свой язык шевелиться.

Седовласый посмотрел на него холодным взглядом.

— Так вы еще не догадались, профессор? Я — Хранитель.

Адриану стеснило грудь, так что тяжело стало дышать.

— Трудно поверить своим собственным открытиям? — спросил его человек в чёрном. — Тебе есть чем гордиться, профессор Фера — ты один из немногих, кто своим умом сумел вычислить хранителей, вычислить нашу историю, как астроном вычисляет по тяготению присутствие ещё не открытой планеты.

— Возможно, — продолжил Хранитель, поворачиваясь к Анне, — он рассказывал тебе о том, как в своё время император Константин, Понтифекс Максимус — «Великий строитель мостов», то есть глава верхних масонов, поклоняющихся Солнцу, взял Римскую Церковь под свою опеку. Но перед смертью он завещал патронаж над церковью нам, хранителям, сокровенным масонам, потому что предвидел трудные времена и понимал, что без нас устроенная им имперская Церковь удержаться не сможет. Нашей задачей было направлять корабль истории туда, откуда когда-то началось его плавание, — в междуречье Тигра и Евфрата.

Анну завораживал голос этого загадочного человека. Голос, как и внешность, мучительно напоминали ей кого-то, и к её страху добавлялось ещё и чувство предреши́нности — у неё было такое впечатление, что так всё и должно быть, что она будто видела уже всё это во сне, который напрочь забыла.

— А Верхние знают, что Церковь отдана на попечение именно вам? — не удержался Адриан.

— Взгляните на этих людей, — Хранитель поднял руку и указал на разряженную в балахоны публику, наполняющую балконы. — Они представляют наземные ложи — самые влиятельные из них. Если вы приглянитесь, то увидите здесь немало знакомых лиц, немало сильных мира сего, но большинство из них давно уже поставлено в прямую зависимость от нашей организации: всех их связывают с ней узы, разорвать которые они не в силах.

— Церковные иерархи? — удивлённо воскликнула Анна, вглядываясь в одну из лоджий, красную от кардинальских мантий.

— Христианство — ещё дитя, молодая секта, — кивнул Хранитель. — Император Константин разглядел в ней перспективу, но видел и ограничения — за сравнительно краткое время своего существования христианство проявило свою глубинную мазохистскую сущность. Бог Отец убивает Сына! Подумать только: профессора Фера за сходное преступление быстро отправили в тюрьму, в больницу. И это в то время, как христиане прославляют своего Бога за подобное преступление!

Бездонные глаза Хранителя готовы были поглотить в себе Анну.

— Христианству никак было не обойтись без божества с женским началом, с которым люди за

времена язычества уже сроднились и без которого не могли представить настоящую религию. Женщина, Мария, была провозглашена Царицею Небес, и Орден взял новую римскую секту под своё крыло. Задача Ордена хранителей состояла в том, чтобы хранить чистоту древней религии, в центре которой лежит поклонение женскому началу. Поставленное под контроль хранителей христианство служило Царице Небес, как женщине служит ещё одно красивое платье.

— Но потом пришли эти ужасные варвары, разрушили Рим, и почти сгубили самую великую цивилизацию, превратив Европу в скотный двор. На многие столетия мы вынуждены были уйти в тень. Но и тогда мы не сидели без дела — мы начали восстанавливать эту цивилизацию по кусочкам. И мы сохранили огонь священного поклонения Деве в сугубо патриархальном обществе. Мы всегда знали, что мужской бог обречён: он подавляет врождённые человеческие желания. Рано или поздно мы должны были поставить этого бога на место, чтобы заново открыть перед человечеством восторги страсти, восторги религии, которая непосредственно сопряжена с человеческой природой, которая порождена ею — или для неё. Не прекрасно ли это, Анна?

Анна вздрогнула. Её пленил этот голос, проникавший, как будто, в её грудь, резонирующий в теле. Она попыталась стряхнуть с себя его очарование, чтобы хоть как-то понимать и оценивать происходящее.

— Ты, Анна, вероятно удивлена, что я знаю и твоё имя, — продолжил человек в чёрном. — Но ты будешь ещё больше удивлена, узнав, что ты давно уже работаешь на меня. Генерал Смирнов — один из моих людей.

Анна не шелохнулась. Она ничего не понимала, но ей было страшно, и всё внутри у неё словно похолодело.

— Генерал тебя, впрочем, выкинул — хотел избавиться от тебя, — продолжал жуткий Хранитель. — И знаешь за что? Он боялся, что ты вскроешь код того супервируса, которым занимался ваш отдел. Его опасения делают тебе честь, — Хранитель посмотрел на неё с демонстративным уважением. — Программа массового мониторинга, над которой работал твой отдел, нуждается в носителе, каким и является разработанный нами вирус. Генерал, однако, не был вполне уверен в твоей лояльности.

Анна была ошарашена этими откровениями. Генерал не только сам продался, но и продал её и всех тех, кто работал под её руководством. Эти мальчишки и девчонки, наверное, никогда бы не поверили тому, что здесь сейчас происходило. А её судьба и жизнь давно уже решались людьми, о самом существовании которых Анна не имела ни малейшего понятия.

— Я редко сам занимаюсь такого рода вопросами, — продолжил Хранитель, — но на этот раз что-то подсказало мне лично взглянуть на твоё дело. И интуиция меня не обманула! Когда я увидел фотографии и пролистал бумаги, то у меня возник план: вместо того чтобы тебе погибнуть в автокатастрофе, как предлагал господин Смирнов, я решил немного поразвлечься и сыграть ещё одну партию с профессором Фера. Я ещё надеялся, что он может вывести нас на потерянную сокровищницу, — лелеял надежду, что он знает, где можно её найти. А заодно я решил, что будет неплохо, если российские спецслужбы установят своё оборудование в тех местах, которые мы для этого обозначим, и получат ту информацию, которая нам интересна. А русская шпионка может погибнуть той же смертью, что и Роберта Джордани. И найти убийцу, — он бросил жуткий взгляд на Адриана, — будет совсем нетрудно. Не правда ли, интересный план, профессор Фера?

Адриан стоял ни жив ни мёртв, бледный как смерть.

— Ты не хочешь спросить меня, где и как она умерла? — спросил Хранитель, заглядывая Адриану в глаза.

Адриан вдруг ринулся со своим коротким мечом на жуткого человека. Но прежде чем он достиг цели, Хранитель преобразился: его руки вытянулись в страшные когтистые лапы, голова превратилась в свирепую морду, и через мгновение перед ними высилось страшное драконоподобное чудовище! С оглушающим рёвом оно ринулось в сторону Адриана, встало на задние лапы, и из пасти чудовища вырвалось пламя. Анна упала на пол ни жива ни мертва...

Когда она открыла глаза, всё вокруг было тихо. Слева, метрах в десяти от неё, на полу лежал Адриан. Рядом с ним валялся меч. Дракона нигде видно не было.

— Адриан! — закричала Анна и кинулась к нему.

Он зашевелился и поднял голову.

— Анна! Ты жива! — прошептал он. Анна помогла ему подняться с пола.

— Ты ранен? Тебе больно?

— Кажется, нет, — растерянно ответил он.

— Что это было? — с ужасом прошептала Анна.

Сзади них раздался смех. Они обернулись.

— Я так люблю эту игру — называю её «Убей Дракона», — что рад всякому случаю позабавить себя и других, — смеясь, проговорил Хранитель.

— Его тут нет. Это — голограмма, — с уверенностью сказала Анна.

— Bravo, bravo, Анна, — Хранитель подошёл к ним почти вплотную. Теперь Анна могла видеть, что его ноги не касаются земли. — Разоблачила подделку. И — bravo, профессор. Этаким Дон Кихот, сражающийся с мельницами. Значит, наступил твой момент истины, и ты понял, что случилось с Робертой. Но и я разоблачаю тебя, профессор: хоть ты не убивал её, но ты — убийца. Каждый человек — убийца. Ты ведь хотел отнять мою жизнь?

— Ты — чудовище! — воскликнул Адриан снова хватаясь за меч. Глаза его налились кровью.
— Ты гнусное вонючее чудовище. Ты только что сам показал, кто ты...

— Так-то ты чувствуешь своего покровителя? — ухмыльнулся Хранитель. — Да-да, покровителя, профессор. Первопроходцы часто подрываются на минах — и именно это с тобой и произошло десять лет назад. И если бы не моё вмешательство, тебя бы уже давно не было в живых.

Адриан, не отрываясь, смотрел на человека в чёрном.

— Публикация твоей книги произвела немалое волнение среди людей посвящённых, — продолжил тот. — Многие из числа наших ближайших сотрудников, считали, что ты зашёл слишком далеко. А после твоей открытой лекции о лабиринте под Ватиканом были предложения тебя устранить. Вы оба — как головня, что выхвачена из огня — мною. Я вижу дальше, чем эти люди. Я предложил им скомпрометировать тебя смертью Роберты, а затем упрятать в психушку. Я сохранил тебе жизнь, профессор.

Адриан был ни жив, ни мертв.

— Она умерла вон там, — указал Хранитель на белый мраморный куб, расположенный у края платформы. — Там же, где сегодня умрёт другая рыжеволосая девушка, — закончил он, переводя холодный взгляд на Анну. У той замерло дыхание.

— А что, профессор? — почти дружелюбно сказал Хранитель. — Хотели бы вы вернуться к преподаванию? Хотели бы заглянуть в архивы Ватикана? Получить к ним неограниченный доступ?

Адриан не пошелохнулся.

— Старое прошло. Теперь — всё новое. Перед тобой готовы распахнуться такие двери, такие тайны, о которых ты не имеешь никакого представления, профессор Фера, — продолжил Хранитель доверительно. — Ордену пора выходить из подполья, и нам нужен человек, который изучил бы историю Ордена и сумел бы подать её публике в нужном свете. Никто в целом мире ещё не получал доступа к тому, что увидите вы, профессор. Мне только нужны будут некоторые ручательства преданности.

— И каких же ручательств вы хотите? — прошептал Адриан.

— Через несколько минут, — ответил призрак Хранителя, — начнётся церемония жертвоприношения. Я хоть и предпринял к тому некоторые шаги, но все-таки не особенно надеялся, что вы подгадаете прямо на наш праздник. Тем лучше для вас! Я хочу, — он пристально посмотрел на Адриана, — чтобы ты немного помог нам.

Адриан затрясся мелкой дрожью. У Анны закружилась голова, к горлу подступил тяжёлый соленый ком. Это не укрылось от черных глаз Хранителя.

— Тебе нечего бояться, — рассмеялся он сухим смехом. — У меня совсем другие планы относительно тебя.

Затем он снова повернулся к Адриану.

— Я хочу, чтобы ты сделал то, за что уже искупил свою вину перед обществом и выстрадал своё. Ты перережешь девушке горло и соберёшь кровь в сосуд. Остальную работу сделают наши священники. Изменить что-то в её участи невозможно. Но ты можешь в корне изменить всё в своей жизни. Репутация профессора Фера будет восстановлена — невинность доказана. Ты сделаешься президентом университета. Жизнь только начинается, профессор, — заключил он.

— И всё, что для этого нужно, — перерезать девушке горло? — спросил Адриан хриплым голосом. Анна никогда ещё не видела его таким бледным.

— Тогда ты будешь связан с нами кровными узами, — подтвердил Хранитель.

Адриан, собравшись с силами, проговорил:

— Я очень благодарен вам, господин Хранитель.

Анна с ужасом взглянула на него. Неужели он и вправду согласился? А почему бы и нет? Хранитель был прав — не всё ли равно рыжеволосой девушке, от чьей руки умереть? Ей уже ничто не поможет. «Но как он может?» — не верила она.

— Я очень благодарен вам, — продолжил Адриан, — что вы сняли с моей совести такое тяжёлое бремя. Теперь я могу умереть с миром.

Анна взглянула на него с удивлением и восхищением. Складки его лица разгладились, и он выглядел так, будто не было этих десяти лет мучений.

Внезапно Хранитель рассмеялся. Потом так же неожиданно помрачнел.

— Умереть с миром? — спросил он, сверля Адриана смоляным взглядом. — Какая блажь! Я

предлагаю тебе жизнь.

— Я очень ценю эту честь, — кивнул Адриан. — Но я уже пожил десять лет с трупом на шее. С меня хватит!

Хранитель посмотрел на него взглядом, исполненным уже нескрываемой ненависти.

— Твой род никогда не мог ладить с объединёнными родами, граф Адриан Батиста Фера, — произнёс он торжественным голосом. — Впрочем, — Хранитель немного расслабил свой звучный голос, — в последние века ваш некогда славный род нам и не мешал — так он обмельчал. Мы даже позволили тебе, Фера, преподавать в нашем университете. Но ты повернулся против нас. Будь ты умнее, ты бы так не сделал!

— Я не поворачивался против кого-либо, — тихо сказал Адриан. — Я — исследователь, учёный, преподаватель. Это была моя задача — искать и находить истину.

— Истину? — рассмеялся Хранитель. — Давно я не слышал этого слова. Вот уж не знал, что тебя так волнует истина.

— Я и сам не знал, — признался Адриан. — Вот уж точно: познаете истину, и истина сделает вас свободными. Сейчас я и вправду чувствую себя свободным.

Анна видела, что Хранитель злится, то есть проявляет признаки слабости. Почему? Ведь в его руках полный контроль за ситуацией?

— Я понимаю, — заключил Хранитель. — Ты хочешь умереть чистым. Но чистым тебе умереть не удастся! Вас видели вместе с Анной, а через пару дней труп рыжеволосой девушки будет случайно обнаружен. В убитой опознают русскую шпионку. И все будут вновь проклинать маньяка Адриана Фера. И тебя уже навсегда упрячут в психушку, где ты и сгниёшь — психом, притом уверенным, что ты и убил её. В моих силах сделать всё это! Ты понимаешь?

Адриан сильнее сдвинул рукоятку меча. Но с места на этот раз не сдвинулся и ничего не сказал. Хранитель посмотрел на него с презрением.

— А ты, Адриан, больший глупец, чем я полагал, — сказал он, усмехнувшись. — Ты отверг моё доверие. К тому же, к моему немалому огорчению, ты и вправду не знаешь, где надо искать папские сокровища. Или я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— Я так и думал, — утвердительно кивнул Хранитель. — Впрочем, в сокровищах этих меня интересовала всего одна вещь... — заметил он. — Ты, профессор Фера, ты просто выскочка, одинокий прыщ на теле планеты. Я не на шутку разочарован в тебе. Я решил — ты умрёшь. Впрочем, ввиду древности и былых заслуг твоего рода я сделаю для тебя снисхождение — позволю тебе убить самого себя.

— Премного вам благодарен, — кивнул головой Адриан.

— Нет! — не выдержала Анна. — Он не сделал ничего, достойного смерти!

Хранитель обернулся к ней.

— С ним я закончил — теперь поговорим о тебе, Анна. Профессору надоела его жизнь — и его можно понять. Но тебе, я уверен, жизнь не могла ещё надоесть? — он смотрел на нее испытующим взглядом, от которого Анне некуда было спрятаться.

— И чтобы жить, я должна буду тоже перерезать кому-то горло? — хрипло проговорила Анна. Ей вспомнился её последний разговор с Толяном и история его прадеда.

— Нет, — рассмеялся человек в чёрном, но в его смехе не было веселья. — Я предлагаю тебе просто продолжать работать на меня.

— И чем же я должна буду заниматься?

— Тем же, чем ты и занималась.

Адриан удивлённо посмотрел на Анну. Похоже, что он совсем не знал её!

— Ты будешь заведовать такой лабораторией, о какой и не мечтала, — продолжал Хранитель. — Ты скоро увидишь, как всё кардинальным образом изменится, как восстанет новое общество, новый мировой порядок. И ты будешь на самой его вершине! Против этого бессмысленно бороться. Вопрос заключается в одном — чью сторону ты выбираешь? Сторону господ или сторону рабов?

Неужели она снова была поставлена перед таким же выбором, как некогда в кабинете полковника Смирнова?

— Отпустите Адриана, и я займу ту сторону, которую вы укажете, — неожиданно для себя самой смело, почти дерзко ответила Анна и взяла Адриана за руку.

— Не валяй дурака, Анна, — крикнул тот нарочито грубо, вырывая руку из её ладони. — Моя жизнь того не стоит. Иди своей дорогой.

— Именно это я и пытаюсь делать! — закричала на него Анна. Слёзы брызнули у неё из глаз.

— Я всю жизнь плыла по течению. А сейчас хочу идти своей собственной дорогой!

— Не слишком уместно начинать говорить о своей дороге при подобных обстоятельствах, — заметил Хранитель.

— Если я вам нужна, то я тоже имею право выставлять какие-то условия, — сказала Анна, решительно поворачиваясь к нему.

— Ты имеешь только те права, которыми я тебя наделю, — посуровел Хранитель.

— И всё же у меня остаётся выбор!

— Выбор умереть вместе с ним, — Хранитель кивнул в сторону Адриана, — или жить.

Анна молчала. В душе у неё шла жестокая борьба — буквально не на жизнь, а на смерть. Она не вполне сознавала, что такое с ней происходит. Неужели она откажется от жизни? Неужели выберет смерть?

— Я вам тоже весьма признательна за то, что вы подарили мне этот месяц, который стоил целой жизни, — произнесла она наконец, как бы взвешивая каждое сказанное слово. — К тому же я избавилась от компьютерной одержимости и не намереваюсь делать то, что делала раньше. Это всё, — заключила она.

— Ты с ума сошла, Анна! — закричал Адриан. — Я хочу умереть, хочу... Понимаешь ты? Это мой звёздный час, какой бы он ни был... А ты должна жить. Мне будет легко умереть, зная, что ты жива, что ты счастлива...

— Счастлива? — перебила его Анна. — Счастлива, что в очередной раз пошла туда, куда меня гонят? Счастлива, предав? Моё условие остаётся в силе, — сказала она решительно,

глядя на Хранителя. — Отпустите Адриана, и я буду на вас работать.

Хранитель посмотрел на неё внимательно. Анна чувствовала, что уже почти пожалела о своём категоричном решении. Она взглянула в лицо Хранителю. Внезапно за маской этого лица она прочитала что-то даже ещё более страшное, чем прежде. Ей стало неприятно и дурно, и она отвернулась.

— Нет, Анна, — покачал он головой. — Генерал Смирнов по-своему был прав — ты бесполезна, даже вредна для системы. Вы оба упустили свой шанс. Я сделаю из вас урок — похороню живыми в Лабиринте. Но я остаюсь верен данному Адриану Фера обещанию — я отдаю вам этот меч. Ты, Анна, боялась, что Адриан Фера прирежет тебя в подземелье? Именно так и случится. Не правда ли, Адриан? — сказал он, оборачиваясь к профессору.

Анна и Адриан вздрогнули одновременно.

— Он прирежет тебя, если, конечно, в нём есть хоть капля сострадания. В конце концов, если я назначил ему перерезать глотку рыжеволосой девушке, то так оно и будет!

Адриан взглянул на Анну, и ей стало его жалко. И себя тоже.

— Прошу тебя, — кинулся он к ней, — останься. Сделай, как он просит. Ты — необыкновенный человек. Ты не должна умирать! Это было бы так нелепо! Ты ничем не в силах мне помочь. Я не хочу никого убивать, но, боюсь, там, под землёй, у меня не будет выхода: я не смогу выдержать твоих страданий. Ты ведь не знаешь, что это такое — быть погребённым заживо. А я знаю! Мы оба сойдём с ума!

Анна ещё мгновение колебалась. «Господи, — взмолилась она, — если Ты есть, то услышь меня. Спаси меня, Господи!»

Тем временем стеклянная стена перед ними поднялась, и комната наполнилась гулом людских голосов и запахом сжигаемых благовоний. Группа охранников в чёрном вошла через дверь.

— Ещё не поздно! — закричал Адриан, когда двое охранников взяли его под локти. — Останься!

Анна хотела просто поскорее уйти отсюда и никогда больше не видеть Хранителя. Охранники приблизились сзади и к ней.

— Стойте! — решительным образом крикнула вдруг она.

Хранитель дал охране знак, и те остановились.

— Разве не полагается смертникам хотя бы одно, последнее, очень скромное желание? — собравшись с силами, обратилась она к Хранителю.

Тот поморщился, но ничего не ответил.

— У меня есть одно самое маленькое пожелание, в котором вы не сможете мне отказать. Не связывайте мою смерть с именем профессора Фера.

Хранитель внимательно посмотрел на неё.

— Это всё? — спросил он.

Анна молча кивнула.

— Хорошо, — согласился Хранитель и перевёл взгляд на Адриана. — У тебя тоже найдётся

желание?

Адриан растерянно поглядел на Анну.

— Я напрасно бросил курить, — сказал он. — Хотел продлить жизнь... Ничего не получилось. Могу я разжиться сигаретами? — попросил он, обращившись к Хранителю.

Хранитель дал одному из охранников знак, и тот протянул Адриану начатую пачку и пластиковую зажигалку BIC.

— Спасибо, — удовлетворённо сказал Адриан.

— Мой совет, — сказал Хранитель, обращаясь к нему. — Не откладывай с мечом надолго. Никто ещё живым из Лабиринта не вышел. Чем дальше откладываешь, тем труднее это будет сделать. И тем необходимее.

— Как только я докурю свою последнюю сигарету, — с лёгкой иронией заверил его Адриан.

В этот миг Анна снова подумала, что она только что совершила страшную, трагическую ошибку. Она с надеждой посмотрела в сторону Хранителя. Наверное, он сейчас остановит охранников. Но Хранитель буквально растаял у неё на глазах. Чьи-то грубые руки подняли её и поволокли вниз по головокружительной лестнице — в сторону белого мраморного жертвенника. Зал завыл.

Глава 2. В которой Пьетро принимает решение навсегда покинуть обитель

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей.

Псалом 1:1

1228, апрель, аббатство Файфоли

Пьетро Ангелериус, сын Ангелериуса из Аbruццо, умер для мира. Но и ангелом он ещё не стал. Вместе с другими послушниками, которых было около двадцати, Пьетро был отделён от монахов монастыря, людей ангельского звания, которых насчитывалось более двухсот. Впрочем, жизнь послушника регулировалась теми же самыми правилами, что и жизнь всей братии. Аббатство придерживалось в целом устава Бенедикта, который толковался здесь в сторону облегчения общежитийных тягот. Пьетро, не знакомый прежде с монашескими правилами, находил их очень лёгкими для исполнения.

Он был единственным из всех послушников, кто поступил в монастырь без «приданого» — крупного денежного или земельного взноса в фонд монастыря, который обычно приносил с собою каждый вступающий в обитель. Аббатство славилось своим богатством — Пьетро вскоре узнает, что земли монастыря простирались на десятки миль в разные стороны. На этих землях жили и трудились около пяти тысяч крестьян, стонающих под монастырскими поборами.

Зато жизнь монашеская оказалась совсем не такой, какой Пьетро её себе представлял. В своей деревне Пьетро никогда не видел большинства из тех кушаний, которыми регулярно утешалась братия. Кроме основного рациона, который состоял из хлеба, вина, варёных бобов

и свежих овощей, монахи часто получали к столу всяких морских и речных рыб. На столе бывали и яйца, и прекрасный сыр, и всевозможные фрукты, мёды, пироги и пирожки, перец и даже горчица. Нередко на столе оказывались и зажаренные свиньи, и тушёные кролики, и варёная телятина. Стаи кур и уток регулярно поглощались братией. Благо во всём этом, как и во многом другом, у монастыря недостатка не было.

Не было недостатка у братии и в отборном вине со своих же виноградников. Часть вина монастырь продавал, а часть, особенно с удачных урожаев, оставалась для братии. Пьетро никогда не видел, чтобы люди так много пили, как в этом святом месте. Пили не только вино, иногда им позволялся и пименто — ароматизированный напиток, приправленный мёдом, специями и укреплённый элем. Для Пьетро, выросшего в крестьянской простоте, всё это было тягостной роскошью.

Но ещё больше угнетала Пьетро его отчуждённость от братии — даже от таких же, как и он, послушников. Новые товарищи Пьетро имели богатых аристократических отцов — были из числа их многочисленных отпрысков как от законных браков, так и от сторонних связей. Большое количество наследников, как известно, может привести к разорению, а потому «лишние» дети отсылались в монастырь, где им была обеспечена сытая и спокойная жизнь, а в случае прилежания, усердия и своевременной протекции — успешная церковная карьера.

Пьетро чувствовал себя чужим среди этих людей. Его изуродованное шрамом лицо стало предметом язвительных шуток, а над его низким происхождением многие открыто смеялись. Одни презрительно называли Пьетро святошей, другие шептались о чём-то, смеялись ему вслед. Несколько раз Пьетро будили ночью и предлагали прогуляться на конюшню, куда в поздний час приходили деревенские девушки. Пьетро не ходил. В те ночи он не спал уже, а думал, что девочка, которую он встретил, наверное, тоже бегаёт к конюшне. Иногда он плакал всю ночь. Блаженные видения, которые раньше часто посещали его, теперь совсем не приходили.

И тогда он стал проводить ночи в рефлектории, читая при лампаде Писание и молясь Богу. Но и здесь ему было неудобно — он был свидетелем того, что многие из братии убегали ночью, чтобы предаваться мужеложеству, которого они ничуть не стыдились, называя это «вхождением через тесные врата». Дух Пьетро был угнетён. Несколько раз он исповедовался отцу настоятелю, говоря ему о своих переживаниях, но тот только отпускал ему грехи и ничего не говорил.

Пьетро хотел было подружиться с работниками монастыря, которые прислуживали братии. Но те тоже сторонились его, считая выскочкой, — они до боли завидовали его положению и не могли простить ему того, что, будучи одним из них, он наслаждается привилегиями, которые пристали детям знатных людей.

Прошло полгода, но время не принесло облегчения Пьетро. Его единственной радостью были редкие прогулки и беседы с отцом настоятелем по саду. Но и аббату Пьетро не мог вполне открыться. Неделю он провёл в молитве и посте. Он принимал важное решение — решение, которое в корне повернёт течение его жизни. Он давно уже решил, что назад в мир ему дороги нет. Но и оставаться в монастыре было для него, бедного крестьянина, невыносимо. Пьетро чувствовал, что, останься он здесь дольше, может потерять свою душу. Оставался, таким образом, лишь один путь.

В пятницу вечером он постучал в комнату отца настоятеля. Тот сидел за большим столом и что-то читал. Увидев Пьетро, аббат отложил книгу в сторону и спросил:

— Что привело тебя ко мне, Пьетро?

Пьетро замялся. Язык у него будто заостенел. Настоятель внимательно посмотрел на него.

— Ну что ж, Пьетро, — начал он. — Раз ты сам не можешь говорить, то скажу я за тебя. А ты поправь меня, если в чём окажусь не прав. Хорошо?

Пьетро тихо кивнул.

— Ты искал в монастыре святости, и ты её здесь не нашёл. Так? — он испытующе посмотрел на Пьетро. Тот опустил глаза. Настоятель продолжил: — Ты увидел грехи братьев — их обжорство, блуд, содомитство, злые уста, пустые головы... А ещё, они не любят тебя, потому что ты — крестьянский сын. И теперь ты разочарован и готов бросить всё и уйти.

С минуту Пьетро не мог пошевелиться.

— Господь дал вам пронизательное сердце и мудрые уста, падре, — сказал он наконец. — Но я не хотел бы уходить лишь оттого, что люди презирают меня. Если через это Господу угодно смирить меня, то я смиренно приму Его волю. Но я не знаю, что делать, потому и пришёл к вам за советом.

Настоятель внимательно посмотрел на Пьетро.

— Зачем ты меня обманываешь? Ты вошёл в эту комнату с принятым решением. Как долго ты молился об этом?

Пьетро вспыхнул. От отца настоятеля ничего невозможно было скрыть.

— Неделю, — признался он.

— И постился неделю, вижу, — заключил настоятель, внимательно рассматривая Пьетро. — И что? Куда пойдёшь?

— В скит, — едва слышно выговорил Пьетро.

Отец настоятель кивнул, словно ничего другого он и не ожидал услышать.

— Что ж, Пьетро. Если Господь зовёт тебя, я держать не вправе. А от тебя я этого, признаться, и ожидал, — сказал он, поднимаясь из-за стола и выходя навстречу Пьетро. — Нечего здесь тебе делать, сын мой! — шепнул он доверительно. — Чему тебе здесь учиться? Лени? Праздности? Беги, Пьетро! Спасай свою драгоценную душу!

Слёзы выступили на глазах у Пьетро. Он упал на колени и обнял ноги настоятеля.

— Я не знаю, падре, — произнёс он сквозь слёзы, — найду ли я в себе силы, чтобы жить в полном одиночестве, совсем уйти от мира...

— Никогда, — ответил отец настоятель, — никогда ты этой силы в себе не найдёшь. Твоя сила — в Господе. Да и к тому же, — он улыбнулся и глянул на Пьетро как-то по-отцовски, — как бы ты ни бежал от людей, куда бы ни скрывался от них, Пьетро Ангелериус, люди всё равно найдут тебя. Даже если тебе этого не будет хотеться.

Пьетро стоял, ошарашенный этим заявлением. Но в глубине души он знал, что аббат во всём прав.

— На протяжении многих лет, — вспоминал отец настоятель, — я хотел последовать призыву Богию и уйти, оставить это место. Но узы земные и груз ответственности придавили меня к земле, и я упустил свой шанс — для меня теперь уже поздно что-то в жизни менять.

Он помолчал немного, взглянул на Пьетро и улыбнулся. Это была первая и последняя улыбка отца настоятеля, которую Пьетро довелось видеть.

— Но у тебя, Пьетро, всё получится. Ты станешь пустым сосудом, с тем чтобы Бог наполнил тебя. Ведь ты этого ищешь, не так ли?

— Да, падре, — прошептал Пьетро.

Аббат внимательно посмотрел на него.

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen, — он осенил Пьетро крестным знаменем.

— Отправишься в понедельник. Иди.

Пьетро схватил его руку и горячо поцеловал.

— Ну, иди же! — и Пьетро показалось, что его голос дрогнул.

Пьетро поднялся с колен и медленно пошёл к двери.

— Подожди, — услышал он. — Я хочу дать тебе кое-что. — Настоятель подошёл к Пьетро и надел ему на шею небольшой бархатный мешочек. — Много лет я берёг его для себя... Но мне он не понадобится. Тебе теперь нужнее.

У него было доброе и мудрое лицо, лицо сильное и величественное, но в то же время, как казалось Пьетро, какое-то несчастное. До конца дней своих будет хранить Пьетро образ этого лица.

— Что в нём, падре? — спросил Пьетро, заглядывая в добрые, всегда усталые глаза наставника.

— Открой и посмотри.

Пьетро ослабил тесёмку мешочка, и ему на ладонь выпали два круглых и очень твёрдых камешка.

— Это огниво, — сказал аббат. — Оно поможет тебе обогреть тело. А душу твою да согреет Господь!

Глава 3. Танец Смерти

Митра, владыка рассвета,
мы трубим твоё торжество!

Рим — превыше народов,
но ты — превыше всего!

Редьярд Киплинг. «Песнь Митре»

(пер. М. Гаспарова)

2007, 27 сентября, римские катакомбы

— К порядку! — призвал громкий голос, когда Анну и Адриана вывели на платформу и поставили перед сидевшими за длинным столом людьми в чёрном. Гигантский купол

подземного храма отражал голоса и крики, превращая их в грозное гудение, напоминающее жужжание растревоженных в улье пчёл.

Посередине, на возвышенности, стоял трон, на котором восседал грузный мужчина лет шестидесяти с мясистым носом и выдающимся подбородком. Анна сразу же узнала это лицо — его можно было часто видеть по телевизору, правда, в другом амплуа. Поверх его чёрной рясы был надет чёрный фартук.

Ноги у Анны сделались ватными, и, если бы не сильные руки охранников, она, наверное, упала бы на пол.

— К порядку! — ещё раз призвал голос Мастера.

Крики постепенно стихли.

— Эти двое, — безо всяких вступлений начал Мастер, — проникли в подземелье со злыми намерениями — установить шпионскую аппаратуру и отслеживать дела Ватикана.

Зал взорвался криками негодования.

— Смерть! Смерть! — носилось в воздухе.

Оглядываясь по сторонам, на ячейки балконов, Анна думала: «Чем я заслужила такую ненависть этих людей?» Никого из них она лично не знала, даже не видела прежде — может быть, только по телевизору. Но все они теперь желали её смерти. «Нет, — догадалась вдруг она. — Они жаждут зрелища смерти! И поэтому так подогревают себя! Все эти люди хотят видеть, как у неё будут отнимать самое дорогое — жизнь!»

— К порядку! К порядку! — не унимался Мастер. — Смерти им не миновать! Его Высокосвященство Лорд Хранитель так велел!

Зал опять взорвался — на этот раз взрывом одобрения и аплодисментов.

— Его Высокосвященство Лорд Хранитель приговорил их к Танцу Лабиринта, — заключил он.

На мгновение в зале воцарилась жуткая тишина, прислушиваясь к которой Анна старалась понять, что же это такое — Танец Лабиринта? В следующий миг подземный собор взорвался восторженными криками:

— Слава Лорду Хранителю! Танец Лабиринта! Танцующая Смерть!

Свет в храме вдруг потускнел — он теперь исходил от неровного пламени закреплённых вокруг стены рожков газовых факелов. Из невидимых динамиков полилась таинственная музыка — такую музыку, должно быть, слушали и исполняли ещё при пышном дворе фараона, перед халдейскими магами Востока, перед всесильными царями и сатрапами Мидо-Персии, перед великим Александром и его пьяными солдатами и генералами. От этой музыки у Анны кожа покрылась мурашками.

Темп музыки постепенно нарастал, и к древним мотивам начали примешиваться странные отдалённые голоса и звуки современного «техно». Непонятно откуда вокруг обелиска вдруг оказались жрицы-танцовщицы, облачённые в лёгкие полупрозрачные туники. Они задвигались в ритм музыке. Можно было чувствовать, как одна за другой по залу начинают прокатываться волны страсти, волны таинственных и страшных ожиданий. На полу вокруг обелиска танцевало около пятидесяти жриц. Они исполняли танец, напоминающий одновременно и пляску шаманов Южной Америки, и эротический танец пленниц гарема, и воинственный ритуал индейского племени, собирающегося на войну. Движения молодых тел были настолько чётки и синхронны, музыка так глубоко проникала в сознание, а короткие

туники так подчёркивали наготу, что зал, похоже, входил в настоящий транс. Краем глаза Анна заметила, что некоторые люди доставали какие-то таблетки и клали их под язык.

Ритм музыки замедлился, и танцовщицы-сирены запели песню на незнакомом Анне языке. Судя по всему, это был язык древний — даже сами носящиеся в воздухе таинственные звуки показались ей ни на что не похожими. Они зачаровывали, уносили в неведомую даль, в незапамятные времена... Внезапно музыка и пение оборвались. В воздухе зависло напряжённое ожидание.

— Она идёт! — торжественно объявил Мастер. — Жизнь и смерть!

При звуке его голоса жрицы бросились к огромной бронзовой двери на противоположной от платформы стороне обелиска. Дверь украшало, или скорее устрашало, изображение семиглавого чудовища-дракона, все семь пастей которого были угрожающе разверсты.

Внимание всего зала было теперь приковано к этой двери — казалось, оттуда действительно должна была выйти сама Смерть. Анна тоже напряглась, стремясь понять, представить, что там, за этой страшной дверью. Неужели есть что-то страшнее того дракона, который несколько минут назад грозил поглотить их? В воцарившейся тишине ей показалось, что она слышит звуки приближающихся шагов. Шаги прекратились, и все напряжённо замерли, затаили дыхание.

Дверь распахнулась, и из неё в подземный храм хлынули такие потоки света, что Анна невольно зажмурилась. Когда же она открыла глаза, то не могла поверить увиденному: прямо перед ними, всего в нескольких метрах, стояла удивительной красоты женщина, которая, как и прочие жрицы, была облачена в полупрозрачную тунику, через которую просвечивали драгоценные украшения, прикрывающие её интимные места. На её прекрасной головке к плотно уложенным чёрным волосам была прикреплена небольшая диадема — венец из золота и бриллиантов. Ноги жрицы были обуты в золотые туфли. Глаза её блестели странным блеском. Высоковольтные волны чувственности расходились от её чистой, красивой кожи. Инстинктивно Анна прониклась чувством восхищения, почти преклонения перед красотой этой женщины. Те же самые чувства, по всей видимости, испытывал сейчас и Адриан.

Жрицы снова запели на непонятном языке, и их пение сопровождалось будоражащей нервы музыкой, льющейся из невидимых динамиков.

— Великая Мать Богиня! — раздался громкий голос Мастера. — Прими от нас жертву. Жизнь и смерть — неразрывны. Если есть жизнь, значит, должна быть и смерть. Богиня Небес, великая вселенская Женщина! Ты дала нам жизнь, и жизнь мы приносим тебе в жертву. Ты сильна над жизнью и смертью, бытием и забвением. В твоих руках ключи ада и рая, жизни и смерти.

— Мне кажется, — тихо сказал Адриан, — это и есть перевод таинственной песни.

— А жертва — это мы? — прошептала Анна.

Коронованная жрица задвигалась в танце, который рассказывал древнюю историю. Если бы Анна не была так взволнованна, она могла бы многое в этом танце прочитать — целую сагу, которая Адриану была понятна. Песня и танец восхваляли Семирамиду — богиню ночи, Луну, Венеру — и повествовали о её прежней, земной жизни.

Танцевали тонкие руки жрицы, её стройные сильные ноги, её кисти и пальцы, живот и ягодицы, голова и шея — танцевала, казалось, каждая клеточка её совершенного тела. «Это, должно быть, тот самый древний танец, который танцевала перед Иродом дочь Иродиады», — думал Адриан, зачарованно глядя на жрицу. Он знал о ней, читал, догадывался, что она

есть — самая красивая, самая чарующая женщина на земле и под землёй. Поклонники древнего культа полагали, что Семирамида постоянно реинкарнируется, как Будда, в самых красивых девушек. Если бы в разгар его депрессии Адриану предложили увидеть жрицу и её танец с тем, чтобы потом умереть, он бы с радостью согласился. Но сейчас он не хотел умирать.

Сага в танце приближалась к тому моменту, когда Семирамиду взял Нимрод — этот человек-бык с неисчерпаемой половой страстью. Всё в облике жрицы переменилось. Её тело как-то неестественно напряглось, покрылось потом, в то время как её ноги, стёртые золотыми туфлями, начали чертить на мраморном полу тонкий красный рисунок. Но она, казалось, не чувствовала боли — или же боль действовала на неё как-то иначе. Анне показалось, что её движения перешли в хорошо скоординированные, если такое только возможно, эпилептические схватки. Она упала на пол, и крупные судороги стали пробегать через её тело, грозясь разбить его о холодный камень. Голоса жриц при этом повторяли одни и те же таинственные звуки, о значении которых, впрочем, несложно было догадаться, — это был крик женщины в её агонии, экстазе. Голоса жриц поднимались всё выше и выше и должны были давно уже оборваться, но почему-то не обрывались. Но вот последняя, страшная в своей силе судорога сотрясла тело жрицы, и голоса оборвались. А вместе с ними оборвалось, вылетело дыхание из коронованной танцовщицы, и безжизненные члены её распластались по полу. Кто-то вскрикнул от страха. Потом воцарилась мёртвая тишина.

Но прошло какое-то время, и тело жрицы вздрогнуло, будто кто-то толкнул её невидимой рукой. Под восторженные крики множества людей она поднялась и встала на свои запачканные кровью ноги. Она смотрела вокруг себя мутным взглядом, будто не понимая, где она и что тут делает.

— Семирамида — Царица Неба, Богиня ночи, — раздался голос Мастера. — Диана-Артемида, богиня ведьм, Великая богиня амазонок. Подобно луне блуждаешь ты по ночи, податель восторга и смерти. Готова ли ты принять от нас жертву?

Внезапно взгляд жрицы остановился на Анне и Адриане. Она повернулась, начала медленно двигаться в их сторону. Чем ближе подходила к ним, тем меньше тумана оставалось в её глазах, тем напряжённее становилась тишина на балконах. В этот момент она действительно была Царицей небесной!

Она остановилась метрах в четырёх от пленников. С такого близкого расстояния было видно, что на щеках величественной красавицы играл румянец, а тело было покрыто потом. Адриан мог чувствовать щемящий запах её секреции. Она не была фантомом, фантастической голограммой, проекцией, но живым человеком, из плоти и крови. Её красота, танец даровали ей власть превыше слов и действий, превыше харизмы Гитлера и Наполеона, гения Эйнштейна и Ньютона. Этой властью была снята голова с плеч Иоанна Крестителя. Этой же властью простая танцовщица Феодора приобрела корону Византийской империи. Красота жрицы сияла теперь перед ними светом яркой утренней звезды и проникала глубже сексуальных инстинктов человеческого рода, глубже разума, эстетики, ибо было что-то божественное в этой красоте, глядя на которую начинает казаться, что люди действительно произошли не от обезьян, а от какого-то несказанно Вышнего Начала — Бога. И вот теперь это красивейшее создание, призванное дарить жизнь, явилось сюда для того, чтобы жизнь отнять. Этот контраст, это нарочитое противоречие, очевидно, возбуждало извращённый инстинкт собравшихся здесь людей.

— Среди нас находятся те, — сказала жрица неожиданно чётким, но мелодичным голосом, — которым сегодня суждено умереть.

Толпа поддержала её приветственным гулом. Жрица подняла руку, и мгновенно наступила тишина. Её глаза были чёрною бездной, в которой тонули сейчас Анна и Адриан, и все эти

странно одетые люди, и древние фрески, и огни факелов.

— Они посылают вас в Лабиринт, — сказала она тихо, обращаясь на этот раз только к Анне и Адриану. — Это страшное место. Они хотят, чтобы вы умирали медленно и мучительно, лишаясь рассудка и корчась от боли.

Жрица перевела взгляд на Адриана, который по-прежнему зажимал в ладони рукоятку клинка.

— Но после Танца вы будете свободны — я освобождаю вас. Вы будете свободны в выборе вашей смерти — это и сделает вас властелинами своих жизней. — Она перевела взгляд на Анну, и та должна была признать, что находится в плену чар этой необычной женщины.

— Я объясню вам правила Танца, — жрица посмотрела ей в глаза. — Они очень просты. Лабиринт представляет собой путь жизни и смерти. Вам танцевать не придётся — просто идите за мной, не сворачивая, не оступаясь с пути. Достигнув центра, вы достигнете своей полной свободы от жизни. Это — всё.

Она подняла вверх свою величественную голову в алмазной диадеме и громко сказала, почти крикнула:

— Танец Лабиринта!

— Танец Лабиринта! — тут же откликнулась толпа.

В этот момент откуда-то сверху вырвалась новая волна завораживающей музыки. Жрица подала Адриану и Анне знак, и они пошли за нею, по ступенькам с платформы, в сторону обелиска, туда, где начиналась тропа лабиринта. Жрица шла, танцуя.

Они вплотную приблизились к началу лабиринта, и музыка стихла, а потом заиграла снова, но уже другую мелодию — гибкую и извивающуюся, как лабиринт. Жрица ступила на белую тропу, истёртую за столетия, или, может, тысячелетия своего существования, стопами прекрасных жриц и тех, кто за ними следовал, и поманила за собою Адриана и Анну. Танец Лабиринта начался.

Тело жрицы двигалось с грацией молодой сильной змеи. Она шла впереди, пробиралась по тропе, ни шагу не делая без того, чтобы не пробиться к этому шагу, не заслужить его своими движениями. Наблюдая за нею, Анна чувствовала, что сходным образом она сама когда-то проходила через лабиринты цифр и программ, вытанцовывая, полуинстинктивно, клавишами каждый свой шаг. Это было вдохновение, отточенное опытом.

— Один, — воскликнула жрица, закончив танец первой петли.

— Один! — вторила ей публика.

Жрица скинула с себя окровавленные туфли, которые остались лежать на той тропе, к которой Адриану и Анне было уже никогда не вернуться. У Анны защемило сердце.

Жрица снова ступила на тропу, и её босые ноги оставляли на камне слегка влажные и липкие красные следы. Музыка была иной, да и танец изменился — теперь это был не плавный изгиб змеи, но буйная пляска каких-то примитивных природных сил. Все присутствующие, казалось, были охвачены теперь лихорадкой жизни, которой знобило жрицу. Вслед за жрицей шёл Адриан с коротким мечом в правой руке, а позади двигалась Анна.

После завершения второго круга жрица скинула с себя тунику. Зал приветствовал это громким одобрением. Драгоценности на её теле заблестали ярче.

— Какой всё-таки цирк, — с сожалением сказал Адриан. — Люди всё умеют опошлить... Это просто самая радужная из всех мыслей, что приходят мне в голову.

Жрица тем временем начала движение по третьей петле. Ни Анна, ни Адриан не могли понять, о чём рассказывал её танец. Из всех присутствующих они думали о танце меньше всего. Наверное, потому, что только они могли сейчас думать о чём-то другом.

Вступая на четвертую петлю, жрица сбросила с себя драгоценности, прикрывавшие её небольшую грудь. Драгоценные камни в связке с шипением упали на мраморный пол. Зал завыл.

— Бойтесь Минотавра! — сказала вдруг жрица, поворачиваясь к Анне и Адриану. Глаза у неё снова стали мутные, как будто она была пьяна. — Бойтесь, потому что он ужасен. Он поглотит всех нас!

После постоянно повторяющихся поворотов налево и направо, хождения взад и вперёд, странные вещи стали происходить в сознании Анны. Казалось, с каждым поворотом тропы стирается ещё один участок её готовящегося к грядущему небытию сознания. Она как будто уже начала умирать.

А жрица всё плясала свой Танец торжествующей смерти. Ещё через круг на ней не осталось ничего, кроме диадемы. Она выглядела теперь худой и слабой, почти беззащитной. Но от того её страшная красота блистала ещё мучительнее и ярче.

— Остался один круг, — сказал Адриан, будто Анна сама этого не видела. — Что бы ни случилось — не бойся! У нас ещё есть шанс выбраться отсюда! — шепнул он ей на ухо.

Анна знала, что никаких шансов у них быть не могло, но всё же была благодарна ему. В этот момент нагая жрица тоже повернула к Адриану своё лицо. Оно было бледно как смерть.

— Смерть — наше последнее и наивысшее назначение, — сказала она откуда-то издалека. — В смерти лишь свобода. Смерть откроет ваши глаза.

Анна повернулась и посмотрела в глаза Адриана. И он, оторвавшись от чёрной бездны впереди них, заглянул в живые зелёные глаза Анны. Увидят ли они когда-нибудь глаза друг друга — это невероятное чудо, этот свет разума, жизни, любви? Как могла смерть открыть кому-то глаза?

Они были уже совсем близко от центра лабиринта, и зловещий обелиск с чёрным пятном вокруг него то приближались, то удалялись от них, но снова и снова притягивали к себе с каждым шагом, как притягивает чёрная дыра, которая выдёргивает планеты с их привычных орбит и разбивает об себя, увлекает в пустоту, где нет ни времени, ни пространства, откуда даже свет не может вырваться.

Где-то на середине последнего круга, словно метеоритный дождь, на Анну посыпались яркие, щемящие осколки её воспоминаний. Перед ней пролетали кусочки из забытых давно разговоров и снов, лица каких-то людей, запахи, звуки, чувства... Все окна её сознания отворились, с пыльного стола её памяти полетели куда-то ввысь бумаги и фотокарточки, и она уже не была властна над ними — она могла только быстро, ещё раз, последний, глянуть одним глазком на пролетающую мимо страничку жизни, чтобы навсегда уже потерять её. Навсегда!

Аннахватила на миг один опавший листочек с дерева своей памяти. Где это? Ах да, это её первый день в детском саду! Вот почему так пахнет свежей краской. А потом — старым деревом. Это она спускается с мамой по старой лестнице и направляется к большой, просто огромной для маленькой девочки двери. Что там, за той дверью? Почему-то Анне было очень

важно теперь знать, что за нею. «Ах да!» — вспомнила она с какой-то радостью. Когда мама открыла ту дверь, на лестничную клетку ворвался ослепительный белый свет, чудесный морозный воздух и весёлый звук московской улицы!

Жрица остановилась.

— Цветок, — сказала она дрожащим голосом, слышным только её спутникам. — Конец последнего круга — сладчайший цветок смерти, раскрывающий перед вами свои лепестки. Смерть — это кульминация любви, красота забвения. Оставьте свою жизнь и войдите!

Она ступила в чёрный круг вокруг обелиска. Жрица сама, казалось, была теперь полумертва.

— Войдите, — повторила она своё приглашение.

Они ступили в чёрную неизбежность, и время порвалось, словно серебряная цепочка, разорвалось, как золотая повязка, разбилось, как кувшин у источника. Больше некуда было идти — они могли теперь дотянуться и достать до обелиска рукой. Звуки и образы поплыли перед глазами Анны и стали тонуть в каком-то тумане, увязая всё глубже и глубже в бездне небытия.

Внезапно собор наполнился ослепительным светом. Некоторые люди вскрикнули, большинство закрыли или зажмурили глаза. Свет бил прямо в глаза Анне, и она уже не могла ничего видеть, ни на чём задержать взгляд. Она схватила Адриана за локоть и прижалась к нему, и он плотно обхватил её рукой.

— Спаси нас Бог! Спаси нас... Спаси, спаси... — шептала она, дрожа от страха. Адриан крепче прижал её к себе.

В этот миг земля под их ногами разверзлась, и подземный вакуум стремительно потянул их вниз, унося прочь от ослепительного света и от шума собора, от блестящей публики, от человека в чёрном и от усталой Семирамиды — в царство вечного мрака и темноты. А затем последовал удар, падение, и остатки сознания вместе с искрами выскочили из глаз Анны и тут же потонули во тьме.

Глава 4. В которой Пьетро находит себе новый дом

Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится.

Псалом 90:1

1228, апрель, Абруццо, Италия

Пьетро открыл глаза и увидел, что наступало прекрасное раннее утро. Солнце только что оторвалось от краешка земли и заливало её восторженным светом, будто небо и земля встретились в первый раз и с первого взгляда полюбили друг друга. Воздух был так сладок и чист, так ароматен от травы и росы, что у Пьетро закружилась голова, а на глаза навернулись слёзы. Наступило первое утро его свободы! Первое утро его настоящего хождения с Богом, Которого Пьетро благодарил — без слов — за это пробуждение. Мир вокруг был таким Божиим, таким удивительным, что Пьетро хотелось вскочить — и бегать, прыгать, кричать от счастья!

Он, наверное, так бы и сделал, если бы не его пораненные ступни и ободранные колени — прошлым вечером, когда уже темнело, а Пьетро всё шёл и шёл, опьянённый свободой, он оступился и проехался на своих голых ступнях по острым камням. Он уже не мог идти и вынужден был остаться на ночлег неподалёку от места своего падения.

С пробуждением Пьетро пробуждалась и его боль. Он сел и наклонился, чтобы осмотреть свои стопы. Из-за налипшей пыли и спёкшейся крови ран видно не было. Пьетро попытался встать, но острая боль, словно молния, пробила его с ног до головы, и он с криком упал на землю. Отдышавшись и оглядевшись, он увидел неподалёку старый дуб. К нему-то, стоная и молясь, Пьетро и пополз на коленях.

Добравшись до дуба, Пьетро стал отрывать от него кусочки коры, а затем растирать их друг о друга, превращая кору в порошок, — так учила его в детстве мама. Потом он омыл ступни горячей струёй мочи и сразу же приложил к ним растёртую кору и повязал тряпицей, оторванной от его дорожного платья. Проводить все эти манипуляции было больно, так что Пьетро плакал. Потом он встал на колени и поблагодарил Бога за Его неизмеримую мудрость и любовь, и попросил, чтобы Господь объяснил неразумному Пьетро, для какой благой цели даны ему такие страдания. Пьетро также попросил у Бога силы исполнить заповедь, завещанную апостолом, — заповедь о радости, когда впадаешь в различные искушения.

Помолившись, Пьетро снова открыл глаза и огляделся кругом. Вокруг него простиралась прекрасная долина, состоящая из лесов и лугов, окружённых со всех сторон высокими, расходящимися в сторону холмами. На самом высоком из них острый глаз Пьетро заметил места покрытый лесом каменный утёс. Он знал, что в утёсах иногда бывали пещеры, а в пещере можно было укрыться от непогоды, устроить свою келью. Лучшего для себя места он и представить не мог. На глаза его навернулись слёзы — теперь уже не боли, а благодарности: ведь вчера, в своём упоении свободой, он чуть не прошёл мимо этого прекрасного места, которое Бог приготовил для него!

— Помоги мне, Господи, взойти на эту гору, — и Пьетро, преодолевая боль, при помощи палки, которую сделал себе из сука дерева, поднялся и встал на ноги. Он сделал несколько неуверенных шагов.

— «Много скорбей у праведного, — сорвались с его губ слова псалма, — и от всех их избавит Господь», — с этим обетованием Пьетро и двинулся в сторону высокого холма. — «Он хранит все кости его; ни одна из них не сокрушится».

Хотя холм, казалось, находился недалеко, но, чтобы добраться до него, Пьетро понадобилась большая часть дня. Он шёл медленно, делая частые остановки, давая своим ногам отдых и снова пускаясь в путь, с молитвой, с псалмами преодолевая расстояние за расстоянием. Солнце уже повернуло к вечеру, когда он добрался до крутого косогора. Но идти вверх оказалось ещё утомительнее. Он ничего не ел, кроме нескольких стебельков дикого лука и лесных орехов, которые нашёл тут же, и усталость начинала давать о себе знать. Пьетро лёг на землю и долго смотрел в голубое небо Аbruццо, по которому плыли куда-то причудливой формы облака, ощущал на коже приятную прохладу ветерка. Незаметно для него самого солнышко разморило Пьетро, и он уснул.

Ему приснился родной дом, мама, отец, ещё живой, братья, сёстры, его родная деревня. На душе было легко и беззаботно. Никакие демоны не терзали его, и со спящих уст ни на минуту не сходила улыбка.

Когда он проснулся, светило уже готовилось уйти за холмы, а облака на небе посерели, местами сбились в тёмные тучи.

«Наверняка будет гроза», — подумал Пьетро, вставая сначала на колени, потом, со стоном, на ноги. Он корил себя за то, что столько проспал, но в то же самое время чувствовал себя

отдохнувшим, да и стопы болели не так сильно, как прежде. Пьетро продолжил своё восхождение.

Стемнело, а звёзды на небе так и не появились. Ветер усилился, и вот-вот должен был пролиться дождь. С высокого холма было видно, что вдали уже мелькали молнии, но звука грома ещё слышно не было. Пьетро шёл, пока у него хватало сил. Но идти становилось всё сложнее и сложнее: трава под ногами уступала место острым камням, которые ранили его и без того больные стопы. Первые крупные капли дождя хлестнули по щекам. Вдруг в отблеске далёкой молнии Пьетро увидел шагах в тридцати от себя углубление в скалистой стене. Он встал на четвереньки и пополз к скале. Дождь теперь хлестал его по спине, слышнее стали раскаты грома, ветер гнул макушки деревьев, играл мокрыми листьями, будто испытывая на прочность.

Пьетро подполз к скале и укрылся под нависшим каменным козырьком. К этому времени он уже успел промокнуть насквозь. Огляделся вокруг. Прямо над его головой нависала вековая скала, создававшая естественную крышу. Здесь можно было укрыться от дождя и ветра. Кругом валялось много сухих палок и травы, и Пьетро сложил костёр. Огниво, которое подарил ему отец настоятель и которое Пьетро привесил себе на шею, чтобы не потерять, теперь пришлось очень кстати. Через несколько минут костёр уже плясал весёлым пламенем, а ветки громко хрустели. Гроза хоть и грохотала где-то над головой, уже не была так страшна. Пьетро ещё раз поблагодарил за всё Бога, подкинул в костёр побольше веток, подложил под голову плоский камень и уснул сном праведника...

Он вряд ли мог найти для себя лучшего приюта, чем тот, на который набрёл той памятной ночью. Небольшой, закрытый отовсюду лесом и скалою луг мог послужить огородом. Неподалёку из земли бил чистый прохладный источник. К зиме Пьетро расчистил от камней и луг вокруг пещеры и выложил из них две стены — всё, что требовалось для того, чтобы у него было закрытое помещение, в котором можно укрыться от холода.

Пьетро не требовалось много еды — он ел обычно один раз в день, а иногда раз в два дня. Если заболел, то благодарил своего Создателя, повторяя слова апостола Павла: «Когда я немощен, то силен». Когда же Пьетро поправлялся, он также благодарил Господа, потому что читал в Писании, что исцеляемся мы Его ранами.

Каждый день приносил Пьетро новые радости, новые откровения. Он научился непрестанно молиться — во время работы, во время еды, во время прогулок. Он пел псалмы, смеялся, а иногда даже плакал от счастья — от той радости, что черпал в близости своего Творца. Если жил когда-либо на свете счастливый человек, то это был Пьетро с горы Мурроне в Аbruццо. Здесь он нашёл свою духовную родину.

Одиночество Пьетро, однако, длилось недолго. Местные крестьяне, узнав, что в их краях поселился отшельник, проложили в гору тонкую, но не зарастающую тропинку. Борода, длинные волосы и шрам на лице добавляли внешности Пьетро немало лет, и мало кто из крестьян задумывался, что святому отшельнику не было ещё и двадцати. Он не просил еды или чего-либо ещё, но крестьяне всё равно приносили ему и хлеба, и мёду, и овощей, и фруктов. Взамен они просили Пьетро молиться об их нуждах и болезнях. Вскоре по деревням прошла о нём добрая слава — и ещё больше больных и обременённых людей стало стекаться к нему. И Пьетро, именем Иисуса Христа, старался им всем помочь.

Глава 5. Чистилище

Per me si va nella citt; dolente,

Per me si va nell' eterno dolore,

Per me si va tra la perduta gente...

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate...

(Я увожу к отверженным селеньям,

Я увожу сквозь вековечный стон,

Я увожу к погибшим поколениям...

Входящие, оставьте упования...)

Данте Алигьери (1265–1321). Божественная комедия (пер. М. Л. Лозинского).

Надпись над воротами в Ад

2007, 27–28 сентября, римское подземелье

— Анна?!

Её разум начинал по крупицам восстанавливать сознание, возвращая её из бездны небытия к ощущению жизни и тела.

— Ты жива? Ты слышишь меня, Анна? — прозвучал в её ушах знакомый голос, и ей стало отчего-то очень сладостно — нечто подобное когда-то уже было с ней. Она открыла глаза, но ничего вокруг не изменилось.

Адриан осторожно поднял её голову и положил себе на колени.

— Ты слышишь меня?

Внезапно она вспомнила. Неужели это не был всего лишь страшный сон?

— Адриан? — едва проговорила она, протирая глаза руками, чтобы убедиться, что у неё всё ещё есть глаза и они открыты. Её голос показался ей очень громким в этой подземной тишине. — Где мы?

Внезапно тьму прорезал свет искры, а потом огонёк газовой зажигалки высветил взволнованное лицо Адриана на фоне уходящей в темноту каменной арки.

Она обняла его, прижалась к нему всем телом и зарыдала. Свет погас.

— Тс-с-с-с, — успокаивал её Адриан, тихо покачивая из стороны в сторону. — Теперь всё будет хорошо. Теперь нас никто уже не тронет.

И не важно, что он говорил, — главное, рядом с Анной была теперь живая душа, тишина не была ещё смертельной.

— Тс-с-с-с, — покачивал он её из стороны в сторону, а горячие слёзы всё текли и текли из глаз Анны. Но постепенно ей становилось легче, и она постаралась нормализовать дыхание...

— У тебя ничего не сломано? Ничего не болит? — заботливо спросил Адриан, когда Анна начала успокаиваться.

— У меня всё болит, — отозвалась она. — Но, кажется, ничего не сломано. Только ободрала колени.

Вновь на несколько секунд в темноте замигал огонёк зажигалки. Бегло осмотрев её и убедившись, что серьёзных ран нет, Адриан огляделся вокруг. Они находились в небольшой подземной часовне с нишами в стенах, прикрытыми каменными плитами — с рисунками или надписями, Анна не успела разглядеть. Через часовню, по всей видимости, проходил коридор, зияющий двумя чёрными дырами.

— Мы в Лабиринте, — сказал Адриан. — Хранитель не обманул.

С минуту оба молчали. Упоминание Хранителя подействовало на Анну угнетающе.

— Забавно получается, — заметил Адриан, осматривая стены и ниши. — Я так долго мечтал найти это место, и вот теперь наконец в нём оказался, но вряд ли рад этому.

Он подошёл к горловине туннеля и выставил вперёд руку с зажигалкой. Здесь, казалось, свет был бессилен — не выхватывал ничего, кроме неясных очертаний чёрно-серых стен туннеля, уходящего в вечный мрак. Точно такая же картина была и с другой стороны.

— Здесь этрусские надписи, — сказал он, гася зажигалку. — Это значит, что лабиринту, или, по крайней мере, этой часовне, около двух с половиной тысяч лет.

Анна всё ещё слегка дрожала, но постепенно здравый смысл возвращался к ней.

— Что, по-твоему, мы должны делать? — спросила она. — Может быть отсюда выход?

— Вряд ли, — честно признался Адриан.

Анна помолчала с минуту, обдумывая ситуацию.

— Почему лабиринт? Зачем мы здесь?

— Видишь ли, — ответил он, — в древнем мире считалось, что, идя через лабиринт, человек символически проходит всю жизнь. Двигаясь к центру лабиринта, проходя через бесконечно вилляющие петли, человек проходит путём очищения. В центре он получает свою награду, а потом тем же путём возвращается назад — это называется извлечение.

— У меня не создалось впечатления, — сказала Анна, — что этот страшный человек заботился о нашем духовном очищении.

— И всё-таки мы должны пройти этим путём, — отозвался Адриан.

— Но зачем? Какой смысл во всём этом? Ведь нам придётся вернуться назад, сюда? Зачем?

— Я не знаю. Наверное, нет никакого смысла идти. Но и сидеть на месте тоже глупо.

— Ты прав. Мы пойдём. Но в какую сторону?

— Я не знаю, — растерянно ответил Адриан.

— Скажи мне, — Анна стала осторожно подниматься по стене, — в чём состоит главная трудность лабиринта?

— Я читал, что у идущих по лабиринту и постоянно делающих повороты на сто восемьдесят градусов что-то случается с головой, — отозвался Адриан. — Мозг тоже начинает переключать свою работу то в одно, то в другое полушарие. От этого некоторые люди сходят с ума. И хотя, в принципе, идти по лабиринту кажется очень простым занятием, но на самом

деле это далеко не так. Через некоторое время человек утрачивает способность различать правую и левую стороны и уже не знает, куда ему идти. Иногда люди застревали и умирали даже в сравнительно небольших лабиринтах — они начинали метаться взад и вперёд и никогда не знали, куда идти.

— Действительно, всё так и бывает в жизни, — согласилась Анна. — Особенно если ты с самого начала не знаешь, в какую сторону идёшь. А как, по-твоему, — велик этот лабиринт? Впрочем, это мы сможем точно узнать, пройдя несколько петель.

Она замолчала, прислушиваясь к неясному гулу, доносящемуся откуда-то сверху.

— Я предлагаю идти, — сказал Адриан, — пока эти извращенцы не сбросили что-нибудь нам на голову. Будем идти и говорить, чтобы не сойти с ума. Только предлагаю двигаться в темноте — так мы сэкономим газ. Куда идём — направо или налево?

— Неважно. Пойдём направо.

Адриан выставил прямо перед собою меч, направив его в жерло лабиринта, а Анна взялась за его рубашку. Они двинулись в неизвестность. Шагов через сто, которые они прошли медленно, приспособиваясь к необычной манере передвижения, Анна спросила, чтобы нарушить подземное молчание:

— Расскажи мне немного о подземелье. Что это?

Адриан помедлил немного, собираясь с мыслями.

— Это — древнее искусство, не менее развитое, но гораздо менее понятное, чем наземная архитектура. Удивляет точность расчётов подземных архитекторов, адвокаты, и то, как могли они это соорудить без того оборудования, что есть у нас сегодня...

В этот момент остриё меча, который Адриан время от времени поднимал кверху, уткнулось в твёрдую стену.

— Стоп! — сказал Адриан, и Анна наскочила на него в темноте, прижалась к его телу.

Адриан чиркнул зажигалкой. Туннель делал правый поворот на девяносто градусов.

— Около пятисот метров, — заметила Анна. — Похоже, мы имеем дело с громадиной.

Они прошли всего лишь несколько метров, и коридор вновь сделал правый поворот на девяносто градусов. Теперь они двигались в ту сторону, откуда только что пришли. Долго идти в тишине было тягостно, и Анна снова задала вопрос:

— Но как эти адвокаты могли уцелеть до наших дней?

— У них были хорошие покровители, — усмехнулся Адриан.

— Хранители?

Адриан промолчал.

— Но кто они такие? — не унималась Анна.

— Разве этот чёрный человек не представил это достаточно ясно? — спросил Адриан.

— Честно говоря, я мало что поняла, — призналась Анна. — Наверное, я была слишком напугана.

— Помнишь, я рассказывал тебе немного о Нимроде? О древнем строителе. По Библии, он был сын Куша и внук Хама, сына Ноя. В агадических преданиях и легендах Ближнего Востока он представлен как богоборец. Ему приписывается строительство Вавилонской башни.

— Значит, — вставила Анна, — лабиринтами мы тоже ему обязаны?

— Видимо, так, — согласился Адриан. — В Библии он упоминается как царь, владения которого составляли Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар. Многие полагают, что он обладал секретами либо магии, либо чрезвычайно продвинутой науки — секретами, которые получил от общения с некими духовными существами. Так или иначе, его царствование характеризовалось стремительным прогрессом цивилизации.

— И религии? — предположила Анна.

— Религией больше занималась Семирамида, его жена, точнее вдова, наследовавшая ему. Она создала новый культ, который окончательно был оформлен после её смерти, когда она сама превратилась в Утреннюю звезду — Иштар, Астарту, Венеру. И в то время как царские фамилии сменяли одна другую, священнические династии, которым вверен был новый культ и сопряжённые с ним таинства, тоже не прекращались. И главным священническим орденом, который претендовал на таинства Нимрода, был Орден хранителей.

— Но как это возможно? — искренне удивилась Анна. — Это что — монашеский, христианский орден? Как он мог выжить в христианском Риме?

— Очевидно, мог, — тихо сказал Адриан. — Я подозреваю, что уже в ранние века Орден хранителей дошёл до ведущих постов в Римской Церкви.

— Неужели такое могло произойти? — не могла поверить Анна.

— Вполне. Уже с ранних пор римские епископы, которых позднее начнут величать папами, уделяли особое внимание катакомбам. Папа Зефирин в III веке обустроил в подаренных церкви катакомбах вдоль Аппиевой дороги кладбище для христиан и поручил эти катакомбы Каллисту, которого призвал на дьяконское служение. А Каллист был специалистом в подземной инженерии — строил в катакомбах подземные церкви, часовни, некрополи. И по смерти папы Зефирина подземный дьякон-строитель Каллист становится следующим папой, а эти катакомбы впоследствии назовут его именем.

— Другими словами, Зефирин и Каллист были из хранителей? — Анну начинал всерьёз захватывать ход мыслей Адриана.

— Я этого не говорю, но и не исключаю, — кивнул Адриан.

Внезапно Адриан почувствовал, что наступил на что-то. Он чиркнул зажигалкой. Прямо у них под ногами скрючился скелет человека, одетый в ещё не до конца истлевший, когда-то, видимо, дорогой костюм.

— А мы тут, как и следовало ожидать, не одни, — не удивился Адриан, обыскивая карманы костюма. В них ничего не оказалось, кроме небольшого газетного листка, датированного 1843 годом.

— Кто это? — с ужасом спросила Анна.

— По всей видимости, жертва хранителей. Что-то подсказывает мне, что мы встретим ещё не одного такого приятеля. А бумага нам пригодится, — сказал Адриан, пряча газетный листок в карман брюк.

Они зашагали дальше.

— Значит, и все последующие папы были хранителями? — продолжала Анна, чтобы не думать о трупах и о том, что и они точно также останутся лежать здесь навечно.

— Нет, я не думаю, что все они были из числа хранителей, — размышлял Адриан. — То были тяжёлые для Рима времена — набеги варваров, крушение империи, новые власти, новые порядки. Варвары на долгое время спутали хранителям карты, потому что вывели церковь из-под центрального контроля. В каком-то смысле варвары спасли христианство от того, чтобы ему превратиться просто в ещё одну ложу, управляемую братством подземных каменщиков. Христианство являлось крепким молодым деревом, как свойственно вообще новым религиям, но у него было очень мало опыта. На христианстве, таким образом, удобно было паразитировать старым сектам, а централизованная церковная политика Константина и последующих за ним императоров создавали для этого идеальные условия.

— То есть как? — не поняла Анна. — Императоры управляли церковью?

— В имперском Риме, — объяснил Адриан, — верхушка общества, в том числе и церкви, складывалась из лиц, приближённых и лояльных императорскому дому, связанному с ним невидимыми нитями родства или, чаще, участия в жизни одной из лож. Но имперский Рим после Константина простоял недолго. И в воцарившемся хаосе хранители на время потеряли бразды правления. Им потребуются столетия, чтобы снова обрести их.

— И в чём проявлялось их влияние, их роль? — поинтересовалась Анна.

— Хранители паразитировали на христианстве, как они паразитировали на предыдущих религиях, постепенно высушивая их и приводя в полное соответствие — за исключением, может быть, фонетики имён богов — со своей религией — культурами древнего Вавилона. С учётом, конечно же, национального колорита и с поправкой на культурные и экономические обстоятельства. Одновременно с этим выстраивалась и государственная политика. Папа же был тем лицом, к которому сходились все ниточки власти. Поэтому неудивительно, что хранители грезили папским престолом и не раз на него, возможно, садились. Но полноту власти им обрести так и не удалось.

— Почему?

— Тому есть много причин. Но самой главной я считаю отсутствие единства внутри орденов — конкуренция, борьба за власть, клановость. И, конечно же, соперничество с другими группировками, рвущимися к власти. Кого-то хранители сумели подмять под себя, кого-то поставили в прямую или непрямую зависимость, кого-то — нет. Работает тот же принцип энтропии, что разрушает любые империи.

— И ты можешь проследить их присутствие, их роль в истории? — удивилась Анна. Разговоры, даже о хранителях, отвлекали их от страшной реальности, в которой они оказались.

— Лишь отчасти, — отозвался Адриан. Ему тоже не хотелось сейчас тишины, и он был рад заполнить её словами. — Думаю, они начали процветать вновь в эпоху крестовых походов. Это было благоприятное время для многих тайных орденов. Церковь вошла в договор с самыми влиятельными из них, используя их для пропаганды и спонсирования своей мечты — завоевания Иерусалима и вместе с ним всех земель Востока. Тамплиеры — Бедные Рыцари Христа и Храма Соломона — появились именно в ту пору. И сразу же сделали соперниками хранителей. Обе организации владели какими-то секретами, тайнами, которые делали их ордена могущественными. Но если тамплиеры, храмовники, гордо демонстрировали свою славу миру, то хранители предпочитали вести партизанскую войну и в конце концов победили: в 1307 году папа Климент объявил храмовников еретиками и издал указ, согласно которому все европейские монархи обязаны были немедленно начать войну против тамплиеров и уничтожить их.

— Но при чём тут хранители? — не поняла Анна.

— Сразу же после поражения тамплиеров хранители заявили о своей силе в присущей им манере — посредством символов и ритуалов. Помнишь, я говорил тебе о Chemin de Jerusalem — «Дороге в Иерусалим»? Это и была печать их власти, которой стали отмечаться многие соборы.

— Я опять не понимаю, — призналась Анна.

— Соборы стали украшаться символами лабиринта или даже настоящим лабиринтом — это была своего рода печать хранителей. Центром выложенного из каменных плит лабиринта являлось изображение иерусалимского Храма — вожделенного места, которое теперь хранители отняли у храмовников. Об этом они и заявляли всему миру.

Адриан почувствовал мечом, что правая стена куда-то уходит. Он чиркнул зажигалкой и дрогнул от страха. Прямо перед ним, шириной в половину коридора, зияла глубокая тёмная яма. С их стороны она обрывалась горизонтально, в то время как с противоположной стороны вниз вели крутые каменные ступени.

— Что это? — содрогнулась Анна, вцепившись в Адриана, как бы удерживая его над пропастью. — Ловушка?

— Пойдём проверим, что там внизу, — предложил он дрожащим голосом.

Они осторожно протиснулись по стенке узкого коридора, спустились вниз и оказались в небольшом квадратном помещении — перекрёстке двух туннелей, пересекающих друг друга под прямым углом.

— Лабиринт в лабиринте, — прошептала Анна.

— Не исключено, — отозвался Адриан, который тем временем пришёл в себя и рассматривал поблёкшие краски рисунков, украшающих стены этой подземной часовни со сводчатым потолком.

Анна тоже пригляделась к рисункам. Несмотря на тусклый свет, она вполне могла различить на них мужчин, женщин, детей, домашних и диких животных, изображение какой-то домашней утвари, цветов. Как и в верхнем отделении, в стенах были видны ниши, заделанные мраморными плитами. Теперь Анна могла видеть, что на них было что-то написано.

— Это тумулус, — уверенно сказал Адриан.

— А что такое «тумулус»? — поинтересовалась Анна.

— Этрусская гробница. Очень древняя. Видишь, на всех рисунках у женщин кожа светлее, чем у мужчин? Это признак эпохи, уходящей корнями в ранний египетский период. Мы находимся в этрусском городе мёртвых, — заключил он.

Какое-то время оба молчали.

— Что будем делать дальше? — спросила наконец Анна.

— Не знаю, — в растерянности ответил Адриан. — Может быть, стоит исследовать нижний уровень?

— Мы не знаем ещё, где именно находимся в лабиринте, — медленно сказала Анна. — Возможно, будет более осмотрительным для нас продолжить идти по лабиринту — по крайней мере, пока мы не определимся точно, где находимся. И что-то подсказывает мне, что

мы ещё встретим подобные ямы.

— Вот и я боюсь того же, — вздохнул Адриан. — Теперь наша прогулка будет окрашена страхом.

— А раньше она чем была окрашена? — поинтересовалась Анна. Прежде чем подниматься вверх, она взяла у Адриана меч и в одном углу начертила глубокую римскую цифру I. — Возможно, мы сюда ещё вернёмся.

Они снова шли по лабиринту, только на этот раз Адриан ступал осторожнее, как бы прощупывая под собой почву, всегда готовый остановиться, отпрянуть назад. Его напряжение передавалось и Анне. Они прошли около двухсот метров, как вдруг Адриан остановился — его меч уткнулся в стену. Он чиркнул зажигалкой, и они увидели, что туннель делал поворот налево. Никаких лестниц и провалов видно не было.

На этот раз туннель оказался длиннее прежних — они шли по прямой около километра, прежде чем тот завернул налево. Но уже через двадцать метров их ждал новый поворот, и ещё — через пятьдесят, потом сто, потом двести метров.

— Как они могли построить такое? — подумала вслух Анна. Здесь, под землёю, это входило у неё в привычку — она думала и говорила одновременно. — Куда они девали все камни?

— Они делали в некоторых местах вертикальные колодцы, — отозвался Адриан. — По ним спускали рабочих и припасы и вытаскивали песок и камни. Но эти колодцы сразу же после строительства заделывались.

Они шли и шли, несколько часов. Не раз наступали они в темноте на мёртвых людей. Адриан каждый раз чиркал зажигалкой и внимательно рассматривал скелеты. Некоторые тела не истлевали, но как бы мумифицировались, и на Анну смотрели обтянутые почерневшей кожей останки мужчин и женщин, которых, как и их, сбросили когда-то в лабиринт. Предметы одежды, обнаруживаемые на людях, давали понять, что они принадлежали к разным эпохам. Иногда Адриан и Анна наступали нечаянно на кости, которые под их ногами тут же рассыпались. Сколько эти кости здесь пролежали — сказать было невозможно. И каждый раз, когда чиркала зажигалка, взглядам Анны и Адриана неизменно предстала одна и та же картина: бесконечные серые стены. При каждой остановке Анна оставляла на стене знак, чтобы не забыть, в каком направлении они двигались.

К их разочарованию, им больше не встречались ступени, и Анна уже ставила под сомнение правильность принятого ею решения. Тёмный узкий туннель извивался направо и налево, взад и вперёд, словно отсюда когда-то выполз огромный мистический земляной червь или змей, оставивший после себя отпечаток пустоты. Постоянные повороты действительно начинали туманить Анне разум, но пока она не сдавалась, считала шаги, складывала в уме повороты и составляла умозрительную карту пройденного ими пути. Когда они остановились в очередной раз на краткий отдых, она сказала:

— Похоже, я знаю, где мы находимся. Мы совсем недалеко от центра лабиринта.

— Центра? — отозвался Адриан.

— Боюсь, из этого ничего не выйдет. К центру мы близко только, так сказать, географически, — объяснила Анна. — На самом деле мы всё ещё в начале пути. До центра нам идти... около семидесяти километров.

— Семьдесят километров? — вскрикнул Адриан. — Ты уверена?

— Как и в том, что я разбираюсь немного в математике, — устало сказала она. — Там,

наверху, — добавила она грустно, — ты был честнее меня. Я тебя обманывала всё время. И даже не попросила у тебя прощения.

— Это было бы совершенно излишне, — ответил Адриан, обнимая её и прижимая к себе. — К тому же я знал, что ты меня обманываешь. Но что мне ещё оставалось делать, как не поддаться твоему обману? Я бы и сегодня сделал то же самое.

Анна тихо плакала, уткнувшись в его грудь. Почему всё было так нелепо? Почему теперь, когда она наконец начинала понимать цену жизни, когда узнала Адриана, то должна была умереть?

— Не плачь, не плачь, моя милая, моя дорогая подруга, — говорил Адриан, сам с трудом сдерживая слёзы. — Нам надо беречь влагу, — попытался пошутить он.

— Чего её беречь? Никто не может пройти под землёй семьдесят километров, — тихо, сквозь слёзы, ответила она.

Он промолчал.

Анна погладила его руку. Неожиданно она засобиралась.

— Пойдём дальше. Не будем терять времени.

— Дальше? — не поверил своим ушам Адриан. — Семьдесят километров?

— Сколько сможем, — сказала Анна.

— Но почему не назад?

— Не знаю. Наверное, мы уже слишком далеко зашли вперёд, чтобы возвращаться.

Они шли около часа, и с каждым шагом их надежда ослабевала. Анна нервно считала шаги. Неожиданно левая нога Адриана провалились в никуда, он с трудом удержал равновесие, успев вовремя отпрянуть назад. Анна вцепилась в него мёртвой хваткой. Её сердце готово было вылететь из груди. Загорелся газовый огонёк, и они увидели, что стоят перед провалом прямо посреди туннеля. Как и в первом случае, лестница была с противоположной стороны.

Прижимаясь к стене они обошли яму и спустились вниз. В разных частях комнаты лежали истлевшие трупы. Сама же комната во всём напоминала ту, в которой они были прежде. С той лишь разницей, что через неё проходил только один коридор.

— Я думаю, настало время проверить нижние ходы, — предложила Анна. — Я хочу посмотреть, как они соотносятся с верхними.

— Ты так уверена в том, что делаешь, — заметил Адриан.

— Я совсем не уверена в том, что делаю, — ответила Анна. — Но я с детства любила математику, и мне кажется, что передо мной математический ребус. И я должна его решить. По крайней мере, эти мысли придают мне силы и занимают делом, — призналась она. — И, в конце концов, — грустно улыбнулась Анна в темноте, — ты ведь не обидишься, даже если мы всё равно никуда не выйдем? Не будешь винить меня?

Адриан ничего не ответил.

— А вдруг — выйдем? — выдохнула неожиданно Анна. — Вдруг у нас ещё остался шанс? Ведь всякая игра имеет смысл, только когда есть какой-то шанс, не правда ли?

Он опять не ответил. Зачем лишать её последней надежды?

Они прошли по коридору около километра, когда почувствовали, что снова оказались в каком-то помещении. Загорелся огонёк зажигалки, и раздался ликующий голос Анны:

— Римская единичка! Мы тут уже были!

— Пойдём дальше? — спросил Адриан.

— Пойдём! — решительно ответила Анна.

Они продолжили путь прямо по коридору. Метров через пятьсот оказались в ещё одной комнате со ступенями. Пересечения туннелей на этот раз тоже не было. Анна отметила комнату римской цифрой III, после чего они взобрались вверх по лестнице и вновь оказались в верхнем лабиринте.

— Ты имеешь какое-нибудь понятие о том, где мы сейчас находимся? — спросил он.

— Ни малейшего, — призналась она. — Мы можем быть где угодно.

Они спустились снова вниз и продолжили идти по прямой линии. Но метров через четыреста коридор, к их великому разочарованию, привёл в тупик.

— Возможно, это обвал, — сказал Адриан, рассматривая возникшую перед ними каменную стену. — А может, так было задумано. Теперь уже, наверное, не разберёшь.

Они зашагали назад и шли, пока не вернулись в комнату под номером I.

— Давай попробуем отсюда пойти направо, — предложила Анна.

И они отправились вправо. Но не прошли и двухсот метров, как наткнулись снова на стену или завал. На этот раз им показалось, что это действительно был завал, — некогда коридор продолжался далее. Был ли этот обвал сделан умышленно? Или просто земля упала от древности? Может, от землетрясений?

— Пойдём ко второму номеру, — предложила Анна.

Они прошли второй номер, последовали далее и вышли к очередному перекрёстку, который Анна пометила цифрой IV. Она также отметила про себя, что расстояние между четвёртым и вторым перекрёстками было таким же, как между первым и вторым.

— Наверняка за этим кроется какая-то геометрическая фигура, — думала Анна.

Но что это была за фигура? И как она располагалась по отношению к лабиринту? Ответов на эти вопросы у неё не было.

Глава 6. В которой Пьетро отправляется в Рим с очень важной миссией

Fumum et opes strepitumque Romae!

(Дым, и блеск, и гам Рима!)

Гораций

Последние два дня Пьетро Ангелериус шагал вдоль высокого и бесконечно длинного каменного моста — акведука — и не мог нарадоваться журчанию воды где-то высоко над головой. Лето стояло жаркое и сухое, и Пьетро приятно было шагать в широкой тени, которую акведуки щедро бросал иссохшей земле. Потоки вод, собранные с тающих горных снегов, как и Пьетро, спешили в Вечный город. Странствующие монахи, встретившиеся Пьетро, поведали, что раньше, давно-давно, акведуков было одиннадцать, и все они несли потоки вод к Риму. Но когда Рим захватили варвары и не стало власти, крестьяне разобрали их на камни, и уцелел только один.

— Только потому, что этот акведуки ведёт в Латеранский дворец, к папе, а потому — он священный, и кто его тронет, тот будет наказан и Богом, и людьми, — объяснили монахи.

Пьетро возблагодарил Господа за такое чудесное водительство — ведь именно к папе он и направлялся. Ему было отрадно идти и думать, что высоко над его головою проносятся потоки святой воды — той самой, которую будут пить папа, и кардиналы, и епископы, и прочие святые мужи. Не видя их, Пьетро уже возлюбил их. Особенно он любил папу, которого положил почитать как отца. И хотя ходили разные разговоры про жизнь папы Григория, Пьетро не желал их слушать.

Пьетро был теперь примерно в том возрасте, в котором Иисус Христос вышел на Своё служение. И в Рим он отправлялся по очень важному делу — чтобы защитить своих учеников, своих последователей. Отец настоятель оказался прав: чем дальше Пьетро бежал от мира, чем строже становился к самому себе, тем более тянулись к нему люди, желающие учиться у него, находиться рядом с ним. Несколько раз уже менял он места обитания, переходил в новые пустыни, но по прошествии нескольких месяцев вокруг него снова поселялись люди, нуждающиеся в нём. Закончилось тем, что он перестал бегать от них и вынужден был заняться их обустройством, и не только духовным.

Хотя Пьетро мало заботился о том, что сам будет есть и пить, он принял на себя заботы о жизни и здоровье тех людей, которые теперь ежедневно, ежечасно окружали его. Надо было строить приюты для приходящих, кормить всех, наставлять в слове. Но всё это было бы ещё ничего, если бы не страшные новости, которые доходили до него теперь отовсюду. Злые языки говорили, что сам папа Григорий дал указ арестовывать, мучить и даже предавать смерти тех, на кого укажут его тайные агенты, фамилиары. А указывали они всё чаще на группы таких вот, как Пьетро и его единомышленники, людей, ищущих Бога и чтущих Его слово. Как ни страшно было Пьетро в это верить, всё же отворачиваться от ужасной действительности оказалось более невозможно — многие религиозные группы и ордена уже были объявлены незаконными, и приходящие из городов говорили в один голос, что повсеместно на городских площадях происходит нечто доселе невиданное: тех людей, которых вчера ещё ставили в пример благочестия, заживо сжигают на кострах, приковывая к столбу, или целыми группами — в железных клетках. Ходили слухи про какую-то Инквизиция — недавно учреждённый в Церкви отдел, который скоро выйдет из городов и зажжёт костры и по горам.

Пьетро, однако, был уверен, что всё это происходит без ведома Святейшего Папы, который никогда не допустил бы такого святотатства, такого издевательства над подобием Божиим — человеком. Кто-то должен сказать Святому Отцу о том, что происходит вдали от Рима, что местные заправила делают, манипулируя его именем. Кто-то должен защитить людей, особенно тех Божиих человек, которые ушли в горы, чтобы вести жизнь праведную и искать присутствия Господа. Пьетро, чувствуя себя ответственным за тех людей, которые последовали его примеру, решил сам пойти к Святому Отцу и поведать ему, что происходит. Ведь он знал, что люди эти — не еретики и не злодеи, но Божии люди.

У Пьетро было с чем предстать перед папой: пару лет назад он удостоился визита самого Императора Священной Римской империи Фридриха, который тогда же написал ходатайственное письмо, в коем выражал своё восхищение служением Пьетро и его учеников, их жизнью и учением. В этом же письме он заявлял о своём высочайшем покровительстве к новому монашескому ордену, у которого ещё и имени не было — Пьетро был против всяких формальностей. С этим письмом, зашитым в полу старой серой рясы, и направлялся Пьетро к папе.

Местами акведук протекал — то ли в силу своей древности, то ли крестьяне всё-таки проделали дырки, и тогда издали уже можно было видеть ярко-зелёные оазисы жизни. Падающая прямо с небес вода устремлялась на землю животворным потоком, питая землю, скот и людей. В ранний утренний час, когда солнце только поднималось из-за горизонта и вокруг не было ни души, Пьетро скинул с себя пыльную рясу, чтобы не намочить бесценный документ, и встал под потоки прохладной воды. В эти минуты ему казалось, что на него изливается благодать Божия. И только он об этом подумал, как увидел вокруг себя радугу. Водная пыль, отталкиваясь от его тела, преломлялась в лучах яркого утреннего солнца, и Пьетро был как бы облачён в одежду из света — яркого, словно лучи солнца! Пьетро упал на колени и закрыл глаза. Его благодарные слёзы смешались с падающей на него водою. Он так явственно почувствовал, каким будет его новое, небесное тело!

Недалеко от того чудного места, показавшегося Пьетро воротами в небо, тем же утром он встретил странную процессию. Навстречу ему шла толпа оборванцев, и уже издали можно было слышать их крики, песни и причитания. Впереди процессии шли нагие или полунагие люди — мужчины, женщины и дети, а идущие вслед за ними стегали их длинными прутьями по обнажённым спинам, рукам и ногам. Через некоторое время они менялись местами, и наказующие превращались в наказуемых. Снова раздавались свист прутьев и звуки песен, перемешанные с криками боли. Пьетро слышал об этих людях, но никогда дотоле не встречал их. Это были флагелланты. Они провозглашали весть покаяния. «Покайтесь! — кричали они, проходя городами и весями. — Покайтесь! Антихрист грядёт!»

Пьетро слышал, что во многих городах местные власти жестоко преследовали флагеллантов. От тех же встречных монахов он узнал, что в Милане построили шестьсот виселиц, ожидая их прибытия. Пьетро хотел сказать им об этом, но процессия не остановилась ради одного человека.

— Покайтесь! Покайтесь! — кричали они, проходя мимо Пьетро. — Церковь стала Вавилоном! Покайтесь! Выйди из неё, народ мой!

Тела некоторых особенно посвящённых были покрыты незаживающими рубцами. Большинство, однако, выглядели вполне сносно и мало походили на мучеников. Пьетро пытался заговорить с ними, но из-за него одного громадная процессия — а было их, как Пьетро мог угадать, человек пятьсот — не остановилась, но продолжила свой путь на юг, в спасительные горы, которые всегда служили укрытием для всякого рода необычных людей. Пьетро только смог понять, что идут они из Рима, потому, дескать, что Антихрист, или человек греха, сел уже в храм Божиим. И что папа и есть этот человек греха!

— Пал, пал Вавилон! — слышно было уже после того, как толпа миновала его.

Это расстроило и огорчило Пьетро. Ему горько было думать о том, как сильно заблуждаются эти люди. А ещё ему стали закрадываться в душу сомнения. Вдруг папа Григорий откажется его принять? Вдруг его примут за еретика? Что тогда станется с братией?

Один из флагеллантов, ещё совсем мальчик, с которым Пьетро удалось перекинуться несколькими словами, сказал ему, что Рим рядом и что прошлым днём они обошли вокруг городской стены, призывая народ к покаянию, и на ночь оставались за городской стеною, не

входя в «Вавилон». За ночь их отряд вырос ещё человек на семьдесят — некоторые римские крестьяне присоединились к ним всеми семьями. И ещё до рассвета они ушли, чтобы не ждать гнева властей.

— А виселиц мы не боимся, — бросил он Пьетро на прощание. — Это лучше, чем поклоняться Великой блуднице.

Встреча эта, безусловно, несколько омрачила то счастливое, безмятежное состояние, в котором Пьетро пребывал. Но и ободрила — идти оставалось совсем недалеко. Пьетро встал на колени и возблагодарил Бога за то, что Тот позволил ему встретить этих странных людей.

— Благослови их, Господи, куда б они ни пошли, — сказал он в заключение.

Поднимаясь с колен, Пьетро вдруг понял, почувствовал, что эта встреча действительно была не случайной.

— И тебе надлежит быть битому за Меня! — казалось, услышал он голос. — И тебе надлежит пострадать за имя Моё.

С этими мыслями Пьетро продолжил свой путь в Рим.

Стояло ещё раннее утро, когда Пьетро смог различить вдалеке очертания большого города — некогда центра язычества, а ныне нового Иерусалима, города святых. Пьетро запел псалом, ускорил шаг, и не прошло и часа, как он уже подходил к одним из ворот Вечного города — Порта Маджоре. Но, конечно, Пьетро никогда этого названия не слышал.

К своему удивлению, Пьетро обнаружил, что ворота являются, по сути, продолжением акведука, одна из арок которого была частью городской стены. В пролёте этой арки находились тяжёлые створки ворот, теперь закрытые. Небольшая железная калитка в воротах, однако, была приотворена. Вдоль стены и вдоль дороги уже начинали усаживаться профессиональные нищие и богомольцы. Пьетро удивился их количеству. Некоторые, по всей видимости, прямо тут и спали, и ели, и проводили большую часть жизни.

Увидев Пьетро, они закивали головами, бурча что-то невнятное и протягивая к нему грязные руки с длинными чёрными ногтями. Пьетро благословил их и направился к стоящей прямо у ворот небольшой, кубической формы часовне с многочисленными колоннами и круглыми окошками. Он решил помолиться, прежде чем зайти в Святой город.

Протягивая одному из нищих кусок хлеба из своей котомки, Пьетро спросил его:

— Скажи мне, брат мой, какому святому посвящена эта часовня?

Нищий взял хлеб, кинул его в свою грязную сумку.

— А есть ли у тебя, добрый человек, деньги?

Пьетро немного растерялся, потом вытянул из глубокого кармана монетку, которой снарядила его братия. Он не хотел её брать, но они уговорили его, чтобы он смог купить себе в Риме немного хлеба. Пьетро протянул её нищему. Но прежде чем монетка попала к тому в руки, кто-то выбил её из рук Пьетро, и десятки разных рук потянулись к ней. Нищие заспорили о чём-то на языке, которого Пьетро почти не понимал.

На шум из калитки вышел высокий широкоплечий монах с большим животом.

— Что тут такое происходит? — крикнул он, останавливая свой взгляд на Пьетро.

— Я спросил, какому святому посвящена эта часовня, — повторил Пьетро свой вопрос.

Огромный монах посмотрел на него мутноватыми глазами.

— Деньги у тебя есть? — неожиданно спросил он.

— У меня была монета, — ответил Пьетро, — но я отдал её вот этим добрым людям. — Он посмотрел на тяжело дышавших нищих.

— Теперь понятно, из-за чего весь этот вой, — кивнул великан, поворачиваясь к нищим. — Ну, живо сюда монету, — прикрикнул он.

Один из нищих неохотно протянул ему монету.

— Твоя? — спросил монах.

— Их, — ответил Пьетро, кивая на нищих.

— Значит, моя, — заключил монах, засовывая монету куда-то за пояс. — Первый раз в Риме?

— Да, — кивнул Пьетро.

— И зачем ты пожаловал в наш город? На нищего ты не похож. Но и за богатого тоже не проходишь, — засмеялся он, и нищие тоже угодливо засмеялись фальшивыми голосами.

— Я Пьетро из Мурроне, — представился он. — Человек Божий, странник и отшельник, а иду я увидеть святого папу римского и благословиться от него.

— Благословиться от папы? — снова рассмеялся верзила. — Для этого тебе понадобится много денег, приятель.

Затем он посерьёзней и посмотрел на Пьетро внимательнее, пытаясь сфокусировать свои мутные глаза. Даже через дымку похмелья ему было видно в Пьетро что-то необычное — непривычное его намётанному взгляду. Он снова полез за пояс, достал монетку и протянул её Пьетро.

— Держи свою монету, — сказал он. — И впредь будь осторожен — в Риме все будут пытаться тебя ограбить.

Пьетро взял монету.

— Могу я зайти и помолиться в часовню? — спросил Пьетро. На душе его было тяжело. Не таким виделся ему приход в Рим.

Верзила-монах покачал головой.

— Ты что же, и правда пытаешься быть человеком Божьим, братец Пьетро из Мурроне? Это ты у себя в пещере человек Божий, а здесь, в Риме, ты без лукавого не обойдёшься — пропадёшь.

— А Бог? А Бог?!

Эти слова были сказаны Пьетро с такой пылкостью, с такой решимостью и верой, что вокруг воцарилась тишина. Нищие перестали перебраниваться и с удивлением смотрели на Пьетро.

— Ладно, ступай себе, Пьетро, человек Божий, — примирительно сказал верзила, нарушая тишину. — Ты скоро сам всё поймёшь. А в часовне этой, как ты её называешь, ты не помолишься — это дом местного булочника.

Нищие опять подобоострастно засмеялись. Пьетро поклонился им и зашагал к калитке. Прежде чем пройти в неё, он помолился, обернулся назад.

— Господь да вознаградит тебя за твою доброту, — сказал он большому монаху.

С этим он повернулся и ступил на землю Вечного города. Он не слышал, как уже за его спиной, обернувшись к нищим, верзила произнёс:

— Похоже, в Рим пожаловал ещё один святой.

— Не сносить ему здесь долго своей головы, — бросил в ответ кто-то из нищих, и несколько голосов подленько рассмеялись.

К разочарованию Пьетро, Рим слишком сильно походил на Изернию, где жили его братья и сёстры. Такие же узенькие улочки, только ещё более грязные и вонючие, такие же однообразные унылые дома кубической формы. Пьетро уже не мог напрямую следовать акведуку, потому что тот проходил над домами и над улицами. Он пробирался через настоящий лабиринт тёмных улочек, проходов между двух- и трёхэтажными зданиями. Несколько раз он с трудом избежал участи быть облитым вылитыми с верхних этажей помоями — в этот час женщины начинали свои домашние дела.

Пьетро с трудом мог дышать тем зловонием — запахом разложения животной плоти и запахом человеческих фекалий, — которым тут, казалось, всё было пропитано. Один раз в темноте Пьетро наступил на спящую на земле свинью, и та с визгом вскочила и убежала, а откуда-то из окон на него закричали, что если он не оставит свинью в покое, то его самого прирежут вместо свиньи. В другом месте он споткнулся о спящего прямо на улице пьяницу, который тоже стал что-то кричать, угрожая Пьетро. Внутри у Пьетро всё похолодело, и он поспешил прочь.

По счастью, в скором времени он выбрался из трущоб и снова смог нормально дышать. Пьетро прошёл квартал красивых богатых домов, каких раньше никогда не видел. Но здесь, среди этих великолепных особняков, Пьетро, к своему удивлению, увидел и такие, на фронтонах которых были вывешены большие рисунки, безошибочно указывающие на назначение зданий. На картинках были мужчины с женщинами, а также мужчины с мужчинами, занимающиеся срамом. Рисунки были призваны завлечь в знаменитые римские бордели, о которых Пьетро слышал, но в существование которых не верил.

Но вскоре постройки закончились и начались обработанные поля, напомнившие ему те, что были в его первом и последнем монастыре. Такое же богатое разнообразие культур, такие же ухоженные и хорошо орошаемые водою из акведука грядки.

Поклонившись одному из крестьян, работавших на поле, Пьетро спросил:

— Чьи эти замечательные поля?

— А разве ты не знаешь? — удивлённо ответил крестьянин. — Того, кто живёт вон в том дворце.

Крестьянин показал в сторону огромного здания, высившегося на вершине далёкого холма — Пьетро его до сих пор не замечал. Но тут он догадался: здание таких размеров могло быть только Латеранским собором — домом папы!

Пьетро поблагодарил доброго человека и зашагал дальше. Крестьянин ещё долго смотрел ему вслед — до вечера ему некуда было спешить.

Пьетро мог воочию видеть те дома и постройки, о которых он так много слышал от проходящих паломников. Лучи раннего утреннего солнца ярко отражались в золотых,

бронзовых и медных крышах красивых зданий на холме. Величественный Латеранский собор заполнял собою большую часть панорамы холма.

Это были те самые здания, которые император Константин передал в наследие папе Сильвестру вместе с документом, где назначал папу царём всех земных царей, именуя его викарием Сына Божия — *Vicarius Filii Dei*. Как ни велика была честь императоров и королей, честь пап была несравненно выше. И этой чести они никому не собирались уступать.

Пьетро заспешил навстречу своей судьбе. Но прежде чем он успел приблизиться к собору, его внимание привлёк высокий обелиск, стоящий посреди площади. Пьетро никогда не видел таких необычных вещей, о назначении которых он не мог и догадываться. Подойдя ближе, он увидел, что грани обелиска покрыты таинственными надписями.

«Должно быть, — подумал Пьетро, — это отрывки из Священных книг на том языке, на котором их произнёс Бог!»

Оглянувшись вокруг, Пьетро заметил небольшую восьмиугольную часовню. Его сердце забилось чаще. Он слышал о ней раньше — это была крещальная часовня, которую Константин построил для римских христиан и в которой сам крещён был за неделю до своей смерти.

«Какое святое место!» — с содроганием думал Пьетро, приближаясь к величественному входу в здание, украшенному множеством мраморных колонн. Он вспомнил, что в этом самом здании папе Григорию Великому открылись чудные небесные звуки хорала *canto fermo*, который впоследствии назовут его именем.

Пьетро потянул на себя тяжёлую металлическую дверь и ступил на порог величественного здания. Никогда ещё не видел он такой красоты. Стены часовни были украшены узорами, выложенными из разноцветного мрамора, по углам плелись ярко-синие мозаичные лозы винограда, отовсюду блестело золото и серебро. Пьетро поднял голову и посмотрел в высокий купол. Латинскими буквами там были выведены слова, смысл которых умилил Пьетро. «Это фонтан жизни, служащий для очищения грехов мира и берущий начало у ран Христа».

«И ранами Его мы исцелились», — вспомнились Пьетро слова Писания.

В центре часовни располагался огромный баптистерий — бассейн для крещения, обнесённый невысокой мраморной загородкой, соединяющей восемь мраморных колонн. Пьетро двинулся к нему, чтобы напиться из него воды — той самой, которую приносил сюда акведук. Ступив босыми ногами на узорчатый мраморный пол, Пьетро вместо ожидаемого холода почувствовал тепло. Он не поверил и пощупал мрамор руками — пол и впрямь был тёплым. Подивившись этому чуду, Пьетро хотел уже двинуться дальше, но в этот момент его внимание привлёк звук, доносящийся, как ему казалось, из самого баптистерия. Пьетро прислушался. Оттуда доносились женский смех, хихиканье, всплески. Пьетро охнул от удивления.

В тот же момент над невысокой мраморной загородкой показалась женская головка. Вслед за ней показалась ещё одна — с мокрыми и растрёпанными волосами. Обе посмотрели удивлённо на Пьетро и вновь исчезли за загородкой. Однако уже в следующую секунду оттуда показались уже не две, а три головы — между уже знакомыми Пьетро женскими головами на этот раз поднялась седая голова пожилого мужчины. Тёмные глаза пронзили Пьетро насквозь. Все вместе эти три головы напоминали легендарных драконов, о которых Пьетро слышал с детства. Каким-то образом, понял Пьетро, нечистая сила проникла в святое место. Он уже собирался произнести молитву, чтобы изгнать поскорее этих демонов, как вдруг помещение огласилось громким криком, исходящим от седовласой головы.

— Стража! Стража! Куда смотрите? Выбейте-ка душу из этого вора!

Эхо разносило слова по комнате, и Пьетро уже несколько раз слышал такие слова, как «стража», «выбить» и «вора», но всё никак не мог понять, поверить, что речь идёт о нём. Он слышал также топот ног где-то позади себя, но повернуться не мог, глядя, как зачарованный, на трёхглавое чудовище. В этот момент что-то тяжёлое опустилось с размаху на его голову, и закружились, заплясали вокруг Пьетро колоннады и баптистерий, а у чудовища теперь было уже не три, а несметное количество голов. После этого глаза Пьетро застила темнота, и он уже ничего не видел и не слышал.

Глава 7. Минотавр

Souffrons, mais souffrons sur les cimes!

(Если уж страдать, то на высоких местах!)

Виктор Гюго. «Отверженные»

2007, 28–29 сентября, римские катакомбы

Холод и темнота подземелья, вместе с голодом, жаждой и усталостью готовы были поглотить Анну, и было только вопросом времени — вероятно, очень недолгого, — когда это произойдёт. Пока же этого не случилось, они, устраиваясь на отдых, прижимались друг к другу, чтобы сохранить тепло, почувствовать присутствие жизни в этом царстве смерти. Полная невидимость их тел также сближала их, требуя физического контакта, прикосновения — для того, хотя бы, чтобы убедиться: они ещё живы, существуют. Иногда им удавалось на какое-то время забыться кратким, поверхностным сном. Они уже не могли сказать, как долго находились под землёй. Время, такое заметное, осязаемое там, наверху, здесь, в темноте лабиринта, играло в головоломные игры.

— Что случается с теми, кто теряется во времени? — прошептала Анна на ухо Адриану. Они давно уже говорили шёпотом, будто боясь разбудить прячущегося где-то в потёмках Минотавра.

— Потерявшись во времени, сходят с ума, — вяло отозвался Адриан. — Наша близкая участь.

— Как ты думаешь, Адриан, какие у нас шансы выжить? — осторожно спросила Анна.

Адриан ничего не ответил. Он слишком хорошо, как и Анна, знал, что шансов у них не было никаких.

— А помнишь, — спросила она, — что жрица говорила о Минотавре?

— Она говорила о том, что он ужасен, поглотит всех нас, — отозвался Адриан. — Так, кажется. Она была безумна.

— Минотавр — это мы сами, это — наше безумие, — прошептала Анна.

— «*Quem Jupiter vult perdere dementat prius*», или «Кого Юпитер желает наказать, он лишает рассудка», — отозвался Адриан.

— Можно я задам тебе один вопрос?

Адриан только вздохнул.

— Нет, правда, для меня это очень важно знать, — заверила его Анна. — Почему ты не захотел... участвовать в том ритуале? Ведь ты и вправду ничего не мог изменить.

— Я уже сказал — сказал... тому человеку, что хочу умереть в мире.

— Значит, это действительно важно — как и какими мы умираем? Я как-то раньше об этом никогда не задумывалась.

— Это потому, что раньше ты никогда не умирала, — объяснил Адриан.

— Адриан... Допустим, мы скоро умрём... Что дальше? Ты же всё знаешь. Ты же знаток всяких там религий... Что будет дальше? Что — там? Наверное, ты и сам не знаешь... Но скажи что-нибудь, прошу тебя, уверь, убеди меня в чём-то...

— Тебе хочется веры?

— Да, хочется, — Анна выдохнула, припадая головой к его груди. — А тебе разве не хочется?

Адриан ответил не сразу.

— Я всегда хотел веры, — начал он. — Но никак не хотел верить в такого Бога, в Которого все вокруг меня верили. Мой отец, при всех его несовершенствах, любил и заботился обо мне больше, чем их Бог. — Его голос дрогнул, и Анна прижалась ближе к нему.

— Ты никогда не рассказывал мне про свою семью, отца, — сказала она полушёпотом.

— Ты меня никогда не спрашивала, — отозвался он.

— Винченцо любил рассказывать про своих предков... Хотя на самом деле они и не были его предками.

— Винченцо? Ты имеешь в виду, что он — подкидыш?

— Значит, тебе известен этот маленький секрет, — грустно улыбнулась она.

— В конце концов, он мой родственник, — отозвался Адриан. — Ты любишь его?

— Люблю? — задумчиво повторила она. — Он... он притягивает меня к себе, болезненно притягивал...

— А тебе не показалось странным... — он не закончил свою мысль, и его слова словно зависли, спрятались в окружающей их темноте.

— Что? — Анна как будто почувствовала опасность.

— Хранитель, — осторожно сказал Адриан, негромко, будто боясь, что человек в чёрном и вправду как-то услышит своё имя. — Тебе он никого не напомнил?

Она вздрогнула.

— Что ты? — спросил Адриан, обнимая её. — Ты как будто чего-то испугалась?

— Винченцо, — прошептала она. — Ты хочешь сказать, что Винченцо и... тот страшный

человек, они...

— Они, безусловно, родственно связаны, — закончил за неё Адриан.

— Ты что-то знаешь об этом? — прошептала Анна.

— Мне кажется, что я теперь знаю, кто его мать.

— И кто же это? — взволнованно спросила Анна. Ей самой показалось странным, что её ещё может что-то в этом мире беспокоить. Ведь она никогда не увидит уже ни Винченцо, ни его мать, кем бы она ни была. И все же её это почему-то трогало, беспокоило. Как будто жизнь её не заканчивалась вот-вот, и из этой всепоглощающей темноты можно было выбраться. Но с каждым часом, с каждой минутой неизбежность становилась болезненно очевидной.

— Похоже, что сам Винченцо действительно не знает, кем приходится ему баронесса, — осторожно сказал Адриан.

— Баронесса? Баронесса — его мать?

Адриан ничего не сказал, но тишина безошибочно дала Анне понять, что он в это верит.

— Но как это может быть? — не верилось ей.

— Не знаю, — задумчиво сказал он. — Но я видел баронессу не раз, и теперь почти уверен, что Винченцо — её родной сын. Мне всегда почему-то так казалось — настолько они похожи. Я даже задумывался над тем, сколь сильно воспитание и пример влияют на человека. Но не до такой же степени.

— Может, ты прав насчёт баронессы, — неуверенно произнесла Анна. — И всё равно остаётся непонятным, зачем вся эта история с подкидышем? А верить в то, что этот страшный человек является... отцом Винченцо, я не хочу. Предпочитаю оставить эту тему открытой.

— Согласен, — примирительно ответил Адриан. — Тем более что проверить нам возможности не представится.

Она прижалась к нему ближе. У неё как-то по-особенному болела, кружилась голова — то ли от голода и жажды, то ли от хождения кругами. Такого рода хождение каким-то образом действительно влияло на работу её мозга. Перед ней чаще и чаще, и не во сне, а когда они просто сидели или даже шли, стали возникать из темноты явственные зрительные образы. Она вспомнила, будто увидела своими глазами, как танцевал в их маленькой московской квартирке Толян. Сердце у неё в тот миг сжалось — ей стало так жаль его, будто что-то с ним случилось. Как он будет без неё? Как будет без неё мама?

Сны её тоже сделались осязаемыми и такими странными, что Анна прилагала теперь немало усилий к тому, чтобы не думать о них и сосредотачиваться на счёте шагов. Сны приносили ей теперь странное отдохновение, но и тревожили её. В этих снах она непременно летала. И в этих снах непременно был яркий свет. Вот этим утром, или вечером, или днём, она проснулась — и вдруг поняла, что может летать. Всё её тело наполнилось силой, налилось светом. Она знала, что может улететь из этого мрака, улететь к свету, который теперь зовёт её. Она знала, что её не сможет удержать даже подземелье. И она тотчас взмыла вверх, в темноту, и со страхом и радостью, переполненная счастьем и надеждой, летела и летела, пока не вырвалась на поверхность, к ослепительно яркому свету. И тогда она уже ничего не видела — только свет вокруг неё и в ней самой. Ей казалось, что она часть этого света, этих осязаемых золотых его снопов! В эти минуты ей было так же хорошо, как тогда, на катке...

И подобный сон снился ей уже не раз. Но потом она вдруг вспоминала, что Адриан остался

там, во мраке, заживо погребённый в большую могилу под названием «Лабиринт», и на неё обрушивался страх и угрызения совести. Как она могла бросить его? Как могла не подумать о нём! Где его теперь искать? Неужели возвращаться в это страшное подземелье? Её терзали муки совести и страх одновременно. От этой страшной комбинации она начинала проваливаться вниз, в темноту, и снова просыпалась, но теперь уже не могла летать. А потом ей снова снилось, что она пошла, потом легко побежала и, оттолкнувшись, полетела. И снова Свет, и снова страх, и снова пробуждение. Она рассказала о своих снах Адриану и добавила:

— Очень хочу в следующем сне, если такой будет, сразу вспомнить о тебе и полететь к Свету вместе с тобой. Я каждый раз говорю себе об этом и каждый раз забываю о тебе и улетаю. Неужели я такая бессовестная, а? — она погладила его по голове.

— Я когда-нибудь благодарил тебя за то, что ты пошла со мною? — задал он встречный вопрос.

— А ты и правда мне за это благодарен? — спросила Анна, и её тихий голос дрогнул.

Он обнял её и прижал к себе.

— Я страшно зол на тебя, Анна... Я страшно, страшно зол. Ты могла бы быть сейчас где-нибудь в роскошном особняке, вместе с Винченцо, возможно. Ты могла бы — могла бы — улететь. А ты тут гниёшь вместе со мной... — он не смог закончить того, что хотел ещё сказать, — не стало голоса.

— А вдруг однажды я и вправду вспомню о тебе, когда смогу летать? — мечтала она. — Я тогда улечу с тобой. Мы улетим и никогда уже не вернёмся сюда.

— Давай, — согласился он. — Давай улетим отсюда. Но, боюсь, сон этот про то, что прямо отсюда душа твоя улетит к небу. А моя душа, в лучшем случае, просто истлеет здесь. В худшем — будет вечно жариться на огне.

— Я не это имела в виду... То есть сон совсем не о том, — запротестовала Анна. — К тому же, — сказала она уже более примирительно, — это всего лишь сон.

Ей стало нестерпимо жаль его. Теперь она могла по-настоящему оценить всю утончённость той смертельной пытки, которой подверг их Хранитель. Осторожно, чтобы не напугать его, Анна прикоснулась ладонью к его колючей щеке. В этой кромешной тьме её руки развили способность видеть вещи. Погладив его небритую щёку, проведя ладонью по высокому лбу, прикрытым векам, прикоснувшись пальцами к тонкому носу, почувствовав каждую морщину, она вдруг отчётливо увидела его — таким и не таким, как она видела его раньше. Она только теперь по-настоящему разглядела, как он был красив! В нём не было той кричащей, почти болезненной красоты, которая отличала Винченцо. Ей казалось, что, трогая лицо, она прикасалась к его измученной, но прекрасной душе. Анна приподнялась, встала на колени и расцеловала это лицо губами, ставшими её третьим глазом, глазом любви. В то время как её два глаза были бессильны, она всё равно видела его — человека, с которым хотела бы прожить всю жизнь. И она проживёт её с ним, пусть даже такую короткую. Он был её возлюбленным — возлюбленным до смерти, до очень скорой смерти!

Прежде чем Адриан это понял, его губы откликнулись на приглашение. Ему показалось, что его усталое тело отстранилось от него, ушло, как тень, куда-то в темноту подземелья и из него восстало к жизни новое, невероятно лёгкое тело, которое могло летать и не утомляться, тело, пребывание в котором является уже достаточной наградой, утешением за все перенесённые страдания. Но поверх этого нежданного счастья, умножая его многократно, было пришедшее понимание того, что он любит и любим. Он сильнее прижал её к себе. Неужели это было возможно? И за что только выпало ему такое счастье? Она задрожала, и дрожь немедленно передалась его телу. С усилием он оторвал от неё одну руку и нащупал в

темноте рукоятку короткого меча, чтобы, когда тот понадобится, быстро достать и пустить оружие в дело. И тогда они умрут счастливыми.

Анна почувствовала его движение, поняла, но ничего не сказала. Она встретила с его губами, и они долго говорили друг другу на неслышном, непереводаемом на язык слов языке любви. «Ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна», — подобно Соломону, говорили губы Адриана, когда они уплывали в далёкую страну счастья, в которой забываются все несчастья и обиды, все горечи и беды. Обо всём этом надо было навсегда забыть — не тащить же весь этот безобразный груз в последнее плавание? Они искали выход из лабиринта, а нашли любовь. И это было совсем не мало!

Время является категорией относительной там, где его есть с чем соотносить. Здесь же, в тысячелетнем царстве темноты и тишины, они производили отсчёт времени от самих себя, от своего дыхания и от дыхания другого. Им казалось, что они были вместе уже целую вечность. И всё, что было за пределами этой вечности, казалось незначительным, расплывчатым. Два маленькие «я» сливались в огромное «мы», выходили из себя, из своих узких рамок, прикасались к чему-то невидимому и вечному, закону любви, являющемуся, вопреки всему, главным законом жизни...

Анна внезапно очнулась, как ото сна. Она лежала не шевелясь, чтобы не спугнуть сладкий сон — сон, утешение от которого ещё не скоро пройдёт. «Даже в подземелье», — подумала Анна, с неохотой признавая своё истинное месторасположение. Она услышала, что Адриан как будто ищет что-то. Внезапно она поняла, что он ищет, и её сердце заколотилось так громко, что она испугалась, как бы он не услышал. В кромешной темноте и тишине подземелья тело уже не казалось беззвучной машиной — оно было полно звуков.

Адриан замер, будто действительно прислушиваясь к чему-то. Анна хотела пошевелиться, но не смогла — будто была связана по рукам и ногам. На неё накатила волна леденящего ужаса. Она снова попыталась пошевелиться, но опять ничего не вышло — тело уже не отвечало на её команды. Может, она была связана? Или её тело уже приготовилось умирать? Что ж, тем легче ей будет принять смерть.

Она слышала, как оторвался от земли железный клинок. Адриан поднялся — она чувствовала это. Анна хотела ещё сказать что-то, но мысли её путались, а язык словно прилип к гортани. «Господи! — взмолилась она. — Будь милостив ко мне, грешной!»

Анна услышала, как пошевелился над ней Адриан и как двинулся куда-то в сторону. Она слышала его удаляющиеся шаги.

«Куда он уходит?» — подумала она.

Мелькнула мысль, что, скорее всего, она спит и видит сон.

Где-то в глубине коридора чиркнула зажигалка. Анна поняла — Адриан пошёл покурить. Он всегда отходил курить в сторону, потому что Анна не любила дыма. Впрочем, от дыма всё равно спрятаться было тяжело — в неподвижном воздухе подземелья он стлался, как туман. Анна знала, что он выкурил уже пятнадцать сигарет. «Это шестнадцатая, его последняя, — подумала она. — Он вернётся и убьёт меня. А потом убьёт себя».

«Так сплю я или не сплю?» — думалось Анне. Сознание её тем временем уже уплывало в дальнее плавание, в маленький московский дворик. В своём сне она снова была маленькой девочкой Аней, и это был даже не сон, а скорее припоминание. Неужели она была такая маленькая? Она отчётливо помнила тот день, который ей сейчас снился, — вспомнила почему-то именно сейчас, хотя ничего особенного тогда не произошло. Она гуляла у себя во дворе, когда заметила торопливо ползущую куда-то по неровному асфальту двора зелёную гусеницу. Как и тогда, наяву, Анна остановилась, чтобы посмотреть внимательнее на этот

маленький осмысленный зелёный комочек плоти, спешащий по своим гусеничным делам. Незадолго до этого Анна прочитала где-то, что у гусеницы около четырёх тысяч различных мышц, в то время как у человека лишь немногим более двухсот. Она не понимала, как это возможно, но смотрела на гусеницу с уважением, наблюдая, как зелёное тельце двигалось, поочередно напрягая и расслабляя свои маленькие мышцы, продавливая через всё тело свою гусеничную кровь. А ещё ей показалось, что гусеница куда-то спешила — очевидно, дорожный асфальт не казался ей безопасным местом.

Внезапно Анна вспомнила то, что показалось ей странным ещё тогда, когда она наблюдала за гусеницей. Глядя на однородный, казалось бы, рисунок асфальта, Анна теперь могла чётко различать тропинку, которой следовала гусеница. Наверное, во дворе жили сотни гусениц, и у них тоже были свои, им только известные ходы и выходы, любимые тропинки, места излюбленные и те, которых надо было избегать или откуда быстрее выбираться. Аня села на корточки и стала внимательно рассматривать путь гусеницы. К своему удивлению, она заметила, что та тропинка, по которой ползла гусеница, была тщательно убрана, подметена, и маленькие кусочки песка, крупинки асфальта и листиков были убраны с дороги, отодвинуты в сторону. Наверное, эту дорогу проложили сами гусеницы, а может, ею пользовались и поддерживали в порядке муравьи, жуки, пауки и прочие насекомые. Аня думала о том, как много им надо было потрудиться, чтобы создать такую вот трассу. И всё это — до ближайшего дождя или даже порыва ветра.

«Налево, а теперь — направо, а теперь — прямо, и снова налево, — говорила себе Аня, следя глазами за гусеницей и предвосхищая каждый её манёвр. — А теперь — направо...»

Но, к её удивлению, гусеница продолжила свой торопливый бег по прямой. Приглядевшись, Аня заметила, что в этом месте у муравьиной дороги было что-то вроде развилки.

«Налево, направо, налево...»

Но опять зелёная гусеница не послушала её и вместо левого поворота завернула вправо. Ползла она так уверенно и быстро, что у Ани не было никаких сомнений: гусеница знала, куда двигаться. Через некоторое время Аня совершенно отказалась от своих прогнозов. Приглядевшись, она увидела, что весь асфальт двора испещрён маленькими, невидимыми простому глазу магистралями, на которых течёт своя собственная жизнь, регулируемая своими собственными правилами...

Аня снова вгляделась в беспорядочный холст микродорог, и вдруг её сердце ёкнуло. В своём сне — а это, несомненно, был сон — она вдруг отчётливо увидела на асфальте двора две знакомые геометрические фигуры. Одной из них был лабиринт — точно такой же, в котором они оказались. Другой фигурой, наложенной на лабиринт, была пятиконечная звезда, пентаграмма, со всеми перекрёстными внутренними линиями. Аня заметила также, что лабиринт и звезда располагаются друг по отношению к другу по определённой системе, и она теперь чётко видела, понимала эту систему.

«Совершенные числа!» — прошептала она, просыпаясь.

Адриана рядом не было, но клубы табачного дыма доходили до неё.

— Адриан! — позвала она. — Иди скорее сюда!

Обычно, когда Анна просыпалась ото сна, она мало что запомнила, могла захватить с собой. Но на этот раз картинка была настолько чёткой и запоминающейся, что Анна без труда могла бы воспроизвести её в памяти или на бумаге так же уверенно, как схему московского метрополитена.

— Адриан! Скорее!

Адриан выдохнул последнее облако дыма и заспешил к Анне.

— Что случилось? — спросил он, чиркая зажигалкой.

— Я не знаю, как объяснить... Не знаю, почему мой мозг теперь так работает, — взволнованно проговорила Анна. — Наверное, всё здесь — и Олимпийские игры, и богиня, и гусеница, и совершенные числа... Всё теперь имеет смысл!

— Какая гусеница? Какие совершенные числа? И при чём здесь Олимпийские игры? — не понял Адриан.

— Ты помнишь расстояние между первой и второй комнатой?

— Кажется. Тысяча семьсот шагов, — неуверенно сказал он.

— Правильно! Молодец! А какое расстояние между пунктами два и четыре?

— Такое же?

— Верно. А теперь — какое расстояние между пунктами один и три?

Адриан помотал головой. Он забыл.

— Такое же, как между пунктами четыре и пять. И такое же, как между пятым и шестым — немногим более тысячи шагов, тысяча сорок пять.

— И что из этого следует?

— Ты слышал о числе фи? 1,618...

— Да, конечно. Золотое сечение. Его ещё называют божественной пропорцией. Оно широко использовалось в архитектуре, особенно в культовых постройках.

— В нашей фигуре, — объяснила Анна, — расстояния соотносятся друг с другом согласно этой самой пропорции. Тот, кто её задумал, обладал жестоким чувством юмора — с тем, наверное, чтобы и запутать, дать очень тонкий намёк. Мы столкнулись с двумя видами подземных помещений — теми, что находятся на перекрёстке путей, и теми, что просто ведут вверх, в лабиринт. Это уловка, потому что этих точек нет на внешнем периметре фигуры.

— Я всё равно не понимаю, о чём ты, — помотал головой Адриан. — И при чём тут Олимпийские игры? И гусеница.

— Про гусеницу как-нибудь потом... Интересно, как работает мозг... Я часто думаю о том годе, когда моя мама встретила отца, — это был 1980-й, год проведения Олимпийских игр в Москве. Я не знаю, как всё это сложилось вместе... Помнишь, ты говорил о том, что изначально Олимпийские игры устраивали раз в восемь лет — в ознаменование того пути, что Венера проходит за восемь лет, возвращаясь в исходную точку?

— Ты о пятиконечной звезде?

— Именно. Восемь лет отражены восьмигранной формой лабиринта. Но эти восемь земных лет соотносятся и с пятью лучами, совершенным пятиугольником, которые образуют на небе за каждые восемь лет точки слияния — соития, заметь, Адриан! — Венеры с Солнцем.

— Значит, — в раздумье произнёс Адриан, — мы имеем дело со звездой? А ведь точно, — сказал он после некоторого раздумья. — Какой же я глупец! Конечно же, это звезда! Лабиринт — змей, проводник к Звезде сакрального, высшего в мире соития — соития Венеры, воплощения женского начала, и Солнца, воплощения мужского начала! Как я мог быть таким

слепым?

— Расстояния внутри пентаграммы соотносятся друг с другом посредством числа фи. А поскольку лабиринт и звезда наложены друг на друга, как я предполагаю, пропорционально, то мы можем точно знать, где находимся. На самом деле, я это уже знаю.

— И где же? — неуверенно поинтересовался Адриан.

— Мы всего в четырёхстах метрах от центра, — заявила с уверенностью Анна. — Но это по прямой. А чтобы попасть туда, нам надо пройти, — она задумалась на мгновение, что-то подсчитывая в уме, — четыре километра и двести метров. Всего четыре километра до центра!

— А до выхода?

Анна задумалась на мгновение.

— Меньше двух километров!

— Давай вначале проверим выход, — предложил Адриан.

— Давай, — сказала она, поднимаясь. Ноги у неё гудели и болели, но она чувствовала прилив новых сил. — Мы двинемся на восток.

Они пошли по прямому коридору и вскоре, как и ожидала Анна, набрали на комнату с выходом наверх, которую они обозначили номером XV.

— Если мои вычисления точны, — размышляла Анна, — то через семьсот шагов мы выйдем к перекрёстку, который нам нужен.

Они прошли около семисот шагов, и когда Адриан чиркнул зажигалкой, они действительно оказались на перекрёстке дорог. Анна ликовала, и её энтузиазм постепенно передавался и ему.

— Отсюда мы поднимемся наверх, — уверенно сказала Анна, как будто уже много раз ходила этой дорогой.

Они поднялись на уровень лабиринта и двинулись по нему. Анна узнавала каждый поворот. Да, они, похоже, на самом деле приближались к выходу!

— Немножко, совсем немножко осталось, — говорила она. — Метров сто, может, меньше!

Внезапно рука Адриана уткнулась в глухую стену. Он чиркнул зажигалкой. Как и в предыдущих случаях, было тяжело сказать, произошёл ли тут обвал, либо так было задумано. Но пройти дальше они не могли. Обходных путей у них уже не было.

— Что дальше? — огорчённо произнёс Адриан.

— Дальше мы проверим центр лабиринта, — решила Анна. Однако на этот раз в её голосе не было уже той энергии и уверенности.

Они молча двигались по извилистому коридору, потом спустились вниз. На этот раз Анна шла впереди, поворачивая то вправо, то влево по системе, понятной ей одной. Адриан давно уже признал свою несостоятельность в решении загадки лабиринта. Наконец они поднялись на верхний уровень и зашагали по извилистому коридору, который в этом месте петлял особенно сильно. Вскоре, однако, резкие повороты прекратились, и они пошли вдоль стены, которая казалась им долгой прямой линией.

— Странно, — осторожно сказала Анна, когда они прошли по прямой шагов триста. — Здесь не должно быть таких прогонов. Неужели я ошиблась в своих расчётах?

Уверенность, которая пронизывала её ещё несколько минут назад, начала уступать место новой волне отчаяния. Пройдя ещё метров четырёхста, Анна остановилась.

— Я знаю, где мы, — едва промолвила она.

— Где? — так же тихо переспросил Адриан.

— Эта стена, вдоль которой мы идём, — она не прямая. Она слегка закруглённая. Мы ходим по кругу.

— Но как это возможно? — не понял Адриан. — Где мы?

— Мы — в самом центре лабиринта, — прошептала Анна. — Мы только что обошли этот центр кругом.

— И что это значит?

— Это значит, что центр лабиринта находится за этой вот стеной, — и Анна ударила кулаком в глухую каменную стену. — Но туда нам не попасть, потому что он закрыт. Они не оставили нам шансов.

Она опустила на землю, и бесшумные горячие слёзы потекли из её глаз. Теперь ей предстояло снова свыкаться с мыслью о смерти.

Глава 8. В которой Пьетро просыпается от своего сна и узнаёт кое-что о римской политике

И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу... и цепи упали с рук его.

Деяния Апостолов, 12:7

1240, 23 августа, Рим

Когда Пьетро с болью и не без усилий открыл глаза, его взгляд наткнулся на низкий сводчатый потолок.

«Где я? Что здесь делаю? Почему всё тело так болит?» — думал Пьетро.

Он вдруг понял, что лежит на каменном полу. Помогая себе руками, он с трудом приподнялся и, подвинувшись, прислонился к каменной стене. Он находился в небольшом помещении, напоминающем монашескую келью, но несравненно грязнее. Из маленького окошка под самым потолком лился нестройный свет. Утро? Вечер?

Внезапно на противоположной стене Пьетро заметил большой крест — тень от решётки чертила его на стене, и крест, казалось, плыл в тихом свете. У Пьетро на глаза навернулись слёзы. Он понял, что его Спаситель напоминает ему, что Он с ним, и что всё находится под Его зорким оком. Пьетро очень обрадовался этой мысли. Он почувствовал, как к нему возвращаются силы, и перевёл взгляд со стен на своё собственное тело, осторожно ощупал руками голову. На макушке была огромная шишка, а всё тело ломило. Но Пьетро ничего не помнил — упал ли он откуда, побили ли его? Он подумал, что хорошо было бы умыться, и эта

мысль, как вспышка, выхватила из его памяти трёхглавое чудовище в купальне. Неужели это был не сон?

Внезапно Пьетро вспомнил про грамоту императора, и его руки потянулись к тому месту, где было зашито письмо. Его сердце дрогнуло: шов был вспорот, и грамоты на месте не оказалось. Без этой грамоты папа вряд ли примет его, простого крестьянина. А это значит, что Пьетро подвёл своих братьев, которые так надеялись на него, так молились за него. Это даже могло пошатнуть их веру в то, что Господь благоволит избранному им пути.

Пьетро встал на колени и стал молиться. В силу установившейся с детских лет привычки молился Пьетро и говорил с Богом постоянно. На этот раз он просто кричал Ему:

— Боже мой, что такое я сделал? Чем прогневил Тебя? Прости меня, в чём слукавило сердце моё. Не попусти, чтобы из-за моего греха, моей немощи пострадали братья мои!

Он ещё долго молился, исследовал своё сердце, и всё больше приходил к внутренней убеждённости в том, что всё случившееся с ним должно было иметь какую-то причину, какую-то цель. Но голова его гудела, и ему тяжело было собраться с мыслями.

Встав с молитвы, он, пошатываясь, подошёл к двери и попытался её открыть, но она не поддавалась. Значит, он действительно находился в тюрьме. Зловоние, исходящее из угла камеры, где стоял большой глиняный горшок, служащий туалетом, подтверждало его грустную догадку.

Пьетро стал стучать. Он хотел знать, каким образом здесь оказался и что случилось с его письмом. Но как ни бил Пьетро в тяжёлую дверь, обшитую листами бронзы, на его стук никто не пришёл. Выбившись из сил, Пьетро опустился на грязную солому, служившую узникам постелью. Делать было больше нечего, и Пьетро лёг на спину, с трудом расправил тело, каждый член которого испытывал сейчас боль. Он закрыл глаза и продолжил свой разговор с Богом, который унёс его далеко за пределы тесной камеры, в мир свободы, в его лесную келью, к его возлюбленным братьям. «Если бы только я смог что-то сделать для них! — взмолился Пьетро. — Господи, пошли нам избавление!»

Из полусна Пьетро вывел звук приближающихся шагов. Лязгнул замок, тяжёлая дверь распахнулась, и в камеру вошёл человек, облачённый как монах, со связкой ключей на поясе и с факелом в руке. «Наверное, — мелькнуло в голове у Пьетро, — я нахожусь в монастырской тюрьме». Пьетро хотел что-то сказать монаху, спросить его о чём-то, но тот не обращал на него никакого внимания, вставляя факел в отверстие в стене.

Вслед за ним в комнату вошёл другой человек — пожилой римлянин, вместе с которым в комнату, казалось, влился особенный воздух. Одет он был просто, но не без некоторой изысканности, так что даже Пьетро, который не был искущён в моде, каким-то образом почувствовал, что эта кажущаяся простота стоит немалых денег. Впрочем, возможно, это чувство исходило не столько из-за одежды, сколько из-за внутреннего величия этого статного старца. Сердце Пьетро затрепетало — он знал, что явился его избавитель. Ему даже показалось, что он видел этого человека раньше — во сне, возможно? Он и сейчас сомневался — не снится ли ему всё это? На всякий случай он ущипнул себя за руку.

Этот быстрый жест не укрылся от седовласого старца. Он тихо улыбнулся, дал знак тюремщику удалиться и пристально посмотрел на Пьетро, который успел подняться на ноги и теперь приветствовал своего гостя низким поклоном.

— Так ты и есть тот самый Пьетро из Мурроне, святой отшельник, человек Божий? — спросил он, с любопытством разглядывая Пьетро, представлявшего собой довольно жалкое зрелище: его волосы и борода скомкались от застывшей крови, под левым глазом красовался огромный, чернеющий синяк, а серая ряса была разорвана в нескольких местах.

Пьетро упал на колени.

— Прошу тебя, Божий человек, кто бы ты ни был, не величай меня так, ибо я вовсе не тот, о ком ты говоришь. Я — человек, грешник, Пьетро, живущий в Мурроне, спасающийся с прочими в горах. Никто не свят, как только Бог!

— А папа? — неожиданно спросил старец.

Пьетро на мгновение замер. Что ответить этому человеку? Скажет он ему, что папа и вправду свят, — и тогда нарушит Слово. Если же признает обратное, ему могла грозить смертная казнь — именно такими вопросами, слышал он, и занималась новоучреждённая Инквизиция. Пьетро должен быть честен, но мудр. Он внимательно посмотрел на старца.

— И за Первосвященника надобно было жертву за грех приносить, — сказал Пьетро.

Старец посмотрел на него с растущим уважением.

— А ты умнее, чем кажешься, Пьетро из Мурроне. И намного опаснее.

Пьетро вздрогнул. Неужели он ошибся? Неужели его подвели его внутренние очи? Старец, заметив его реакцию, дружелюбно, почти доверительно улыбнулся.

— Меня тебе нечего бояться.

— Кто ты? — осторожно спросил его Пьетро. — Может, я слышал твоё доброе имя?

— Имя моё, и моего отца, наверняка, слышал даже такой затворник, как ты, Пьетро, — снова улыбнулся старец. — Я — кардинал Джованни Колонна.

Пьетро упал на колени и низко склонил голову. Кардинал Джованни Колонна! В ту пору кардиналов было немного, не более двадцати, потому их имена знали все римляне, а о наиболее известных слухи доходили и до самых далёких уголков — пусть даже с большим запозданием.

Колонна-младший — называли его, несмотря на солидный уже возраст. Пьетро прежде слышал и о нём, и о его дяде — знаменитом кардинале Джованни ди Сан Паоло, или Джованни Колонна-старшем, который прославился своей благотворительностью и миротворчеством, но прежде всего — дружбой с Франциском Ассизским. До скита Пьетро доносились также слухи о том, что Колонны в Риме популярнее самого Понтифика, что вызывало, согласно злым языкам, гнев и недовольство папы Григория.

Пьетро не знал того, о чём знал каждый в Риме: что папская булла *In Coena Domini* являлась, по сути, выпадом против семейства Колонна — отлучением их от Церкви. Но отлучения этого никто всерьёз не принял, и оба Колонна продолжали находиться на самых влиятельных постах в курии. Этот в высшей степени интересный феномен не был обязан своим происхождением терпимости пап, но выстроился благодаря их тонкой политической игре. Дело в том, что у пап был ещё один, не менее грозный и куда более коварный враг — семейство Орсини, которое, в свою очередь, являлось традиционным врагом рода Колонна. Благодаря этим двум родам в папской курии установилось зыбкое равновесие, малейшие колебания которого моментально влияли на общую обстановку в коллегии кардиналов. Всего этого Пьетро не знал и знать не мог.

— Так что же с тобой случилось, Пьетро из Мурроне? — спросил кардинал, поднимая Пьетро с колен и заглядывая ему в глаза.

— Какие-то бандиты напали на меня, избили и украли очень важное письмо.

— И кому оно предназначалось?

Пьетро посмотрел на кардинала.

— Папе, — прошептал он. Разве могли у него быть секреты от такого человека, как кардинал Джованни Колонна? — А как, — с любопытством глядя на старца, — вы узнали обо мне?

Кардинал распахнул свою тонкую тунику и откуда-то изнутри достал знакомый Пьетро листок бумаги.

— Письмо! — воскликнул Пьетро. — Слава Богу! Оно цело!

— Воздай лучше Богу славу за то, что ты сам остался цел, — сказал старец, всё ещё не отдавая Пьетро письма. — Это письмо могло — и может ещё — стоять тебе жизни. И не только тебе одному, как я понимаю из его содержания, но и твоим братьям.

Пьетро вздрогнул. Как? Каким образом он мог подвергнуть опасности своих братьев?

— Если бы это письмо попало к папе, — тихо продолжил старец, — тебя бы тотчас закололи, а твои братья попали бы на самый верх длинного списка еретиков, от коих Его Святейшество стремится избавить Церковь.

Пьетро не верил, не хотел верить услышанному. Почему бы папа вдруг сделался его врагом? И какое отношение к этому имеет письмо? Отвечая на его немой вопрос, кардинал произнёс:

— Вот и видно, что ты отшельник и ничего не знаешь о том, что происходит в Риме. Всем давно уже известно, что с недавних пор император Фридрих возглавил тот список, о котором я тебе только что сказал.

Пьетро с недоумением посмотрел на кардинала.

— Папа ненавидит императора по одной простой причине — он охотится за его короной и землями, — объяснил он ошарашенному Пьетро. — Когда Фридрих занемог в Отранто, папа поспешил отлучить его от Церкви, надеясь, что тот вскоре умрёт и тогда папа сам сможет занять императорский престол. Но Фридрих неожиданно для всех пошёл на поправку и вскоре, чтобы доказать свою преданность Церкви, отправился в Святую землю, где одержал ряд решительных побед и совершенно почистил пёрышки. Оттуда он ещё страшнее для папы, чем из Германии. Поэтому все друзья императора сделались врагами папы. Понимаешь ли ты теперь, Пьетро из Мурроне? — завершил он, протягивая злосчастное письмо.

Пьетро взял письмо, не вымолвив при этом ни звука. Он не знал, что ему думать, чему верить.

— Так что ты намереваешься делать с этим письмом? — спросил кардинал.

Пьетро ещё немного постоял, раздумывая, и наконец ответил, протягивая письмо обратно кардиналу.

— Я доверяю вам судьбу этого письма. Точно так же, как я доверяю вам и мою жизнь, если она нужна вам.

Кардинал забрал письмо. Складки у его губ открыли Пьетро, что кардинал остался доволен его решением.

— Вот и хорошо, брат Пьетро, — сказал он, поднося письмо к горящему факелу. Бумага быстро почернела и вспыхнула ярким пламенем.

Пьетро зажмурился. Он ещё сомневался в правоте своего поступка.

— Почему, — спросил он, когда письмо догорело на полу и кардинал раскидал пепел носком сапога, — почему вы это сделали? Почему вы это для меня делаете, я хотел сказать?

— Ты уже не веришь в римское бескорыстие? — засмеялся кардинал. — Сколько тебе лет, Пьетро? — спросил он уже серьезным голосом.

— Тридцать один, — смущённо ответил Пьетро. Большинство считало его гораздо более старым.

— Тридцать один, — повторил кардинал. — Иисус вышел на служение в этом возрасте. А брату Франциску из Ассизи было двадцать восемь лет, когда мой отец — его называют моим дядей — кардинал Джованни Колонна-старший его встретил. Он тогда, подобно тебе, пришёл в Рим, чтобы узаконить свой орден. Тогда этот самовлюблённый нахал Лотарио дей Конти, сделавшийся папой Иннокентием III, выгнал Франциска с позором, заявив, что его «Устав» годится разве что свиньям. А отец, слушавший то же, что слушал дей Конти, поверил Франциску. Он последовал за этим молодым человеком, нашёл его на улице в полном отчаянии, не зная, куда идти и что делать. Отец поддержал его, повёл к себе домой, а потом всячески ходатайствовал за него, оберегая всё ещё незаконный орден от гонений. Мой отец замечательный человек — справедливый и милосердный, хотя мог быть и жёстким, даже жестоким. На свои деньги он построил много больниц и приютов, его усилиями был предотвращён ряд кровавых междоусобных войн. Но это уже мало кто помнит, а скоро и совсем никто не вспомнит... А вот ты, молодой отшельник, — кардинал заглянул Пьетро в глаза, — ты что слышал о моём отце?

Пьетро несколько смутился.

— Да, я слышал о нём как о друге Франциска и что он построил много больниц для бедных, а братья-францисканцы трудились в них.

— Вот видишь, — задумчиво произнёс кардинал. — Если бы не Франциск, о моём отце и не вспомнили бы. А вообще, — добавил он, — прошло не так много времени со дня смерти брата Франциска, а как изменился его орден. Франциск сейчас и не узнал бы его. Впрочем, может, я не прав, и, может, не всё так плохо... Отвечу наконец на твой вопрос, зачем я тебе помогаю, в чём моя корысть, — улыбнулся кардинал Джованни. — Я хочу, если ты мне позволишь, стать для тебя тем, чем стал для Франциска мой отец. Желаю помочь тебе и твоему ордену стать на ноги. И, может быть, спустя много лет кто-то и помянет меня добрым словом и именем, вспоминая твоё имя, Пьетро из Мурроне. В этом есть, признаюсь, немного римской гордыни, но у кого её нет?

Последние несколько часов привнесли столько перемен в жизнь Пьетро, что он пребывал в растерянности. Кроме того, его члены ныли, а в голове гудело. Но теперь он точно видел, каким чудесным образом Бог спас его и братию. Позднее он ещё подумает над всем тем, что сказал ему кардинал Колонна. Но и теперь уже Пьетро ясно видел, что это был человек, которого в его жизнь послал Бог. Говорить Пьетро уже не мог. Он хотел опуститься на колени перед своим спасителем, но кардинал удержал его.

— Зачем всё это? Ты чище и лучше меня, Пьетро. Впрочем, — он осмотрел его сочувственно, — не столь уж ты и чист. Пойдём-ка поскорее ко мне домой. Там тебя помогут, и накормят, и позаботятся о твоих ранах. А потом мы с тобой ещё поговорим — о многом поговорим. Ну, пойдём же.

Пьетро сделал шаг к двери, но как будто что-то вспомнил и остановился.

— А как к вам попало это письмо?

— Я его выкупил у людей Главного, — тихо сказал кардинал. — У меня с ними уговор такой. Они знают, что Главный им бы всё равно ничего за это письмо не заплатил. Вот они и пришли ко мне.

— А Главный — это кто? — недоумевающе спросил Пьетро.

— Главный — это тот, которого ты видел в купальне, — испытующе взглянул на Пьетро кардинал.

Пьетро тут же вспомнил обрюзгшую седую голову, искажённый в гримасе гнева рот и слова: «Выбейте-ка душу из этого вора!»

— А кто этот человек?

— Как? — удивлённо посмотрел на него кардинал. — Ты ещё не догадался? Это и был Его Святейшество, папа Григорий со своими конкубинками. Их у него целый гарем. Ну, пойдём же, Пьетро из Мурроне. Ты поедешь по Риму в карете. Тем более, идти ты, как я вижу, не можешь.

Глава 9. Озарение

Надежда – сновидение бодрствующих.

Клавдий Элиан (ок. 170 г. — ок. 235 г.)

2007, 29 сентября, римские катакомбы

— Мы сделали всё, что было в наших силах — и даже больше того, — сказал Адриан, придерживая Анну за плечи, покачивая и успокаивая её.

Их странствию пришёл конец, они оба понимали это. Дальше идти у них не было сил, да и некуда было дальше идти.

— Не хочу умирать медленно, — тихо сказал Адриан. — Я уже достаточно времени так умираю — целых десять лет.

— И что ты предлагаешь? — проговорила Анна сквозь слёзы. — Покончить самоубийством? Как ты себе это представляешь? — Он хотел что-то сказать, но она не захотела слушать. — Я не хочу умирать, не хочу, не хочу...

— А разве у нас есть выбор? — спросил Адриан. — Мы всё равно умрём, притом очень скоро и очень мучительно.

— Нет выбора? Никогда не верила людям, которые говорят, что у них нет выбора. Они делают ужасные вещи, эти люди, которые говорят, что нет выбора, — шептала сквозь слёзы Анна. — Я не хочу... Понимаешь ты, не хочу бояться тебя, бояться себя... Да, я умру, но я не хочу умирать от твоей руки, равно как и от своей. Я знаю, это очень, очень эгоистично, но прошу тебя — не делай этого.

Весь мир казался теперь далёким, иллюзорным для неё. Прошло, перегорело всё, что представляло для неё ценность на поверхности. Рассеялась, будто никогда её и не было, страсть к Винченцо. И только один человек, Адриан Фера, был нужен и ценен для неё сейчас.

И этот человек готов был в любой миг пресечь её и свою собственную жизнь. Адриан прижал её ближе к себе. Почему всё должно быть так ужасно? Почему всё так несправедливо? Почему тот человек, который был ему дороже всего мира, должен мучиться, а затем умереть — на его глазах или от его руки? Они сидели в крошечной тьме, прижавшись друг к другу, ища утешения. Но чем они могли утешиться?

— Если я умру своей смертью, — прошептала Анна, — наверное, буду выглядеть, как скелет. Но этого всё равно никто не увидит в этой тьме, поэтому не страшно. Совсем не страшно. Зато у нас будет ещё много-много времени вдвоём — мы можем говорить и говорить, пока хватает сил. Мы можем заговориться до смерти, — она попыталась улыбнуться. — Я буду читать тебе стихи — я знаю много, много стихов. А ты будешь рассказывать мне разные истории. Расскажешь о себе — как ты жил все эти годы без меня.

— Плохо жил, — признался Адриан. — Не хочу даже вспоминать.

— Тогда ты расскажешь мне свои истории про архитектуру, про пап, церковь...

— Ты рассуждаешь так, будто у нас вся жизнь впереди, — тихо сказал Адриан.

— А разве не так? Сколько её ни осталось — всё же это наша жизнь. И я ещё о многом, об очень многом хотела порассуждать с тобой.

— О чём, например?

— Ну, о смысле жизни. Ведь должен же быть какой-то смысл? Или я совсем отстала от жизни? Да нет, я верю, что во всём есть какой-то смысл. Но я не могу его уловить, он — как дыхание, ускользает от меня каждый раз, когда я чувствую, что обрела его.

— Смысл жизни? — отозвался он. — Какой смысл? Вот рождается ребёнок, человек — рождается в такой вот непролазный лабиринт, у которого нет конца, нет выхода, и идёт себе вместе со всеми, поёт песни. И его не смущает тот факт, что он идёт в никуда. Он просто идёт, и ему иногда больно, иногда весело. И только когда он подходит к своей черте, к глухой стене, к которой подходят все, когда остаётся один, тогда начинает паниковать, биться. Но что за дело до него другим? Тем, которые всё ещё идут и поют песни о выходе из лабиринта? Они ещё не знают, не хотят знать, что выхода нет.

— А как же вера в Бога? — возразила Анна. — Неужели всё это выдумки — религиозный «диснейленд», как ты сказал тогда, в Ватикане? За эти недели, что я провела с тобой, я многое поняла, но и много новых вопросов открылось. И я хочу знать ответы.

— Интересно, — заметил Адриан, — что ты ещё хочешь что-то знать... Что это может изменить? Да, действительно, в человеческой природе есть какая-то неизъяснимая загадка. Что это? Я ничего не понимаю... Что влечёт тебя? Что влечёт меня? Почему мы так цепляемся за жизнь?

— Это именно тот самый вопрос, на который я хочу найти ответ, — сказала она, прижимаясь к нему. — А скажи мне, Адриан, что станет с нашими душами, когда мы умрём? Ты веришь в душу?

— Душе для своего существования нужно тело. Нет тела — не будет и души.

— Но разве не верят многие люди в то, что душа и после смерти тела остаётся жить? — не унималась Анна.

— Люди во что только не верят, — отозвался Адриан. — Впрочем, когда-то христиане считали, что после смерти человека душа как бы засыпает, а пробуждается только в Судный день — для того, чтобы быть либо оправданной, либо осуждённой. Думаю, меня устроила бы

уже первая часть их верований — душа засыпает и исчезает, успокаивается навеки, не знает ни терзаний ада, ни пытки ожидания суда. Она просто спит и спит — спит вечно.

— А я, наверное, не хотела бы вечно спать, — сказала Анна, и даже в темноте Адриан мог видеть её грустную улыбку.

— Давай не будем пока о смерти, — попросил Адриан. — Скоро мы и так узнаем, что случается с человеком, когда тот умрёт.

— Но всё же, скажи мне, Адриан, — не унималась Анна. — Как может жизнь быть такой абсурдной штукой? Зачем все эти высокие мечты, идеалы, стремления?.. Зачем столько возиться с человечком? Мы совершенно потеряны в неисчислимых галактиках, нас окружающих. Что такое жизнь? Сознание? Зачем они? Вспыхнет где-то на задворках космоса жизнь, на миг вспыхнет, как летом светлячок, — и снова всё поглощено тьмой. Я боюсь этой тьмы, Адриан... Боюсь, что она поглотит меня.

— Я сейчас в последний раз зажгу зажигалку, — сказал Адриан. — Закрой глаза, а то будет ярко.

Анна приготовилась. Неужели она ещё раз увидит что-то своими глазами? Неужели они ещё не растворились в этой темноте? Вспыхнул огонёк, и Адриан закурил сигарету — ту самую, маленькую, что продал ему таксист. Анна успела уже про неё забыть — настолько давно, в другой жизни, это случилось.

— Я приберёг лучшее напоследок, — слабо улыбнулся он, выдыхая из лёгких сладкий дым и протягивая сигарету Анне.

— Ты же знаешь, я не курю.

— Это — совсем другое, — настаивал Адриан.

— И всё-таки я не буду менять свои привычки перед смертью. Кури сам. И можешь никуда не ходить.

— Что ж, пускай будет так, — согласился Адриан, и огонёк сигареты переместился в сторону и загорелся ярче, освещая его лицо.

Она глядела на этот свет, возможно, последний свет в её жизни, и слёзы выступили у неё на глазах. Преломлённые в слезах, перед ней кружились теперь десятки огоньков, движущихся по причудливым орбитам.

Внезапно Анна почувствовала удивительную лёгкость, а её мысли начали выходить из-под контроля, так что ей начало казаться, будто она наблюдает за ситуацией и за собой как бы со стороны. Она подумала, что это, наверное, эффект от дыма той маленькой сигаретки, которую молча курил Адриан.

Анне стало казаться, что всё вокруг них каким-то образом переменялось. Подземелье перестало пугать её. Оно было всего лишь проходом куда-то, а не пунктом назначения. Ей стало казаться, что она теперь может встать и уйти отсюда — выйти на воздух, на свет. Надо только, чтобы кто-то показал ей дорогу. Она снова стала вглядываться в пляшущие перед ней огоньки. Ей вдруг померещилось, что они не просто пляшут — рисуют что-то. Вглядевшись, Анна ахнула: огоньки рисовали перед ней прекрасный, залитый весёлыми огнями корабль, огромную яхту, плывущую в море под алыми парусами — парусами прозрачного дыма, окрашенного огоньком тлеющей сигареты. Яхта то становилась реальной, вырастая перед Анной в размере, то уменьшалась, почти пропадала где-то в дыму.

— Мне кажется, — сказала Анна, прислушиваясь удивлённо к своему собственному

странному голосу, — что у меня начинаются галлюцинации.

— И что же тебе видится? — поинтересовался Адриан, выдыхая дым.

— Мне видится прекрасный корабль с алыми парусами. Корабль, который я как будто когда-то уже видела — он приплывал ко мне во сне.

Адриан неожиданно рассмеялся.

— Что такого я сказала? — обиделась Анна.

— Ничего удивительного, — успокоил её Адриан. — Воскурять в подземелье гашиш было древним скифским погребальным обычаем. Они бросали на угли немного травы, и тогда только проводили свою погребальную церемонию. А корабль или лодка всегда были символами смерти, точнее, переправы из этой жизни в жизнь потустороннюю.

— На всё-то у тебя есть объяснения, — отозвалась Анна. — А вот откуда приплыл этот корабль — можешь ты мне это сказать?

— Из далёкой земли Осириса, — сказал Адриан. — Это корабль, который приплывает за душами. Его нельзя увидеть глазами смертных.

— Пожалуйста, зажги свет, — попросила Анна. Ей хотелось ещё раз посмотреть на Адриана, на себя теми глазами, которыми она смотрела на мир двадцать шесть лет. Скоро этот мир навсегда потухнет для неё, как слабый огонёк зажигалки.

Вспыхнул свет, осветились мрачные стены подземелья, озарилось лицо Адриана. Внезапно он вздрогнул и вскрикнул.

— Смотри! — быстро вскинул он руку, указывая куда-то.

— Что там? Корабль? — испугалась Анна.

— Дым! — прошептал Адриан. — Он движется!

Анна быстро повернулась туда, куда указывал Адриан. Действительно, поднимаясь под потолок, дым стелился по стене, жался к ней, и медленно, но целенаправленно двигался куда-то вправо, в темноту пещеры.

— Скорее! — крикнул Адриан, вскакивая на ноги. — Дым куда-то уходит. Значит, ему есть куда уходить. Он покажет нам дорогу!

Внезапно зажигалка погасла.

— Нет! — закричал Адриан. — Только не сейчас!

Он стал чиркать кремнем, но кроме искр никакого света зажигалка не давала. Анна была уже на ногах.

— У нас есть ещё другие ресурсы — у нас есть ладони, пальцы, — заговорила она. — Мы пойдём за дымом и будем щупать стену.

— Можно попробовать, — согласился Адриан. Что ещё оставалось делать?

Он подобрал с пола меч, который уже дважды собирался пускать в ход. Но теперь перед ними внезапно снова забрезжила надежда. Они шли, прижимаясь к стене, щупая её всем телом, шли, пока почти не осталось запаха дыма.

— Есть! — воскликнула вдруг Анна. — Кирпичная кладка!

Адриан тоже почувствовал под своими пальцами широкие швы раствора, на который были положены кирпичи — вернее, большие камни. Ближе к потолку между камнями кладки оставались дыры, и в них, видимо, и уходили остатки дыма.

— За ней что-то есть! — шептал Адриан, ковыряя мечом в щелях кладки, работая им, как зубилом. От удара по камням в стороны летели искры, которые отражались в стали меча. — Там что-то есть!

Глава 10. В которой Пьетро нехотя становится генералом нового ордена

Un home avec Dieu est toujours dans la majorit;

(Человек, у которого есть Бог, всегда в большинстве.)

Джон Нокс, надпись на Стене Реформации, Женева, Швейцария

1241–1294, Италия

Многое изменилось в жизни Пьетро после встречи с кардиналом Джованни Колонна. Пьетро будто прозрел и увидел ту страшную духовную нищету, которая поразила Церковь. Он узнал, что кардиналы — эти принцы Церкви, призванные служить людям, превратились в хищников, ненасытимых богатством, славой и властью. С трудом, но вынужден был признать Пьетро, что и папа был куда большим грешником, чем он когда-то полагал. Впрочем, на папу он был не в обиде и ежедневно молился о нём, благодаря между прочим Бога и за свою первую с ним встречу.

— Многие из тех, кто находится у кормила церковной власти, — объяснял кардинал Колонна, — включая меня самого, живут вполне светской жизнью. Мы занимаемся политикой, любим охоту, женщин, богатство — и нам уже никуда от этого не деться, Пьетро. Мы родились к власти, в семьях, которые правят миром. Все, за исключением только этого недородка Каэтани... Людям лучше этого не знать, Пьетро, но тебе знать надобно: нет смысла искать благословения в людях — ищи благословения в Боге. Беги из Рима — иначе Рим тебя погубит.

Пьетро упал тогда перед ним на колени.

— В Господе я всегда искал благословения, и Он послал мне вас. Впрочем, я и так знаю, что моё место в лесах и на горах, а не в городе. Но как мне защитить моих братьев?

— Я напишу тебе и твоим братьям защитную грамоту рода Колонна и одобрение Церкви. Если папа об этом узнает, — усмехнулся он, — а когда-нибудь непременно узнает, то всё равно не посмеет ничего сделать...

...Вернувшись к себе в горы, Пьетро, к ликованию братьев, прочитал им грамоту кардинала Колонна. Он ничего не рассказал о том, что приключилось с ним в Риме, но все окружающие заметили в нём сильную перемену — будто Пьетро постарел на много лет. Об этом шептались как о знамени того, что и без того святой Божий человек Пьетро впитал в себя много святости от римских святынь. Но как его ни расспрашивали о походе, о том, видел ли он папу, Пьетро отмалчивался или отвечал просто «да» или «нет».

Вскоре его перестали об этом спрашивать, и небольшой орден зажил своей нормальной жизнью. Они собирались по горам и лесам, строили дома, церкви, возделывали поля, учились грамоте, ходили по деревням, проповедуя Евангелие спасения Божия. Местные князьки тоже слышали о походе Пьетро и об охранной грамоте, которую он заполучил от всеми уважаемого кардинала. Кроме того, слышали они и о грамоте императора, которого, в отличие от папы, побаивались. К тому же, последователи Пьетро, называющие себя целестинцами, то есть искателями небес, были людьми добрыми и мирными, нравов крестьян не развращали, к мятежам не подстрекали. Потому их и не трогал никто, а зачастую целестинцев приглашали и в дома богатых, где они молились за больных, а здоровых учили Слову Божьему. Впрочем, немало среди последователей Пьетро было и людей из зажиточных семей — людей, которые отреклись от большего, чем было у Пьетро. И всё же для всех них Пьетро оставался примером и источником вдохновения, а его сны и ночные видения не раз оказывались благословением для многих.

Сам Пьетро сторонился какой-либо власти. Сделавшись, по сути, генералом быстро растущего монашеского ордена, хотя официально церковью и не принятого, он перепоручил управление брату Роберту, у которого к тому был талант от Бога, а сам продолжал заниматься тем, к чему был призван он сам, — к молитве, Слову и наставлению.

Временами из Рима ему доставляли почту — это были письма от кардинала Колонна. Из этих писем Пьетро узнавал, что происходило в Риме и в курии. И то, что он узнавал, приносило ему немало скорби. Однажды Пьетро получил от кардинала письмо, уведомляющее его, что папа Григорий IX, тот самый, которого Пьетро довелось видеть в купальне, умер в ночь на 22 августа. Кардинал писал далее о том, как сенатор Маттео Росси Орсини пытался склонить кардиналов к тому, чтобы те поставили папой его ставленника, марионетку — Романо да Порто. Но кардиналы на сей раз проявили редкое единодушие и отвергли это предложение, ибо боялись чрезмерного возвышения Росси, который уже начинал их ограничивать. 25 октября они избрали на папский престол Джофредо Кастильони, кардинала-епископа Сабини, который стал папой Целестином IV.

Однако спустя всего семнадцать дней новый папа был уже мёртв. Кардинал Колонна напрямую связывал его смерть с происками клана Орсини, контролирующего один из самых прибыльных в Риме бизнесов — строительство и производство строительного камня, добываемого из катакомб. Говорили, что они в сговоре с одной древней кастой, таинственным Орденом хранителей, без разрешения которого никто не мог ничего делать в подземельях Рима.

«Орсини — это гигант, — писал кардинал Колонна. — Однако римская политика так же сложна и запутанна, как и римское подземелье. Вряд ли он сможет через неё пробраться». Колонна предсказывал грядущий период анархии и мятежей в Риме, а потому собирался выезжать из Вечного города как можно поспешнее, чтобы направиться к императору Фридриху, который давно уже приглашал его к себе на службу.

Пьетро уже почти жалел, что ему открылись тайны римской церковной политики. Ему было очень жаль папу Целестина, который избрал для себя то же самое имя, что и Пьетро со своей братией. Как у кого-то могла подняться рука на помазанника Божия? Пьетро провёл много бессонных ночей, отмаливая грехи людские. Но на сердце у него лежало тяжёлое бремя. Он сделался мужем скорбей и постарел раньше срока. Но сил в нём никак не убавлялось, а только, казалось, прибывало. Ровное горячее пламя словно пылало в нём, согревая и исцеляя всякого, приходящего к нему. Никто, кроме Пьетро, не знал, откуда приходил этот огонь, но все чувствовали, что он от Бога. Пьетро же называл источники этого огня «улыбками Иисуса», которые временами озаряли его жизнь. То были сладкие и святые моменты близости с Богом, когда Пьетро начинал понимать, чувствовать несказанные вещи, когда сила Духа Святого наполняла его сердце необъятной благодарностью Богу и слёзы текли из глаз. Крестьяне всего этого не знали, но многие утверждали, что видели, как по

ночам пещера Пьетро озаряется как бы ярким сиянием.

Несмотря на все свои старания, Пьетро не удалось избежать громкой славы, и с каждым годом, с каждым месяцем к нему в пещеру стекалось всё больше народа. Одним нужно было исцеление, другим — утешение, кому-то — совет и любовь. И всем Пьетро старался помочь. Иногда за день к нему приходили по пятьдесят и более человек. Надо было строить дома, размещать людей, возводить больницы для страдающих, приюты для обездоленных. И всем этим Пьетро тоже занимался вместе с братией.

В приходящих к нему Пьетро не различал крестьян и господ, горожан и монахов. Всех он принимал с одинаковой любовью и почтением. Приходили молодые и старые, мужчины и женщины. Пьетро думал иногда, жива ли ещё та девочка, которую он встретил по дороге в монастырь? Что случилось с нею? Как она живёт? Всё так же зарабатывает на хлеб, продавая монахам своё тело? Пьетро чувствовал своё бессилие помочь ей, помочь многим другим, которые в этом прекрасном краю умирали раньше времени от всяких болезней, непосильного труда, истощения. Почему господа так жестоки? Почему даже монастыри высасывают из крестьян кровь, вместо того, чтобы быть светом, помогать, облегчать их долю? Пьетро боялся, что и его последователи превратятся в «пиявок», а потому делал всё, что было в его силах, наставляя их в глаголах Слова Божия и в духовной борьбе. И Господь благословлял Пьетро и его братьев: теперь их было уже шестьсот человек, живущих в тридцати шести разных скитах, построенных собственными руками.

Долгие годы отшельничества и подвижничества оставили неизгладимый след на внешности Пьетро. Его некогда чёрные волосы совершенно побелели, глубоко сидящие глаза стали, казалось, ещё глубже и пронзительнее, а кожа покрылась многими морщинами, так что шрамы стали почти незаметны. Но силы у него не убавилось, а мудрость его всё возрастала, и, куда бы он ни шёл, простые люди повсюду принимали его так, как принимали бы Христа Иисуса. Переходя от места к месту, убегая от славы и поклонников, Пьетро всё дальше и дальше удалялся от городов и сёл, пока в июне 1293 года не нашёл небольшую пещеру в старом форте Сегезанум, где и устроил себе свой новый дом. Здесь ему суждено будет провести один год, прежде чем его жизнь примет новый, совершенно неожиданный оборот.

Глава 11. Космическая прогулка

Оно (космическое путешествие) освободит человечество от его последних цепей, цепей земного притяжения, которым прикованы мы к этой планете. Это откроет перед человеком ворота в небеса.

Вернер фон Браун, немецкий, а затем американский ракетный инженер

2007, 29 сентября, Рим — 3 октября, орбита планеты Земля

Этим вечером Винченцо читал о последних днях жизни папы Целестина V, святого отшельника Пьетро. Ему удалось раздобыть редчайшую книгу, написанную горячими сторонниками Пьетро Ангелериуса, монахами ордена целестинцев, который официально был утверждён в 1264 году. Из книги было видно, какую любовь питали братья к своему основателю, а оттого трагедия Пьетро Ангелериуса казалась ещё более осязаемой и загадочной.

Однако чтение, которое при обыкновенных обстоятельствах могло целиком захватить

Винченцо, на этот раз было неспособно развеять его мрачные мысли. Его столь неожиданная поездка в Вену за назначением закончилась безрезультатно: решение его судьбы вновь отложили под каким-то малозначительным предлогом. Да и до Анны он к тому же никак не мог дозвониться. Уже на следующий день к вечеру он вернулся в Рим, вновь пытался позвонить Анне, но её телефон упорно молчал. Он сделал всё возможное, чтобы найти её. Но она словно сквозь землю провалилась. И то же самое случилось с профессором Фера. Винченцо начал подумывать о том, чтобы заявить в полицию. Может быть, в конце концов, профессор Фера и впрямь маньяк? Может, он уже расчленил Анну в тёмном подzemелье? Винченцо не находил себе места.

Кем была для него Анна? Он не знал ещё. Но первый раз в жизни он по-настоящему почувствовал женское притяжение. И сам этого испугался. Почему он такой? Во многих римских домах так было принято. Многие высокопоставленные священники, похоже, весьма благодушно глядят на «филадельфию», или «братскую любовь», как они это называют. И такую любовь Винченцо знал с тех пор, как он сделался прислужником у алтаря в одном из крупных римских соборов.

Он налил себе стакан виски и с неприязнью глотнул. За эти два дня он выпил много виски, и в голове у него было мутно, но именно этого он и хотел — забыться, заснуть, пока всё не выяснится с Анной, пока всё как-то само собой не решится. Что притягивало его в ней? Да, у неё приятная внешность, с ней интересно. У него были уже в прошлом опыты с женщинами, но ни к одной из них он не привязался — они казались ему глупыми и пустыми.

Виски тем временем возымело свой эффект, и Винченцо уснул прямо в кресле. Ему приснился удивительный сон. Он оказался в центре шумной толпы, влекущей его куда-то под гору. Ему хотелось вырваться, убежать, но цепкие руки не отпускали его, а из уст не могло вырваться ни одно слово. Толпа двигалась быстрее и быстрее, и вдруг покатила с горы, как снежный ком — сплетение человеческих тел, живой ком, быстро увеличивающийся в размерах, с Винченцо где-то посередине. Ком катился быстрее и быстрее, всё мелькало и кружилось. У него кружилась голова, ему было плохо, со всех сторон люди давили и он не мог дышать. И вот наконец хватка людей разжалась, и все полетели вниз поодиночке — в свободном падении. Мимо него пролетали с озабоченным видом люди в чёрных и багряных одеждах, которые почему-то падали вниз быстрее других. Винченцо охватывал ужас. Но его постоянно отвлекало то, что другие как будто не испытывают этого ужаса, как будто они знают, куда падают, как будто они падали туда каждый день. Он посмотрел вниз. Сначала ничего не увидел, но, приглядевшись, заметил, что он высоко над землёй, и что падает на землю, на острые камни скал, и что должен разбиться, как и все летящие вместе с ним. Ему вдруг захотелось что-то сделать, остановить неминуемое, но что он мог поделать? Он летел всё быстрее и быстрее. Смотреть вниз было страшно. Винченцо зажмурил глаза и проснулся...

Он снова открыл глаза и вздрогнул, неожиданно оказавшись в новом сне. И что за странный сон? Открыв глаза, Винченцо увидел самого себя, стоящего над собой и что-то как будто даже говорящего. Винченцо закрыл глаза. Голова в этом сне у него не болела, а в теле по-прежнему чувствовалась та же лёгкость, как и при свободном падении. Страх не было. Было любопытство. Как может он смотреть сам на себя со стороны? И какой из них двоих настоящий Винченцо? Тот, который лежит и думает, или тот, который стоит и смотрит. Винченцо снова открыл глаза и снова встретился со своим собственным взглядом.

— Я что, умер? — вслух подумал Винченцо.

— Нет, — ответил ему «другой Винченцо» голосом, похожим на голос Винченцо. — Ты всего лишь проснулся.

Одет он был в серебристый комбинезон, напоминающий спортивный костюм. Плечи казались

шире тех, которыми обладал Винченцо, и в волосах была заметна ранняя седая прядь. Винченцо попытался пошевелиться, но не мог — его тело будто прилипло к высокой кровати, застланной ослепительно белой простынёй. Винченцо вначале испугался, но потом понял, что с ним, вероятно, приключилось то, о чём он когда-то давно читал, — временная парализация во сне. Во время такой парализации, он слышал, человек может принимать активное участие в своём сне и даже видеть себя со стороны. Винченцо решил воспользоваться этой возможностью и внимательно огляделся по сторонам. Он обнаружил себя в странном помещении, напоминающем операционную или палату интенсивной терапии, где, кроме него самого и «другого Винченцо», находились ещё два человека, тоже в комбинезонах, только жёлтого цвета. Стены помещения представляли собой металлические панели с встроенными мониторами, на которых мелькали разные графики и цифры. Винченцо остановил взгляд на втором себе.

— Кто ты?

Несмотря на удивительное сходство с самим собой, Винченцо всё-таки каким-то образом понимал, что это — не он. В глазах «другого Винченцо» он читал ход мыслей, отличный от его собственного.

— Где я? — задал Винченцо свой второй вопрос.

— Ты на орбите планеты Земля, на борту космической станции «Вавилон-2», — ответил «другой Винченцо».

Он подумал, что такого интересного сна ему ещё не приходилось видеть и что надо воспользоваться возможностью, пройти по нему как можно дольше, не просыпаясь.

— А кто ты? — вспомнил и повторил Винченцо свой первый вопрос, глядя в глаза «другому Винченцо».

— Тебе понадобится некоторое время, чтобы поверить в то, кто я, да и кто ты сам, — ответил тот. — Для начала скажу, что я, как ты можешь, наверное, сам видеть, твой брат-близнец. Зовут меня Теодорик, или просто Тео. Мы родились двойней и были разлучены уже в младенчестве. Ты остался на попечении баронессы Паолини, я же вырос в другом доме, в провинции.

Винченцо показалось, что он услышал в голосе своего новоявленного брата из сна ревнивые нотки.

— Потом уже я понял, — продолжил «другой Винченцо», — это было сделано, чтобы никто не знал о том, что мы близнецы. У отца уже тогда появился план относительно нас.

— У отца? — переспросил Винченцо. — Ты знаешь, кто наш отец? И кто мать?

Хотя он и понимал, что спит, Винченцо сильно волновался. Может быть, хотя бы во сне ему удастся узнать, кто его родители?

— Да, я знаю, — кивнул «другой Винченцо». — Но попрошу тебя пока не задавать мне слишком много вопросов — на некоторые из них я не уполномочен дать ответ. Но могу тебя уверить, — улыбнулся он дружественно, — что скоро твоё любопытство будет сполна удовлетворено. А пока я хотел бы предоставить тебя заботам братьев Себастьяна и Жака, — он указал на людей в жёлтом. — Они — лучшие доктора из Ордена космических госпитальеров.

— Космических госпитальеров? — рассмеялся Винченцо. Его новый сон начинал теперь казаться ему забавным. Ощущение лёгкости, невесомости тела не проходило, а потому,

наверное, складывалась эта причудливая картинка сна.

Один из братьев-госпитальеров, Себастьян, с выбритой блестящей головой, сияющей, очевидно, здоровьем, приблизился к Винченцо и заглянул ему в глаза.

— Вы всё ещё считаете себя во сне, господин Паолини, — сказал он, вежливо улыбаясь, — но, уверяю вас, это не сон, и даже не осознанный сон. Вы действительно находитесь на космическом корабле, а мы принадлежим к ордену Космических госпитальеров. Вам ещё предстоит познакомиться с разными космическими орденами, и мы польщены, что стали первыми.

В это время к изголовью кровати, а точнее высокого топчана, на котором лежал Винченцо, подошёл брат Жак — невысокого роста и плотного сложения человек на вид лет пятидесяти, француз, с рыжими кудряшками волос.

— Поздравляем вас, господин Паолини, — промолвил он с почтительной улыбкой. — Мы провели полную диагностику вашего тела — извиняемся, без вашего на то разрешения — и хотим заверить вас: вы в целом здоровы, и нам только оставалось вывести вас из алкогольной интоксикации.

— У меня что — белая горячка? — поинтересовался Винченцо. Он снова попытался пошевелиться, но не смог — руки и ноги были пристёгнуты к столу. Заметив его попытки освободиться, брат Себастьян сказал:

— Мы тотчас освободим ваше тело, господин Паолини. Только я должен напомнить вам — это не сон, и мы действительно находимся в невесомости. А стоим мы так твёрдо на ногах лишь потому, что носим специальную гравитационную обувь. Без неё же... Впрочем, смотрите, — и он, легко оттолкнувшись от пола, завис в воздухе прямо над столом Винченцо. Затем оттолкнулся от потолка и снова оказался на полу, наклонился, чтобы застегнуть обувь, и теперь снова твёрдо стоял на ногах.

— Вы хотите сказать, что вы — космические монахи, а это, — он посмотрел на «другого Винченцо», — мой брат Теодорик, и мы на орбите, и при этом я не сплю? Нет, боюсь, в это мне будет трудно поверить.

— Совсем не так трудно, как вам это кажется, — сказал брат Жак, освобождая запястья Винченцо. — Вам достаточно будет ущипнуть себя, чтобы убедиться, что вы не спите.

Винченцо, конечно же, слышал об этом приёме. С некоторой неохотой, с боязнью проснуться, он пошевелил руками, приблизил их к лицу и внимательно посмотрел на них. Это были его руки, и ничего необычного в них не было. Он слегка ущипнул себя за щеку, и почувствовал при этом то, что и должен был почувствовать, — лёгкую боль, щипок. Впрочем, это его до конца не убедило.

— Мы сейчас поможем вам подняться, — продолжил брат Жак. — Вы обуесть и попробуете пройтись. Летать пока не советую — попозже, к вечеру, когда немного освоитесь и когда пройдёт первый шок, — тогда, пожалуй, можно попробовать. Но только чтобы кто-то был рядом. Вы можете всегда рассчитывать на нас с братом Себастьяном. Мы служим здоровью обитателей станции. И мы можем похвастать, что у живущих здесь — прекрасное здоровье. Вы скоро сами сможете пройти через ряд уникальных оздоровительных процедур, которые пока недоступны на земле.

— Но как это может быть? — недоумённо спросил Винченцо, переводя взгляд на Теодорика. — Как может статься, что я никогда не слышал об этом корабле?

— Ты о многом ещё не слышал, Винченцо, — ответил Теодорик. — Привыкай, — добавил он

с улыбкой лёгкого превосходства.

Монахи тем временем обули ноги Винченцо в какие-то высокие серебристые ботинки, плотно облегающие его ступни и голени.

— Если где-то жмёт, пожалуйста, скажите, — попросил брат Жак, помогая Винченцо подняться. Ноги Винченцо тут же прилипли к серебристой поверхности пола. Стоять было необычно: не требовалось почти никаких усилий, чтобы поддерживать тело.

— Но что монахи делают в космосе? — удивлённо спросил Винченцо, когда братья Себастьян и Жак отошли от него метра на два, а он остался стоять на полу.

— А разве не было стремление убежать от мира всегдашним стремлением монахов? — ответил брат Себастьян, сверкая своей блестящей головой. — Теперь это желание может быть реализовано с помощью современных технологий. Вот уж воистину разрешение конфликта между наукой и религией. Но сделайте свой первый шаг, господин Паолини, — попросил он. — Свой первый космический шаг.

Винченцо с некоторым усилием оторвал одну ногу от пола и тотчас почувствовал, как его тело начинает само поворачиваться, готовое взлететь. Он немного испугался, но вторая нога прочно стояла на полу, и Винченцо сделал шаг, потом второй и медленно пошёл, высоко, как цапля, поднимая ноги.

— Bravo, Винченцо! — поздравил его Теодорик. — Ты далеко пойдёшь! Идём, я покажу тебе станцию, точнее, её главные части. В дальнейшем у тебя, конечно же, будет достаточно времени познакомиться с ней поближе.

Теодорик взял Винченцо под руку и повёл его в сторону металлической двери, которая раздвинулась, как только они приблизились к ней. За этой дверью была другая комната, похожая на какой-то ультрасовременный медицинский модуль. По стенам модуля располагались десятки небольших круглых дверей со стеклянными окошками. Над некоторыми горели красные лампочки, над другими — зелёные. На каждой двери был свой номер. Трудно сказать, сколько было дверей — десятки или сотни. Наверное, сотни, расположенные одна над другой, в шесть рядов. Перед каждым рядом этих ячеек находился заключённый в прозрачный купол лифт.

— Это барокамеры, — объяснил Теодорик. — В них обслуживающий персонал, то есть монахи, отдыхают ночью. Специальный обогащённый кислородом и некоторыми добавками воздух, который подаётся туда, способствует оптимальному расслаблению и отдыху. Атмосферное давление и гравитация в камерах, подобранные индивидуально для каждого доктором Жаком, способствуют такому отдыху, что поутру любой из монахов мог бы с лёгкостью пробежать марафонскую дистанцию, что некоторые из них, кстати, и делают. Вообще, мы регулярно устраиваем марафонские бега.

— Где? Здесь? В космосе? — не поверил Винченцо.

— Ты скоро сам увидишь, — сказал Теодорик, подходя к другой двери. За ней оказалось помещение, похожее на то, через которое они только что прошли. Разница состояла в том, что барокамер здесь было меньше — всего около тридцати — и отделены они были друг от друга большим расстоянием. Все двери располагались на нижнем уровне и подъёмника не требовали.

— Здесь расквартированы гости станции и кое-кто из офицеров корабля. А весь Кабинет живёт на противоположной части станции.

— Кабинет? — не понял Винченцо.

— Так здесь называют канцелярию Лорда Хранителя, — объяснил Теодорик. — Только не спрашивай меня пока, кто этот Лорд Хранитель, — поспешно добавил он, чувствуя, какой вопрос следующим сорвётся с уст Винченцо. — Мои полномочия, увы, ограничены.

Винченцо заметил, что дверь на противоположном конце комнаты распахнулась, и по коридору навстречу им зашагали четыре человека в зелёных комбинезонах.

— Они что, тоже монахи? — спросил Винченцо, понизив голос.

— Да, — громко ответил Теодорик, не смущаясь тем, что их слова могли быть услышаны приближающимися людьми. — Каждый цвет имеет на станции своё значение. Зелёный — это цвет службы навигации полёта. Закончилась их смена, они передали её другим и идут отдыхать. Они смогут выбрать для себя одну из комбинаций воздуха, музыки, цвета и прочих ощущений, которые будут направлять их сны. У нас преподаётся искусство сна, которому учат так называемые спящие монахи, которых мы привезли сюда из Тибета. Им удаётся добиваться удивительных результатов, надо признать.

Люди в зелёных комбинезонах учтиво остановились, уступая им дорогу, и приветствовали их сложенными руками и опущенной вниз головой. Теодорик лёгким движением руки подал им какой-то знак, возможно приветственный, и те поклонились в ответ.

— А ты тут, я вижу, не на последних ролях, — заметил Винченцо своему новообретённому брату, когда монахи уже были за их спиной, разбредаясь по своим маленьким ячейкам. Теодорик ничего не ответил. Они подошли к новой двери, которая распахнулась перед ними, и на них тотчас пахнуло зеленью сада.

Винченцо ахнул, когда они зашли в просторное помещение, походившее скорее на зеленеющий сад. Через всё помещение протянулась широкая пальмовая аллея с созревающими финиками и бананами. По бокам были рассажены фруктовые деревья, кругом, с мастерством истинного дизайнера, разбиты клумбы, на которых вперемежку с цветами зрели помидоры, огурцы, горох, арбузы и дыни. Десятки видов трав зеленели, серебрились, багровели на клумбах. Тут и там в тени деревьев прохаживались или просто сидели, дремали или читали книжки люди в одеждах самых разных цветов, молодые и старые. Они все с любопытством поворачивали головы вслед проходящим братьям, приветствуя их низким поклоном. Были тут и уже знакомые Винченцо зелёные костюмы, были люди в костюмах белых, с какими-то эполетами, и в серых, и даже два совершенно нагих человека, загорающих под лучами каких-то ламп. В ушах у них были наушники, на глазах — очки, похожие на горнолыжные.

— Каждый отдыхает, как кому вздумается, — пожал плечами Теодорик. — Эти вот смотрят телевизор. Правила у нас тут, как ты сам скоро убедишься, простые, и в свободе никто не ограничен. Здесь ведь, — усмехнулся он, — собраны сливки земных мозгов. Здесь они могут себя куда полнее реализовать. Перед тобой люди, освоившие или осваивающие новое искусство жизни.

— И в чём состоит это новое искусство? — поинтересовался Винченцо.

— В том, чтобы мобилизовать все свои силы, — ответил Теодорик. — И в том, чтобы получать максимум удовольствия.

— И ты хочешь сказать, — уточнил Винченцо, когда они подходили к очередной двери, — что все эти люди освоили это искусство?

— Некоторые из них немало освоили, — кивнул Теодорик. — Другим же дано только то, что им надо.

Дверь перед ними распахнулась, и они вошли в просторный офис. Контраст между этим новым офисом и космическим садом был разительный, но одно качество объединяло их — оба помещения были в своём роде совершенны. Как и в любом офисе на Земле, тут были стеклянные кабинки, но при этом люди не сидели, а лежали в креслах, в таких же очках, какие были на загорающих. Казалось, они просто лежат, но Винченцо заметил, что их пальцы постоянно двигаются над прозрачными стеклянными пластинками, на которых покоились их руки. Некоторые говорили что-то или слушали. Каждый здесь был занят своим делом, и их присутствия никто, казалось, даже не заметил.

— Здесь находится информационный центр станции, — объяснил Теодорик. — Эти люди координируют огромные потоки информации. Конечно, к ним она приходит в хорошо подготовленном виде, они же координируют усилия множества наземных служб и учреждений, в том числе банков и крупных производств... Но пока тебе это не совсем, наверное, понятно...

— Мне вообще ничего не понятно, — помотал головой Винченцо. — Я даже не знаю, сплю или нет. Может, это всё дело рук ваших спящих тибетских монахов? Что это за станция? Почему я здесь?

— Спящие монахи тут ни при чём, — улыбнулся Теодорик. — Станция эта строилась годами и состоит из многих соединённых вместе модулей. Имеющаяся у нас технология позволяет делать её невидимой для радаров. Мы совершенно автономны и можем свободно перемещаться по Солнечной системе, хотя, должен признаться, пока очень медленно. Но это только вопрос времени. Что же касается того, зачем ты тут... — Теодорик остановился и внимательно посмотрел на Винченцо. — Разве уже тот факт, что ты нашёл брата, не является достаточным поводом для того, чтобы совершить этот небольшой перелёт?

Винченцо растерялся.

— Ты прав, — сказал он наконец. — Я только хочу, чтобы ты мне объяснил всё это...

— Мы уже почти пришли, — сообщил Теодорик вместо ответа. — Скоро ты получишь ответы на все мучающие тебя вопросы. — Он приблизил свой глаз к небольшому детектору, и в стене распахнулась дверь. — Заходи, — пригласил он Винченцо.

Винченцо прошёл в небольшую комнату белого цвета, в середине которой стоял стол, за ним сидел очень красивый молодой человек. При виде Винченцо он встал со своего места, низко поклонился и представился.

— Джузеппе Капиньоне, личный секретарь Его Высокосвященства Лорда Хранителя. А вас мне нетрудно узнать, — улыбнулся он ослепительной улыбкой, в которой было что-то такое, чего Винченцо не понимал.

Вошедший вслед за ним Теодорик кинул на секретаря, как показалось Винченцо, ревнивый взгляд.

— Что ж, — сказал он, подводя Винченцо к встроенной в стене двери, — иди. Тебя ждут.

Дверь распахнулась, и Теодорик подтолкнул оробевшего Винченцо внутрь следующей комнаты. Как только Винченцо зашёл, дверь позади него со щелчком захлопнулась. Теодорика рядом не было.

Глава 12. В которой кардиналы собираются, чтобы решить некоторые важные вопросы

Рай и ад существуют только на земле. Здоровые, богатые и счастливые люди живут в земном раю, а бедные и больные – в земном аду.

Бенедетто Казтани, папа Бенедикт VIII

1294, июнь, Рим

Николай IV, Епископ Рима, Викарий Христа на земле, Преемник Князя апостолов и Наследник престола Святого Петра, Верховный Первосвященник и Глава Вселенской Церкви, Патриарх Запада, Великий понтифик, Носитель Кольца рыбака, Примас Италии, Архиепископ и Митрополит Римской провинции, Царствующий во славе, Раб рабов Божиих, но при всём том смертный человек, испустил дух в ночь на 4 апреля 1292 года. Наутро все колокола Рима гудели, сообщая о его смерти.

Впрочем, Церковь утешила своих прихожан, закатив по усопшему целых девять похоронных служб, на которых побывал весь Рим. На третий день тело папы было предано земле, Кольцо рыбака уничтожено, а все папские регалии предстали перед кардиналами, собравшимися в Риме для того, чтобы решать, кто будет следующим носителем этих почестей.

Однако кардиналы не торопились с выбором нового папы. Во-первых, будучи разделены на партии, они никак не желали уступать друг другу и ничего не хотели слышать о кандидатах из враждующих группировок. Во-вторых, без папы кардиналы чувствовали себя куда более вольготно. И хотя между ними и велась беспрестанная война за сферы влияния, всё же каждый из них знал своё место, знал своих оппонентов и слишком крутых поворотов в жизни не ожидал. Крутые повороты могли прийти только с папой, который, естественным образом, потянет церковное одеяло прямо на себя, так что ноги у некоторых принцев Церкви могут оказаться голыми а сами они — изгнанными от кормушки. Такое приключалось уже не раз — каждая новая метла мела по-новому, и даже те папы, которые садились на престол марионетками, в скором времени начинали показывать зубы. Все это знали и принимали как правила игры.

Если бы можно было жить без папы, кардиналы, наверное, с радостью бы такой вариант выбрали. Но в том-то и было всё дело, что игра могла продолжаться только при наличии папы. Затянувшийся таймаут был, безусловно, на руку кардиналам, но спустя какое-то время они должны были признать, что ситуация в Риме складывается напряжённая. Граждане Рима разделились на партии и сражались друг с другом прямо на улицах города. Из отдалённых провинций доносились тревожные слухи о том, что в отсутствие папы многие города хотели освободиться от бремени принадлежности к Папскому государству, обретшему не так давно независимость от Священной Римской империи. Многие уже больше двух лет не выплачивали налоги, а некоторые высылали за свои пределы папских легатов — ведь тем всё равно некого было представлять. Ситуация продолжала нагнетаться каждую неделю, и вот, по прошествии двух лет, трёх месяцев и двух дней после смерти понтифика, кардиналы вынуждены были снова собраться, на этот раз экстренно, чтобы обсудить складывающуюся обстановку. Никто из них не хотел папы, но всем им папа был нужен. Без папы придёт конец и их власти.

Но где найти подходящего кандидата? Такого, который устраивал бы все партии? Кардиналы уже не раз встречались и проводили целые недели в бесконечных спорах, но чем больше времени они проводили, слушая друг друга, тем меньше у них оставалось надежды на примирение и достижение совместной договорённости. Партия Орсини, возглавляемая могущественным и старейшим по принятию кардинальского сана Маттео Орсини Россо, искала папу, который бы поддерживал сицилийские группировки, в то время как семейство Колонна настаивало на избрании кандидата, который бы оградил церковь от возрастающего

нажима французских королей. Ситуация отягчалась ещё и тем, что в те времена среди кардиналов всё ещё царило мнение, что выбор папы может состояться только при единодушном согласии всех кардиналов-выборщиков — во время описываемых событий их было двенадцать. Однако французский кардинал-протопресвитер Жан Шоле в августе 1293 года умер, и его место оставалось пока вакантным. Так что к согласию должны были прийти одиннадцать кардиналов, что, впрочем, облегчало задачу совсем ненамного.

И всё же летом 1294 года десять из одиннадцати кардиналов снова встретились, чтобы ещё раз обсудить сложившуюся чрезвычайную ситуацию. К этому времени обстановка как в Риме, так и в провинциях была накалена до предела, и гражданская война уже стучалась в двери. Этими десятью кардиналами были: уже упомянутый Маттео Орсини Россо, кардинал-протодьякон Санта-Марии-ин-Портико-Октавиа; Латинус Малабранка Орсини, кардинал-епископ Остии и Веллетри и декан Священной коллегии кардиналов; Джерардо Бианки, кардинал-епископ Сабины; Джованни Боккамацца, кардинал-епископ Фраскати; Маттео д'Аккуаспарта, кардинал-епископ Порто-Санта Руфины; Гуго Эслен де Бийом, кардинал-священник Санта-Сабины; Наполеоне Орсини Франджипани, кардинал-дьякон Сент-Адриано аль Форо; Джакомо Колонна, кардинал-дьякон Санта-Марии-ин-Виа-Лата; его племянник Пьетро Колонна, кардинал-дьякон Сант-Эустаккьо; и Бенедетто Каэтани, кардинал-протопресвитер Сан-Сильвестро-и-Мартино ай Монти. Одиннадцатый кардинал — Пьетро Перегрессо из Милана, кардинал-священник Сан-Марко — лежал больным и присутствовать на конклаве не мог, однако его держали в курсе происходящего.

Первым слово взял Латинус Малабранка — по возрасту самый старый из кардиналов, пользующийся наибольшим уважением если не среди самих кардиналов, то среди народа — точно. Этому во многом способствовала его внешность: длинная седая борода, тяжёлые, ниспадающие на плечи белые волосы, статная фигура и глубокий голос. При всём этом кардинал Малабранка был прекрасным актёром, который, как правило, мог сам себя убедить в справедливости произносимых им слов. Кардиналы не раз пользовались этим его даром, бросая Латинуса в горячие точки Рима — туда, где начинались мятежи. Латинус имел хорошую репутацию в народе, потому что когда-то жил в отшельничестве, хорошо знал простой люд. Он умел и образумить, и напугать, и развеселить, и до сих пор ему удавалось решать все проблемы. Но теперь дело зашло слишком далеко.

— Рим погибает! — начал он свою речь, обводя собравшихся скорбным взглядом. Но весь его артистизм и драма, считали кардиналы, подходили больше для площадной речи, чем для деловой встречи. Однако его слушали с уважением, не осмеливаясь перебивать. Тем более что говорить никому уже не хотелось — всё давным-давно было уже выговорено.

— Рим погибает, — повторил кардинал Латинус, уже более тихим голосом. — Мы живём в последние дни. Враг наступает отовсюду. Эти варвары-арагонцы отбирают у нас земли, которыми Рим владел сотни лет. По всей стране разгораются мятежи восстаний.

Затем он долго говорил о критической политической ситуации, о которой и так все, увы, были уже прекрасно осведомлены. Но Латинус, зная скептический склад своих коллег, напоследок бросил им ультиматум:

— Или мы немедленно изберём папу, или в скором времени с нами будет покончено.

Не все, однако, были тронуты его речью. Кардинал Маттео Россо взял слово.

— Мы благодарны тебе, старче, за твою прекрасную речь, с которой нельзя не согласиться, — Маттео Россо медленно шевелил толстыми губами. Из всех кардиналов он во время отсутствия папы наиболее преуспел, а потому его тирада была вполне предсказуема. — Но давайте всё-таки будем реалистами. Мы ещё не готовы к папе. Папа для всех нас, если честно признаться, большее зло, чем арагонцы и сарацины, вместе взятые.

Некоторые кардиналы одобрительно засмеялись. Кардинал Латинус вскинул на насмешников грозный взгляд.

— Никто не отрицает, что были на престоле папы, которые принесли немало вреда, — сказал он. — Но ведь нельзя забывать ни на минуту, что вся Церковь, вместе с вами, её князьями, держится на том, что папа есть викарий Христа на земле. Если нет викария, значит, не нужны будут и кардиналы. Ведь не нам даны ключи от кладезя благодати, а Великому понтифику.

— Скорее ключи от сундука Пандоры, — не унимался Маттео Россо.

— Кардинал Латинус прав, — раздался вдруг голос кардинала Джакомо Колонна. — Мы не можем более ждать.

Впрочем, это заявление тоже было предсказуемое: если Россо говорил о чём-либо «да», то Колонна говорил о том же непременно «нет». И наоборот. Многие поддерживали Колонна, потому что боялись влияния Россо. Другие поддерживали Россо, потому что боялись клана Колонна.

— Почему бы и не подождать? — не унимался Россо. — Мы все должны быть благодарны Пресвятой Деве за Её охрану, благое расположение, и верить, что и в будущем Она защитит нас от напастей. Что же касается тех неприятных обстоятельств, о которых лишний раз напомнил нам достопочтенный Латинус, то должно памятовать и про то, что на всё воля Божья — то, чего не можем изменить, мы должны принять, — закончил он с притворным вздохом смирения.

— Про смирение твоё воле Божьей, уважаемый Россо, воистину ходят легенды, — язвительно вставил молодой кардинал Колонна, чтобы поддержать своего дядю. Сторонники Россо тоже оживились, предвидя крупную перебранку, а то и драку. Но тут посреди них решительно встал кардинал Каэтани, дождался тишины.

— Многие из вас, достопочтенные кардиналы, хорошо помнят, как после почти трёхлетней вакансии трона Святого Петра граждане Витербо, где тогда собирались кардиналы, в который уже раз тщетно пытаюсь прийти к согласию, сняли крышу с дома и заперли их в четырёх стенах, посадив на хлеб и воду до тех пор, пока те не изберут нового папу.

Пожилые кардиналы заулыбались — они прекрасно помнили те дни. А достопочтенный кардинал Маттео Орсини Россо нахмурился — он единственный из ныне живущих кардиналов участвовал в тех самых выборах 1268–1271 годов, и его воспоминания о конклаве явно приятными не были.

— Уважаемый кардинал Маттео Россо, сколько тогда вам понадобилось времени, чтобы избрать папой Теобальдо Висконти, Григория X?

— Три дня, — буркнул Россо и поморщился.

— Вот видите, — сказал Каэтани. — Три года не могли избрать, а потом за три дня дело и решили.

— Себе на голову, — проворчал Россо.

— Покойник был ничуть не хуже и не лучше других, — тут же отозвался Колонна-старший.

— Я это всё веду к тому, — продолжил примирительно Каэтани, — что, по крайней мере, пока ещё нам не стоит умирать с голоду. Я сделал распоряжения, и если господа кардиналы готовы, то сейчас нам сюда принесут лёгкие закуски.

Он был среди них серой лошадкой, человеком сравнительно низкородным, проложившим

себе дорогу в коллегии кардиналов разными тёмными делами. Впрочем, он был прагматичен, начисто лишён веры и совести, а потому незаменим для коллегии — многие из кардиналов ему были чем-то лично обязаны.

— И, конечно же, — заключил Каэтани, — я распорядился, чтобы была музыка и новые танцовщицы — из самой Индии! Все аргументы мы слышали уже множество раз, поэтому неразумно будет принимать решение, не подкрепившись.

Кардиналы одобрительно зашумели. И вправду, зачем морить себя голодом? Уставшие, осевшие от жары и скуки, они с радостью приняли предложение Каэтани немного отвлечься и отдохнуть. В конце концов, дела их никуда не уйдут. Только кардинал Латинус проявил видимое неудовольствие предложением Каэтани. Но он предусмотрительно смолчал, ибо знал, что голос желудка слышнее кардиналам, чем голос совести. Кардинал Латинус решил подождать более подходящего момента для своего последнего выпада.

Глава 13. Он

Es ist ein frommer Wunsch aller Väter, das, was ihnen selbst abgegangen, an den Söhnen realisiert zu sehen, so ungefähr, als wenn man zum zweitenmal lebte und die Erfahrungen des ersten Lebenslaufes nun ernst recht nutzen wollte.

(Благочестивое желание всех отцов — увидеть, что их сыновья осуществили то, чего им самим осуществить не удалось, как если бы родителям довелось прожить жизнь снова, но уже с накопленным жизненным опытом.)

Иоганн Вольфганг Гёте

2007, 3 октября, орбита планеты Земля

У Винченцо замерло дыхание, когда он, оглядевшись по сторонам, обнаружил себя стоящим в Сикстинской капелле, точнее, в её уменьшенной копии. Что-то, однако, отличало роспись, на которую он сейчас смотрел, от той, которую привык видеть на Земле. Он догадался — не было ярких пятен, добавленных позднее, — на изображённых на стенах и потолке людях, как и на тех, что вышли из-под кисти Микеланджело, не было одежды. Винченцо вдруг вспомнил, как назвал капеллу покойный Иоанн Павел II, — часовней богословия человеческого тела. Без отвлекающих глаз пятен одежды эта мысль как-то сама приходила в голову.

— Если бы Микеланджело жил в наше время, — услышал вдруг Винченцо голос из дальнего конца помещения, — то его дни проходили бы здесь, на станции, в невесомости. Это бы существенно облегчило его задачу.

За массивным столом, богато украшенным золотым орнаментом, сидел человек, облачённый в чёрную одежду. Странное дело, лицо этого человека показалось Винченцо знакомым. Но он никак не мог вспомнить, где видел этот царственный лик, эти глубоко посаженные глаза, этот волевой подбородок и твёрдые губы.

— Подойди поближе, — сказал человек в чёрном.

Двигаясь по направлению к столу, неуклюже передвигая ноги, Винченцо глядел как зачарованный на восседающего за столом старца, за спиною которого зиял в огромном иллюминаторе открытый Космос. Белые волосы старца светились такими яркими лучами

солнца, каких Винченцо ещё не видел. Винченцо в ужасе и восхищении замер на месте. Он не знал, надо ли ему пасть на колени или же он должен сделать что-то ещё.

— Подойди ко мне, — призвал его старец.

Сердце у Винченцо готово было выпрыгнуть из груди. Ему казалось, что сделай он ещё хоть шаг — и гигантский космический вакуумный пылесос вытянет его через зияющую за спиной старца дыру. Но он сделал шаг, и ещё, и когда подошёл ближе к столу, то увидел, что позади старца действительно находится гигантский иллюминатор, а за спиной у него светила звезда — Солнце. Оно было почти на противоположном от станции крае планеты Земля, и Солнце отсюда казалось совсем не таким, каким видно было его с Земли, — спящим комом, ближайшей звездой, одной из неисчислимых миллиардов, что осветили Вселенную.

— Наконец-то я могу видеть тебя во плоти, — сказал старец, грациозно поднявшись в воздух со стула и перенеся своё тело прямо к тому месту, где стоял Винченцо. Они были примерно одного роста, старый и молодой.

Винченцо хотел сказать что-то, но его язык словно присох ко рту. Старец внимательно осмотрел Винченцо с ног до головы и, по всей видимости, остался доволен.

— Садись, Винченцо, — указал он на то самое кресло, в котором только что сидел сам.

— Нет, — покачал головой Винченцо.

Старец взял его за руку и подвёл к креслу. Затем развернул кресло к окну и вторично велел Винченцо садиться.

Как только Винченцо приблизился к креслу, оно мягко притянуло его к себе и само усадило в себя. Кресло, казалось, производило ровно столько гравитации, чтобы Винченцо мог не сидеть даже, а висеть в нём. Постепенно привыкнув к необычному ощущению, он расслабил мышцы и теперь почти не чувствовал своего тела. Старец же встал, точнее, повис возле огромного окна во Вселенную.

— Посмотри вниз, на Землю, — сказал он. — Видишь, где мы пролетаем?

Винченцо взглянул в окно. Под лучезарными лучами Солнца лениво поворачивала свои старые бока планета Земля. Она была одета в разноцветные одежды. Отражаясь от поверхности воды, лучи взмывали в небо фонтанами радости, фейерверками счастья. Проплывающие облака улавливали эти лучи и мягко светились такими цветами и оттенками, названий которым не было. Всмотриваясь в очертания моря и суши, Винченцо вдруг сообразил, где они находятся.

— Средиземное море! — воскликнул он.

— Да, Винченцо, под нами — Римское озеро, — кивнул старец. — Мы пролетаем над самой колыбелью цивилизации. Видишь, вон там — дельта реки Нил, Египет. А вон там, — указал он чуть в сторону, на тёмное пятно на изящном сапожке, — там находится наш город. Город, с историей которого связана жизнь поколений и поколений наших предков.

— наших? — невольно вырвалось у Винченцо.

— Ты знаешь, кто я? — спросил старец, заглядывая ему прямо в глаза.

— Лорд Хранитель, — прошептал Винченцо, поднимаясь с кресла.

— Это так, — кивнул белой головой старец. Он сделал шаг и обнял Винченцо за плечи, потом притянул, прижал к себе. — Как много лет я ждал, когда смогу вот так обнять тебя, — сказал

он дрогнувшим голосом. — Сын мой, Винченцо!

Глава 14. В которой с Пьетро дель Мурроне происходит невероятное

Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба.

Евангелие от Иоанна, 3:27

1294, июнь, Рим

Каэтани знал, как угодить другим кардиналам: слуги бегали взад-вперёд, поднося всё новые и новые блюда, которые удовлетворили бы самого капризного гурмана. Кардиналы так увлеклись едой, что на какое-то время совершенно забыли, ради чего они собрались. Именно этого и добивался Каэтани — единственное, что запомнят собравшиеся об этой встрече, будут те яства, которыми он их потчевал.

Он не скрывал, что сам метит на папский престол, но в то же время отдавал себе отчёт, что пока у него не было никаких шансов. Но в будущем, может, уже в недалёком будущем, когда обстоятельства ещё более придавят кардиналов, он сможет заявить о себе как об их спасителе, который снова возвысит власть Церкви. Он не раз уже намекал кардиналам, что править Церковью можно лишь в союзе с некими могущественными орденами, с которыми у него были какие-то непонятные связи.

Многие кардиналы состояли членами различных тайных обществ и орденов, что позволяло им значительно расширять поле своей деятельности, а зачастую и переносить его на территорию противника. При этом разные ордена преследовали разные цели, а амбиции их нередко пересекались, и тогда проливалась кровь. Иногда кровь важных единиц, иногда кровь тысяч не важных людей. Каэтани находился в сношениях с древним Орденом хранителей — Подземщиками, как он сам их называл, — орденом, которого побаивались многие хотя бы уже за его вероломство и беспринципность. Орден был известен своими отравителями, спрятаться от которых не могли даже самые сильные люди мира сего — императоры, короли и папы. Те, которые были в конфликте с Орденом, в страхе и трепете вкушали свой насущный хлеб и пили своё вино. Перейти дорогу этому Ордену означало бы попасть под его тяжёлую руку, и большинство кардиналов старалось в своих разговорах избегать темы адвокаты, закрывать на них глаза. Кроме того, при всей их светскости и плотскости, они всё же в основном были людьми богобоязненными. Об адвокаты же ходили слухи, что они остались язычниками — их орден зародился за столетия до рождения Христа и ничуть с тех пор не изменился. Каэтани, однако, уверял, что они точно так же поклоняются Деве, как и все благоверные католики.

«И не важно, каким именем её называют, — смеялся он. — Дианой, Венерой, Марией или ещё как — у неё одна суть».

Впрочем, его богословским суждениям кардиналы доверяли мало — из всех них он был наибольшим скептиком и в открытую заявлял, что никакого Бога нет и быть не может и что мёртвые воскреснут не скорее, чем его сдохшая лошадь. Тем не менее он был и самым практичным из них — никому другому и мысли бы не пришло устроить такое представление, какое закатывал он сейчас перед кардиналами.

Блюда подавались изысканнейшие и, казалось, в бесконечном разнообразии: суп из черепах,

морские устрицы в разных видах, фаршированные фазаны, перепелиные яйца и многое другое. Вино лилось такое, что и церковным принцам, искушённым в винном деле и испорченным, не лень было подносить его ко рту бокал за бокалом, всё никак не насыщаясь им.

Когда сердца кардиналов взыграли, Каэтани подал знак, и в комнату вместе с музыкой ворвались десятка два танцовщиц в костюмах Евы. Музыканты били в бубны, дудели во флейты, щипали гусли, высоко прыгали в воздух и иногда что-то хором выкрикивали, а затем продолжали свою неумную музыку. Танцовщицы извивались в танце, смысл которого было несложно понять. Кардиналы хлопали в ладоши и ободрительно кричали. Каэтани довольно улыбался — его затея удалась. Никаких выборов уже не будет. Они, конечно же, соберутся ещё раз, но пройдёт время, а время — Каэтани знал это — теперь работало на него: чем в больший кризис войдут Церковь и страна, тем выше его шансы на папство. Он посчитал уже, что ждать оставалось недолго — год, самое большее — два. И тогда он выпустит из лампы такого джинна, которого нелегко будет запрятать обратно.

И только один старый кардинал-декан Латинус Малабранка расположился в стороне от всего этого веселья. Угрюмый и одинокий, он сидел в дальнем углу огромного стола, за которым пировали кардиналы, ничего не ел, а только пил вино. Когда пир достиг своего разгара и обнажённые танцовщицы стали кидаться святым отцам на колени, кардинал Латинус, отшвырнув в угол комнаты досаждавшую ему девицу, вскочил с неожиданной для всех лёгкостью на стол и обвёл присутствующих таким взглядом, что музыка мгновенно затихла, а танцовщицы замерли на своих местах. Некоторые кардиналы тоже застыли — одни страшась чего-то, другие в предвкушении представления. Маттео Россо продолжал есть, как ни в чём не бывало.

— Во имя Бога Живого! — закричал кардинал Латинус так громко, что Маттео Россо поперхнулся и закашлялся, изо рта у него полетели чёрные икринки и брызнуло вино.

Каэтани надо было спасти ситуацию.

— Уважаемый кардинал Латинус, — обратился он к нему с едва сдерживаемой усмешкой. — Я понимаю, что вы бы предпочли голых мальчиков голым девочкам. Так за этим у нас дело не станет... — он поднял руки, чтобы подать кому-то знак, но кардинал Латинус взревел ещё громче.

— Во имя Бога Живого! Опомнитесь, братья! Это может быть вашим пиром Валтасара! Я уже вижу это — вижу, что, пока вы едите и пьёте, люди выходят на улицы Рима с ножами и лопатами, вилами и топорами. Они стекаются отовсюду, их тысячи и десятки тысяч. Им нечего терять, они голодны, ни перед чем не остановятся. Я мог остановить их раньше, но теперь для них уже никто не станет преградой. Не успеет эта еда выйти из вашего тела естественным путём, как она уже вывалится из ваших распоротых животов.

Глаза Латинуса бросали молнии, а голос его гремел, как гром. Кардиналы ещё никогда не видели такого Латинуса. Каэтани тоже несколько смутился, но старался не подавать виду.

— Сегодня ли, завтра ли это случится — не знаю. Но у меня есть письмо, — кардинал Латинус выхватил откуда-то дешёвый кусочек пергамента с неровными буквами, написанными как будто детской рукой. — Это письмо от святого человека Божия, который пишет нам о том, что ему было дано видение о грядущей великой скорби церковной, о пленении, яко пленение Вавилонское во дни Израиля — на семьдесят лет.

— Что это ещё за такой святой человек Божий выискался? — презрительно бросил Каэтани.

Латинус метнул на него гневный взгляд.

— Его зовут Пьетро, Пьетро из Мурроне. Это простой крестьянин. Но он известен в народе как человек Божий. К нему отовсюду стекаются больные, увечные, и ко многим возвращается здоровье. А ещё ему снятся пророческие сны.

— Я слышал о нём, — кивнул кардинал Джерардо Бианки. — Слышал также, что не только простой народ, но и князья приходят к нему за советом и мудростью. У него побывал император Фридрих, а недавно и король неаполитанский Карл, и его сын, король Венгрии Карл Мартелл.

— Эти анжуйские выскочки! — вставил Каэтани.

Кардиналы обернулись на него. Несколько недель назад, когда короли — отец и сын — приезжали в Рим, они встречались с кардиналами и увещевали их всячески скорее избрать папу. Тогда Каэтани наговорил им открытых грубостей и буквально выставил за двери, заявив, что даже и без папы власть Церкви стоит над королевской властью. Другие кардиналы вслух упрекали Каэтани за горячность, но в глубине души были рады видеть, как два гордых короля отступают перед одним кардиналом. Они были преисполнены страха и гордости.

— Отшельник Пьетро пишет, — продолжил Латинус свою прерванную речь, — что только чудо может теперь спасти Церковь от поношения, которое она должна принять от царя Северного...

— Он начитался пророка Иеремию, — вставил опять своё слово Каэтани. — И где они только находят эти книги? Не всё ещё сожгли. А я бы их все сжёг — вместе с читающими. Наверняка, он еретик, ваш Божий человек.

— Если бы Пьетро из Мурроне не был Божиим человеком, он не мог бы творить всех тех чудес, о которых уже и в Риме говорят, — пришёл на помощь Латинусу кардинал Пьетро Колонна.

— Вот и выберите этого вашего чудотворца в папы, — с усмешкой сказал Маттео Россо, протягивая руку за куском жареной баранины. — Церкви сейчас как раз нужно чудо, чтобы выбраться из той ямы, в которую мы сели.

Кардинал Колонна-старший внезапно поднялся с места.

— Я согласен.

Все повернулись к нему. Маттео Россо снова поперхнулся и закашлялся. Никто ещё не помнил, чтобы Колонна и Маттео Орсини Россо когда-либо в чём-либо соглашались.

— Разве вы не понимаете? — продолжил Колонна. — Этот отшельник — именно то, что нам нужно. Народ его любит, а римской политики он чужд. Поставьте его папой — так и овцы будут целы, и вы, то есть волки, сыты.

Маттео Россо натянуто рассмеялся. Неужто это правда была его идея?

Кардинал Каэтани начал заметно нервничать. Он дал знак танцовщицам и музыкантам, и те беззвучно удалились.

— Если я могу заметить... — начал он, но его замечание заглушил громогласный голос Латинуса.

— Во имя Бога Живого! Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа я предлагаю избрать отшельника Пьетро епископом Рима.

Кардиналы как будто проснулись от глубокого сна, отрезвились от вина. Пять кардиналов поднялись со своих мест и сказали, что они голосуют за Пьетро из Мурроне. Маттео Россо, через шутку которого кардиналов посетила идея избрать Пьетро, к этому времени вполне осознал все выгоды, которые сулила ему ситуация, когда папа был бы столь далёк от дел курии. А в том, что им удастся держать отшельника Пьетро под контролем, у него сомнений не было. Чтобы не утратить честь первооткрывателя идеи, он упал на колени и вслух благодарил всех святых, что дали ему эту вдохновенную мысль.

Послали к кардиналу Наполеоне Орсини, который удалился с собрания ещё до пира, и тот высказал своё безусловное одобрение идеи. Оба кардинала Колонна немедленно отправились к больному кардиналу Миланскому, римский палаццо которого примыкал к церкви Марии над Минервой, и вскоре вернулись с его голосом в пользу отшельника. Последним из всех и с видимой неохотой с кардиналами согласился и Каэтани.

— Если Господь по Своей предвечной воле посылает в папы такого человека, — сквозь слёзы проговорил Латинус, — то лишь для того, чтобы напомнить нам, как неисповедимы Его пути.

Никогда прежде избрание папы не было таким радостным и таким простым. Известие скоро облетело Рим, и жители Вечного города выходили теперь на улицы не с топорами и ножами, но с музыкой и пляской, приветствуя наступление мира и благоденствия. Ведь впервые за все времена папой станет не надменный ставленник одного из римских кланов, но простой крестьянин, святой Божий человек! Даже доверие к кардиналам, казалось, было восстановлено — такого жеста от них никто не ожидал. И немногим могло прийти в голову, что кардиналы избрали Отшельника от безвыходности того положения, в которое попали, и из желания использовать наивного Пьетро Мурроне в своих изощрённых играх. Так или иначе, затянувшаяся вакансия подходила к концу, и оставалось только найти Пьетро и известить его о высоком избрании.

Глава 15. Принц Египта

И говорит Ему: всё это дам Тебе.

Евангелие от Матфея, 4:9

2007, 3 октября, орбита планеты Земля

Винченцо стоял не шевелясь. Неужели это был не сон?

— Но как это может быть? — прошептал он.

— Я должен тебе многое объяснить, — произнёс старец, вновь усаживая его в кресло. — Всё это было необходимо, совершенно необходимо...

— Ничего не понимаю, — покачал головой Винченцо. — Я проснулся час назад на космической станции и обнаружил, что у меня есть брат-близнец и отец. Неужели в это можно поверить?

Старец в чёрном посмотрел на Винченцо сочувственно.

— Понимаю, какой это стресс для тебя, Винченцо. Но это, как говорят, позитивный стресс,

поверь мне. Я привёл тебя сюда, на станцию, чтобы многое тебе рассказать. Готов ли ты слушать?

Винченцо кивнул.

— Ты и твой брат родились в тот самый год, когда я принял бразды правления Орденом, — начал Хранитель. — По правилам я должен был уйти из мира — умереть. Глава Ордена Подземщиков, как нас ещё иногда называют, должен быть официально погребён верхним миром.

Винченцо задыхался от волнения.

— Была инсценирована автокатастрофа, — продолжил человек в чёрном, — в ходе которой я погибаю, а баронесса теряет свой плод — к тому времени вы должны были как раз родиться. Её долгое время держали в одной закрытой клинике, куда не допускали посторонних. Там она благополучно родила двойню. И позже, когда все её утешали как утратившую мужа и ребёнка, она думала и молилась о своей двойне, которая была жива и здорова, и обо мне, хотя знала, что я ей больше не принадлежал. Правда, во время родов её парализовало. Она восприняла это как наказание свыше. Чтобы утешить её, через некоторое время ей подкидывают тебя...

— Тебе сейчас трудно, я понимаю, — посочувствовал человек в чёрном. — Мне тоже было нелегко расстаться с вами. Но не было ни одного дня в моей жизни, когда я бы не думал, не помнил о вас. Я ждал этого дня, Винченцо. Я ждал того дня, когда наконец смогу открыться тебе.

Винченцо сидел ни жив ни мёртв.

— Но почему? Почему от меня держали в тайне... — выговорил он с трудом.

— Это было необходимо для твоей и её безопасности, — ответил старец. — Ты скоро сам поймёшь.

— А мой брат? Почему нас не подкинули баронессе вместе? — вспомнил Винченцо.

— Во-первых, это вызвало бы подозрения. Двойни редко подкидывают, а тем более слишком много народу знало, что баронесса ожидала двойню — это стало ясно уже на первых месяцах беременности. Ну и, во-вторых... чтобы выжил, в худшем случае, хотя бы один из вас, — тихо признался старец.

— А почему он оказался здесь раньше меня? — спросил Винченцо.

— Твой брат — военный, — сказал Хранитель. — У военных другой менталитет, нежели у священников. Он был готов к этому раньше тебя. К тому же, — лицо старца, казалось, осветилось на миг любовью, а на его глаза почти навернулись слёзы, — я всегда, наблюдая за тобой издали, возлагал все большие надежды именно на тебя. Твой брат будет твоей тенью, твоей поддержкой. Ты же будешь лицом семьи.

— Тенью? Лицом семьи? Я не понимаю...

— Ты много чего не понимаешь, — прервал его Хранитель. — Для того я тебя сюда и привёл, чтобы объяснить. Поэтому слушай меня внимательно, Винченцо. Я не люблю повторяться.

В его глазах блеснули стальные лучи, и Винченцо испугался. Его отец не был обыкновенным человеком.

— Ты рождён для высокой роли. Всё, что происходило в твоей жизни, — всё, включая те вещи, которые казались тебе случайными, было на самом деле подготовкой к этой роли.

Даже твоё недавнее знакомство с Анной и Адрианом не случайно — я организовал его.

Винченцо со страхом глядел на своего новооткрывшегося отца.

— Да, да, — продолжил тот, — я хотел, чтобы ты начал глядеть на Рим и на мир глазами профессора Адриана Фера, потому что примерно так всё на самом деле и есть.

— Что с ними? Что с Анной? — воскликнул Винченцо.

— Она тебе нравится? — посмотрел на него внимательно Хранитель. Винченцо ничего не ответил, и тот продолжил: — Профессор Фера, как и следовало ожидать, увлёк её в катакомбы и там в накотившем на него приступе безумия расправился с ней. Мои люди оказались не в силах помочь — когда они наконец напали на их след, Анна была уже мертва.

Винченцо обхватил голову руками и застонал.

— Он поступил с ней точно так же, как и с первой жертвой. Только на этот раз, опомнившись, он убил и себя.

— Не может быть, не может быть... — тихо твердил Винченцо.

— Вероятно, он любил её, — сказал Хранитель. — Но его любовь была больной любовью, а его знание — его агонией.

На Винченцо нахлынула такая лавина ошеломляющей информации, что он поневоле начал терять чувство реальности. И по-прежнему не был уверен — не спит ли он?

— О каком знании вы говорите?

— О его знании древней истории и религии, — ответил Хранитель. — Из всех непосвящённых он наиболее близко подошёл к пониманию того, что на самом деле происходит.

— Я ничего не понимаю, — замотал головой Винченцо. — Мне всё это снится. Мне снится мой отец, который погиб много лет назад, мне снится мой брат, которого у меня никогда не было, мне снится, что моя приёмная мать — моя родная мама, что моя подруга убита в подземелье и что я — в космосе, — Винченцо нервно рассмеялся. — Мне пора проснуться...

— Именно так, — кивнул старец. — Тебе пора проснуться и увидеть, что жизнь — совсем не такая, какой ты себе её представлял. Отныне всё будет иначе, Винченцо. Очень скоро весь мир будет иным — совершенно иным. Новый Мировой порядок, о котором давно мечтали наши отцы и деды, наконец становится реальностью. И я хочу, чтобы ты, Винченцо, сделался венцом этого Нового порядка — его главным украшением.

Винченцо недоумённо посмотрел на человека в чёрном, которого он даже в мыслях ещё боялся назвать своим отцом.

— Моя жизнь близится к концу, — признался тот. — Возможно, со всеми современными технологиями мне и удастся прожить ещё лет десять, может, пятнадцать, но я уже стар и хочу видеть твою звезду своими глазами. Именно твою звезду, Винченцо, а не звезду твоего брата. В Теодорике нет твоей лёгкости, нет такой харизмы, которая плещет в тебе, — теперь я в этом совершенно уверен... Он никогда не сможет стать настоящей общественной фигурой, но в силах сделаться прекрасным серым кардиналом. Тебе же, Винченцо, выпадает яркая участь — люди будут любить тебя, они пойдут за тобой... Сирота, найденный на улицах Вечного города, становится мировой звездой номер один — вот уж воистину новая Золушка!

— Какая звезда? — пробормотал Винченцо.

— Наш род уходит корнями к этрусским вождям, построившим Рим, — сказал человек в чёрном. — Среди твоих прямых предков были короли и папы, князья, герцоги и кардиналы. Тебе же выпадает ещё более славная участь — объединить в одном лице императора и папу. Сделать то, о чём всегда мечтали, но на что никогда не хватало сил и средств. Но теперь всё изменилось, Винченцо! Скоро перед тобой раскинется весь мир! — Он сделал широкий жест рукой, указывая на тихо поворачивающуюся под ними планету.

Винченцо ничего не спрашивал и ничего не говорил. Он сидел как замороженный и слушал голос, которого прежде не знал, но которому теперь суждено было стать главным голосом в его жизни.

— Как ты думаешь, Винченцо, почему ты учился в семинарии? Почему тебе выпала судьба стать священником?

— Так хотела баронесса... моя мама, — с волнением проговорил Винченцо.

Человек в чёрном кивнул.

— На протяжении многих столетий наш орден вершил, или, лучше будет сказать, стремился вершить судьбы мира, действуя через различные религиозные, политические и прочие каналы. Иногда это ему удавалось, иногда его превосходили другие силы. Но теперь всё должно измениться. Мы завершим то, что начал император Константин, что нам помешали сделать все эти варвары, — объединим мир политический с миром религиозным, братства верхние и братства нижние. Это и есть Новый Мировой порядок. Но лишь одна — слышишь, Винченцо, — лишь одна фигура в этом мире может стать воплощением этого порядка. Лишь один трон возвысится видимым образом над всеми. Готовься, Винченцо. Пройдёт немного лет, и на этот трон сядешь ты — новый Pontifex Maximus, Папа Римский!

Винченцо вздрогнул. Потом нервно рассмеялся.

— Это шутка? Это, наверное, очень смешная шутка...

— Прекрати! — оборвал его Хранитель. — Судьба улыбается тебе, Винченцо! Ты — новый Александр Великий. В твоё правление, а будет оно долгим, мы совершенно переделаем мир. Мы перекроим его до неузнаваемости!

Винченцо сидел, боясь пошевелиться, ничего не смея сказать.

— Ты скоро узнаешь много такого, во что тебе будет поначалу трудно поверить, — уверил его Хранитель. — Ты узнаешь о технологиях, о которых никогда не подозревал, тебе откроются секреты, которые перевернут твоё представление о мире. Ты останешься со мною здесь, на станции, — тебе здесь понравится. Здесь у тебя будет совершенная свобода действий. Тебя ждёт прекрасная комната и прислуга. У тебя также будут лучшие учителя. Не пройдёт и года, как ты станешь сведущ во всех делах Ордена.

— Года? — воскликнул Винченцо. — Но как же баронесса? Как всё будет там, на земле, без меня? Я же не могу так просто исчезнуть...

— А ты и не исчезнешь, — заверил его Хранитель.

— Как это? — не понял Винченцо.

— На землю пойдёт Теодорик. Надо же ему познакомиться с матерью, в конце концов? Кроме того, он должен пожить всею твоей жизнью. Он должен уметь во всём заменить тебя на Земле — тогда вас будет двое, и никто не устоит против вас. Вы — новые Ромул и Рем, и вы станете основоположниками нового, универсального, мирового Рима. Если только, — добавил он тихо, — вы не перессоритесь между собой, как те, первые, римские братья.

Винченцо был бледен. Голова его шла кругом.

— Я вижу, ты устал, — заботливо сказал Хранитель. — Неудивительно: долгая дорога, новые, сильные впечатления... Тебе надо пойти отдохнуть. Я сам провожу тебя в твою секцию корабля, — и он, легко взмыв с кресла, протянул Винченцо руку. — Летим со мной.

Винченцо взглянул на парящего в воздухе седовласого старца — своего отца. Позади него на куполе этой космической капеллы виднелась мускулистая фигура Бога, протягивающего руку Адаму. Адам, в свою очередь, тоже простирал руку к небу. Винченцо поднял правую руку и протянул её в сторону руки отца.

— Летим, — согласился он.

Глава 16. Исход

О Господь! Открой для меня двери ночи, чтобы я мог оставить это место и исчезнуть!

Виктор Гюго

2007, 4 октября, римские катакомбы

Каждый удар короткого меча вызывал сноп искр — иногда большой и яркий, и это значило, что удар пришёлся по камню, чаще же — поменьше и побледнее, когда клинок ударял в грубый, наскоро положенный шов раствора между камнями.

— А вот так её, а ещё вот так! — восклицал при каждом ударе Адриан.

Он почти уже не чувствовал своих рук — чувствовал только вибрацию, которую каждый удар меча передавал всему телу. Вместе с искрами во все стороны летели маленькие кусочки песка и цемента.

— Моя очередь, — раздался голос Анны.

— Погоди ещё, — ответил Адриан, отступая от стены на шаг.

Он стоял и смотрел на эту стену, в темноту, каждый миллиметр которой исследовал своими ладонями. Ему казалось, что он её видит — видит эти грубые, наспех наложенные друг на друга камни и мягкий известковый раствор между ними. Когда-то проём этот занимала большая дверь, но потом кто-то решил её заделать. Наверху, однако, осталась небольшая щель, в которую и устремился дым его сигареты. Туда же, за эту дверь, хотела улететь и его душа.

Он ударил ногой в камень. Тупая боль передалась его ступне. «Боль — это хорошо, — вспомнил он слова из какого-то фильма. — Это значит, ты ещё жив». Он ударил ещё и ещё. Он бил эту холодную мёртвую стену своей ещё живой, но уже наливающейся смертельной усталостью плотью. «Пал, пал Вавилон, пал, пал Вавилон, пал, пал, Вавилон», — бормотал, кричал, плакал он, преодолевая боль и продолжая пинать каменную стену.

— Адриан! — услышал он и почувствовал её руки на своих плечах.

Он собрался с силами и ещё раз ударил по камню ногой. К его великому удивлению, мёртвый камень поддался живой плоти. Он почувствовал, что стена как будто дрогнула.

— Адриан! — опять позвала она.

— Подожди! — закричал он и ударил снова. Стена задрожала перед ним мелкой дрожью. Он ударил ещё. Раздался громкий стук, а затем оглушительный грохот, и невидимое, но осязаемое облако пыли заполнило образовавшийся проход.

— Ура! — закричал Адриан. — Пал Вавилон!

— Осторожно, Адриан! — она вцепилась в его плечо, помогая ему сохранить равновесие.

Пыль затуманила Анне глаза, затруднила её дыхание, но сердце забилось радостью и надеждой.

— Идём, идём скорее, Анна! — позвал он её, исследовав руками образовавшийся проход.

— Осторожно! — повторила она, держась за него, когда они перебирались через груды камней.

Они осторожно двинулись в темноту за завесой пыли. Адриан достал зажигалку и чиркнул ею. Огонь не загорелся, но Анне показалось, что со всех сторон на них посыпались искры. Адриан чиркнул снова, и вновь на них посыпались отражённые искры.

— Что это? — недоумённо сказал он, вновь щёлкнув зажигалкой. На этот раз, к их великому восторгу, маленький голубоватый язычок пламени несмело задрожал в воздухе. Света от него не хватало даже для того, чтобы представить, в какого размера помещении они находятся.

Адриан выхватил из кармана газетный листок, и угасающее пламя в последний момент перепрыгнуло на кусочек старой бумаги и стало карабкаться по ней вверх, высвечивая какие-то цифры, тексты из Библии и странные графики. Стало видно, что они находятся в большом помещении, заставленном по краям сундуками, картинами в тяжёлых золотых рамах и всяческими блестящими предметами, которые и умножали искры от зажигалки.

— Скорее! — крикнул он Анне. — Найди что-то, что будет гореть!

Анна метнулась в сторону, где заметила на полу какую-то тряпку. Однако когда она схватила её, из тряпки высыпались человеческие останки. Анна чуть не уронила эту наполовину истлевшую одежду, но Адриан вовремя подоспел, и ветошь вспыхнула ярким пламенем. Теперь им было видно, что они находятся в помещении, служившем, по всей видимости, когда-то тайником. Вдоль стен стояли сундуки, некоторые из которых были открыты, так что было видно их содержимое — золотые монеты, разноцветные драгоценные камни, перстни, ожерелья и всевозможные украшения. Серебряные деревья с золотыми листьями сияли холодным светом, а на их металлических ветвях сидели золотые птицы, глаза которых, сделанные из драгоценных камней, блестели всеми цветами радуги. Откуда-то из центра темноту пронзал холодный и прямой белый луч, будто там зажгётся маяк.

Адриан тем временем сорвал со стены закреплённый на ней факел и сунул его в яркое, но уже почти прогоревшее пламя. Факел занялся, и неровный, но уверенный свет озарил подземелье. Сомнений быть не могло — они находились в забытой, затерянной в веках подземной сокровищнице. Пленники лабиринта стояли, тяжело дыша, в просторном восьмигранном холле, окружённые сокровищами, о которых мечтать не мог Индиана Джонс.

— Не может быть! — выдохнул Адриан, ошарашенно оглядываясь вокруг. — Потерянная папская сокровищница!

Они подошли к ближайшему из сундуков, и Адриан запустил руку по локоть в смесь золота с драгоценными камнями.

— Неужели это правда? — тихо сказала Анна, глядя на ряды сундуков и на сваленное в кучи оружие — мечи, алебарды, щиты, также украшенные драгоценностями.

— Здесь достаточно золота, чтобы вымостить им площадь Святого Петра! — восхищённо констатировал Адриан.

— Смотри! — вскрикнула Анна и снова вцепилась в руку Адриана.

Адриан посмотрел в сторону, куда указывала Анна, и вздрогнул: на полу, у стены напротив, аккуратно лежали скелеты людей, носивших когда-то военную одежду. Их вооружение — мечи, щиты, алебарды и мушкеты — было разложено рядом с ними.

— Швейцарские гвардейцы! — догадался Адриан, подходя ближе.

— Они что — умерли здесь? — с дрожью в голосе спросила Анна.

— Скорее, их здесь убили, — отозвался Адриан, поднимая один из мечей. — Или они сами себя убили.

— Швейцарцы, должно быть, и в смерти необычайно точны, — прошептала Анна, рассматривая аккуратно разложенные на полу фигуры.

— Это очень странно, — Адриан близко поднёс к глазам поднятый с земли меч. — Я как будто уже видел точно такой клинок... Да, таким был тот меч, что я нашёл в пещере.

Тем временем Анна глядела в центр комнаты, где был поставлен как будто трон. На троне стоял какой-то странный предмет, разглядеть который Анна не могла. Он выглядел достаточно сложно — будто это был какой-то технический агрегат. Анна теперь видела, что свет холодного маяка, который она заметила ещё раньше, исходил из верхней части таинственного предмета — будто это был его глаз, холодный и пронзительный, сияющий в темноте зловещим светом. Анна хотела подойти ближе к трону, но наступила на что-то и вновь вскрикнула от ужаса — перед ней на полу расположилась вереница скелетов в истлевших одеждах и на этот раз без оружия.

— Опять мертвецы! — вырвался у Анны крик. — Но где же выход? — вдруг вспомнила она. — И если он есть, то что тогда все эти мёртвые люди делают здесь?

— Дым! — воскликнул Адриан. — Дым движется — значит, есть движение воздуха. Туда, — крикнул он, указывая в сторону маленькой двери в одной из стен. Дверь была приоткрыта, и дым плавно затекал в неё.

У Анны снова забрезжила надежда. Они вошли в приоткрытую дверь и оказались в узком коридоре — точь-в-точь таком, по которому они столько времени уже шли.

— Меня не хватит на ещё один лабиринт! — простонала Анна.

— Я не думаю, что мы теперь в лабиринте, — ответил Адриан. — Взгляни на потолок!

Анна посмотрела на потолок, но ничего не увидела, кроме серой массы камня.

— Он весь закопчённый, — продолжил Адриан, идя по коридору. — А в стенах есть дырки для факелов. Ага, а вот и факел, и ещё один, — воскликнул он, выдёргивая из стены два недогоревших факела. — Здесь когда-то ходили люди.

Коридор повернул направо и пошёл достаточно резко вверх. Затем последовал левый поворот, и снова правый. Неожиданно проход начал сужаться. Пройдя ещё метров десять, они уже не могли более идти — им приходилось теперь почти ползти. Они ползли под самым

каменным потолком того, что некогда было проходом.

— Что здесь случилось? Обвал? — спросила Анна, протискиваясь вслед за Адрианом по узкому ходу.

— Возможно. Кто-то пытался откопаться, и предприняты были все силы. Тут тонны земли, Анна, тонны земли... Воистину, нет равных швейцарским гвардейцам!

— Адриан, я чувствую свежий воздух! — воскликнула вдруг Анна. Её сердце забилося надеждой. Ему тоже на миг показалось, что на них пахнуло свежестью, и он пополз быстрее, неуклюже передвигаясь на руках и локтях, освещая факелом себе дорогу. Анна едва за ним поспевала. Вдруг Адриан остановился.

— Что там? — спросила Анна. Она вглядывалась вперёд, но то ли из-за пыли, то ли из-за удушливого дыма от факела не могла ничего видеть.

— Не может быть, — тихо прошептал Адриан.

— Что там? — переспросила Анна, подбираясь ближе.

— Ничего, — отозвался Адриан. — Ничего, — повторил он. — А я уж было надеялся...

— Но я же чувствовала свежий воздух! — закричала Анна. — Я же чувствовала его! — Но теперь она и сама видела, что перед ними был тупик. — Как же так?

Адриан молчал. Воздуха в проходе становилось всё меньше и меньше — он весь наполнялся дымом.

— Нам надо двигаться назад, пока не задохнулись.

Анна молча развернулась и поползла назад. Её руки были содраны в кровь, каждая клеточка тела болела, и даже ползти сил почти уже не оставалось. «Почему всё так глупо?» — думала она. Почему надо через столько пройти, чтобы прийти к такому печальному тупику? И где же Бог? Где же Бог, к Которому она так взывала? Неужели Бог — это всего лишь слепой случай, случайность? Но может ли это быть? Её мысли путались и в голове всё крутилось. Она приходила к той точке невозврата, когда смерть уже не кажется такой страшной. Её уже ждут не дождутся — как приносящий покой сон.

Ей снова почудился запах — почти неуловимый, прозрачный и призрачный — запах воздуха. Что это? Галлюцинации? Если даже и так, это было лучше удушливого дыма факела. Анна остановилась и пошарила руками вокруг себя. Она наткнулась на отверстие, напоминающее нору небольшого животного. Ей показалось, что воздух в этой норе двигается. Она приблизилась к отверстию и поняла, откуда шёл этот воздух.

— Адриан! — воскликнула она. — Сюда!

Он подполз ближе. В свете факела отчётливо была видна ровная дыра.

— Что это? — нетерпеливо спросила его Анна.

— Это — отверстие от бура, — ответил Адриан. — Археологи и спелеологи используют бурение, чтобы исследовать полости. Они потом пропускают через отверстие камеру и кабели и исследуют внутренность. Тут они ничего интересного увидеть не могли. Ах, если бы они знали, что упустили!

— Меня больше интересует, что это значит для нас, — сказала Анна. — Как далеко мы от поверхности?

— Буры достигают в длине десяти, а то и пятнадцати метров. Но обычно это пятиметровки. Измерить глубину этой дыры почти невозможно, да нам и нечем. Так что мы умрём, можно сказать, на свежем воздухе. Потому что для того, чтобы прокопать ход, у нас не хватит сил.

— А вдруг это совсем рядом? — не сдавалась Анна. — У нас есть чем копать...

Адриан в задумчивости ещё раз исследовал «нору». Она выходила из того, что ныне стало дном этого прохода, но видно было, что долгое время бур шёл почти параллельно проходу. Адриан приставил к дыре ухо, но ничего не услышал.

— Откуда они могли бурить? — думал он вслух. — Бур шёл почти горизонтально — немного даже вверх. Значит, бурили, скорее всего, из какого-то другого подземного помещения, или, если бурили снаружи, то, скорее всего, с берега реки. Или из какой-то пещеры...

Внезапно он осёкся.

— Что с тобой? — спросила Анна.

— Пещера, — прошептал Адриан. — Моя пещера... Этот меч... Да-да... Это была она.

— Какая пещера, Адриан?

— Моя пещера! — заговорил он. — Та самая, в которой я жил отшельником. Та самая, в которой я копал, с которой начинались мои поиски сокровищ! Я сразу понял, что швейцарцы откапывали себя, потому что в своё время сам копал в этой пещере. Только я копал снизу, в то время как они копали сверху — им было так легче, что естественно, ибо они делали это сразу же после обвала, а точнее, взрыва. Подумать только, Анна! Я был тогда на правильном пути! Я находился от своего открытия всего лишь на расстоянии этого вот бура! Пять метров я бы прошёл дня за два, а десять — за три! Но у нас не хватит сил, чтобы это сделать!

Внезапно он рассмеялся.

— Какая ирония! — говорил он, почти рыдая, сквозь смех. — По одну сторону пещеры я когда-то искал клад. А по другую сторону всё той же пещеры я умираю, найдя наконец этот клад, и ничего не могу с ним поделаться. Какая ирония! Но самое смешное, что я почти снова поверил в Бога. Но оказалось — слишком поздно. Он посмеялся надо мной через эту дыру! Он дразнит меня воздухом, дразнит жизнью, дразнит всем тем, что я давно потерял и теперь теряю навсегда! Ну что ж, Господи. Что я могу сказать — Ты прав. Ты победил, Галилеянин, — закончил он и рассмеялся истерическим смехом.

— Адриан, опомнись! — теребила его Анна. — Или ты совсем утратил рассудок? Расскажи мне ещё раз про ту пещеру. Сколько ты прокопал тогда?

— Метров двадцать — не помню, — ответил Адриан, всё ещё судорожно вздрагивая. — Я жил в ней целый месяц, сделался настоящим пещерным человеком, живя в Риме! Ещё чуть-чуть — и я бы попал сюда. Ты только представь, как иначе всё могло бы быть в моей жизни!

— Неужели ты не видишь, — прошептала Анна, — неужели ты совсем не можешь считать?

— Считать? Что? — не понял Адриан.

— Числа, конечно. На сколько метров ещё идёт этот ход? — кивнула она на темноту, из которой они только что возвратились.

— Метров на двадцать, — ответил он.

— Правильно, — согласилась Анна. — А это значит, что если бур заканчивается через пять, пусть даже десять метров, то начинается сделанный тобой лаз. Наверное, из него они и сверлили.

Адриан замер. Потом резко обернулся и пополз вперёд по проходу.

— Неужели, неужели, неужели... — бормотал он, как заклинание.

Он прополз метров десять и вонзил меч в землю. Верхний слой разбить было нелегко — за более чем двести лет контакта с воздухом почва окаменела. Но дальше копать было легко. Он выбрасывал камни и песок в проход, а Анна отгребала весь этот грунт в сторону, как некогда швейцарские гвардейцы. Голова, руки, ноги, глаза — всё страшно болело, и она с трудом передвигала своё обессиленное и истощённое тело.

Вдруг меч Адриана провалился в пустоту. Он ударил ещё, и ещё, и камни посыпались вниз, открывая дорогу в узкий проход.

— Есть! — закричал Адриан, разгребая камни. — Попал куда-то!

Анна подползла к ведущему вертикально вниз отверстию. Адриан ещё какое-то время расширял и расчищал его, пока наконец не смог спуститься в него, и оказался в нижнем канале — очевидно, в том самом, который он сам когда-то и сделал. Анна тоже протиснулась вниз и поползла за ним. Теперь она могла безошибочно чувствовать, что воздух здесь был иным.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! — шептал Адриан, пробираясь вперёд. Анна ползла вслед и шептала те же самые слова, только по-русски.

— Да, да, да! — закричал Адриан, который к этому времени уже выбрался куда-то из узкого хода. — Это моя пещера! Моя пещера! Господи!

Он упал на колени и уронил на пол догорающий факел. На коленях подполз к заросшему травой и кустами маленькому выходу. В лицо ему ударила волна свежего воздуха, глаза пришлось зажмурить от яркого света. Внизу, под высоким крутым берегом, текли мутные воды Тибра. На другой стороне серели стены заводов, поднимался к небу дым из фабричных труб.

— Мы спасены, Анна! — шептал он сквозь слёзы. — Слава Богу, мы спасены!

Собрав последние силы, Анна на четвереньках добралась до выхода из пещеры. В глаза ей ударил яркий свет. Ей предстало удивительное, невиданное зрелище — на небе ярко светило солнце и не менее ярко блистали звёзды! Как многое изменилось в мире с тех пор, как последний раз она видела солнечный свет! Анна зажмурилась от этого яркого света. И уже с закрытыми глазами поняла, что ошибочно приняла луну за солнце!

— Спасибо Тебе, Господи! — прошептала она. — Спасибо!

— Я люблю жизнь, — обливаясь слезами, сказал Адриан. — Жизнь так прекрасна!

У Анны сильно закружилась голова, и она вцепилась руками в Адриана.

— Дорогой мой, — прошептали её губы.

Кислорода в ночном воздухе было слишком для неё много, и голова у Анны кружилась. Она уже знала, что через миг потеряет сознание. Но она этого не боялась, потому что была на воле и в надёжных руках дорогого, любимого человека, который сможет позаботиться о ней.

Она посмотрела в бесконечное ночное небо, освещённое лунным светом и огнями большого города. В тот самый миг, когда она переходила от сознания к забвению сна, ей показалось, что перед нею промелькнула тень Создателя. И опять ей почудилось лицо — доброе и ласковое. Она тоже улыбнулась вслед. Анна закрыла глаза и впала в коматозный сон...

Глава 17. Подарок

Да, это величайшее доказательство существования чудес, какое только возможно в наше время.

Уильям Шекспир. «Всё хорошо, что хорошо кончается»

2007, 5 октября, Рим

Анна проснулась и, открыв глаза, оглядела незнакомый грязный потолок. Окно было плотно завешено шторами, и тусклый электрический свет исходил из левого угла комнаты, где в кресле дремал какой-то человек. Анна узнала его и позвала.

— Адриан?

Мужчина вздрогнул и поднял голову. Да, это был Адриан Фера! Он улыбнулся и встал с кресла.

— С добрым утром, Анна! — сказал он, подходя к низкому дивану, на котором лежала Анна, и опускаясь перед ним на колени. — Как ты спала?

— Прекрасно! Мне кажется, что я и до сих пор сплю... Скажи, вся эта чепуха про хранителей, и про лабиринт, и про сокровища — ведь всё это приснилось мне, не так ли?

Адриан молчал и улыбался, глядя на неё.

Анна закрыла глаза и откинула голову на подушку. Затем открыла их и огляделась кругом. Она находилась в маленькой, посеревшей от дыма комнате, в которой главное место было отведено большому старому телевизору, возвышающемуся на тумбочке, набитой всякой старой электроникой с торчащими во все стороны проводами. Кучи дисков были разбросаны по грязному серому полу.

— Адриан? Мы что, правда живы? — пошевелила она губами.

— Кажется, да, — улыбнулся Адриан счастливой улыбкой. Он ещё больше похудел, но никогда ещё Анна не видела его таким красивым.

Она дотронулась до его почти уже совсем седых волос, потом закрыла глаза и провела ладонью по лицу.

— Я всё ещё могу видеть тебя моими ладонями. Словно там, в том страшном месте. — Она сразу посерьёзнела. — Мы в безопасности? Что это за комната? Где мы?

— Мы в полной безопасности, — уверил Адриан, нежно целуя её руки. Только теперь Анна заметила, что его кисти и ладони перевязаны бинтами. — Мы в доме моего приятеля.

Она попыталась пошевелиться.

— Мои руки, — простонала она. — Мои ноги... Всё так болит... Значит, это точно был не сон.

Они не могли оторвать глаз друг от друга. То, что с ними произошло, далеко выходило за грани фантастики. Но вместе с тем они знали, что всё это было правдой.

— Ляг рядом со мной, — попросила Анна.

Адриан, уже чисто выбритый, в спортивных брюках и майке, лёг на диван рядом с Анной. Она обняла его, чтобы всем телом почувствовать, что он — не призрак. Она тёрлась щекой о его влажную от слёз щёку, вжималась в него каждой клеточкой.

— Всё хорошо, моя девочка, всё теперь хорошо, — шептал он. А она беззвучно и бесслёзно плакала и смеялась одновременно.

— Спасибо, Господи! — вырвалось у неё откуда-то из горла, а потом, как эхо, прозвучало много раз в душе. Ей даже казалось, что Адриан в этот момент тоже слышал всем телом это эхо её благодарности Богу, благодарности за жизнь.

Теперь всё как будто просветлело перед ней. Боль отступила, силы постепенно начали возвращаться. Она подала Адриану беззвучный знак, и он понял его, помог ей подняться и сесть на диване. Она ещё раз огляделась по сторонам. В углу громоздилась гора пивных бутылок, грозящих вырваться из ограничивающих их свободу коробок и раскатиться по всей комнате. На старом телевизоре, покрытом толстым слоем пыли, стояла, по всей видимости, круглая птичья клетка, накрытая сложенной в несколько раз старой грязной простынёй. В другом углу вперемешку валялись книги, видео- и аудиокассеты, диски и коробки от них. Более грязного пола она в жизни ещё не видела. Но как рада она была, что не мрак подполья был кругом, а мир людей — пусть даже такой неряшливый. Грязно-зелёные шторы, плотно сдвинутые, не могли скрыть того, что на улице стоял прекрасный солнечный день — лучи солнца пробивались в комнату, и в них весело плясала пыль.

— Как долго я спала?

— Восемнадцать часов, — сказал Адриан, глянув на огонёк электронного циферблата. — Впрочем, мне удалось напоить тебя один раз водой, а другой раз бульоном, — добавил он.

— Спасибо тебе, Адриан. Восемнадцать часов... Я так долго ещё никогда не спала... Скажи, — осторожно спросила она. — А про папские сокровища — это мне приснилось, или...

Адриан поднялся с дивана. Вид у него был торжественный. Он подошёл к облепленному стикерами шкафу возле телевизора и многозначительно посмотрел на Анну.

— Пока ваше величество изволили почивать, я нанёс пару дружественных визитов в сокровищницу. Уверяю тебя — с куском хлеба в желудке и электрическим фонариком в руке это совсем не так страшно. Зато у нас теперь есть нечто такое, что могли видеть лишь варварские короли вестготов, освобождавшие Рим от бремени скопившихся там за сотни лет сокровищ! Вот, посмотри на некоторые образчики, — добавил он загадочно и распахнул дверцы старого шкафа.

Анна охнула от удивления. На прогнувшихся полках, грозя совсем проломить их, стояли три прозрачные пластиковые коробки — видимо, из-под разбросанных на полу дисков, до краёв заполненные драгоценными украшениями. Даже через мутный пластик было видно, как искрились и переливались разноцветные камни, а сверху они пылали ярким пламенем, дразня тусклый огонёк лампочки. Адриан не без труда поднял один из ящичков и поставил его перед Анной на пол.

— Мы теперь самые богатые люди в мире! — заключил он. — Хотя нам нелегко будет сразу

воспользоваться своим богатством. А впрочем, это никогда не было легко.

— Ты сумасшедший, профессор, — проговорила Анна, качая головой. — Безумный, милый, любимый профессор Фера! Что ты собираешься делать со всем этим?

— Что мы собираемся делать, ты хотела сказать, — поправил её Адриан. — Это нам надо будет решить вместе. Но это ещё не все, — добавил он таинственно. — У меня есть ещё для нас особые подарки.

— Подожди, — перебила его Анна. — Мне вначале нужно хотя бы посмотреть на себя — я ли это вообще или кто другой? Есть в этом доме душ и туалет?

— Есть, — улыбнулся Адриан. — Правда, не люкс. Я тебя провожу.

Он помог ей подняться и провёл к туалету, который действительно оказался не люксом. Взглянув в зеркало, Анна с трудом признала себя. Она сильно похудела, но вместе с тем по-своему и похорошела. Она включила душ и заставила себя ступить в потемневший от времени и воды поддон. Напор воды был очень маленький, но Анна всё-таки умудрилась вымыться и сразу почувствовала себя лучше. Обернувшись полотенцем, она вышла к Адриану.

Увидев её, он улыбнулся, подошёл к шкафу и достал из него шкатулку — небольшой сундучок, будто вытесанный из отшлифованного чёрного камня, украшенного вкрапленными золотыми узорами и вензелями. Адриан поставил шкатулку на кофейный столик, предварительно смахнув в сторону пепельницу и журналы. Затем осторожно открыл шкатулку и трепетно достал из неё какую-то книгу в чёрном кожаном переплёте.

— Книга? — спросила Анна недоумённо.

— Это считавшиеся потерянными слова и пророчества, написанные не кем иным, как Пьетро Анджелари дель Мурроне, Святым Папой Целестином Пятым.

Сердце Анны дрогнуло при упоминании этого имени. В её памяти ожил Винченцо. Ей почему-то сделалось тревожно.

— Его труды, — восторженно продолжал Адриан, — проливают новый неожиданный свет на понимание его эпохи и того, что происходило. Я только просмотрел эту книгу, но уже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, что в центре его последнего конфликта лежит столкновение с бандой этих негодяев хранителей! Все эти богатства, — махнул он на ящики с драгоценностями, — не могут сравниться по важности и ценности с одним листочком из этой книги! И только одна ценность из всей папской сокровищницы может равняться этой, — его голос неожиданно дрогнул. — И эту ценность я приготовил для тебя!

С этими словами он подошёл к телевизору и поднял тот продолговатый круглый предмет, который Анна вначале приняла за накрытую простынёй птичью клетку. Осторожно переступая через мусор, он поднёс предмет к кофейному столику и поставил рядом со шкатулкой.

— По крайней мере, десять килограммов чистейшего золота и драгоценностей в одном предмете! Но ценность его не в этом!

— Что это? — прошептала Анна. Ей казалось, что она уже где-то видела эту вещь — во сне, что ли? Или же эта вещь видела её? Анне стало страшно.

— Это — подарок, — сказал Адриан.

Адриан собрался поднимать старую простыню.

— Не надо! — остановила его Анна. — Я боюсь!

— Глупенькая, не бойся, она не кусается, — Адриан откинул простыню.

Анна вздрогнула, пронзённая блистанием холодного взгляда — точно такого, что мерещился ей не то в сокровищнице, не то во сне. Взгляд этот кидал на неё алмаз величиной с большое куриное яйцо. Казалось, это был огромный глаз, возвышающийся над золотым трёхступенчатым коническим миниатюрным зданием, богато усеянным огромными, кроваво-красными рубинами. Таинственные слова VICARIVS FILII DEI тремя сужающимися, сходящими сверху вниз ступенями венчали собой каждый этаж этой миниатюрной золотой башни.

— Это — *triregnum*, папская тиара, то есть корона, — объяснил Адриан, видя её недоумение и даже страх. — Но это больше чем корона. Это ещё и утверждение — тройная тиара, знаменующая собой утверждение пап, что они обладают полнотой во всех трёх сферах человеческого обитания — в аду, на земле и в раю. Эта тиара выражает полноту власти, Анна.

— Но зачем она мне? — покачала головой Анна. — Я не хочу абсолютной власти. Я вообще никакой власти не хочу. Хочу жить тихо где-то, чтобы меня никто не видел и не трогал...

— Так всё и будет, — заверил её Адриан. — К этому всё и идёт. А тиару я тебе потому и даю, что знаю: ты не желаешь власти. Но есть люди, готовые отдать всё, чтобы заполучить эту тиару.

— А что значат слова VICARIVS FILII DEI? — поинтересовалась Анна. — VICARIVS - это ведь *vicarius*? Наместник Сына Божия? Но почему V, а не U?

— В древней латыни заглавную U писали как V. Да, викарий, наместник, заместитель. *Vicarius Filii Dei* является древним титулом папства, используемым в составленном им самим документе. На протяжении Средних веков всякий, кто осмелился бы усомниться в том, насколько этот титул действительно пристал папству и папам, предавался смерти. Тиара с этим титулом считалась пропавшей — возможно, переплавленной во время вторжения в Рим наполеоновского генерала Бертье. Тогда Бертье действительно отдал солдатам приказ переплавить на золото и серебро все папские тиары — он, протестант, считал их существование богохульством. Уцелела только одна, да ещё — вот эта, самая важная! Я всегда считал, что Браски — Пий VI — не позволил бы Наполеону добраться до этой тиары, если она когда-либо существовала. И я оказался прав! А потом стали говорить, что этой тиары вообще никогда не существовало. Ну и скандал разразился бы, появись она снова!

— А что будет, если она появится? — поинтересовалась Анна. Она всё ещё лелеяла мечту избавиться от тяжёлой ноши этой тиары.

— Она вновь исчезнет, — с уверенностью заявил Адриан. — Но за ней потянется кровавый след. И потянется он на самый верх власти.

Анна внимательно посмотрела на тиару. Ей снова показалось, что венчающий её алмаз следит за ней.

— А что это за камень? — спросила она.

— Это — знаменитое Око Осириса. В древние времена верховные жрецы Осириса, а потом Митры, венчали этим камнем свои короны.

Анна осторожно дотронулась до тиары. На ощупь она была такая же холодная, как и для глаз. Она попробовала приподнять тиару — та оказалась действительно очень тяжёлой! Внезапно

её пальцы ощутили какое-то странное, но знакомое сопротивление, напомнившее Анне о тугой клавиатуре её первого «Коммодора». Она поставила тиару обратно на столик и стала её внимательно ощупывать. Да, её подозрения оправдались — латинские буквы, составляющие слова VICARIVS FILII DEI, при надавливании подавались немного внутрь.

— Клавиши! — воскликнула Анна.

— О чём ты? — не понял Адриан.

— Эти буквы можно нажимать, как клавиши!

Адриан наклонился над тиарой и внимательно исследовал слегка выпуклые буквы. Анна была права: при надавливании они немного проваливались внутрь, а затем сразу же возвращались на место.

Тем временем Анна огляделась по сторонам и подняла с пола дисконтный купон на пиццу, а потом дотянулась до лежащей на столе ручки. Она написала на купоне три слова — VICARIVS FILII DEI — а под каждой буквой поставила её численное значение. У неё получилось:

V I C A R I V S F I L I I D E I

5 1 100 0 0 1 5 0 0 1 50 1 1 500 0 1

— Шестьсот шестьдесят шесть, — воскликнула она, подсчитав сумму всех чисел. — Число зверя!

— Древнее число вавилонского первосвященника, — удивлённо сказал Адриан.

Анна стала нажимать последовательно, одну за другой, все буквы-клавиши, имеющие числовое значение. Когда она нажала последнюю букву, то услышала, почувствовала скорее, едва ощутимый щелчок.

— Ты слышал это? — возбуждённо спросила она.

Адриан подвинулся ближе. Ему тоже показалось, что внутри тиары как будто что-то хрустнуло.

— Что это значит? — спросила она.

— Понятия не имею, — честно признался Адриан.

Анна повторила операцию с нажиманием цифр, и вновь они услышали щелчок.

— У нас ещё будет время подумать над этой загадкой, — заключил Адриан, почёсывая затылок. — Я предлагаю вначале подкрепиться и осмотреться.

Анна согласилась с ним, тем более что тиара вызывала чувство страха. Адриан тотчас поднялся, протянул Анне бутылку простой воды и, пока она с жадностью пила, принёс коробку с ещё тёплой пиццей.

— Только много не ешь, — предупредил он. — А то желудку повредишь.

Анна только сейчас поняла, как сильно она проголодалась! Всё-таки сон подействовал на неё очень благотворно. Но больше одного куска она есть не стала.

— Как я сюда попала?

— Когда мы выползли на воздух, ты потеряла сознание или сладко заснула. На твоём лице было такое умиротворённое, радостное, доверчивое выражение... Я отнёс тебя назад, в мою пещеру, уложил на пол, а сам помчался напрямик сюда, к другу Тони. У него когда-то оставалась женская одежда, и я очень надеялся, что он её не выкинул, хотя бы из-за присущей ему лени. — Адриан помедлил немного. — Потом у нас состоялся серьёзный разговор, и мне, думаю, удалось убедить его, что я не убивал ни Роберту, ни Ларису...

— А кто такая Лариса?

— Лариса... Я расскажу тебе позднее, — замялся Адриан. — Но её одежда тебе прекрасно подошла, хотя ты и выглядела, извини меня, как пьяная проститутка. Зато когда я вытащил тебя на улицу, никого это зрелище особо не удивило. Даже таксиста, которого я попросил остановиться за квартал отсюда. Я тоже притворялся пьяным, и всю дорогу таксист развлекал меня всякими непристойными шутками.

Анна удивлённо посмотрела на него.

— И как же тебе удалось убедить этого... Тони в своей невинности?

— Я сказал ему, что теперь знаю, кто делает это, — тихо ответил Адриан.

— Ты рассказал ему про хранителей? — воскликнула Анна.

— Нет. Я поведал ему о сумасшедшей секте религиозных фанатиков.

— И что ты ему ещё сказал?

— Что мне нужно пожить у него — вместе с тобой. Я дал ему денег и отправил в гостиницу. Он любит жить в гостиницах — для него это как поездка в отпуск.

Анна подумала, что всякий живущий в такой комнате, пожалуй, хотел бы пожить в хорошем отеле.

— Я решил, что нам лучше сейчас нигде не показываться, — добавил Адриан значительно. — Тем более что у нас нет никаких документов. Пока нет.

— Адриан, лучше сразу скажи мне, что ты задумал, — слабо улыбнулась Анна.

— За годы своей жизни на дне, — ответил Адриан, — я встретил всяких людей, в том числе и тех, кто занимается изготовлением фальшивых документов. Это мастера своего дела! Как только наши документы будут готовы, мы улетим из Рима — улетим куда-нибудь на острова. А потом купим остров и заживём счастливо-пресчастливо!

— План весёлый. Но, думаю, нам надо быть очень осторожными. Ведь мы теперь либо в розыске, либо — мертвы. Ни тем, ни другим разгуливать по улицам и покупать острова не полагается. Кстати, — вспомнила она что-то. — А откуда ты взял деньги? Ты ведь сказал, что дал своему другу денег...

— Я продал пару золотых монет торговцам у вокзала. Сказал им, что это остатки моей семейной коллекции. Выглядел я при этом весьма убедительно — эдакий разорившийся, разгуляющий отпрыск старого рода. Обычное для скупщиков дело. Впрочем, им и дела-то никакого до нас нет.

— Надо быть осторожнее, — покачала головой Анна. — Эти люди могут сотрудничать с полицией.

— Ты как будто боишься чего-то? — удивился Адриан.

Анна ничего не сказала. Но на самом деле ей действительно было страшно. Ей казалось, будто за ними кто-то издалека наблюдает. Наверное, это было оттого, что всё это время на них холодно и пронзительно глядел алмаз — Око Осириса.

— Накрой её, — попросила она, кивнув на тиару. — Мне как-то неуютно в присутствии этого зловещего Ока.

Адриан не стал спорить и накинул поверх тиары простыню. В комнате стало как будто спокойнее. И в этой воцарившейся тишине Адриан услышал скрип ступенек. Кто-то поднимался к ним на этаж. Он быстро схватил стоящие на полу ящики, засунул их назад в шкаф и закрыл дверцы. В тот самый момент в дверь их маленькой комнаты постучали.

Глава 18. Сказочник

Случай с Андерсеном был тем явлением, которое старомодные писатели называли «сном наяву». Просто это мне, должно быть, привиделось.

Константин Паустовский. «Сказочник»

2007, 5 октября, Рим

— Не бойся, — прошептал Адриан, стараясь успокоить возбуждённую почти до паники Анну. — Это, должно быть, кто-то из клиентов Тони. Я забыл тебе сказать, что Тони продаёт наркотики. Кто-то, видимо, не смог дозвониться — клиенты обычно звонят.

— Не открывай дверь! — умоляюще прошептала Анна.

Стук повторился, на этот раз настойчивее, а запертая ручка двери задёргалась.

— Я сейчас всё улажу, — решил Адриан, поднимаясь с дивана. Анна вцепилась в него.

— Нет!

Он мягко отстранил её и пошёл в сторону двери — как раз в то время, когда стучать стали ещё громче.

— Кому это там так не терпится? — громко спросил Адриан, открывая дверь.

В тот же миг он понял, что совершил большую ошибку. Стоящий на пороге человек никак не походил на одного из клиентов Тони, которых Адриан всех знал наперечёт. Он был одет в дорогой серый костюм, а в руках держал большую спортивную сумку. Не говоря ни слова, незнакомец шагнул в комнату и закрыл за собой дверь. На вид он казался лет пятидесяти; он был прекрасно сложен, подтянут и, по всей видимости, уверен в себе. Его внимательные глаза быстро и тревожно обежали комнату и остановились на Анне, всё ещё обёрнутой в полотенце. В этот момент ей показалось, что в этих серых глазах она успела увидеть как будто облегчение.

— Я сразу перейду к сути дела, — сказал он, поворачиваясь к Адриану. — Во-первых, вы не должны меня бояться. Во-вторых, у нас мало времени, в том числе на размышления. Вы должны сейчас же покинуть это место и пойти со мной.

У Анны защемило сердце.

— Кто вы такой и что вам нужно от нас? — спросил Адриан, заглядывая в лицо незнакомца.

— Своего рода ваш ангел-хранитель, — ответил тот.

Две пары глаз внимательно и с подозрением изучали человека в сером.

— Если бы я был из полиции или секретной службы, то пришёл бы сюда не один, — сказал незнакомец, отвечая их немым вопросам. — Но я один и силой волочить вас никуда не собираюсь. Но повторяю ещё раз — у нас крайне мало времени. Полиция или спецслужбы могут приехать сюда в любую минуту.

— А почему сюда должна приехать полиция? — спросила Анна.

— За вами, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. Потом он поставил сумку на пол и открыл её. Адриан весь напрягся, готовый в любой момент прыгнуть на пришельца. Но делать ему этого не пришлось — сумка оказалась наполненной одеждой и обувью.

— Подберите себе что-либо из одежды, и побыстрее, — сказал незнакомец, вываливая всё на пол.

— Мы никуда не пойдём, пока не скажете, кто вы такой, — заключила Анна, не двигаясь с места.

— Мне бы не хотелось ограничиваться сейчас короткой историей, — ответил человек в сером. — А на длинное повествование у нас нет времени.

— Скажите хотя бы, как вас называть, — не отставала Анна. Она не сводила с него глаз.

— Называйте меня Андерсеном. Гансом Христианом Андерсеном.

Её сердце отчаянно забилось. Что это было? Реальное чудо или подделка? Анна не была уверена, знал ли генерал о «Гансе Христиане», — она так никогда и не узнала, в какой момент люди Смирнова начали слежку за её хакерскими подвигами.

— Сеньор Сказочник, полагаю? Или мистер Сказочник? — Адриан смотрел на незваного гостя с нескрываемым недоверием.

— Можно и так, — согласился тот. — Только последуйте моему совету и быстро собирайтесь.

— Мы никуда с вами не пойдём, — отрезал Адриан. — Вы теряете наше и своё время. Пожалуйста, уходите — прямо сейчас, — и Адриан грозно указал рукой на дверь. Впрочем, реальных шансов силой выставить за порог настойчивого гостя у него не было — тот был почти на голову его выше, шире в плечах и, по всей видимости, в прекрасной спортивной форме. А тело Адриана не успело ещё отойти от подземной прогулки.

— Подожди, Адриан, — вмешалась Анна. — Нам нечего здесь сидеть. И одежда придётся кстати.

— Ты хочешь идти с ним? — недоумённо воскликнул Адриан, и Анне послышались в его голосе нотки ревности.

Анна колебалась. Человек в сером полез во внутренний карман, и Адриан опять весь напрягся, готовый прыгнуть на него, заслонить Анну грудью, если понадобится. Но вместо пистолета странный гость достал из кармана сложенный газетный листок — судя по всему, очень свежий.

— Читайте, — он протянул листок Анне. — Только, прошу вас, ни в чём себя не вините. Но человек этот был убит только за то, что знал вас, видел вас в Риме.

Дрожащими руками Анна взяла в руки газету. Она вскрикнула, увидев написанный большими буквами заголовок статьи: «Русский миллиардер застрелен в Лондоне». Она заставила себя начать читать газетную статью:

«Известный русский бизнесмен был застрелен в среду вечером при выходе из отеля „Савой“ в Лондоне. Анатолий Гуров, владелец московской сети ресторанов „У Толяна“, убит из автоматического оружия двумя неизвестными в масках, которым удалось скрыться на мотоцикле. Полиция ведёт активные поиски преступников. По первоначальной версии полиции господин Гуров был застрелен киллерами русской мафии, сводящей с русским миллиардером свои счёты. Это не первый случай, когда русские олигархи оказываются объектами нападения русской мафии...»

Она не стала читать дальше. Слезы застлали ей глаза.

— Что случилось, Анна? — испуганно спросил Адриан, заглядывая в газетный листок. — Кто... кем был этот человек?

— Этот человек был для меня всем, — прошептала Анна. Слезы из её глаз капали на газету.

— Извини, прости меня, Анна, — осторожно сказал Адриан и тут же перевёл взгляд на незнакомца, принёсшего недобрые вести. — Что всё это значит?

— Это значит, что вы находитесь в смертельной опасности, о чём я и пытаюсь сказать вам уже, — он быстро взглянул на часы, — целых четыре минуты. Принимайте решение.

— Кто стоит за этим убийством? — сквозь слёзы прошептала Анна.

— Не знаю, — признался человек в сером. — Но не те, про кого пишут. Всё время вашего пребывания в Риме вы находились под активным наблюдением спецслужб. Думаю, это их рук дело.

— Откуда... откуда вам всё это известно? — тихо спросила Анна.

— Скажем так: я тоже вёл наблюдение. Иными словами, у вас есть выбор — пойти со мной или остаться и попасть в руки тех людей.

Она ещё помедлила немного.

— Куда мы направляемся?

Адриан с удивлением посмотрел на неё.

— Я скажу вам по дороге, — ответил мистер Андерсен.

— Но, послушайте... — начал Адриан, но Анна перебила его.

— Мы доверимся этому человеку, Адриан. У нас нет лучшего выхода.

Адриан молчал. Наверное, в глубине души он полагал поступить так же, но боялся себе в этом признаться. Он боялся более всего на свете, что этот человек в сером пришёл за тем, чтобы разлучить его с Анной. Ему легче было умереть, чем жить с нею в разлуке.

— Прошу вас, — попросила Анна. — Выйдите за дверь на минуту, чтобы мы могли переодеться и собраться.

Человек в сером внимательно посмотрел на неё, потом на Адриана, взглянул на часы.

— У вас пять минут, — сказал он. — А ещё лучше, если уложите в три минуты.

«Андерсен» оставил им сумку с одеждой и вышел за дверь, прикрыв её за собой.

— Ты уверена в том, что делаешь? — спросил Адриан, как только дверь за мужчиной в сером закрылась.

— Нет, — покачала головой Анна. — Но, мне кажется, мы поступим правильно, если быстро оденемся и уберёмся отсюда. — Она вытащила из сумки простое белое платье её размера и лёгкие летние туфли. Адриан достались голубые джинсы, к которым он выбрал одну из прилагавшихся трёх рубашек — нежно-голубую. Поверх рубашки Адриан накинул светлый пиджак.

Быстро одевшись, Адриан вытряхнул из сумки остатки одежды и кинулся к шкафу, откуда достал ещё одну спортивную сумку. Одна за другой коробки с драгоценностями переключались в обе сумки, вслед за ними последовала шкатулка, которую Адриан тщательно обернул в одну из валявшихся на полу рубашек. Последней на дно сумки отправилась тиара.

Пока Анна освобождалась от бинтов и переодевалась в платье, Адриан незаметно взял со стола нож и сунул его во внутренний карман пиджака.

— За эти сумки нас убьёт и предаст каждый, кто встретится на пути, — обречённо сказал он, застёгивая молнии. — Я, кажется, даже знаю, кто это будет.

В это время снова раздался лёгкий стук в дверь, и мужчина в сером зашёл в комнату. Он с удовлетворением глянул на Анну и Адриана.

— Идём, — кивнул он и повернулся к выходу.

— У нас есть кое-какие вещи, — сказала Анна, указывая на сумки. — Боюсь, нам не обойтись без вашей помощи.

«Мистер Андерсен» подошёл к кровати и поднял свою сумку.

— Что у вас там? Камни? Книги? — удивлённо спросил он, ставя сумку на пол.

— И камни, и книги, — поспешила согласиться Анна. — Они нам дороги — как память.

— Ну что ж, — согласился «мистер Андерсен». — Если они вам так дороги, то уходим поскорее из этого места.

Адриан с трудом поднял другую сумку и последовал за человеком в сером. Он был почти уверен, что на улице их уже поджидают другие люди в таких же серых костюмах.

Когда они втроём опускались вниз по лестнице, «мистер Андерсен» ещё раз повернулся и посмотрел на нелепую постройку.

— Сжечь бы её, чтобы не оставлять никаких следов.

— Это дом моего друга, — вступился за лачугу Адриан. — Я обещал погостить у него, а не сжигать дом.

— Вряд ли он сюда когда-либо вернётся, — тихо сказал «мистер Андерсен» и продолжил спускаться по лестнице. С тяжёлой сумкой это было совсем нелегко.

Внизу их ждали не люди в сером, а белое римское такси. Они запихали тяжёлые сумки в

багажник, и Адриан с Анной устроились на заднем сиденье.

«Мистер Андерсен» сел на переднее место и сказал таксисту адрес. Автомобиль двинулся, и их новое путешествие в неизвестное началось.

Такси доставило их на одну из многолюдных улиц Рима. Они рассчитались с водителем, достали сумки и прошли по улице метров пятьсот. Потом снова взяли такси и проехали в другую часть города. Там человек в сером провёл их узкими переулками на оживлённый бульвар. Пока они шли, он снял свой серый пиджак и бросил его в мусорный ящик. Всё это время беглецы почти не разговаривали.

Они взяли ещё одно такси, которое доставило их на территорию небольшого пригородного аэропорта. Остановились возле одного из небольших ангаров. Пока Адриан доставал из багажника сумки — при каждой пересадке он подозревал, что вот сейчас-то на них и произойдёт нападение, — «мистер Андерсен» расплатился с водителем и отпустил такси. Затем он набрал на электронном замке ангара код, и широкие ворота поползли вверх. Ярко-жёлтый маленький самолёт «Cessna 172» глядел на них, как новенькая игрушка. Наряду с колёсами, самолёт был оснащён напомиравшими поплавки водными лыжами.

— Забирайтесь в кабину, — приказал «мистер Андерсен», открывая дверь и придвигая ступеньку.

— Можете вы хотя бы сказать, куда мы летим? — нервно спросил Адриан, укладывая сумки на одном из четырёх небольших сидений.

— Во Францию, — ответил «мистер Андерсен». — Но, боюсь, нам и там надолго задержаться не придётся — вас будут повсюду искать.

Анна хотела сказать, что их уже считают мертвецами, потому вряд ли будут искать, но вовремя остановилась. Она совсем не знала этого человека и доверяла ему только потому, что у неё не было другого выхода.

Они уселись в маленькую кабину, и «мистер Андерсен» завёл мотор. Он надел наушники и настроил приборы. Анна никогда ещё не летала на таких маленьких самолётах, но та уверенность, с которой «мистер Андерсен» всё делал, передалась и ей. Он помог Анне, сидящей на переднем сиденье, пристегнуть ремень безопасности.

Закрутился пропеллер, и их самолёт выкатился из ангара, легко побежал по полю. «Мистер Андерсен» сказал что-то в микрофон, дождался ответа, удовлетворённо кивнул головой.

— Нам дано разрешение лететь.

Мотор пронзительно взревел — так громко, что Анна даже прикрыла уши руками. Самолёт стремительно покатился по полю. Анне казалось, что ветер вот-вот снесёт их в сторону, перевернёт. Но самолётик подпрыгнул, потом ещё раз зацепил колёсами землю, на прощание, и взмыл в воздух, набирая высоту. Через минуту справа от них показался Вечный город, из которого они сейчас совершали побег. Самолёт поднимался выше и выше в безоблачное итальянское небо, и они уносились дальше и дальше от Рима, пролетая над маленькими пёстрыми городками и деревнями, зелёными и жёлтыми лугами, голубыми реками. А вскоре издали показалось блестящее на солнце во всём своём великолепии море. Они пронеслись над прибрежными виллами и селениями, над простыми лодками и роскошными яхтами и полетели над бескрайним лазурным простором. Самолёт то подбрасывало восходящими потоками вверх, то он словно проваливался в какую-то яму, то кренился в сторону. Адриан сидел, судорожно вцепившись в подлокотники кресла. Ему совсем не хотелось умирать — теперь, когда он только начинал жить.

— Как вы нашли нас? — спросила Анна, когда понемногу привыкла к полёту и шуму двигателя.

— Я обошёл всех римских торговцев фальшивыми документами, — сказал «мистер Андерсен», глядя на неё приветливо. — Подумал, если вы живы, то вам понадобятся новые документы. Я предложил им хорошие деньги, если они сообщат мне что-то о вас. Они и сообщили.

Адриан опустил глаза.

— Не расстраивайтесь, профессор, — ободрил его «мистер Андерсен». — Всё было бы гораздо хуже, если бы я не нашёл вас. Тогда бы вас нашли другие.

— О каких других вы всё время говорите? — не выдержал Адриан.

— Это я и сам бы хотел знать, — ответил «мистер Андерсен». — Надеюсь, со временем вы расскажете мне, что с вами произошло. Пока же я знаю, что всё то время, пока Анна находилась в Риме, за ней следили, точнее, за вами следили. Когда вы исчезли, я даже подумал, что это всё — конец. Тем более что на следующий день после вашего исчезновения был убит мистер Гуров.

— Откуда вы знаете про нас? — не выдержала Анна. — Кто вы такой?

— Подождите немного, — успокоил их «мистер Андерсен». — Скоро вы всё узнаете.

Он замолчал, и они ещё долго летели над блестящей водной гладью. Иногда были видны берега — то справа от них, то слева. Иногда они пролетали над небольшими островами.

— Это Корсика, — нарушил молчание «Андерсен», когда под ними снова показалась земля — гористая, неприветливая, совсем не похожая на зелёные поля и виноградники, которые видны были им над материковой частью. — Родина Бонапарта.

Вскоре под ними вновь расплескалась водная гладь.

— Мы уже почти дома, — сказал «мистер Андерсен». — Видите впереди полоску земли? Это Франция, Лангедок, древняя земля свободы.

Анна следила за приближающимся берегом. Что несёт ей эта «земля свободы»? Кто этот «мистер Андерсен»? Неужели это и есть тот самый человек, с которым она в детстве долго переписывалась, о котором порой думала день и ночь? Она ещё раз внимательно посмотрела на него. Да, примерно таким она его себе и представляла. Открытое мужественное лицо, умные подвижные глаза, широкие плечи, почти полностью седые волосы. Неужели это и был тот самый «Ганс Христиан»?

Западная часть неба уже окрасилась в нежный флюоресцирующий розовый цвет, напоминая о приближающемся вечере, когда их маленький самолёт вплотную подлетел к незнакомому берегу и им стали видны прибрежные виллы, сады и виноградники. Самолёт опускался ниже и ниже, наконец коснулся поверхности воды своими водными лыжами, слегка подпрыгнул, снова опустился на воду и быстро заскользил в сторону берега.

Анна взглянула туда, куда направлялся теперь их самолёт, превратившийся в лодку, и увидела стоящую на берегу одинокую фигуру, показавшуюся Анне странно знакомой. Солнце было позади этой фигуры, а потому Анна не видела лица этого человека. Она вгляделась внимательно и вдруг закричала так, что Адриан вздрогнул от неожиданности.

— Мама! — кричала она. — Мамочка!

Самолёт причалил к берегу, и его стало подкидывать лёгкими волнами. Но прежде чем «мистер Андерсен» выключил двигатель, Анна открыла дверь и прыгнула прямо в воду. Тёплая вода доходила ей до пояса, и Анна, помогая себе руками, бросилась к берегу.

— Анечка! — воскликнула женщина и тоже кинулась в воду. Они обнялись, стоя по колени в воде и не отпуская друг друга, и поднятые самолётом волны слегка раскачивали их из стороны в сторону.

Адриан, наблюдавший за этой сценой из кабины самолёта, с изумлением посмотрел на «мистера Андерсена».

— А вы, я вижу, и вправду сказочник, сеньор Андерсен, — сказал Адриан, когда тот заглушил двигатель. — Где вы нашли её мать?

«Мистер Андерсен» грустно улыбнулся.

— Там же, где когда-то потерял её.

Глава 19. Жизнь прекрасна

Всему своё время, и время всякой вещи под небом.

Екклесиаст 3:1

2007, 6 октября, Лангедок, Южная Франция

Около шести утра Анна проснулась и долго пыталась сообразить, где же она находится. Просторная комната, отделанная деревянными панелями, была залита ярким солнечным светом. В открытое окно доносилось шуршание волн о песок берега. Рядом с ней спал Адриан. Она всё вспомнила, и её переполнило чувство восторга и благодарности.

Она встала с кровати, подошла к распахнутой двери балкона и ступила босыми ногами на прохладный мрамор. Солнце весело играло с морем, окрашивая его в самые невероятные оттенки. Раннее утро дышало жизнетворной свежестью, и Анна почувствовала себя ребёнком, счастливым и радостным. Её тело всё ещё болело во всех его членах, но Анна уже чувствовала, как новые силы животворной струёй вливаются в неё.

— Спасибо, Господи, — тихо обратилась Анна куда-то вдаль. — Спасибо Тебе за жизнь, радость, новый день. Спасибо, что вывел меня из царства смерти, — сказала она Тому, Чей невидимый облик давно пыталась рассмотреть за цифрами и законами природы. Но теперь, после лабиринта, ей уже не надо было напрягать свой ум, чтобы вместить в него невместимое. Бог, избегающий всяких формулировок и определений, неимоверно дальний и большой, каким-то образом легко помещался теперь в её сердце. Произошло чудо, таинство — бесконечный, невидимый, предвечный Бог знал теперь её, а она знала Его. И это знание было превыше и прочнее всякого другого знания, которым она обладала. И Анна теперь желала углубляться и дальше в это чудо. В конце концов, если Бог есть и если Он слышит её, а в этом она теперь не позволяла себе сомневаться, то Он будет открываться ей и дальше. Будет вести её. Ей только надо научиться слушать Его голос — как слушала она его в лабиринте, борясь за свою жизнь. И этому она и посвятит жизнь — более интересного занятия Анна уже представить себе не могла.

— Адриан! — позвала она, подойдя к выходу на балкон. — Адриан! Вставай скорее и посмотри, какое прекрасное утро!

Адриан пошевелился и повернулся на другой бок.

— Адриан! — не унималась она. — Ну иди же сюда, лентяй! Посмотри на эту красоту!

Он повернул к ней лицо и улыбнулся.

— Я и так смотрю на красоту, — сказал он, щурясь против солнца.

— Ну тогда подойди и обними эту красоту, — предложила Анна.

Адриан встал с кровати. Он подошёл к Анне и обнял её, прижал к себе. Они вышли на просторный балкон и встали, обнявшись, всматриваясь в спящую глаза даль.

— Трудно представить себе лучшее место для пробуждения, — сказал он, всматриваясь в безбрежную красоту, плескавшуюся перед ними.

— Я люблю тебя, профессор, — прошептала Анна, прижимаясь к нему. — Это так банально, но всё, что приходит в голову сказать, — я мечтала о тебе всю мою жизнь.

Он закрыл глаза, чтобы остановить наворачивающиеся на них слёзы.

— Мы буквально вышли из могилы — родились заново, — голос его дрогнул. — Как, я спрашиваю, как это возможно?

Анна припала ухом к его груди, будто вслушиваясь в биение сердца.

— Впрочем, я знаю, — тихо сказал Адриан. — Это Бог. Это Он, — губы его задрожали.

Анна дотронулась рукой до его лица, как она часто делала это в лабиринте. Он по-прежнему был самым красивым, самым желанным человеком на земле. Он расцеловал её тонкие пальцы в ссадинах, её ладони, кисти, предплечья. Адриан получил награду, которая была превыше всего, на что он мог надеяться. Прошлое осталось позади. Впереди, как залитое солнцем море, простиралась новая жизнь. И эту новую жизнь он пройдёт вместе с ней. Все ужасы прошлой жизни теперь могли только подчеркнуть, сделать особой ту радость, которая была теперь его уделом.

— И за что нам такое счастье? — гладил Адриан тёплые, мягкие волосы Анны, светящиеся в лучах раннего утреннего солнца. Он думал о том, что нет ничего удивительного, что с давних пор человечество поклонялось солнцу, этому подателю всякой животворной энергии, и прекрасной богине — олицетворению женственности, красоты, жизни и плодородия. Но теперь ему казалось, что он нашёл настоящего Бога — подателя и Анны, и солнца, и любви, и жизни, и всех благ. Он нашёл Бога, Который всё это время был так недалеко от него — как то сокровище, которое искал в детстве. Он нашёл теперь, спустя столько лет, Бога, Которого когда-то, ещё в детстве, искал, читая в пещере Библию и копая свой ход. Как близко он был тогда от сокровища! И как далеко!

— Давай не будем разлучаться, — предложила Анна. — Никогда-никогда.

— Хорошо, — согласился он.

Постояли ещё несколько минут, пока утренний бриз не осушил их лёгких слёз радости.

— Пойдём вниз, — позвала Анна. — Я хочу убедиться, что мама не была сном.

Они оделись в лёгкие удобные спортивные костюмы, оставленные для них с вечера

«мистером Андерсеном», и вышли из комнаты в просторный коридор простого, но большого загородного дома богатой семьи — виллы, построенной, скорее всего, пару веков назад. Спустились по широкой вьющейся лестнице на первый этаж и оказались в комнате, напоминающей по внутреннему убранству замковый холл. Анна подумала, что за исключением электрических приборов за двести лет в доме этом вряд ли что изменилось — те же старые картины и ружья на стенах, та же мебель, те же толстые книги за стеклянными дверцами встроенных в стены шкафов. Время как бы застыло здесь, в этом доме, который обошли стороной войны и разрушения. Посреди холла стоял огромный стол, за которым они вчера пировали. Сейчас на столе ничего не было, комната была чисто убрана.

— А был ли пир? — спросила Анна, проводя рукой по гладкой поверхности старинного стола.

— Пир был, — услышала она мамин голос и обернулась.

Из примыкающего к холлу узкого коридора показалась сначала мама, а потом и «Ганс Христиан».

— Мамочка! — Анна бросилась к ней. — Ты не сон!

— А как насчёт меня? — улыбнулся «мистер Андерсен».

Из вчерашнего сумбурного разговора за столом, постоянно перебиваемого то смехом, то слёзами, то криками радости, Анна могла понять только то, что «мистер Андерсен» вывез маму из Москвы, как только узнал, что Анна пропала. Но кем был этот «мистер Андерсен» и, самое главное, что связывало его и маму? Вчера эти ответы были не так важны — изумление и любопытство подавлялись безмерной радостью спасения и усталостью. Теперь же, к утру, усталость прошла, а радость не исчезла и не уменьшилась, но горела ровным пламенем, позволяя Анне снова мыслить логически.

— Может быть, — предложил Адриан, — кто-нибудь объяснит мне, нам всем, наконец, что здесь происходит?

— Давайте сделаем это за столом, — предложил «мистер Андерсен». — Мы сейчас пойдём в сад, где для нас приготовлен лёгкий стол. Пока не подступила жара, надо ловить момент. Пойдёмте, — пригласил он и повёл их через примыкающую к холлу веранду в старый сад, начинавшийся сразу позади дома. Там, в тени ветвистых деревьев, действительно их уже ждал накрытый стол. Воздух был ещё по-утреннему свеж, но уже тёпл. Они подошли ближе к столу, на котором лежали яркие, красивые фрукты. Ароматы сада смешивались с запахом картофельного бульона, пар от которого не спеша поднимался в свежий утренний воздух.

— Вам надо быть очень осторожными в питании, — предупредил «Ганс Христиан». — Советую начать с бульона.

Появилась служанка — молодая женщина приятной латинской наружности, с подносом, на котором красовался, дыша паром, ярко-коричневый пирог.

— Это — Маэла, — представил её «Ганс Христиан». — Со своим неповторимым карузским пирогом! Она — наш добрый гений в вопросах порядка и стола. А как только ваши желудки оправятся после долгого поста, вам откроется удивительный мир латинской кухни.

Маэла улыбнулась прекрасной доброй улыбкой, обнажив два ряда безупречных зубов.

— Буэнос диас, — сказала она.

Они сели за стол, и Маэла налила Анне и Адриану горячего бульона, наложила им по тарелке прекрасных горячих овощей, слегка приправленных маслом. Всё показалось им очень вкусным, и Анна на какое-то время забыла о мучавшем её любопытстве и набросилась на

пищу. Адриан последовал её примеру.

Глава 20. В начале

В начале... А кстати, что было в начале?

Вл. Гаков. Из предисловия к русскому переводу книги Айзека Азимова «В начале»

2007, 6 октября, Лангедок, Южная Франция

Когда овощи были съедены и настала очередь фруктов, Маэла принесла им кофе и горячий шоколад. «Ганс Христиан» подал ей знак, и она удалилась, оставив их одних.

— Знаю, вы хотите, чтобы я начал рассказывать всё с начала, — начал он. — Попробую начать с того, как всё это началось для тебя, Анна. А началось это почти тридцать лет назад, когда я имел неосторожность влюбиться в самую прекрасную и добрую женщину на свете...

— Вы — Андрей Гомер? — вырвалось само собой у Анны.

— Я был им когда-то, — «мистер Андерсен» опустил глаза.

Наступило молчание, и слышно было, как стрекочут на деревьях птички, как жужжат, носятся в утреннем воздухе разные насекомые и где-то бьются о берег волны.

— И куда же вы пропали тогда, мистер Андерсен, нет, простите, мистер Гомер? — спросила Анна, стараясь подавить волнение.

— Я сделал тогда выбор, — тихо ответил он. — Может быть, даже скорее всего, это был неверный выбор. Я знал, что уезжаю — и уезжаю, возможно, навсегда. Я боялся сказать это Светлане.

— Я это и сама прекрасно чувствовала, — сказала мама.

Анна посмотрела на мать, на её сияющее тихим счастьем лицо, и вдруг поняла, что она по-прежнему любит его! И любила, а может, и ждала все эти годы! Анна хотела сказать что-то, но её язык словно онемел.

— Когда я перебрался в Западный Берлин, — продолжил «Ганс Христиан», — мне пришлось сжечь за собой все мосты. Я знал, что всякая связь со мной теперь будет рассматриваться в Союзе как преступление, и я не хотел подставлять Свету под удар. Думал, что будет лучше, если она просто забудет обо мне.

— И ты ошибся! — покачала головой Анна. В её голосе была горечь. — Она никогда не забывала тебя. Ты совсем не знал мою маму! Она любила тебя — все эти годы любила!

Теперь Анна точно знала, что так оно и было. Оттого-то Светлана никогда не вышла замуж — не потому, что была слишком умной для замужества, как говорила тётя Майя, а потому, что любила и ждала его, Андрея Гомера. И дождалась! Анна не могла больше сдерживаться, и её глаза наполнились слезами. Светлана придвинулась ближе к дочери и обняла её за плечи.

— Тс-с-с-с, — шептала она, слегка покачивая её. — Всё хорошо. Теперь уже всё хорошо.

Всё вдруг встало на место: «мистер Андерсен» — это действительно тот самый «Ганс Христиан», с которым она виртуально дружила в детстве, и, что самое невероятное, — это её отец!

— Значит, — сквозь слёзы сказала Анна, — Ганс Христиан — действительно мой отец? А я так мечтала об этом, так хотела иметь такого отца, как он. — Сквозь её слёзы сияло теперь восходящее солнце нового счастья...

Светлана в изумлении глядела на него. Похоже, она ничего не знала про «Ганса Христиана».

— А какой ты меня представлял? — спросила она, сквозь слёзы разглядывая «Ганса Христиана». Станным образом, она представляла его именно таким, только моложе.

— Такой, какой я тебя видел.

— Ты меня видел? — вспыхнула Анна. — Где? Когда?

— В декабре девяностого, — сказал он.

— В декабре девяностого... — тихо повторила Анна.

— Я остановился тогда в гостинице «Россия». Когда убедился, что, кроме персонала отеля, за мной никто не следит, отправился на поиски Светланы. У меня было такое чувство, что я никогда не уезжал отсюда, что я всё ещё молодой студент, который почему-то, по какой-то глупой причине, поссорился со своей подружкой, она убежала, а я ищу её. Когда наконец раздобыл её адрес, отправился к её дому на дежурство. Я решил дежурить возле него день и, если понадобится, ночь, чтобы увидеть её, хотя бы с расстояния. Я понятия не имел, замужем ли она, есть ли у неё дети. Хорошо помню тот день и тот вечер, будто это было вчера. Было холодно, и я бродил в сторонке от вашей пятиэтажки, наблюдая за подъездом и окнами. Люди выходили и заходили, а Светы всё не было, и окошки не светились. Но вот я увидел молодую женщину с девочкой, идущих по направлению к подъезду, и уже издали понял, что это была Света. Я узнавал и не узнавал её. Когда я бежал из России, она была ещё девочкой — наивной и доброй девочкой с красивой головкой, забитой русской литературой. А теперь это была грациозная, стройная женщина, да ещё и с ребёнком. Я смотрел на девочку и пытался разглядеть, похожа ли она на мать, но оттуда, где стоял, не мог этого видеть. Вы зашли в подъезд, и скоро в ваших трёх окошках загорелся свет. И я всё ходил кругом и смотрел, заглядывал в эти окна, надеясь увидеть там Свету или девочку. Я тогда даже имени твоего не знал, — улыбнулся он грустно Анне. — А потом свет погас, и я понял, что вы скоро выйдете. Через минуту вы и вправду показались, и через плечо у девочки были перекинuty коньки. Я понял, что вы отправляетесь на каток, и решил последовать за вами.

Анна задыхалась от волнения, её сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Я шёл и думал, — продолжал «Ганс Христиан», — что сделал огромную ошибку, когда уехал из России. Да, у меня был к тому времени свой бизнес, водились уже крупные деньги... Но когда я шёл теперь по вечерней московской улице, по свежему снегу, дышал этим воздухом, то готов был всё на свете отдать, чтобы идти рядом с этой женщиной, держать её за руку или держать за руку своего ребёнка — такую же, как ты, милую девочку, которая о чём-то весело щебетала с мамой. Я тогда ещё не понял, что ты — мой ребёнок.

Он остановился, чтобы перевести дыхание.

— Вы пришли на каток. Я взял себе напрокат коньки, надвинул пониже шапку, надел тёмные очки и стал кружить, наблюдая за вами с безопасного расстояния. Света была так прекрасна, так легка и грациозна... Настоящая королева! А вот у девочки поначалу плохо получалось. Но

потом её будто подменили. Она стала двигаться так легко и свободно, что я с трудом верил своим глазам.

— Но ведь я упала, — всхлипывала Анна. — Я тогда упала!

— Да, да, — сказал «Ганс Христиан». — Я видел это, но никак не мог тебе помочь — тебя сбил какой-то верзила в кожаной куртке, который ехал задом наперёд. Он даже не остановился тогда. Ты упала на спину и со всего маху ударила головой об лёд. Я страшно испугался и кинулся к тебе...

— Я всегда считала, что это был сон, видение, — промолвила Анна, внимательно изучая лицо «Ганса Христиана». — Я помню тебя. Мне даже кажется, что тогда я уже поняла — кто ты. Если не головой, которая была пришиблена, — улыбнулась она, — то сердцем.

— Вот и я тебя тогда узнал, — заглянул он в глубину её глаз. — Я вдруг понял, кто ты. И мне стало так хорошо, словно ты была тем, кого я всю жизнь искал.

— Но почему же тогда ты уехал?

— Струсил. Я слишком многого тогда боялся — боялся быть отвергнутым, боялся потерять свою деловую удачу, свою сложившуюся жизнь и амбиции. Я бежал тогда из Москвы — поменял билет и улетел той же ночью. Но с тех пор покоя у меня уже не было. Я знал, что где-то далеко от меня живёт женщина, которую люблю, и прекрасная девочка, которая для меня дороже жизни. Я мог позволить себе только любоваться вами с расстояния — как мечтой, несбыточной и дальней. Но даже эта мечта — она двигала мною, давала силы работать, много работать. А потом, совершенно неожиданно, мне представилась возможность общаться с Аней через интернет. Так родился «Ганс Христиан» — сказочник, который выдумал для Анечки целый мир и целый мир готов был отдать ей. Всё, что я делал, весь мой бизнес, все мои амбиции были теперь движимы одним желанием — одарить однажды этим всем мою Анечку...

— И чем вы занимались все эти годы, позвольте спросить? — вмешался в разговор Адриан.

«Ганс Христиан» с грустью посмотрел на него.

— Зарабатывал капитал, пытался выстроить свою финансовую империю. Я тогда был идеалистом — моя дипломная работа, из-за которой я и попал на ту конференцию в Берлин, разрабатывала стратегию того, что сегодня стало называться электронным банкингом. Моя работа вызвала определённый интерес среди некоторых советских идеологов — ведь я отметил, что и-банкинг сделает людей менее привязанными к деньгам. Деньги переставали существовать как отдельная категория, превращаясь в абстрактные цифры и знаки. Чем не коммунизм? И в то же время, сколько скрытых лазеек для Системы остаётся, если она держит банки в своих руках! Об этом я не говорил в работе, но это и так было ясно всем. И всё-таки я понимал, что в «Совке» мне не скоро ещё удастся найти применение своим идеям. Это и дало мне смелости найти людей, которые переправили меня в Западный Берлин. Оттуда перебрался сначала в Англию, а потом в Америку. Где-то по дороге Андрей Гомер «умер» и «родился» Джон Скот — фактически человек без имени. Я основал тогда компанию — первый электронный коммерческий банк, который не знал бумажных денег. Я тогда уже начал готовить Аню к большому будущему, чувствовал в ней необычайный талант и с нетерпением ждал того дня, когда смогу ей открыться.

— Но почему мы должны были столько времени ждать? — удивилась Анна.

— Я угодил в тюрьму, — горько усмехнулся «Ганс Христиан».

— В тюрьму? — присвистнул Адриан.

— На целых восемь лет. Меня обвинили в неуплате налогов и отобрали банк. Очевидно, кто-то проник в базу данных компании и поменял несколько цифр. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы разрушить меня.

— Как назывался этот банк? — хриплым голосом спросила Анна.

— «Скот И-Банкинг».

— «Скот И-Банкинг», — тихо повторила Анна. — Компания, которая была расформирована и продана в 1997 году?

«Ганс Христиан» удивлённо посмотрел на неё.

— Откуда тебе это известно?

Анна побледнела. Она прекрасно помнила одно из первых заданий, полученных от полковника Смирнова в мае 1997 года, — найти доступ в базу данных международной корпорации «Скот И-Банкинг». Она блестяще справилась с этим заданием. И помнила, что именно в ту пору из её жизни пропал «Ганс Христиан».

— Это я, — сказала она. — Я открыла тогда для моего босса, полковника Смирнова, доступ к «Скот И-Банкинг».

Полковник использовал её против собственного отца! Анна с ужасом начинала осознавать, что это она разрушила тогда дело своего отца, упрятала его в тюрьму на восемь лет. Какая страшная нелепица!

— Полковник Смирнов... Как его зовут? — вмешалась в разговор Светлана. — Случайно не Игорь Семёнович?

Анна недоумённо посмотрела на неё.

— Откуда ты его знаешь?

Светлана опустила глаза.

— Видишь ли, Игорь Семёнович Смирнов был преподавателем кафедры иностранной литературы в моём университете. Но всем было известно о его связях с КГБ. Когда ты родилась и когда стало известно, кто отец ребёнка, казалось, весь ад сорвался с цепи и обрушился на меня. Меня уже не оставляли на кафедре, выгнали из общежития, почти уже исключили из университета.

— Но какую роль во всём этом играл Смирнов? — не понимала Анна.

— Игорь Смирнов думал, что сделает мне великое одолжение, если я стану его женой, — тихо сказала Светлана. — Когда я отказала ему, тогда всё и началось. Только... только я думала, что на этом наши с ним пути навсегда разошлись. Оказывается, я ошибалась. Он не забыл и не простил. Он пытался разрушить меня, потом Андрея, а потом тебя, Анна! Ведь именно он послал тебя в Рим, так?

— Так, — признала Анна.

Теперь она начинала видеть большую картину. Впрочем, Анне казалось, что она понимала нечто большее, чем нечистые дела серого полковника и борьбу за власть, которую вели хранители. Нет, она не была больше пешкой в их игре — она вышла из игры и теперь будет жить по другим правилам и законам. И за этим чудесным исходом она явственно видела почерк Божественного Мастера.

— Когда мне удалось узнать, что Анна работает на секретную службу, — продолжил свои откровения «Ганс Христиан», — я понял, что вступить с ней в контакт в Москве не представляется возможным: она была со всех сторон под наблюдением. Оставалось одно, неизбежное, чего я так боялся, — встретиться со Светой.

Анна вздрогнула и посмотрела на мать. Светлана улыбнулась.

— Три месяца назад, — сказала она, и слёзы заблестели на её глазах, — он свалился мне на голову, как снег.

— Ты узнала его? — прошептала Анна.

— Сразу же, — кивнула Светлана.

— И простила?

— Давно уже, — улыбнулась она. — Не могла же я все эти годы жить, не простив?..

День прошёл в разговорах, прогулках по берегу и саду. Они купались в тёплой морской воде, бегали по пляжу, наслаждались охлаждёнными фруктами и старались привыкнуть к реальности происходящего — и прежде всего к тому, что были живы. Ближе к вечеру, когда их волнение немного улеглось и когда дневная жара начала уступать место вечерней прохладе, Анна отправилась в сопровождении Адриана побродить по берегу.

Солнце склонялось к западу, и его уже не было видно за высокими деревьями прибрежных садов. Они долгое время шли молча, по самой кромке моря, вслушиваясь в шум прибоя и шарканье своих босых ног по влажному песку. Вокруг было пустынно, большая часть прибрежных вилл пустовала — было начало мёртвого сезона.

— Скажи мне, Адриан, — попросила Анна, загребая босыми ногами воду от набежавшей тёплой волны. — Как всё теперь у нас будет? Какой сложится наша жизнь?

— Такой, какой мы захотим её сделать, — отозвался он. — Почему бы не воспользоваться традиционной концовкой — «и они жили после этого долго и счастливо»?

— Я думала, такие концовки существуют только в сказках, — улыбнулась Анна.

— А то, что с нами произошло, — разве это не сказка со счастливым концом?

Она должна была признать, что всё происшедшее с ними действительно походило на сказку. Анна взглядела в даль — туда, где тёмное море сливалось с горизонтом. Небо тоже чернело, покрывалось тучами, и видно было, как мелькают вдали многочисленные тонкие ниточки ярких молний. Но звука грома ещё не было слышно. Анна почему-то подумала о той рыжей девушке, которая несколько дней назад должна была умереть в подземелье. Анне стало её очень жаль, как будто это была её сестра и она умерла вместо неё в том страшном подземном капище.

А ещё она вспомнила Сикстинскую капеллу и представленную в ней сцену суда. Она начинала постепенно постигать один из центральных постулатов христианства — справедливый суд, ожидающий всех без исключения. Верить в это было утешением для Анны — она знала, что добро будет вознаграждено, а зло наказано. Если не в скором уже времени, то на Суде. Ей стало легче от этой мысли.

— Как ты думаешь, — спросила она Адриана. — Людям может быть известно что-то о Боге? Кроме того, что Он есть?

— Я всегда считал, — ответил Адриан, глядя на темнеющее море, — что христианский Бог и

вся история, связанная с Иисусом, как она изложена в Евангелиях, — всё это хорошо, только уж слишком хорошо, чтобы быть правдой. Уж не потому ли христианство и одели во все эти одежды древних богов, что оно было слишком хорошо — само по себе, в простоте и неизбежности своей истории... После нашей подземной прогулки я полагаю, что если стоит в этом мире чему-либо вообще верить — так это простой и честной истории Иисуса из Назарета.

Анна наступила на что-то твёрдое и скользкое и посмотрела под ноги. Это был кусок дерева, ветки — тёплый, отшлифованный до белизны солёной морской водой. В подземелье она часто наступала на сухие кости, которые крошились у неё под ногами. Теперь всё вокруг неё было полно мира, жизни, тепла — даже эта ветка.

Анна ещё раз огляделась — берег был совсем пустынным, и гроза, сверкавшая над морем, постепенно приближалась. Становились слышны вдали раскаты грома.

— Наверное, нам пора идти домой, — заметил Адриан.

— Давай присядем на минутку, — попросила она.

Они сели на прохладный песок, и Адриан обнял её, прижал к себе. Они глядели в бескрайнее море, залитое огнями молний. Волны шумели всё сильнее и закатывались всё дальше на берег, омывая их ступни и сразу же отступая назад, растворяясь в белёсом, как сахар, чистом песке. Несколько нечаянных, маленьких капель дождя донесли до них, освежая лица. Анне было хорошо. Всё в этом мире находилось под Чьим-то незримым контролем, всевидящим Оком. Тот Бог, Который вывел их из подземелья, был сейчас рядом с ними, на берегу вечернего моря. Мир был Его большим домом, и всё теперь в этом доме напоминало ей о Нём. Гроза приближалась, но их она совсем не страшила.

Эпилог

Подавляющее большинство людей легче покупаются на большую ложь, чем на ложь маленькую.

Адольф Гитлер. «Mein Kampf»

2007, 10 октября, орбита планеты Земля

Бесшумно скользя на высоте четырёхсот тридцати километров над поверхностью Земли, космическая станция «Вавилон-2» улавливала своими гигантскими антеннами, словно рыболовной сетью, бесчисленные потоки информации. Некоторая из этой информации анализировалась специалистами на борту корабля, другая рассылалась в различные учреждения для дальнейшей обработки. Космический корабль являлся центром управления, командным пунктом, круглосуточно работающим над самым амбициозным проектом, предпринятым человечеством со времени строительства Вавилонской башни.

Рано утром, в пять часов тридцать две минуты по римскому времени, молодой человек с несколько женственной наружностью, служащий личным секретарём Его Высокосвященства Господина Хранителя, после некоторых колебаний поднял трубку телефона в своём однокомнатном номере на борту станции и нажал красную кнопку, вызывая на связь Самого.

— Прошу прощения за столь ранний звонок, Ваше Высокосвященство, — начал он, услышав

тяжёлое дыхание на другом конце провода. — Господин Мартынон, шеф секретной полиции, только что связался со станцией. Он говорит, что у него для вас есть срочные известия.

— Что за известия? — раздражённо спросил Хранитель.

— Он говорит, что у него есть какая-то новая информация о профессоре Фера.

— Новая информация? Он что, не знает, что профессор Фера мёртв и похоронен?

Молодой человек на мгновение замешкался.

— Он говорит, что, возможно, профессор Фера жив и на свободе.

На несколько секунд в трубке воцарилось молчание.

— Что он ещё говорит?

— Он говорит, что римская полиция арестовала какого-то мелкого торговца наркотиками, продававшего марихуану американским туристам, — ответил секретарь. — Во время обыска в его квартире обнаружили вещи, принадлежащие профессору Фера. Наш человек в полиции связался с адвокатами, которые, под видом полицейских, допросили арестованного и выяснили, что четыре дня назад профессор Фера пришёл к нему с какой-то рыжеволосой женщиной...

— Соедини меня с Мартыноном, — перебил его Хранитель.

— Слушаюсь, ваше Высокосвященство, — услужливо ответил молодой голос.

Его Высокосвященство Господин Хранитель нажал на кнопку, и кровать, на которой он лежал в своём кабинете, превратилась в удобное кресло, переводя его тело в вертикальное положение. Впрочем, здесь, в космосе, вертикаль и горизонталь были всего лишь ещё одной условностью, привнесённой сюда с Земли.

Через секунду одна из сцен Страшного Суда на противоположной от него стене потускнела, и вместо измученных, искажённых страхом лиц грешников появилось встревоженное лицо лысеющего толстяка лет пятидесяти — начальника секретной полиции адвоката, господина Мартынона.

— Доброе утро, ваше Высокосвященство, — начал он заискивающим голосом. Видно было, что он вглядывается в экран, стараясь увидеть Господина Хранителя, прочитать выражение его лица. Но Господин Хранитель предпочёл оставаться невидимым. — Я очень извиняюсь за такой ранний звонок...

— Это подтверждённая информация? — прервал его Хранитель.

— Боюсь, ваше Высокосвященство, это действительно так, — смущённо ответил толстяк, как будто он лично был виновен в том, что эти мужчина и женщина всё ещё были живы.

— Что вы обнаружили? — жёстко спросил голос Хранителя.

— В квартире, если это можно назвать квартирой, где живёт задержанный полицией человек, обнаружили одежду, принадлежащую мужчине и женщине. Наш ДНК-тест показал, что эта одежда принадлежала профессору Фера и его спутнице Анне Грин. Кроме того, — продолжил шеф полиции, — спектральный анализ обнаружил на одежде профессора следы золота, причём сплавы разные, но явно старинные, не современные.

— Золото?

— По всей видимости, средневековые монеты и золотые украшения, — поспешно добавил

господин Мартынон, вытирая запотевшую от волнения лысину.

Хранитель какое-то время помедлил, потом спросил:

— Что говорит этот человек?

— Он сообщил, что четыре дня назад Адриан Фера появился в его квартире — около пяти часов утра. Взял одежду, которая осталась от его прежней подруги, венгерской проститутки, — той, что мы устранили два года назад. Затем снова ушёл, и пришёл, неся на руках рыжеволосую женщину. Адриан Фера дал ему денег и послал в отель. Про золото он, похоже, ничего не знает.

— Что ему сказал Фера? — спросил Хранитель.

— Он сказал, что знает, кто убил Роберту, — смущённо ответил начальник полиции. — Похоже, именно это и убедило его предоставить свою комнату в распоряжение профессора Фера.

— Куда они пошли?

— Мы ведём активные поиски. Предприняли все возможные меры, ваше Высокосвященство. Объявлен режим «Вакуум», ведётся усиленная проверка в аэропортах и на дорогах. Анализируются данные видео- и фотосъёмки всех камер слежения в Риме за последние пять дней.

— Что-то ещё? — спросил Хранитель после некоторой паузы.

— Больше пока ничего важного, — ответил шеф полиции. — Разве что... В комнате этого наркоторговца мы нашли листок бумаги — купон на пиццу, с номерами, написанными рукой Анны Грин.

— Номерами? Номерами телефонов? Она что, оставила вам свой номер, по которому вы можете с ними связаться? — в голосе Хранителя слышались нетерпение и раздражение.

Начальник полиции достал из папки купон и развернул к Хранителю.

— Вот этот листок, ваше Высокосвященство, — сказал он, демонстрируя в Космос бумагу с двумя рядами букв и цифр.

В эфире воцарилась тишина. Пауза была такой долгой, что шеф полиции начал заметно нервничать.

— Вы здесь, ваше Высокосвященство? — спросил он, платком отирая со лба и лысины выступивший пот.

— Сколько вам понадобится времени, чтобы найти этих людей? — раздался наконец голос Хранителя.

— Мы делаем всё, что в наших силах, ваше Высокосвященство, — поспешно ответил господин Мартынон. — Надеюсь, уже через несколько часов у нас будут результаты.

— Я скажу тебе точно, какими должны быть эти результаты, — голос Хранителя никогда ещё не звучал так жёстко. — Вы найдёте этих людей и доставите ко мне живыми. Это единственный результат, который меня устроит. Займитесь этими двумя вы лично.

— Конечно, ваше Высокосвященство...

— Помни, — прервал его Хранитель. — Они выбрались из лабиринта. Этот дуэт оказался

гораздо опаснее, чем мы могли предполагать. Найдите их, даже если они будут сидеть в жёлтой подводной лодке на дне океана. И информируйте меня обо всех деталях поиска.

— Слушаюсь, ваше Высокосвященство.

— И ещё, — добавил грозный голос Хранителя. — Срочно пошли зондеркоманду в лабиринт. Проследите путь, которым шли эти двое. Найдите, как они выбрались. Обо всём, что будет обнаружено в лабиринте, тотчас сообщать мне. Всё хранить в глубочайшей тайне. Отвечаешь за это своей головой.

— Конечно, ваше Высокосвященство, — побледнел начальник полиции.

Хранитель нажал кнопку, и испуганное лицо шефа полиции исчезло, а на стене вновь проступили краски и фигуры Страшного Суда. Там, где ещё несколько секунд назад нервно дёргалось лицо шефа полиции, теперь проявилось другое лицо — одного из предков Хранителя, папского казначея, которого Микеланджело поместил вместе с обречёнными на гибель.

Хранитель выключил гравитационное поле своего кресла, и его тело свободно поплыло в воздухе. Он в детстве летал во сне, а потом утратил эту способность. Но заново обрёл её здесь, на борту «Вавилона-2» — своего детища. Когда-то вавилоняне хотели построить башню такой высоты, чтобы в ней было возможно укрыться от Божьего наказания — потопа, если бы Господь решил повторить Всемирный потоп. Но они никогда и не мечтали подняться так высоко... Хранитель проплыл мимо фигуры Иисуса Христа, которая без одежды походила на скульптуру царя Давида. «Микеланджело был больше скульптор, чем художник», — привычно подумал он. Минувя сцену Страшного Суда, он проделал путь к большому иллюминатору.

Внизу, на Земле, была ночь, но кругом видны были расплывающиеся пятна света — это светились в ночи города. Загрязнённый воздух над ними преломлял огни в мыслимые и немыслимые цвета: в одних местах голубовато-зелёные, в других — красные, иногда фиолетовые. Он задержал взгляд на самом большом пятне света — желтовато-оранжевом. Хранитель сразу же узнал — это был Лас-Вегас, самое яркое пятно на ночной планете.

Он смотрел и смотрел на проплывавшую под ним тёмную планету, почти уже покорённую его воле. Он вспоминал тот далёкий сентябрь 1944 года, когда перед ним, четырнадцатилетним гитлер-юнге, отправленным в Рим из пылающей Нормандии, пробегали один за другим разрушенные города Европы. Ещё совсем недавно он был «сыном полка», любимцем бригадефюрера СС Курта Майера — «Панцермайера», как его называли, — которого он боготворил и который в свои тридцать три года стал самым молодым командиром дивизии не только в танковых войсках «Ваффен-СС», но и во всех вооружённых силах Третьего Рейха. Если бы не Курт Майер, в начале 1944 года приметивший и приблизивший способного паренька из «Дойчес Юнгфольк», сына погибшего на Восточном фронте друга Майера — оберштурмбаннфюрера барона Джулиано Паолини, — неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба. А тогда молодой штандартенфюрер, командир 25-го панцер-гренадерского полка 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд», в нарушение всех правил (говорят, даже просил за него у самого рейхсфюрера!), взял его к себе в штаб, чувствуя в нём недюжинные таланты и перспективы. А затем, уже этим летом, перевёл в штаб дивизии, командиром которой был назначен. И вот, несколько дней назад, в начале сентября, вырвавшись с остатками разгромленной дивизии из Фалезского котла, сумел тайными тропами отослать «маленького гитлер-юнге» в сопровождении 24-летнего унтерштурмфюрера Эрика Крааса, внучатого племянника кардинала Адольфа Бертрама, архиепископа Бреслау, в Ватикан, потому что бельгийские партизаны преследовали разбитых панцер-гренадеров по пятам, да и были у бригадефюрера некоторые личные планы по налаживанию связей со Святым Престолом. С Краасом, как потом узнал будущий Хранитель,

бригадефюрер отправил в Ватикан не только его, но и некоторые ценные экспонаты из хорошенько пропотрошённых бельгийских и голландских музеев...

В том поезде, чудом уцелев и вырвавшись из окружения, он поклялся, что однажды совершит то, чего не удалось сделать молодому блестящему бригадефюреру, — станет новым Александром Великим, завоевателем мира. И гитлер-юнге не зря прожил свою жизнь!

Теперь у него была одна мечта, одно заветное желание, с новой силой нахлынувшее на него при виде таинственных рядов цифр. Он знал, откуда списаны эти цифры, и сердце готово было вырваться из его груди.

«Это должно было произойти, — думал он, вглядываясь в спящую планету. — Да, она должна была потеряться и вновь найтись. Она будет моей, будет очень скоро, и я обрету силу венчать царей земных. И тот порядок, о котором мечтали, к которому стремились поколения хранителей древних вавилонских мистерий, придёт скоро на землю. К тридцати трём годам мой сын достигнет не в пример большего, чем то, о чём Курт Майер мог лишь мечтать».

И ещё одна мысль кружила его убелённую сединой голову: он будет более щедр к своему сыну, чем Бог Отец к Своему. Вместо тернового венца он, Хранитель, возложит на голову сына тройную корону мира!